

801-15
1134

ИСТОРІЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

ВЪ ГЕРМАНИИ
ПО ЛѢТОПИСЯМЪ И РАЗСКАЗАМЪ ОЧЕВИДЦЕВЪ.

Д-ра В. ЦИММЕРМАНА.

ПЕРЕВОДЪ СО 2-ГО ИСПРАВЛЕННАГО ИЗДАНІЯ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

П. ТКАЧЕВА.

ТОМЪ II.

Изданіе редакціи журнала: „Русское Слово“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ РЮМИНА И КОМП. (Въ Боровой ул. д. № 7.)

1866.

ИСТОРИЯ
КРЫМЛЯ И ВОЙНЫ

ПО УДОБСТВУ И РАЗСЛАВУ ОДНОУЧЕНИИ
Д-ра Н. И. ПЕТЕРСОНА

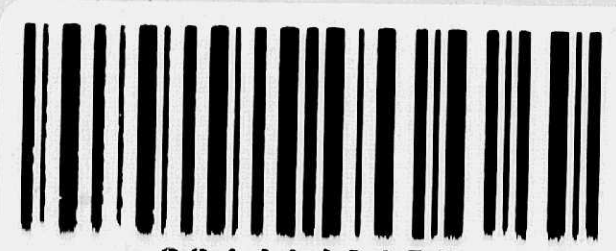
ПЕРЕВОДЪ СО 2-ГО ИЗДАВАНІЯ

ПОД РЕДАКЦІЕЮ
Н. И. ПЕТЕРСОНА

ТОМЪ II

Издано въ Петербургѣ въ 1862 году

45893-0

2014142159

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Впроломство швабскаго союза относительно верхнешвабскихъ крестьянъ.

Какъ говорилъ канцлеръ Эккъ, такъ и сдѣлали: «крестьянъ задержали переговорами до тѣхъ поръ, пока собралось войско для нападенія на нихъ» *). Члены союза безпрестанно ѣздили изъ Ульма къ крестьянамъ на Ридъ, въ Альгау и на озеро; они съумѣли удержать ихъ въ бездѣйствіи, пока не миновала опасность, грозившая союзу со стороны Ульриха. Въ числѣ этихъ агентовъ былъ аббатъ Гервикъ Вейнгартенскій. Крестьянъ нельзя слишкомъ строго упрекать, что они вѣрили искренности заявленій швабскаго союза, дѣлавшаго видъ, будто онъ и въ самомъ дѣлѣ намѣренъ заступиться за нихъ: въ этомъ обманулась сначала даже противная партія, родственная союзу. Когда дѣло крестьянъ было представлено въ Ульмъ союзному совѣту, графы, прелаты и простое дворянство начали переговоры съ своими крестьянами, предлагая имъ добровольно уступить все, чего они по праву или противъ права могутъ добиться

*) Уже цитированное письмо отъ 15 февр.
вып. II.

отъ швабскаго союза. Они обѣщали облечь эти уступки въ законныя формы, написавъ и скрѣпивъ своими печатами ¹⁾.

Агенты союза особенно хлопотали о томъ, чтобы раздѣлить силы трехъ крестьянскихъ скопищъ и побудить каждое къ особому соглашенію: но усилія ихъ остались на этотъ разъ тщетны ²⁾.

Между тѣмъ крестьяне составили свои статьи, чтобы представить ихъ швабскому союзу. Уже во второе воскресенье великаго поста аббатъ Гервикъ писалъ союзу: нижеальгауское скопище, стоящее при Альтдорфѣ, дало мнѣ прочесть свои статьи; онѣ совершенно одинаковы съ статьями ридскихъ крестьянъ ³⁾.

Ульмскіе союзные совѣтники остались вѣрны своей политикѣ; они допускали крестьянъ писать статьи, вести переговоры и ждать, «пока у союза не развяжутся руки» ⁴⁾. Надо, какъ можно дольше задобривать крестьянъ словами, а тѣмъ временемъ готовиться къ сопротивленію ⁵⁾. Тогда господа, на которыхъ крестьяне особенно жаловались союзу, объявили прямо: надо прежде привести крестьянъ въ покорность, а потомъ уже и будемъ разговаривать ⁶⁾.

Швабскій союзъ имѣлъ тоже намѣреніе. Онъ приказалъ Трухзесу выступить къ Дунаю и атаковать крестьянъ.

Приказъ этотъ былъ отданъ не только до истеченія перемирія 25 марта, но даже еще до заключенія его.

Въ Штутгартѣ взбунтовались союзные солдаты. Они требовали денежной награды себѣ за то, что герцогъ не отнялъ у нихъ городъ. Трухзесъ былъ занятъ приведеніемъ въ покор-

¹⁾ Вейсенг. лѣтопись, рук.

²⁾ Вейсенфельдъ, письмо отъ 22 марта.

³⁾ Вейнгартенскій архивъ.

⁴⁾ Подлинное выраженіе аббата Гервика въ Вейнгартенскомъ архивѣ.

⁵⁾ Вейсенгорнская рукопись. Цѣлый рядъ писемъ въ штутгартскомъ государств. арх. заключаетъ въ себѣ тоже выраженіе почти безъ измѣненія.

⁶⁾ Вейнгартенскій архивъ.

ность отпавшихъ округовъ Леонберга, Бёблингена, Герренберга и Балингена; онъ хотѣлъ наказать ихъ, но прежде всего обезоружить. Узнавъ о бунтѣ солдатъ, онъ приказалъ начальникамъ ротъ выѣхать изъ города безъ солдатъ, такъ какъ солдаты не хотѣли выступать, пока не получатъ денегъ.

Командиры и знаменосцы выступили съ распущенными знаменами изъ Штутгарта въ Дагерсгеймъ, гдѣ былъ лагерь прочаго войска.

На третій день мятежные солдаты пошли за ними и покорились. Контингенты союзныхъ чиновъ стекались со всѣхъ сторонъ и шли на Урахъ, Тюбингенъ и Кирхгеймъ къ Альпу, чтобы приблизиться черезъ Альпъ въ направленіи Ульма и Эттингена къ крестьянскимъ лагерямъ, для наблюденія за крестьянами*). Но ландскнехты не хотѣли идти. Начальники ихъ «не сдержали языковъ», и между солдатами разошелся слухъ, что «дѣло затѣяно противъ крестьянъ». Они взяли оружіе и составили сходку. Отъ командировъ потребовали прямого отвѣта, противъ кого ведутъ войска, и когда тѣ отвѣчали, что противъ крестьянъ, солдаты согласились между собою не служить противъ крестьянъ, потому что крестьянское дѣло—право; милиціонеры объявили единодушно, что «не хотятъ сражаться противъ своихъ друзей, крестьянъ». Меммингенскій командиръ ушелъ съ своей милиціей. За нимъ послѣдовала аугсбургская милиція; отъ нее при войскѣ остались только знамя, начальникъ, Михаэль Фрессенмайеръ, и семеро ландскнехтовъ.

Трухзесъ Георгъ стоялъ съ рыцарствомъ еще въ Бёблингенѣ. На военномъ совѣтѣ у нихъ было рѣшено послать за ушедшими въ Зиндельфингенъ графа Фридриха-фонъ-Фюрстенберга, котораго войска очень любили, чтобы уговорить ихъ возвратиться. Графъ убѣдилъ большинство ушедшихъ вернуться въ дагерсгеймскій лагерь. Георгъ пожелалъ, чтобы

*) Зейдлеръ рукоп.

командиры собрали сходку, и сказали, что онъ прійдетъ на нее поговорить съ ландскнехтами. Командиры собрали милиціонеровъ на полѣ при Бёблингенѣ; Георгъ съ своимъ штабомъ прибылъ къ нимъ. Подлѣ него находились графъ Фридрихъ-фонъ-Фюрстенбергъ и Фрейвейнъ-фонъ-Гуттенъ. Когда все стихло, онъ началъ рѣчь: «Любезные благочестивые ландскнехты и воины! Слышалъ я, что вы не хотите идти противъ крестьянъ. Если послушать крестьянъ, подумаешь, что они стоятъ только на томъ, чтобы защитить и поддержать слово Божіе и никому не хотятъ зла, не замышляютъ никакой несправедливости. Союзъ тоже стоитъ за слово Божіе; крестьяне-же поступаютъ не такъ, какъ говорятъ; у нихъ недобрые замыслы; а что это такъ, то смотрите: они отняли у меня мое имѣніе, которое я наслѣдовалъ отъ моего государя отца, честно имъ купленное; и не только мнѣ, но и графу Фридриху-фонъ-Фюрстенбергу и брату его, графу Вильгельму, и многимъ господамъ, дворянамъ и монастырямъ нанесли обиду и ущербъ. Чтобы доказать вамъ, благочестивые ландскнехты, что я не затѣваю чего нибудь несправедливаго, я полагаюсь на васъ, чтобы вы сами рѣшили; какъ вы скажете, такъ я и сдѣлаю. Вы увидите, что дурного никто ничего не предпринимаетъ. Поэтому кто хочетъ помочь мнѣ въ моемъ справедливомъ предпріятіи и идти со мной противъ крестьянъ, тотъ подыми руку».

Глубокое молчаніе. Поднялось рукъ пятнадцать—почти все командиры. Смущенный Трухзесъ сказалъ, что кто не хочетъ служить ему, тотъ пусть уходитъ; но пусть они еще подумаютъ; если дворянство и конница покинутъ ихъ, они погибнутъ. Высокородное-же дворянство Богъ не покинетъ, объ этомъ имъ надо подумать, а онъ поѣдетъ въ Бёблингенъ. Съ этимъ и разстались.

Михаэль Фрессенмайеръ, командиръ аугсбургской милиціи, уговорилъ сначала свой отрядъ; милиціонеры согласились не отказываться отъ похода, но идти, куда поведутъ. Примѣру аугсбургскаго знамени послѣдовали и другіе отряды, послу-

шавъ увѣщаній своихъ начальниковъ. Не послушались только Констанцы, которые ушли домой, всѣ до послѣдняго, кромѣ командира и знаменосца. Всѣ отряды милиціи послали выборныхъ: офицера маркграфа Казимира Бранденбургскаго, Йорка Перленфейна, и трухзесова герольда, Ганса Луца аугсбургскаго, къ Трухзесу, «какъ двухъ посланниковъ отъ простыхъ милиціонеровъ къ господину Георгу и высокородному рыцарству съ изъявленіемъ готовности ихъ служить противъ крестьянъ и противъ дьявола, какъ подобаетъ благочестивымъ воинамъ». Трухзесъ принялъ ихъ милостиво и сказалъ, что поступить, какъ благочестивый господинъ и будетъ вездѣ передъ врагомъ первымъ, а не послѣднимъ.

Такимъ образомъ всѣ войска выступили изъ обоихъ лагерей при Дагерсгеймѣ и при Бёблингенѣ и двинулись къ Кирхгейму на Текѣ, гдѣ были прочитаны статьи военнаго кодекса и принесена присяга знаменамъ. Въ Кирхгеймѣ между нѣкоторыми полками снова обнаружился духъ неповиновенія. Конные ландскнехты рыцаря Вольфа Гремлиха воспротивились идти противъ крестьянъ; отрядъ Ганса Мюллера однорукаго также отказался присягнуть. Рыцарь Вольфъ Гремлихъ и главный начальникъ ландскнехтовъ Гансъ Мюллеръ остались здѣсь, а Трухзесъ съ остальными войсками пошелъ къ Ульму, оставивъ для защиты Виртемберга Рудольфа-фонъ-Эгингена. Трухзесъ хотѣлъ поставить всю союзную конницу на два дня и двѣ ночи на квартиры въ Ульмѣ; но совѣтъ города воспротивился этому и впустилъ только 400 пѣхотинцевъ, и то городскихъ. Ульмскіе цехи хотя вели себя мирно, но были расположены въ пользу крестьянъ. Они продавали имъ панцири и оружіе, и рисовали имъ знамена; слышались перѣдко рѣчи, казавшіяся союзнымъ чинамъ неприличными. Ульмскій совѣтъ объявилъ, правда, союзнымъ чинамъ, что не думаетъ, чтобы простой народъ могъ замышлять какое-нибудь незаконное дѣло; но не смотря на такое заявленіе, совѣтъ боялся, что община возстанетъ и выгонитъ господъ изъ города.

Главы и совѣтники союза провели въ Ульмѣ четыре дня въ

совѣщаніяхъ о военныхъ дѣйствіяхъ противъ крестьянъ. Многие изъ союзныхъ дворянъ, въ томъ числѣ и князь аббатъ кемптенскій, еще съ самаго начала переговоровъ начали открыто готовиться къ непріязненнымъ дѣйствіямъ; а теперь и союзъ не поколебался объявить, хотя еще продолжалъ вести переговоры, что «рѣшился съ божьей помощью, силою принудить крестьянъ къ тому, на что они не согласятся добровольно» *). Однако, несмотря на презрѣніе многихъ членовъ союза къ крестьянамъ, союзные совѣтники считали борьбу съ ними дѣломъ не шуточнымъ. Союзный предводитель, аугсбургскій бургомистръ, Ульрихъ Арцтъ, писалъ слѣдующее: Если хотятъ избѣжать позора, стыда и ущерба, то нужно собрать больше силъ, чѣмъ теперь. Поэтому, по его предложенію, союзъ приказалъ какъ можно скорѣе собрать и третью треть контингентовъ, хотя первая и вторая трети были только-что выставлены; но, эту третью треть онъ потребовалъ деньгами, такъ какъ только съ иностранными войсками можно было достигъ желаемыхъ результатовъ **). Такимъ образомъ союзъ собралъ въ послѣдніе дни большія суммы, хотя нѣкоторые вольные города не очень-то торопились вносить деньги, и Ульриху Арцту приходилось неоднократно увѣщевать ихъ, то тотъ, то другой, представляя имъ, что они лишатся животовъ и имущества, если не внесутъ безъ замедленія слѣдующихъ съ нихъ денегъ; откладывать нельзя ни одного часа, потому что положеніе дѣла слишкомъ грозно ***). Имѣя въ перспективѣ много денегъ и наемныхъ солдатъ, господа шли самоуверенно впередъ. Трухзесу пришла въ голову мысль, которая могла-бы быстро доставить союзной кассѣ огромныя суммы. Онъ предложилъ для удобства военныхъ дѣйствій совершенно запретить войскамъ грабежъ и мародерство, такъ какъ черезъ это отряды нерѣдко разбѣгаются, и было проиграно

*) Ульмскій архивъ.

**) Письма Ульриха Арцта въ ульмскомъ архивѣ.

***) Акты новаго порядка въ Ульмѣ.

не одно сраженіе; вмѣсто того слѣдовало назначить двухъ общихъ сборщиковъ контрибуцій (Brandmeister), которые собирали-бы контрибуціи со всѣхъ занимаемыхъ мѣстъ; двѣ трети собираемыхъ ими суммъ шли-бы въ союзную кассу, а одна треть отдавалась-бы войску вмѣсто добычи. Такъ какъ по всей вѣроятности цѣлыя тысячи мѣстечекъ будутъ заняты и обложены контрибуціей, и считая круглымъ числомъ только по 300 флор. съ cadaго, легко можно было собрать контрибуціями миллионъ. Но этотъ планъ не понравился нѣкоторымъ ученымъ: «Они взглянули на это иначе, потому что учились въ высшихъ школахъ» *).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Открытіе военныхъ дѣйствій.

Крестьяне довѣрчиво дожидали какого-нибудь прока отъ переговоровъ. Но наконецъ вооруженія Трухзеса и его рѣчи въ Зиндельфингенѣ, переданныя имъ перебѣжчиками изъ ландскнехтовъ, чрезвычайныя военныя приготовленія союза и высокомерный тонъ господа при переговорахъ съ крестьянскими депутатами, при чемъ господа требовали безусловной покорности—все это показало крестьянамъ, къ чему клонится дѣло. Тогда сердца поселянъ ожесточились; довѣрчивость ихъ обратилась въ ярость, и настало удобное время для дѣятельности агитаторовъ, которыхъ доселѣ держали въ тѣни люди умѣренные, предпочитавшіе искать облегченія отъ ига угнетавшаго народъ, путемъ соглашеній или судомъ.

*) Зейдлеръ, рукоп.

Окрестности Ульма воспламенились первыя. Отсюда пламя быстро распространилось вверхъ до истоковъ Дуная; всѣ крестьяне вооружились, и началась распря между ними и тройственнымъ союзомъ ихъ тирановъ—господами въ замкахъ, духовенствомъ въ монастыряхъ и городской аристократіею. Дымящіяся развалины дворянскихъ резиденцій и ограбленные монастыри возвѣстили вскорѣ, что рабы свергли съ себя цѣпи гнета и возстали, чтобы кровью разсчитаться за тысячекратное иго и за коварство, съ которымъ пользовались ихъ довѣрчивостью въ послѣдніе дни.

Однако люди рѣшительные имѣли и теперь за себя только большинство крестьянъ, а не всѣхъ; во все продолженіе войны всюду замѣтно колебаніе; волны событій возвышаютъ на время то ту, то другую партію, нынче перевѣсъ за умѣренными, завтра за агитаторами, затѣмъ за террористами, а тамъ снова за умѣренными. Въ сердцахъ массъ недовѣріе и довѣріе быстро смѣняются другъ друга; онѣ то всѣхъ подозрѣваютъ, даже собственныхъ вождей, то снова позволяютъ господамъ надувать и водить себя за носъ; не смотря на столько поводовъ не довѣрять господамъ, онѣ снова вѣрятъ имъ и ихъ обѣщаніямъ.

Между крестьянами всегда существовали двѣ партіи: партія мира и партія войны. Многіе даже не охотно пришли въ лагерь и оставались въ немъ противъ воли. Другіе, явившіеся по доброй волѣ, лишились потомъ энергіи и мужества, и не мало было такихъ, которые искали только случая, чтобы по добру, по здорову выпутаться изъ дѣла *). Наконецъ нѣкоторые пристали къ возстанію только изъ страха.

Къ числу людей, желавшихъ во что бы то ни стало войны, принадлежали разумѣется ландскнехты, приставшіе къ крестьянамъ; они крѣпко стояли за мужиковъ, т. е. за возстаніе, потому что такое движеніе обѣщало много добычи. Впрочемъ было много ландскнехтовъ, державшихъ сторону крестьянъ по ис-

*) Донесеніе Вейсенфельдца отъ 20 марта.

кренному убѣжденію; особенно многіе изъ нихъ ненавидѣли аббатовъ. Наименѣе расположены были въ пользу войны, кромѣ вовлеченныхъ въ возстаніе насильно, люди очень богатые. Хозяйственные дѣла призывали ихъ домой. Многіе считали также силы крестьянъ слишкомъ слабыми для борьбы съ господами и не надѣялись на благопріятный исходъ войны.

Военныя силы крестьянъ были въ этой войнѣ весьма различны. Крестьяне верхней Швабіи были приучены къ оружію съ дѣтства и вооружены панцырями и копьями, особенно альгаусцы. Многіе изъ нихъ служили въ войскахъ. Хуже вооружены и менѣе привычны къ военному дѣлу были шварцвальденцы. Первымъ сборомъ былъ призванъ въ лагерь четвертый человекъ, по жребію. Кто не хотѣлъ идти самъ, могъ поставить за себя другого за пятнадцать крейцеровъ еженедѣльнаго жалованья. Затѣмъ уже былъ сдѣланъ второй сборъ, и въ лагери былъ призванъ третій человекъ съ оружіемъ и припасами; откупаться уже приходилось за двадцать крейцеровъ въ недѣлю. Но былъ недостатокъ въ порохѣ *). Не было также тяжелой артиллеріи. Особенно же ощутителенъ былъ недостатокъ въ конницѣ, которая на оборотъ составляла главную силу непріятеля. Притомъ многочисленныя скопища не могли долго стоять въ лагеряхъ по недостатку продовольствія **). Военная подать, которую крестьяне сами на себя наложили, была недостаточна и вносила слишкомъ неправильно, чтобы можно было нанять на нее хорошихъ ловкихъ солдатъ. Въ нѣкоторыхъ лагеряхъ, какъ напр. въ лейпгеймскомъ и бальтрингенскомъ, уже въ послѣдніе дни марта сдѣлался ощутителенъ недостатокъ въ продовольствіи. Это была достаточная причина для простаго народа сильно «желать мира» ***).

*) Такъ напр. у Лейпгеймскаго скопища. Доклады баварскихъ военачальниковъ въ Мюнхенѣ.

**) Письмо канцлера Эйка отъ 12 апрѣля.

***) Письмо герцога Людвигъ Баварскаго отъ 26 апрѣля. Письма швабскаго союза отъ 5 и 7 апрѣля.

Шварцвальденцы наняли много ландскнехтовъ, но они вели себя плохо. Крестьяне терпѣли отъ нихъ, и это обстоятельство склоняло ихъ къ примиренію съ господами. «Они давно сдѣлали бы это, писалъ командиръ фонъ-Вальфштейнъ, если бы солдаты не держали ихъ въ страхѣ; а солдаты ищутъ только своей выгоды; имъ до простого народа дѣла нѣтъ; такіе негодяи всегда такъ поступаютъ» *).

Но надувательство, которому подверглись крестьяне, сильно ожесточило даже умѣренныхъ, и оно-то дало перевѣсъ крайнимъ.

Теперь настало время дѣйствовать силою. Такъ дѣло шло повсюду. Всюду стремленія крестьянъ были сперва далеко не радикальны, но очень скромны и справедливы, по мнѣнію даже многихъ дворянъ, которые были честнѣе другихъ. Но всюду, съ самаго же начала, были и такіе люди, которые не хотѣли терпѣть никакихъ обязанностей, стремились свергнуть всякое бремя, истребить всѣхъ господъ и быть свободными, какъ швейцарцы. Въ большей части мѣстностей, крестьяне желали лишь ограниченія правъ помѣщиковъ и отмѣны признанныхъ злоупотребленій; таково было настроеніе крестьянъ въ Кемптенѣ, въ бамбергской области и въ зальцбургской. Крестьяне верхней Швабіи еще въ серединѣ марта, кажется, и не помышляли о республикѣ; они думали лишь объ «избраніи римскаго короля» въ ихъ духѣ, вѣроятно Фридриха Саксонскаго **). Агитаторы также были не согласны между собою въ своихъ видахъ. Одни хотѣли единой германской имперіи съ единымъ главою; съ этой цѣлью они стремились къ ниспроверженію всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ государей. Свобода евангелія была цѣлью ихъ. Другіе, болѣе умѣренные, желали лишь ниспроверженія духовныхъ властителей и свободныхъ госу-

*) Письмо Вольфштейна отъ 13 апрѣля.

**) Мы съ умѣемъ сдѣлать римскаго короля, говорили они. Ихъ кто-то очень обнадеживаетъ; не знаю только, кто. Письмо Вейсенфельда герцогу Вильгельму отъ 12 марта.

дарственныхъ учрежденій подъ властью свѣтскихъ. Третіи хотѣли перебить всѣхъ господъ и подѣлить имущества ихъ.

Послѣ обмана господъ, даже благоразумные верхне-швабы, желавшіе вначалѣ лишь возстановленія своихъ древнихъ правъ, начали считать справедливейшимъ послѣднее мнѣніе; оно было принято даже тѣми, кто еще вчера думалъ лишь о томъ, чтобы не платить десятину и приобрести свободу религіи. Такимъ образомъ и верхняя Швабія была увлечена въ революцію, въ пользу которой другіе уже давно работали и которая готова была вспыхнуть.

Люди, никогда ничего хорошаго отъ господъ не ждавшіе, хлопотали еще во время переговоровъ о расширеніи и усиленіи народнаго союза, на сколько то было для нихъ возможно. Теперь тѣже люди старались найти средства для веденія борьбы и организовать ее.

Прежде всего всюду, гдѣ могли, они старались удалить тѣхъ, которые, имѣя возможность особенно вліять на умы простого народа, какъ напр. приходскіе священники, не сочувствовали направленію новаго ученія. Крестьяне во многихъ мѣстахъ приходили толпами къ священникамъ и объявляли имъ, что начальники ихъ рѣшили и положили удалить ихъ изъ приходовъ, если они не будутъ проповѣдывать. Слово Божіе яснѣе и ближе къ тексту, безъ всякихъ человѣческихъ дополненій и толкованій *).

Въ виду богатыхъ средствъ швабскаго союза, люди, руководившіе народнымъ движеніемъ, рѣшились открыть себѣ также источники денежныхъ средствъ; съ этою цѣлью они положили брать изъ церквей золотую и серебряную утварь и обращать ее въ монету на военные расходы; наличныя деньги было рѣшено отбирать у церквей, а также обращать въ деньги всѣ общинныя имущества деревень **). Они надѣялись также получить много денегъ отъ секуляризаціи, или соб-

*) Донесеніе Никласа Томана, рукоп. въ коллекціи Шмида.

**) Тамъ же.

ственно говоря и по ихъ же выраженію, отъ уничтоженія монастырей и другихъ духовныхъ владѣній. Такъ какъ враждебныя намѣренія швабскаго союза стали уже очевидны, то всѣ три сконища собрали общую большую сходку въ Іейсбейренѣ *).

Съ послѣднихъ дней марта и первыхъ апрѣля крестьяне возстали всюду, не только въ верхней Швабіи, въ долинѣ Инна, на Шварцвальдѣ, въ Бреслау и Эльзасѣ, но и за Ульмомъ, возстаніе, съ быстротою молніи распространилось въ мѣстностяхъ между рѣками Верницемъ, Якстомъ и Кохеромъ съ одной стороны, за Уерезгеймъ Бенфингенъ, Нердлингенъ, Эльвангенъ, Эттингенъ, Диккельсбюль, Крайльсгеймъ съ другой; въ тоже время, оно приникло въ Оденвальдъ и Рейнгау, въ самое сердце Франконіи и разлилось по всему Тюрингенскому лѣсу, гдѣ Томасъ Мюнцеръ разжигалъ самое сильное пламя мятежа, которое наконецъ охватило громадную мѣстность.

Въ Южной Германіи вооруженное движеніе народа началось почти въ одинъ и тотъ-же день на двѣнадцати пунктахъ, весьма отдаленныхъ другъ отъ друга. Въ одно и тоже время, въ первые дни весны возстаютъ Тирольтцы, Гансъ Мюллеръ бульгенбахскій начинаетъ борьбу на Шварцвальдѣ и въ Бреслау; крестьянскія скопища при озерѣ Вальгау, на Ридѣ и вновь собравшееся Лейпгеймское готовятся къ нападенію; крестьяне, предводимые своими вождями, поднимаютъ оружіе на Виртенбергскомъ Альпѣ, во владѣніи города Гейльбронна и Тевтонскаго ордена; вспыхиваетъ всеобщее возстаніе на Тауберѣ; Георгъ Мецнеръ во главѣ крестьянскаго войска, выступаетъ изъ Оденвенда; Вандельгиплеръ открываетъ военныя дѣйствія во владѣніяхъ Гогенлое и наконецъ Мюнцеръ обножаетъ республиканскій мечъ въ Мильгаузенѣ.

На сходкахъ господствуетъ теперь совсѣмъ иной духъ. Почти во всѣхъ общинахъ радикальная партія получаетъ пре-

*) Разсказъ очевидца войны швабскаго союза.

обладаніе, и первыми возстаютъ тѣ селенія, которыя позднѣе другихъ испытали обиды и угрозы со стороны господъ.

Всю послѣднюю недѣлю марта, отъ озера до вершинъ Шварцвальда и по всему теченію Дуная, до Гюнцбурга за Ульмомъ не умолкали звуки набатнаго колокола и сигнальных рожковъ, призывавшихъ крестьянъ къ сбору; всѣ лагеря наполнились вооруженнымъ народомъ и еще за нѣсколько дней до Благовѣщенія, Липгеймъ на Дунаѣ обратился въ обширный крестьянскій станъ, полный воинственнаго шума. Владѣтели, крестьяне которыхъ еще колебались, старались удержать ихъ отъ возстанія всевозможными уступками и обѣщаніями, такъ напр. поступилъ аббатъ Іодокъ Роггенбургскій: какъ только крестьяне его начали жаловаться, онъ уѣхалъ въ Ульмъ. Крестьяне однако вели себя смирно и ждали рѣшенія союзныхъ совѣтниковъ, надѣясь, что они облегчатъ ихъ положеніе, по справедливости или хоть изъ милости. Такое мирное настроеніе ихъ умовъ придавало аббату храбрости; онъ вернулся въ монастырь и началъ обѣзжать своихъ вассаловъ, но они не стали его слушать, собрались въ Энкштетенѣ и послали тридцать выборныхъ вести мирные переговоры съ капитуломъ монастыря; капитулъ хитрилъ и хотѣлъ предоставить дѣло на рѣшеніе ульмскому совѣту, швабскому союзу или какомунибудь нейтральному городу. На это крестьяне отвѣчали, что ихъ уже довольно водили за носъ и ушли въ лейпгеймскій лагерь *).

Когда депутаты трехъ лагерей вернулись изъ Ульма съ извѣстіемъ, что переговоры разстроились, что господа требуютъ безусловной покорности и высокомерно называютъ такое требованіе «милостивою, даже излишнею уступкою» **). Когда затѣмъ пришло извѣстіе, что Трухзесъ приближается съ намѣреніемъ атаковать крестьянъ — тогда баль-

*) Рукопись Гольцварта.

**) Публикаціи Швабскаго союза.

трингенское скопище выступило изъ своего лагеря и 26 марта напало на нѣсколько замковъ.

Замки эти принадлежали тѣмъ вадѣтелямъ, которые особенно нагло обманывали крестьянъ, вели себя высокомернѣе другихъ и служили теперь въ войскѣ Трухзеса. Были разграблены Лаубгеймскій замокъ Ганса Бурггадта фонъ-Элербаха, Шмербергскій замокъ, принадлежавшій аббату Зальмансверскому и Заметингенскій самаго Трухзеса. Крестьяне взяли себѣ всю домашнюю утварь, вино и съѣстные припасы, а самые зданія сожгли и разрушили до основанія. Вассалы Зальманс-Веллерскіе, хотя и потушили пожаръ замка, потому что боялись за свою деревню, но и сами они, и сосѣдніе жители Теринга ревностно содѣйствовали опустошенію господскихъ кладовыхъ и рыбныхъ садковъ; добычу они подѣлили между собой *). Затѣмъ крестьяне перешли къ замку Роттерзгаузену, принадлежавшему рыцарю Конраду фонъ-Роту; его вассалы болѣе всѣхъ усердствовали при разореніи замка. Самаго рыцаря не было дома, онъ былъ въ союзномъ войскѣ, въ замкѣ оставалось нѣсколько солдатъ; они не могли противиться крестьянамъ и потому впустили ихъ, а сами убѣжали въ подвалъ, гдѣ лежалъ порохъ. Крестьяне побѣжали за ними въ подвалъ, и кто-то нечаянно уронилъ въ порохъ горящее полѣно. Часть замка съ солдатами и крестьянами взлетѣла на воздухъ.

Эти происшествія, угрожавшія собственнымъ владѣніямъ Трухзеса, побудили его направить свои силы не противъ Лейпгейма, а сперва въ верхнюю Швабію, противъ крестьянъ, стоявшихъ на Ридѣ у Бальтрингена.

Вся союзная пѣхота двинулась къ Эрбаху, гдѣ всѣ отряды ея собрались къ 30 марта. Крестьяне стояли на правомъ берегу Дуная, а потому союзная армія, состоящая изъ 2,000 человекъ конницы и 7,800 человекъ пѣхоты съ отличной артиллеріей, хотѣла перейти рѣку съ лѣваго берега у Эхингена,

*) Зальмацвейлерск. архивъ.

но тяжелую артиллерію не могли переправить черезъ Дунай, а кавалерія, составлявшая главную силу союзнаго войска, не могла дѣйствовать въ ридскомъ округѣ. Трухзесу пришлось ограничиться посылкою за Дунай Фрейвейна, фонъ-Гтутена со стрѣлками; при Дельмензингенѣ, Гуттенъ встрѣтилъ отрядъ крестьянъ, шедшій отъ Минденъ Теля; отрядъ этотъ, называвшійся Винцерскимъ отрядомъ, отступилъ, увидя стрѣлковъ, за рѣку Ридъ и союзныя войска не могли настичь его. Затѣмъ большое Бальтрингенское скопище двинулось по теченію Риды, вверхъ къ Рисдасену, надѣясь заманить Трухзеса; но Трухзесъ отступилъ, съ частью конницы къ Ульму, а остальную послалъ въ Эхингенъ. Графъ Вильгельмъ фонъ-Фюрстенбергъ остался съ пѣхотой въ этотъ вечеръ въ Эрбахѣ и всѣ успѣхи войска ограничились пока тѣмъ, что солдаты ограбили и сожгли нѣсколько деревень.

На слѣдующее утро Георгъ былъ занятъ въ Ульмскомъ верховномъ судѣ своей службой, тѣмъ временемъ нѣсколько баварскихъ ротъ начали грабить деревню Дельмензингенъ. Увидя это, крестьяне спустились внизъ по Риду, напали на солдатъ, убили ихъ болѣе сотни, нѣсколькихъ взяли въ плѣнъ и отослали въ союзный лагерь съ бѣлыми тростями, за тѣмъ крестьяне сдѣлали видъ, что намѣриваются перейти мостъ Урбанъ и атаковать лагерь Фюрстенбергъ, но онъ стоялъ въ выгодной позиціи и началъ стрѣлять въ крестьянъ, однако нанесъ имъ мало вреда. Отрядъ Трухзеса и Эгенгенскій, услыхавъ канонаду, поспѣшили на помощь и такъ торопились, что кавалерійскія лошади были всѣ въ мылѣ. Но крестьяне снова отошли къ Рисдасену.

Союзные командиры совѣщались между собой, какъ бы напасть на крестьянъ. Георгъ и графъ Вильгельмъ осматривали теченіе Риды, но убѣдились, что конница не можетъ дѣйствовать на его берегахъ. Войско пошло по лѣвому берегу къ Эпфингену. Тамъ Георгъ увидѣлъ крестьянъ, стоявшихъ нѣсколькими отрядами на разстояніи пушечнаго выстрѣла. Онъ послалъ къ нимъ дѣвушку съ письмомъ отъ имени союза, въ

письмѣ онъ убѣждалъ ихъ разойтись, обѣщалъ свободный пропускъ всякому, кто захочетъ покориться и спрашивалъ, можетъ ли онъ послать къ нимъ другого посланца. Крестьяне отвѣчали, что не сдѣлаютъ посланному ни какого зла, а Трухзесъ послалъ къ нимъ барабанщика съ новыми порученіями; но наступила ночь и крестьяне поняли цѣль этихъ посольствъ. Поэтому они снялись съ позиціи и отступили дальше къ лѣсу. Барабанщикъ боялся, что на возвратномъ пути стража нападетъ на него и потому, возвращаясь, забилъ въ барабанъ. Стража союзнаго лагеря, не знавшая, что барабанщикъ былъ *) посланъ, не поняла этого сигнала, она забила тревогу и въ одно мгновеніе весь лагерь былъ на ногахъ. Поднялся такой шумъ, что его было слышно даже въ отдаленномъ крестьянскомъ станѣ. Но вмѣсто непріятеля явился барабанщикъ и сообщилъ, что крестьяне покинули свою прежнюю позицію. Однако ложная тревога пришла Трухзесу какъ нельзя болѣе кстати. Крестьяне имѣли тайныя сношенія съ союзными пѣхотинцами. Пѣшая милиція союза предложила крестьянамъ напасть на рыцарей и ихъ солдатъ, а потомъ соединиться съ крестьянами. Возмущеніе должно было вспыхнуть въ ту самую ночь, и, пользуясь имъ, крестьяне атаковали бы союзный лагерь. Услышавъ тамъ тревогу, крестьяне испугались и пришли въ недоумѣніе: они подумали, что дѣло выдано и потому въ ту же ночь отступили до Стадіона **). Трухзесъ снова приказалъ ограбить и сжечь нѣсколько, оставленныхъ ими, совершенно невинныхъ деревень. Въ деревняхъ этихъ кавалерія Трухзеса награбила столько скота, что корова продавалась за пол-балцеа ***). Большая часть крестьянъ этихъ деревень оставалась дома со всѣмъ своимъ имуществомъ, потому что еще не пристала къ крестьянскому братству! Дидрихъ Штетъ съ кавалерійскимъ

*) Какъ прилично посланнику, прибавляетъ рукопись Зейдлера.

**) „Впрочемъ въ порядкѣ“ говоритъ Зейдлеръ.

***) Зейдлеръ.

отрядомъ, былъ посланъ въ погоню за крестьянами. Онъ настигъ ихъ между Стадіономъ и Грунстеймомъ и подошелъ такъ близко, что могъ говорить съ ними, но крестьяне стояли въ порядкѣ, такъ что онъ не рѣшился атаковать ихъ и отступилъ.

Крестьяне подступили къ Мундеркшенгену и потребовали сдачи этого городка. Жители переговаривались съ ними, пока Шперъ подѣхалъ къ стѣнамъ съ другой стороны и закричалъ жителямъ, чтобы они держались, потому что помощь близка. Жители не пустили по этому крестьянъ, которые пошли дальше, взяли монастырь Морхтемъ, до чиста ограбили его, изломали и испортили все, что не могли унести; это было уже къ вечеру. Трухзесъ, узнавъ обо всемъ отъ Дидриха Штета, немедленно пустился въ путь, надѣясь напасть на крестьянъ. Онъ шелъ всю ночь, не останавливаясь, но не догналъ ихъ; они знали о его погонѣ и перешли черезъ Дунай къ Цвифальтену и на Альпъ, куда Трухзесъ не могъ слѣдовать за ними съ войскомъ, потому что они разсѣялись по оврагамъ и лѣсамъ *).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Военныя дѣйствія по Дунаю за Ульмомъ.

Между тѣмъ въ лагерь при Лангенау и Лейпгеймѣ крестьяне усиливались со дня на день и вмѣстѣ съ тѣмъ возрастало безпокойство ульмскихъ союзныхъ совѣтниковъ. Въ этихъ двухъ лагеряхъ стояло болѣе 5,000 крестьянъ, 4,000 человекъ шли для соединенія съ ними изъ долины Мандела. Швабскій союзъ

*) Рукопись Зейдлера, Луца и Гольцварта.

не имѣлъ въ этой странѣ никакихъ войскъ, такъ какъ всѣ силы его находились при арміи Трухзеса.

Въ городѣ Вейсенгольмѣ, какъ въ Лейпгеймѣ и Гюнцбургѣ, община была за крестьянъ. Еще во время первыхъ крестьянскихъ сборищъ, многіе Вейсенгольмцы уѣхали, въ крестьянскіе лагеря при Иллертисенѣ, Энтштетенѣ, Лейпгеймѣ и Зумберѣ, и предпріятіе крестьянъ вообще очень имъ нравилось. Въ самомъ Вейсенгольмѣ происходили безпокойства при выборѣ въ совѣтъ и община настояла на выборѣ въ члены совѣта двѣнадцати человѣкъ изъ ея среды; кромѣ того она выбрала шестнадцать депутатовъ, для переговоровъ съ аристократіей и совѣтомъ, по ея жалобамъ. Въ воскресенье, 19 марта, къ нимъ присоединилось еще четверо депутатовъ, и этотъ комитетъ двадцати началъ выслушивать всѣ жалобы. Когда крестьяне снова начали собираться въ лагерѣ, Вейсенгорнцы ѣздили къ нимъ и приглашали ихъ въ городъ. Нѣкоторые совѣтовали городскимъ совѣтникамъ наказывать этихъ агитаторовъ, говоря, что вѣдь въ тюрьмѣ мѣста много и что не мѣшаетъ дать имъ тамъ остыть, но совѣтъ не слушалъ этого, будучи напуганъ еще прежними разговорами о томъ, что не мѣшало бы господъ вытурить изъ города; мало того: онъ не хотѣлъ даже впустить въ городъ союзный отрядъ Вальтера фонъ-Гирнгейма, который 28 марта намѣревался войти въ Вейсенгольмъ. Община противилась этому, и совѣтъ убѣдилъ ее 28 числа впустить Пфальцграфскій отрядъ изъ 344 конницы, только потому, что уѣзжая, Гирнгеймъ угрожалъ, что городскіе ворота можно отпереть и безъ ключей. Когда Пфальцграфскій отрядъ стоялъ въ городѣ, община получила письмо отъ Лейпгеймскаго лагеря; въ письмѣ этомъ крестьяне жаловались, что Вейсенгорнцы пустили въ городъ ихъ враговъ, которые только что напали на нихъ и изрубили одинъ крестьянскій постъ. Мы слышали, писали Лейпгеймцы, что войска впущены въ городъ противъ воли простаго народа, поэтому мы ждемъ отъ Вейсенгольма хорошаго отвѣта, а иначе придется ссориться. Это письмо до-

казываетъ, что съ этой стороны союзныя войска первыя начали непріязненные дѣйствія. Очевидецъ говоритъ, что они убивали дорогой всякаго, кто шелъ къ крестьянамъ или отъ нихъ. Вслѣдствіе этого, крестьяне начали также поступать съ союзниками *).

Изъ крестьянскаго лагеря при Иллертисенѣ, гдѣ стояли до 6,000 человѣкъ, также писали въ Вейсенгольмъ, приглашая городъ приступить къ христіанскому союзу здѣшней страны. «Мы просимъ васъ по братской любви и съ полной довѣренностью, писали крестьяне, увѣдомить насъ, хотите ли вы быть нашими добрыми братьями, и Богъ да будетъ со всѣми нами.»

Посланныхъ, привезшихъ эти письма, выпроводили безъ отвѣта. 31 марта, Пфальцграфскій отрядъ выѣхалъ изъ города къ Трухзесу въ Эхингенъ, такъ какъ присутствіе его въ арміи было необходимо, для военныхъ дѣйствій противъ Бальтрингенскаго скопища. Только-что онъ отошелъ отъ города, какъ тамъ поднялся крикъ, что крестьяне идутъ съ большими силами черезъ Ганисбергъ; зазвонили набатъ и часть отряда вернулась въ городъ, гдѣ не было ничего приготовлено на случай нападенія: ружья, порохъ и всякое оружіе было заперто. Однако тревога оказалась ложною.

Но на слѣдующій день, 1 апрѣля, крестьянскія скопища при Лейпгеймѣ, Лангенау и Иллертисенѣ, открыли военныя дѣйствія, начавшіеся въ тотъ же день и во многихъ другихъ мѣстахъ государства. Лейпгеймское скопище напало сперва на Беольскій замокъ Вильгельма Литтера; оно взяло изъ него ружья, порохъ и съѣстные припасы, а строеніе разрушило; затѣмъ крестьяне раздѣлились: одни пошли вверхъ по Бибераху, а большая часть на Фафенгофенъ. Въ Вейсенгольмѣ они послали требованіе впустить ихъ въ городъ, такъ какъ они хотятъ пообѣдать тамъ на свои деньги. Получивъ отказъ, они стали требовать выдачи всего, что было укрыто въ го-

*) Рукопись Никласа То мана.

родѣ изъ имуществъ аббата Роггенбургскаго и другихъ духовныхъ владѣтелей. Совѣтъ отказалъ и на это требованіе. Крестьяне пошли въ Атенгофенъ. Яковъ Веэ самъ вышелъ къ нимъ, но не могъ воспрепятствовать нѣкоторымъ безчинствамъ, произведеннымъ крестьянами, разгоряченными виномъ и местию; но онъ настоялъ, чтобы изъ добычи была составлена военная касса.

У Лейпгеймцевъ не было денегъ, а служившіе у нихъ ландскнехты требовали жалованья *). Крестьянамъ нужно было самимъ чѣмъ нибудь жить. Яковъ Веэ велѣлъ вынести все, что можно, изъ Атенгофенской приходской церкви; священникъ былъ врагъ народнаго дѣла и убѣжалъ. Яковъ хотѣлъ разрушить его домъ, но оставилъ въ цѣлости, по просьбѣ одной женщины, которая говорила, что домъ принадлежитъ церкви. Во всей окрестности, всѣ приходскіе священники бѣжали въ Вейсенгольмъ и жилища ихъ были пусты; крестьяне, разсѣвшіеся по окрестностямъ, не трогали ихъ, лишь кое-гдѣ выпили они ведро другого вина, взяли ягненка, корову, пару курицъ или каплуновъ, да повыбили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ окна и двери, но и то такимъ образомъ поступали далеко не всѣ, а отдѣльные лица, отдѣлившіяся отъ главнаго отряда **).

Главнымъ лейпгеймскимъ скопищемъ предводительствовалъ Яковъ Веэ; въ Атенгофенѣ, въ домѣ священника, онъ не взялъ себѣ ничего, кромѣ сдобной булки ***). Онъ повелъ крестьянъ на Вейсенгорнъ; обозъ, состоявшій изъ шестидесяти телѣгъ, задерживалъ ихъ движеніе, которое привело въ ужасъ вейсенгорнскій совѣтъ. Войско крестьянъ съ своими телѣгами рас-

тянулось, къ ужасу вейсенгорнцевъ, такъ, что передовые входили уже въ вейсенгорнскіе сады, когда задніе ряды не успѣли еще выйти изъ Атенгофена. При такомъ значительномъ протяженіи, оно представляло и порядочную ширину; Бракфельдское поле считали въ тридцать одинъ шагъ шириною, а оно заняло его все; при томъ у страха глаза велики, и вейсенгорнцамъ крестьяне казались гораздо многочисленнѣе, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ *). Десять крестьянъ подошли къ воротамъ и снова потребовали пропуска; говорятъ, что между ними видѣли и Якова; они говорили, что вѣдь впустилъ же городъ союзныхъ рейтаровъ, что за деньги кормятъ даже жидовъ и цыганъ, и требовали, чтобы совѣтъ вступилъ въ ихъ братство и помогалъ защищать святое евангеліе. Бургомистръ Дибгольтъ Шварцъ отвѣчалъ, что до сихъ поръ вейсенгорнцы свободно пользовались Божіимъ словомъ и не имѣли повода жаловаться на начальство, и просилъ крестьянъ вести себя, какъ слѣдуетъ добрымъ сосѣдямъ, за что и съ своей стороны общалъ имъ миръ. Во время переговоровъ, городскіе совѣтники приказали дать вина и хлѣба. Крестьянскіе посланные стояли на валу, а вейсенгорнскіе господа между воротъ; они предложили посланнымъ выпить съ ними, на что тѣ очень любезно согласились. Крестьянскій ораторъ Іёрхъ-Эбнеръ Энкштетенскій, по прозванію Баварецъ, налилъ свою чарку, которую носилъ при себѣ, и простился съ господами, обѣщавъ уладить дѣло, по возможности къ лучшему.

Узнавъ объ отказѣ вейсенгорнцевъ, толпа подняла крикъ; было рѣшено штурмовать городъ. Два отряда крестьянъ изъ Этингена захотѣли вслѣдствіе этого отдѣлиться отъ скопища, но имъ пригрозили, что сочтутъ ихъ за вейсенгорнскихъ союзниковъ, поэтому они остались. Баварецъ былъ снова посланъ къ городу съ отвѣтомъ, что если крестьянъ не впустятъ добромъ, то они возьмутъ городъ ночью силой, этимъ онъ сдѣлалъ городу формальный вызовъ.—Ну, сказалъ бурго-

*) Донесеніе одного Баварскаго шпиона отъ 31 марта.

**) Такъ положительно сказано въ рукописи Никласа Томана.

***) Рукопись Томана. — Профессоръ Везенмайеръ, издавшій книгу о Яковѣ Веэ, не стыдится утверждать, что Веэ велѣлъ себя въ домѣ священника угощать и, напившись и наѣвшись вдоволь, до чиста все ограбилъ, и при этомъ осмѣливается ссылаться на рукопись Томана, въ которой говорится совершенно противное.

*) По Гольцварту ихъ было 20 тысячъ, по Томану 12 тысячъ.

мистръ Шварцъ, такъ пусть же каждая лиса бережетъ свою шкуру, съ нами Богъ и рыцарь св. Георгій.

Затѣмъ крестьяне сдѣлали всѣ приготовленія къ нападенію; началась перестрѣлка и въ оборонѣ города приняли участіе даже бѣжавшіе туда изъ окрестностей священники. Перестрѣлка продолжалась около часу; крестьяне заняли предмѣстье, но стемнѣло и военныя дѣйствія прекратились съ обѣихъ сторонъ.

На слѣдующее утро въ Вейсенгорнѣ ожидали возобновленія нападенія, но въ потьмахъ крестьяне отошли отъ города къ монастырю Роггенбургу; при первомъ извѣстіи о ихъ приближеніи, каноники бѣжали и крестьяне безъ труда овладѣли аббатствомъ; не обращая вниманія на постное время, они стали лакомиться мясомъ, рыбой и прекрасными винами канониковъ. Это разстроило дисциплину; подпившіе крестьяне изломали великолѣпный органъ монастыря, разбили палкой ковчежецъ, вынули оттуда причастіе и бутылку съ елеемъ, переломали все въ церкви, вломились въ библіотеку, разорвали или вынесли книги и акты, въ которыхъ были записаны пошлины и другія повинности крестьянъ, взяли себѣ сосуды и другую утварь, изорвали церковную одежду и знамена и понадѣлали изъ нихъ себѣ подтяжекъ. Крестьянскіе начальники, опустошавшіе монастырь въ порядкѣ, нашли большіе запасы хлѣба и вина, рабочаго скота, овецъ, птицъ и разной утвари. Іерхъ Эбнеръ посвятился ночью въ аббаты роггенбургскіе и радовался съ своими крестьянами этой шуткѣ.

Крестьяне пришли къ Вейсенгорну и Роггенбургу изъ многихъ деревень съ значительными запасами и думали разомъ освободиться отъ всего. При Роггенбургѣ ихъ было до 12 тысячъ. Иллертисенскіе, въ числѣ 6,000, хотѣли соединиться съ ними подъ Вейсенгорномъ, но запоздали и ночевали въ Бабенгаузенѣ. Изъ большей части деревень, къ крестьянскому

войску подходили почти всѣ жители, «такъ что остались только пѣтухи пѣть на разсвѣтѣ» *).

Рано утромъ 2 апрѣля, въ воскресенье, большая часть Лейпгеймскаго скопища возвратилась назадъ въ Лейпгеймъ. Въ тотъ же день Иллертисенское скопище пришло въ вечерни въ Роггенбургъ, ограбило и опустошило все, что еще оставалось. Одинъ хотѣлъ даже поджечь монастырь, но начальникъ его удержалъ его алебардой и потушилъ огонь **). Вѣроятно, это былъ Августинъ Шлейеель Бабенгаузенскій, который вообще, будучи начальникомъ, отличался умѣренностію. По пути къ Роггенбургу, въ Кеттерсгаузенѣ, крестьянамъ попались въ руки роггенбургскіе каноники, бѣжавшіе въ Меммингенъ; народъ, бывшій въ церкви, сбѣжался и духовныхъ особъ повели плѣнными въ кабакъ. Крестьяне стали совѣтываться, какъ съ ними поступить. Одни хотѣли ихъ убить, другіе отпустить; тогда пришелъ Бабенгаузенскій начальникъ, Августинъ Шлейеель, отнялъ плѣнныхъ у толпы и отпустилъ ихъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Трухзесъ атакуетъ Лейптеймское скопище.

Гонцы Ульмскаго союзнаго совѣта, посланные звать Трухзеса къ Лейпгейму, нашли его въ лагерѣ при Извифальтенѣ. Онъ повернулъ и ночью 2 апрѣля пошелъ съ одной частью конницы къ Эхингену, а другую послалъ въ Мундерклингенъ. Пѣхота осталась въ деревняхъ близъ Мундерклингена и

*) Рукопись Томана.

**) Рукопись Томана.

пришла туда на слѣдующій день, въ понедѣльникъ на разсвѣтъ. Когда конный отрядъ съ квартирмейстерами, выѣхавшій впередъ къ Эхингену, проѣзжалъ мимо обоза, одинъ изъ рейтаровъ вдругъ закричалъ: «бѣгите, бѣгите! Трухзесъ и все его войско убиты; крестьяне слѣдуютъ за нами по пятамъ.» Обозы въ ужасѣ разбѣжались, куда попало и побросали все, что, потомъ другіе, болѣе благоразумные, стали подбирать за ними. Часть обозныхъ ограбила возы.

Когда тревога оказалась ложной, снова возникъ опасный безпорядокъ: ограбленные требовали назадъ свое добро, и между солдатами грозилъ завязаться бой. Приѣхалъ Георгъ, и чтобы успокоить бурю, выплатилъ изъ своего кошелька каждому половину стоимости потери. Въ тотъ-же день онъ пошелъ въ Ваблингенъ, а пѣхота въ Геклингенъ. А во вторникъ, 4 апрѣля, рано утромъ, переправилась черезъ Иллеръ, близъ Ульма. Въ лагерь при Ваблингенѣ къ Трухзесу приѣхали союзные совѣтники и рѣшили съ нимъ нападеніе на Лейпгеймскій лагерь *).

Подобно Лейпгеймцамъ, лангенауское скопище также не сидѣло сложа руки. Священникъ Яковъ Финстернауеръ и крестьянскій начальникъ Томанъ Паулусъ не могли и здѣсь предупредить нѣкоторыхъ излишествъ. 2 апрѣля начальники и совѣтники лангенаускаго лагеря писали начальникамъ лейпгеймскаго лагеря, что они начали нападенія и грабятъ ежедневно. Остался ужъ только одинъ замокъ, писали они. Вотъ завоюемъ его и покончимъ съ господскими жилищами. Они просили прислать имъ для этаго предпріятія двѣ или три тысячи человѣкъ съ двумя или тремя орудіями, если лейпгеймцы могутъ обойтись безъ нихъ. По сожженіи замка, они намѣривались немедленно идти на соединеніе съ лейпгеймскимъ скопищемъ, чтобы соединенными силами двинуться на Ульмъ и съ Божіею помощію, помочь другимъ братьямъ. Если-же

*) Зейдлеръ, Гольцвартъ, Луцъ.

лейпгеймцамъ нельзя имъ помочь, то пусть они скажутъ, что дальше дѣлать *).

Еслибы нападеніе на Ульмъ удалось, и еслибы крестьяне взяли эту крѣпость, то Швабскій союзъ лишился бы опоры на Дунаѣ, и крестьяне получили бы возможность держаться. Крестьяне до того ненавидѣли ульмскихъ господъ, что тѣ не могли выѣзжать изъ города, опасаясь отъ нихъ всего худшаго **).

Лейпгеймцы овладѣли хитростію Гюнцбургомъ, гдѣ до сихъ поръ совѣтъ не хотѣлъ принять сторону народнаго дѣла. Изъ города многіе ушли въ Лейпгеймскій лагерь. Черезъ нѣсколько дней, они письменно просили у совѣта позволенія навѣстить женъ и дѣтей. Совѣтъ, считавшій ихъ, по уходѣ, изъ города исключенными изъ общины, изъ трусости однако позволилъ имъ вернуться. Гюнцбургцы пошли въ городъ, но взяли съ собою и чужихъ крестьянъ. Первая толпа заняла ворота, прочіе вошли за ними въ городъ съ обнаженными мечами, пошли къ ратушѣ и принудили совѣтъ соединиться съ крестьянами. Такимъ образомъ, Гюнцбургъ попалъ въ руки крестьянъ.

Яковъ Веэ думалъ, что союзная армія занята въ верхней Швабіи. Узнавъ, что Трухзесъ такъ близко, онъ старался выиграть время и завелъ переговоры въ Ульмѣ съ предводителями и совѣтниками Швабскаго союза. Во вторникъ, 4 апрѣля, онъ писалъ союзу, что, господа, совѣтники и командиры какъ опытные и благоразумные воины поймутъ, что сборище крестьянъ, возрастая съ каждымъ днемъ въ числѣ, не можетъ быть безъ труда разсѣяно оружіемъ. Онъ говорилъ, что Лейпгеймцы и другіе, союзные съ ними, не виноваты въ томъ, что сдѣлано другими, и что они очень жалѣютъ объ этихъ не-

*) Ульмскіе акты новаго строенія.

**) Письмо Вольфганга Рейхарда въ Гейдельбергъ къ сыну своему Цеку, въ собраніи Шмида.

ловкихъ поступкахъ; чтобы предупредить худшее, они просятъ союзъ, для славы Божіей, заступиться за миръ. Съ своей стороны, они сдѣлаютъ все, что могутъ, чтобы богобоязненные и разумные люди, презирающіе временныя блага и сочувствующіе общему благополучію, прекратили жалобы и содѣйствовали всѣмъ мирнымъ или законнымъ рѣшеніямъ несогласій. Съ этою цѣлью они будутъ дѣятельно хлопотать на всѣхъ сходкахъ. Письмо это было написано изъ Гюнцбурга. Вѣроятно Яковъ съ другомъ своимъ, тамошнимъ священникомъ, ходилъ въ совѣтъ; гонецъ, привезшій письмо въ Ульмъ, былъ уполномоченъ вести словесные переговоры. Крестьянскіе предводители надѣялись воспользоваться этими переговорами, чтобы стянуть всѣ свои силы для успѣшнаго сопротивленія союзному войску.

Но Трухзесъ былъ уже возлѣ нихъ. Въ тотъ-же день, часть его конницы, отряды гесенскій и ульмскій подъ начальствомъ Зигмунда Бергера, перешли Дунай и двинулись къ Эльхингену, между тѣмъ, какъ самъ онъ шелъ на Лейпгеймъ. При Форстѣ, близъ Гетлагена, отрядъ этотъ наткнулся на толпу въ 1,200 человекъ крестьянъ, изъ которыхъ одни, обремененные добычею, возвращались въ безпорядкѣ въ Лангенау, а другіе были еще заняты грабежемъ монастыря Эхингена. Конница бросилась на нихъ и обратила въ бѣгство. Кто былъ подалѣе—убѣжалъ; а изъ атакованныхъ въ монастырѣ, человекъ 50 были убиты. Часть опрокинута въ Дунай, гдѣ многіе утонули, 250 человекъ были взяты въ плѣнъ и отведены въ Ульмъ *).

Предводители Лейпгеймскаго скопища быстро приготовились къ оборонѣ. Отъ трехъ до четырехъ тысячъ крестьянъ расположились на камнѣ надъ мостомъ, черезъ Биберъ, подлѣ небольшого лѣса, прозываемаго Юнгхольцемъ; позиція ихъ была выгодна: слѣва у нихъ былъ этотъ лѣсокъ, справа ру-

*) Протоколъ ульмскаго совѣта. Разсказъ очевидца похода швабскаго союза—рукопись Никласа Томана.

чей, съ фронта — болото, а въ тылу укрѣпленіе изъ обоза. Поле, прилегающее къ Дунаю, они загромождали старыми телѣгами, укрѣпивъ на ихъ козлахъ пищаи и другія орудія. Когда показалась конница Трузеса, крестьяне храбро встрѣтили ее сильнымъ огнемъ. Но Георгъ зналъ очень хорошо, что Лейпгеймцы были плохо снабжены зарядами *), поэтому онъ смѣло бросился впередъ съ авангардомъ и охотниками, тогда какъ главные силы остались нѣсколько позади. Когда огромное союзное войско надвинулось на крестьянъ и встрѣтилось съ ними лицомъ къ лицу, тогда они увидѣли, что это войско было вдвое сильнѣе ихъ и потому послѣ непродолжительнаго боя, они рѣшились отступить къ Лейпгейму, гдѣ тѣмъ временемъ собирались всѣ товарищи; но большая часть ихъ только-что еще выступила изъ Гюнцбурга. Вскорѣ къ отступающимъ присоединилась и другая толпа крестьянъ. Какъ ни трудно было отступление въ виду непріятеля, однако они выполнили его съ такимъ искусствомъ, что могли увезти съ собою, на телѣгахъ, своихъ раненыхъ и убитыхъ товарищей. Прибывъ въ Лейпгеймъ, они выкопали на полѣ, подлѣ большой дороги яму и похоронили мертвыхъ. Союзная конница не могла тотчасъ настичь крестьянъ, такъ какъ ей пришлось обходить болото. И только обойдя его, Трухзесъ съ авангардомъ бросился за ними въ погоню и ему удалось отрѣзать имъ путь. По его приказанію солдаты, повернули къ каменному распятію и этимъ движеніемъ отрѣзали непріятелю отступление къ Лейпгейму. Многіе изъ крестьянъ побѣжали назадъ, въ Юнгхольцъ, но здѣсь встрѣтили аріергардъ союзной арміи и были перебиты, или взяты въ плѣнъ. Многіе также бросились въ Дунай и переплыли его. Но на другомъ берегу наткнулись на ульмскихъ и гессенскихъ рейтаровъ, только-что одержавшихъ побѣду при Эльхингенѣ. За то многимъ изъ

*) Донесеніе Ферсфельдера въ Мюнхенъ, донесеніе одного шпіона отъ 20 марта.

бѣжавшимъ изъ подъ Эльхингена удалось счастливо перелѣзть черезъ Дунай и спастись въ Лейпгеймъ. По самымъ умѣреннымъ и заслуживающимъ вѣроятія показаніямъ, крестьяне потеряли при Лейпгеймѣ 500 человекъ убитыми и 400 утонувшими въ Дунаѣ, но болѣе 2,000 успѣли благополучно добраться до Лейпгейма. Изъ артилеріи союзники взяли только четыре маленькихъ фальконета *).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Смерть Якова Вез.—Первыя казни.

Неизвѣстно, былъ-ли, какъ ходилъ слухъ, Везъ самъ въ полѣ; вѣроятно во время нападенія, онъ былъ еще въ Гюнцбургѣ, и только когда узналъ объ опасности, поспѣшилъ въ Лейпгеймъ. Трухзесъ двинулся со всѣмъ войскомъ къ Лейпгейму и намѣревался штурмовать его. Онъ поставилъ орудія передъ каменнымъ крестомъ и построилъ пѣхоту къ атакѣ. Яковъ старался внушать мужество своимъ крестьянамъ, которые засѣли большими массами въ Лейпгеймъ и Гюнцбургѣ. Враги его говорили потомъ, будто онъ увѣрялъ крестьянъ, что пушки и ружья союзниковъ обратятся противъ нихъ же самихъ. Однако такой человекъ, какъ Везъ, обладалъ другими средствами дѣйствовать на народъ. Кажется, что крестьяне

*) Донесеніе эслингенскаго начальника Ганса-фонъ-Дорна отъ 7 апрѣля въ эслингенскомъ архивѣ. По Гансу Лицу было убито болѣе 2000 и 1500 утонувшихъ. Другой очевидецъ, авторъ извлеченія, считаетъ потерю крестьянъ при Лейпгеймѣ и Эльхингенѣ въ 5000.

продолжали еще нѣкоторое время бой, стрѣляя со стѣнъ Лейпгейма. Говорятъ, самъ Везъ стрѣлялъ въ союзное войско съ башни *). Но крестьяне не раздѣляли его мужества; граждане послали къ Трухзесу стариковъ и женщинъ просить пощады. Трухзесъ объявилъ имъ, что они должны сдаться безъ всякихъ условій, и главное, выдать тѣхъ проповѣдниковъ, которые подстрѣкали крестьянъ къ бунту. Городъ сдался.

Узнавъ объ этомъ, Яковъ поспѣшилъ уйти изъ города; его домъ находился у самой городской стѣны, и изъ него шелъ потаенный ходъ подъ стѣной къ Дунаю, въ поле. На берегу рѣки, за городомъ ему была извѣстна маленькая пещера. Взявъ 200 флориновъ, изъ учрежденной имъ военной кассы, онъ отправился, съ однимъ близкимъ лицомъ, черезъ потаенный ходъ, въ пещеру **).

Приготовляясь къ штурму, Трухзесъ обѣщалъ пѣхотѣ отъдать ей городъ на разграбленіе; теперь, хотя городъ сдался, недождавшись нападенія, солдаты, тѣмъ не менѣе, требовали грабежа. Трухзесъ опасался, что грабежу не будетъ конца и что солдаты, набравъ добычи, пожалуй разбѣгутся. Онъ обѣщалъ имъ всю городскую движимость, но съ тѣмъ, чтобы они не грабили, а взяли-бы, что слѣдуетъ, деньгами. Они согласились. Тогда рыцари и союзные воиначальники, «Большіе Иваны», расположились въ городѣ, а пѣхота оставалась передъ стѣнами. Конницѣ же Трухзесъ обѣщалъ на разграбленіе Гюнцбургъ. Но и этотъ городъ прислалъ пословъ съ просьбою о пощадѣ; послы говорили, что крестьяне вынудили городъ, противъ его воли соединиться съ ними. Въ отвѣтъ на это, Трухзесъ и отъ нихъ потребовалъ безусловной покорности. И городъ сдался. Конница расположилась въ Губесгеймѣ, Гюнцбургѣ и окрестностяхъ. Якова Везъ искали всюду.

*) Везенъ-Майеръ говоритъ, что Везъ сдѣлалъ вылазку въ союзный лагерь ночью, уже по сдачѣ города. Это неправда, которая произошла отъ непониманія одного выраженія въ рукописи Ганса Луца.

**) Рукописи Гольдварта, Томана и Луца.

Собака, сильно лаявшая передъ пещерой, гдѣ онъ скрывался, привлекла къ ней вниманіе нѣсколькихъ солдатъ; они бросились туда съ копьями и заставили бѣглецовъ выйти *). По другому извѣстію, одинъ крестьянинъ, видѣвшій его въ чащѣ на берегу Дуная и вскорѣ послѣ этого, попавшійся въ плѣнъ, на вопросъ, гдѣ скрывается Везъ, указалъ на это мѣсто. Везъ предлагалъ людямъ, открывшимъ его, 200 флориновъ за свое освобожденіе, но они привязали его къ уздечкѣ и отвезли къ Трухзесу въ Губесгеймъ **). Въ среду 5 апрѣля, Трухзесъ рѣшилъ участь Гюнцбурга; городской совѣтъ не подвергался никакому наказанію, община должна была заплатить 900 червонцевъ, а совѣтникъ Бессереръ, принадлежавшій къ древней аристократіи, единственный, быть можетъ, членъ совѣта, державшій сторону крестьянъ, заплатилъ 100 гульденовъ контрибуціи. Гюнцбургскій священникъ хотѣлъ бѣжать, но былъ схваченъ.

Лейпгеймцевъ и лангенауцевъ постигла еще худшая участь; пѣхота, желавшая получить свою добычу, назначила сборщиковъ контрибуціи, которые должны были оцѣнить движимость, подаренную Трухзесомъ войску и соображаясь съ этою оцѣнкой, назначить контрибуцію. Сборщики пошли къ своему главному предводителю, графу Вильгельму фонъ-Фюрстенбергу и онъ предложилъ имъ взять, безъ дальнѣйшихъ околичностей, съ каждаго крестьянина и горожанина мѣсячное солдатское жалованье. Солдатамъ понравилось это предложеніе. Плѣнные горожане и крестьяне были заперты на ночь въ церковь. Когда графъ пришелъ къ нимъ съ сборщиками контрибуцій и объявилъ объ этихъ условіяхъ, они, «какъ несчастные плѣнники», согласились на все. Трухзесъ, бывшій въ Гюнцбургѣ, услышавъ объ этомъ, поспѣшилъ въ Лейпгеймъ и, подозрѣвая здѣсь какое нибудь недоразумѣніе, пошелъ въ церковь и спросилъ плѣнныхъ, что они обѣщали

*) Рукопись Гольцварта.

**) Рукопись Томана.

пѣхотѣ? Мѣсячное жалованье, отвѣчали они. Тогда Георгъ объяснилъ имъ въ церкви, что это составитъ сумму свыше 4,000 флориновъ и что они со страху, наобѣщали слишкомъ много. Выходя, онъ сказалъ, шутя: кто могъ бы подумать, что я буду проповѣдывать въ лейпгеймской церкви? Онъ видѣлъ, что плѣнные не могутъ заплатить такихъ денегъ и боялся, что сограждане и старшины ихъ не захотятъ ихъ выкупать и предадутъ солдатамъ на бойню. Поэтому онъ самъ назначилъ контрибуцію въ 1,500 фл. Въ письменномъ столѣ Везъ, гдѣ хранилась военная касса, нашли еще 600 фл., но пѣхота требовала мѣсячнаго жалованья. Трухзесъ охотно отдалъ бы ей теперь городъ Лейпгеймъ со всѣми гражданами и крестьянами на разграбленіе, но ландскнехты хотѣли непременно получить наличными деньгами.

Во время этихъ споровъ, военный совѣтъ рѣшилъ участь важнѣйшихъ плѣнниковъ, взятыхъ въ Лейпгеймѣ.

Гансъ Якобъ Везъ, Іёрхъ Эбнеръ, по прозванію Баварецъ, Ульрихъ Шёнъ и зять его, Мельхіоръ Гарольдъ, были, 5 апрѣля поздно вечеромъ, приговорены военнымъ судомъ къ смерти и въ тотъ же вечеръ ихъ вывели въ поле, между Лейпгеймомъ и Губесгеймомъ. Гюнцбургскій священникъ и двое схваченныхъ съ нимъ гюнцбургскихъ крестьянъ были также приговорены къ смерти. Кромѣ того, на казнь былъ осужденъ одинъ старый артиллерійскій солдатъ, перешедшій къ крестьянамъ изъ союзнаго войска. Всего осужденныхъ на смерть было восемь человекъ.

Когда Якова Везъ вели на казнь, Трухзесъ обратился къ нему и сказалъ: «священникъ, вы хорошо-бы сдѣлали и для себя и для насъ, если-бы какъ слѣдуетъ проповѣдывали слово Божіе, а не мятежъ.» — «Милостивый государь, спокойно и съ достоинствомъ отвѣчалъ Яковъ, вы поступаете со мной несправедливо: я проповѣдывалъ не мятежъ, а слово Божіе.» — «Я слышалъ объ васъ совсѣмъ другое», отвѣчалъ Трухзесъ.

Капеланъ Трухзеса подошелъ къ Якову и уговаривалъ его

исповѣдываться и примирится съ Богомъ, но онъ отказался отъ исповѣди, говоря: «Господа, не возмущайтесь этимъ, я уже исповѣдывался самому Богу, творцу моему, и поручилъ мою душу тому, отъ кого получилъ ее». За тѣмъ, онъ обратился къ прочимъ осужденнымъ съ такими словами: «Мужайтесь, братья, мы нынче-же встрѣтимся въ раю.» Потомъ, поднявъ глаза къ небу, онъ громко прочелъ псаломъ: *in te domine speravi*, и въ заключеніе сказалъ: «Отче, прости имъ, не вѣдятъ бо, что творять». Послѣ того онъ еще разъ громкимъ голосомъ поручилъ душу свою Богу, преклонилъ колѣно и голова его скатилась на траву.

За тѣмъ были обезглавлены Іёрхъ Эбнеръ, Гарольдъ, Шёнъ и еще одинъ крестьянскій начальникъ. За ними наступила очередь гюнцбургскаго священника и стараго кавалериста; но было уже поздно, такъ что казнь пришлось отложить и отсрочкой этой воспользовались, чтобы выпросить имъ помилованіе. Трухзесъ долго водилъ священника связаннаго и подъ карауломъ всюду, куда ходило войско; наконецъ онъ освободился, заплативъ 80 червонцевъ и лишившись своего прекраснаго коня, прихода и права проповѣдывать *).

Въ Лангенау были также казнены двое плѣнныхъ, немедленно по разбитіи лангенаускаго скопища. Прежній совѣтъ, смѣненный общиной, снова овладѣлъ правленіемъ и Трухзесъ самъ поѣхалъ на экзекуцію изъ Лейпгейма въ Нау.

Крестьянскій старшина Томанъ Паулусъ, главный военный начальникъ ихъ Гансъ Цинлеръ и священникъ Яковъ Фихстернауеръ благополучно успѣли убѣжать. Въ Ульмѣ, совѣтъ подвергъ часть привезенныхъ туда плѣнныхъ уголовному розыску и наказанію. Въ четвергъ, совѣтъ писалъ въ Нау, старшему бургомистру, Бернгарду Бессереру и агенту совѣта, Севастьяну Ренцу, чтобы они прислали палача, который понадобится для плѣнныхъ, присланныхъ союзными чинами. Такимъ образомъ, господа ревностно проливали кровь и со стороны

*) Рукописи Томана, Гольцварта, Луца, Зейдлера.

крестьянъ было весьма естественно подумать о возмездіи; они такъ возненавидѣли Ульмъ, что даже распространился слухъ, будто они намѣрены разрушить его и избить всѣхъ жителей *).

Господа наложили чрезвычайныя денежныя пени на всѣ окрестности Лейпгейма. Эйтенъ-фонъ-Вестернахъ, богатый рыцарь, поступилъ съ своими крестьянами особенно жестоко, взявъ по пятидесяти, восьмидесяти и болѣе гульденовъ съ человѣка, что для того времени было очень много. Опасались, что нужда возбудить этихъ крестьянъ къ новому возстанію **).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Дѣйствіе скопищъ Ридскаго, Альтаускаго и Приозернаго Австрія.

Трухзесъ не удовлетворилъ казнями своихъ солдатъ, которые требовали денегъ; они волновались и настаивали на полученіи обѣщаннаго мѣсячнаго жалованья, грозя, что ежели союзъ не требуетъ съ крестьянъ этой контрибуціи, или не заплатитъ ее изъ своихъ денегъ, то они не сдѣлаютъ дальше ни шагу. Георгъ былъ въ большомъ затрудненіи: онъ получилъ извѣстіе, что крестьяне сильно тѣснятъ его собственныя замки и семейство. Солдаты оказывались неговорчивыми, войско стояло у Гюнцбурга и Лейпгейма уже восемь дней и ландскнехты не хотѣли трогаться съ мѣста, поэтому онъ про-

*) Письма Вольфганга Рейхарда къ сыну.

**) Донесеніе Ферсфельда герцогу Вильгельму.

силъ нѣкоторыхъ рыцарей отправиться на защиту Вольфене и Вальдзэ, опасаясь, что крестьяне овладѣютъ находившеюся тамъ артиллеріею. Рыцари фонъ-Рейнахъ Розенбергъ, Рейнахъ, Фюртъ Горнштейнъ и Ландау отправились во владѣніе Трухзеса. Георгъ Генце, слуга рыцаря фонъ-Ландау, былъ у нихъ провожатымъ; между тѣмъ Трухзесъ и графъ Вильгельмъ склоняли союзъ войти съ войскомъ въ соглашеніе, по которому союзъ обѣщаль уплатить солдатамъ мѣсячное жалованье въ тридцатидневный срокъ, а солдаты, съ своей стороны, обязались слѣдовать въ теченіи этого времени за Трухзесомъ, куда бы онъ ихъ не повелъ; тогда все союзное войско выступило во вторникъ, на страстной недѣлѣ, противъ трехъ соединенныхъ крестьянскихъ скопищъ *).

Но, пока войско еще стояло при Лейпгеймѣ и Гюнцбургѣ, графъ Ульрихъ фонъ-Гельферштейнъ выступилъ съ коннымъ отрядомъ изъ Гюнцбурга и направился къ долину Роте, Камлаха и Гюнца до Фафенгаузена, съ намѣреніемъ обложить крестьянъ этой мѣстности контрибуціей. Крестьяне этихъ долинъ принадлежали всѣ къ красному знамени и считались «сильнымъ и злодѣйскимъ скопищемъ». Гельферштейнъ ходилъ по странѣ, нигдѣ не встрѣчая крестьянъ. Онъ не давалъ своимъ солдатамъ грабить, чтобы они не разбѣгались, но вмѣсто того бралъ контрибуцію съ городовъ и мѣстечекъ, такъ съ Энкштетена онъ взялъ 100 флор. съ Бибераха 101 ф. Здѣсь ему попался въ плѣнъ одинъ Роггенбургскій монахъ, Эрбихъ Маллеръ, служившій въ крестьянскомъ лагерѣ. Графъ долго держалъ его у себя въ плѣну и даже по окончаніи войны водилъ его на веревкѣ, какъ собаку **). Съ жителей Бубенгаузена графъ взялъ насильную присягу и 42 флориновъ контрибуціи. Кромѣ

*) Рукопись Зейдлера.

**) Рукопись Томана: «Наконецъ графъ самъ ходатайствовалъ за него передъ союзомъ; онъ былъ освобожденъ, но визитаторъ его монастыря тотчасъ велѣлъ его схватить и посадить въ тюрьму въ Ауерсбергѣ, оттуда онъ тайно бѣжалъ и впослѣдствіи сдѣлался еретикомъ».

того, каждый дворъ долженъ былъ внести по 6 фл. союзной подати и вознаградить за всѣ причиненные убытки. — Но крестьяне также не дремали.

Когда въ Альгау пришло извѣстіе, что Швабскій союзъ началъ войну и что Трухзесъ приближается, здѣшніе крестьяне не захотѣли отставать отъ другихъ и начальники ихъ начали дѣйствовать энергичнѣе: было объявлено, что кто не пристанетъ къ общему дѣлу, тотъ будетъ сочтенъ измѣнникомъ, въ знакъ чего передъ домомъ его будетъ вбитъ колъ. Въ другихъ мѣстахъ были наложены тяжкія денежные пени на всѣхъ, не хотѣвшихъ немедленно присоединиться къ народному дѣлу.

1 апрѣля крестьяне поднялись и 2, въ воскресенье, Верхнеальгауское скопище подступило къ замку Либентаву, куда бѣжалъ князь аббатъ, отрѣзало его отъ воды и преградило всѣ доступы къ нему. Кемптенскій городской совѣтъ опасался нападенія на городъ. Было достоверно извѣстно, что крестьяне намѣрены напасть на монастырь, поэтому на воротахъ и стѣнахъ города все было приготовлено къ отраженію атаки, и рано утромъ 3 апрѣля набатный колоколъ загудѣлъ въ городѣ, призывая горожанъ на стѣны, въ тоже время крестьяне, подъ предводительствомъ Кнопфа, Луи Баскова, Вальтера Баха и Ганса Шлимера Зодгофенскаго двинулись большими толпами къ монастырю и овладѣли имъ. Каноники и вся придворная челядь аббата бѣжали. Крестьянскіе начальники взяли себѣ большую часть запасовъ и всѣ драгоценности и все скопище расположилось въ монастырѣ ѣсть и пить. При этомъ, они не забыли и городскую общину, и послали ей въ городъ два большіе ведра вина, но совѣтъ не принялъ этотъ подарокъ и, чтобы расположить къ себѣ цехи, пригласилъ ихъ каждый въ свою палату, гдѣ имъ было приготовлено угощеніе, вино и закуска. Крестьяне нагрозили въ телѣги всѣ книги изъ библіотеки, всѣ акты и регистры изъ канцеляріи и колокола, опустошили конюшни и погреба, при чемъ дѣло не обошлось безъ насилій.

Затѣмъ, они двинулись на замокъ Швебельсбергъ, взяли, опустошили и разрушили его; таже участь постигла княжескіе замки Гогонталь и Волькенбергъ. Фохтъ Вернеръ фонъ-Райтенау, управлявшій Гогентеномъ и Фохтъ Морицъ фонъ-Альштансгофенъ были отпущены крестьянами на свободу, не испытавъ отъ нихъ никакой непріятности. Крестьяне взяли даже доставить имъ куда угодно ихъ имущество и первому отвезли его до Лейткирха, а второму, пожелавшему отправиться въ городъ Кемптенъ, предоставили въ распоряженіе восемнадцать телѣгъ для перевозки его вещей. При взятіи замка Волькенберга, особенно отличились крестьяне мѣстечка Оберъ-Гюнцбурга; это Альгауское мѣстечко, лежащее между Дитманридомъ и монастыремъ Оттобиртомъ, было весьма предано народному дѣлу, съ самаго начала и всѣхъ ревностнѣе вступило въ войну противъ господъ. Жители его взяли изъ своей церковной кассы 340 фунтовъ гелмеровъ и внесли эти деньги въ общую союзную кассу. Кромѣ того, они внесли туда все, что выручили изъ продажи серебрянаго распятія, одна работа котораго стоила 100 флориновъ. По взятіи Волькенберга, они привели все скопище въ свое мѣстечко и угостили. Князь заперся въ Либентанѣ и считалъ себя въ безопасности, полагая, что крестьяне не могутъ взять такой сильный замокъ. Но жители Оберъ-Гюнцбурга высмотрѣли замокъ, когда еще имѣли доступъ въ него и сообщили теперь всѣ свои свѣденія товарищамъ своимъ, которые совѣщались о взятіи замка. Тогда часть крестьянъ расположилась 8 апрѣля подъ Либентаномъ, а другая, большая часть, пошла къ Леху, братъ Фюссенъ.

До сихъ поръ, Фюссенцы отдѣлывались одними словами, въ которыхъ можно было скорѣе видѣть уловки и отговорки, чѣмъ искреннее желаніе пристать къ Альгаускому союзу. 6 апрѣля Вальтеръ Бахъ послѣдній разъ обращался къ нимъ съ требованіемъ, чтобы они объявили наконецъ, хотятъ ли они оказать имъ помощь по Божескому правосудію или нѣтъ, намѣрены ли они держаться за крестьянъ или противъ нихъ, потому что

до сихъ поръ они себя вели въ отношеніи крестьянскаго дѣла холодно и принимали къ себѣ враговъ его *). Владѣтель Фюссена, епископъ аугсбургскій не оказывалъ городу никакой помощи, поэтому жители обратились къ Австрійскому правительству въ Инсбрукъ и ерцгерцога Фердинанда прислалъ имъ еще 4 апрѣля артилериста, пороку и обѣщаніе прислать въ городъ конный отрядъ.

Между тѣмъ, Фюссенцы написали главному начальнику альгаускихъ крестьянъ, прося его указать имъ, кто такіе тѣ враги крестьянъ, которыхъ они будто бы принимаютъ въ своемъ городѣ. Вальтеръ Бахъ отвѣчалъ, что врагъ крестьянъ епископъ аугсбургскій, что Фюссенцы его благопріятели, что они, не смотря на неоднократныя приглашенія, не оказали крестьянамъ никакой помощи и что потому къ нимъ нынче же будутъ гости.

Гонецъ Фюссенцевъ не успѣлъ еще выѣхать изъ крестьянскаго лагеря, какъ крестьяне уже начали готовиться къ выступленію въ походъ. Въ дѣлѣ этомъ Вальтеръ Бахъ дѣйствовалъ не по собственному усмотрѣнію, а по приказанію общаго христіанскаго совѣта. Приказы эти были вѣроятно даны ему на большой сходкѣ въ Гайсбиренѣ, гдѣ собирались всѣ три скопища вмѣстѣ и гдѣ, съ общаго согласія, были составлены планы военныхъ предпріятій крестьянства. Осада и взятіе замковъ и укрѣпленій происходили прямо по этимъ планамъ и, кажется, что въ Гайсбиренѣ всеобщій христіанскій союзъ раздѣлился на нѣсколько небольшихъ осадныхъ корпусовъ, при чемъ наблюдалось, чтобы въ каждомъ корпусѣ были отряды изъ всѣхъ трехъ скопищъ **). Такимъ образомъ было приведено въ исполненіе, опредѣленно выраженное, постановленіе крестьянъ касательно уничтоженія замковъ и монастырей.

*) Донесеніе Фуртенбаха—рукопись въ собраніи Шмида.

**) Это ясно доказывается актомъ Каупфбееренскаго архива, въ собраніи Шмида.

Вальтеръ Бахъ занялъ отрядомъ изъ 200 человѣкъ крестьянъ мостъ черезъ Леху въ Боксвангенъ, чтобы воспрепятствовать войскамъ пройти изъ Инспрука на помощь Фюссену. Самъ онъ пошелъ съ тринадцатью отрядами къ Ридену, здѣсь онъ сталъ дожидаться ниже-альгаускаго скопища. 300 человѣкъ были посланы къ Фальсбергу. Они должны были напасть изъ Фауленбаха на монастырь, едва только главные силы подступятъ къ Фюссену, отрѣзать Фюссенцевъ отъ воды, разрушивъ колодцы и плотины. Другой отрядъ былъ поставленъ близъ Альтенау; при Гиркенгюмъ и въ горахъ, вокругъ Фюссена, было скрыто много крестьянъ. Въ вербное воскресенье, за два часа до разсвѣта, конный австрійскій отрядъ, подъ начальствомъ Юришича, шелъ отъ эренбергской пустыни къ боксвангенскому мосту. Крестьяне, стоявшіе передъ мостомъ, отступили. Юришичъ спросилъ начальника ихъ Михаила Кемптена, какъ они могли вступить въ австрійскія владѣнія; крестьяне отвѣчали, что получили приказаніе охранять фюссенскую дорогу и вовсе не имѣли намѣренія вредить тирольскому графству; на это Юришичъ сказалъ, что его свѣтлость ерцгерцогъ велѣлъ ему защищать Фюссенъ противъ крестьянъ, желая оставить этотъ городъ за собой. А если такъ, отвѣчали крестьяне, если городъ уже принадлежитъ Австріи, то мы скажемъ это нашимъ начальникамъ; тогда австрійскій командиръ перешелъ черезъ мостъ и перейдя, поспѣшилъ разрушить его. Горожанамъ онъ послалъ сказать, что будетъ къ нимъ на помощь со всѣмъ своимъ отрядомъ, быть можетъ, еще нынче-же вечеромъ, и что если крестьяне подступятъ къ городу до его прихода, то имъ слѣдуетъ объявить, что городъ принадлежитъ австрійскому дому и находится подъ покровительствомъ его княжеской свѣтлости. Шпіоны, бывшіе между крестьянами, переправились черезъ Леху и уведомили горожанъ о близости грозящей имъ опасности; городъ не имѣя другого выбора, предпочелъ попасть въ руки Австріи, чѣмъ крестьянъ. Былъ составленъ актъ, которымъ городъ передавался покровительству ерцгерцога, но въ то самое время, какъ городской гонецъ

возвратился отъ ерцгерцога съ его отвѣтомъ, въ которомъ онъ увѣрялъ горожанъ, что теперь уже имъ нечего бояться крестьянъ, подъ городомъ показался первый крестьянскій отрядъ подъ предводительствомъ Ганса Бейхлина Вейсензейскаго. Отрядъ этотъ проникъ за Ашенбергъ до домика лѣсничаго, гдѣ остановился на роздыхъ. Сосѣдніе крестьяне еще въ предшествующіе дни начали непріязненные дѣйствія противъ Фюссена, разграбили городское имущество, угнали съ пастбищъ и закололи часть городского скота; горожане вооружились и выжидали дальнѣйшихъ предпріятій крестьянъ. Совѣтъ послалъ къ крестьянамъ дворянина Ганса Шаде, гражданина Каспара Дешенмайера и одного оруженосца; они имѣли порученіе сказать крестьянамъ, что городъ принадлежитъ теперь австрійскому дому и что главный крестьянскій предводитель обѣщалъ не предпринимать ничего противъ Австріи и ея вассаловъ. Крестьянскій вождь, Бейхлинъ, отвѣчалъ фонъ-Шаде, что Фюссенъ принадлежитъ епископу аугсбургскому, а не Австріи, что все это интриги, но, что впрочемъ онъ сообщитъ объ этомъ главному предводителю Вальтеру Баху и другимъ. Онъ отступилъ съ своимъ отрядомъ обратно къ Ридену, гдѣ стоялъ Вальтеръ Бахъ, ожидая прибытія нижеальгаускаго скопища, которое Флоріанъ Грейзель, начальникъ этого скопища, обѣщалъ привести къ нему, для того чтобы въ понедѣльникъ рано утромъ двинуться общими силами на Фюссенъ. Бейхлинъ сказалъ объ этомъ фонъ-Шаде. Мы намѣрены завтра позавтракать Фюссеномъ, сказалъ онъ и, взявъ его, пожалуй подаримъ его княжеской свѣтлости, какъ плату за исповѣдь.

Фонъ-Шаде поспѣшилъ къ эренбергской пустыни, а командиръ Юришичъ послалъ фонъ-Ицендорфа съ письмомъ къ Вальтеру Баху. Бахъ согласился подождать до 8 часовъ утра понедѣльника. Все вербное воскресенье прошло въ Фюссенѣ въ военныхъ приготовленіяхъ; монахи, подобно гражданамъ, вооружились мечами и щитами. Въ понедѣльникъ Вальтеръ Бахъ подступилъ къ городу и послалъ къ воротамъ для

переговоры троих крестьян. Горожане послали фон-Ицендорфа и несколько членов совета и магистрата к Вальтеру Баху, который принял их, окруженный крестьянским комитетом из 50 человек. Крестьянский главнокомандующий сказал им, что до сих пор они не дали удовлетворительного объяснения ни на одно требование крестьян; что всеобщее евангелическое общество в последний раз просит их присоединиться к нему и оказать помощь и содействие евангелию, которое крестьяне хотят возстановить, что крестьянство очевидно угнетено господами, что оно не хочет возвращаться к прежним порядкам, и что кровь прольется рёкой, прежде чем их принудят покориться. Фюссенцы отвечали, что не могут вступить в крестьянское общество. Фон-Ицендорф напомнил Вальтеру Баху его обещание не тревожить подданных и вассалов австрийского дома. Вальтер Бах прикинулся разсерженным; он грозил перевернуть вверх дном город, принадлежащий отъявленному врагу крестьян, епископу аугсбургскому, и сказал, что находит поведение эрцгерцога неправым, потому что не в обычаях войны, чтобы государь отнимал у своих союзников возможность раздвигаться с врагами, принимая их под свое покровительство или в свое подданство *).

Должно показаться странным, что крестьянский главнокомандующий назвал эрцгерцога Фердинанда союзником крестьян. Это объясняется следующим образом. Эрцгерцог Фердинанд, хитрый политик, был намерен воспользоваться современными религиозно-политическими движениями для увеличения могущества Австрийского дома; он серьезно предлагал Баварии разделить между собою архиепископство Зальцбургское, так как тогдашние обстоятельства благоприятствовали подобному захвату чужих владений **). По

*) Рукопись в собр. Шмида.

**) Инструкция Фердинанда своим комиссарам, у Бухгольца т. IX стр. 621

тем же причинам, он вступил в тайное соглашение с некоторыми из предводителей альгауских крестьян, в том числе и с Вальтером Бахом, который долго служил Австрийскому дому в итальянской армии, под начальством Георга фон-Френсберга. Он хотел при этом овладеть при помощи простого народа, всеми странами прекрасного Оберланда, еще не принадлежавшими Австрии, изгнать всех мелких духовных и светских владетелей и присоединить эту страну вместе с Вюртембергом к Австрийской державе. — Поэтому Фердинанд, действовавший в начале против крестьян, стал впоследствии выказывать намерение взять их под свое покровительство и привязать к себе *). Швабский союз выразил свое недовольство против эрцгерцога, прямо объявив его агенту, доктору Франкфурену, что в действиях своих против крестьян, союзники ни в ком не встретили так мало поддержки, как в его княжеской светлости, при чем было присовокуплено, что если эрцгерцог и вперед будет так действовать, то все дворянство отвернется от него.

Это объясняет положение эрцгерцога Фердинанда, в отношении крестьян Альгау и других. Вальтер Бах просто предал их Австрии, и когда фон-Ицендорф заявил, что Фюссен передался и присягнул Австрии, он согласился немедленно отступить. Из этого видно, что он успел разными обманами склонить крестьян верхнего Альгау не тревожить Австрийский дом, но масса не верила, что Фюссен сдвигался Австрийским; народ кричал, что все это плутни и ложь. Один из предводителей крестьян, Нессельвагский Фохт Петер прямо говорил: мы сейчас пойдем ко двору его княжеской светлости, спросить, правда ли что нам говорят, будто Фюссен передался Австрии, и если это

*) Манифест герцога Вильгельма Баварского к земству своей страны от 1529. Мюнхенский архив. Рескрипт Фердинанда у Бухгольца т. VIII стр. 103.

не правда, если насъ обманули, то мы камня на камень не оставимъ въ городѣ и не пощадимъ младенцевъ въ утробѣ матерей; но Вальтеръ Бахъ предпринялъ отступленіе. Было рѣшено, что такъ какъ все крестьянство, до самыхъ стѣнъ города, вступило въ крестьянскій союзъ, то горожане останутся въ городѣ и не будутъ выходить изъ него, пока дѣло не кончится. Однако людямъ дальновиднымъ и тѣмъ, которые желали грабежа города—въ Вейсензи женщины ожидали добычи съ цѣлымъ обозомъ—удалось настоять, по отступленіи Вальтера Баха къ Несельвангу, чтобы онъ былъ лишенъ главнаго начальства. Мѣсто его было передано Павлу Пробсту Оберндорфскому.

Гораздо дѣятельнѣе и честнѣе былъ другой предводитель верхнеальгаускаго скопища Эрнъ Шмитъ Пуговица Луибаскій. Но и ему не удалось удержать своихъ кемптенцевъ, столь благоразумныхъ прежде, отъ нѣкоторыхъ излишествъ. Въ лагерь его стекался разный сбродъ изъ города Кемптена и испортилъ поселянъ. Эрнъ тѣснилъ Либентанъ и взялъ укрѣпленные пункты въ странѣ, выжидая, между тѣмъ, благопріятной минуты, чтобы занять городъ Отряды, осаждавшіе замки, по взятіи ихъ бродили по странѣ. Одинъ изъ нихъ пришелъ въ великую пятницу, 14 апрѣля, вторично въ кемптенскій монастырь и опустошилъ окончательно все, что еще уцѣлѣло отъ перваго нашествія. И здѣсь также хуже всего вели себя горожане, которые, не смотря на запрещеніе выходить изъ города, присоединились къ крестьянамъ и, по свидѣтельству своихъ же согражданъ, гораздо больше безчинствовали, чѣмъ крестьяне. Они пировали въ монастырѣ, пока не съѣли и не выпили всего, что тамъ было, потомъ они выказали всю свою ненависть къ древнимъ учрежденіямъ; когда наступило время обѣдни, крестьяне пошли процессіей съ оружіемъ, съ хохотомъ и насмѣшками въ монастырь, низвергли образа и нанесли величайшее оскорбленіе всему, что считалось священнымъ. Они отпилили пилой голову прекрасной статуи Мадонны, разбили туловище, опрокинули и потомъ

унесли купель, разбили ковчежець, кафедру и два органа; въ этой фанатической ярости обнаружилось вліяніе перекрещенцевъ, которыхъ въ этой странѣ было очень много. Всѣ эти сцены были повтореніемъ происшествій, разыгранныхъ перекрещенцами въ Вальдгуть и Цюрихъ. Съ шумомъ и музыкой, вышла толпа изъ монастыря, превративъ его въ развалины.

Одинъ за другимъ, падали рыцарскіе замки въ Альгау; Гансъ Шницеръ Зондгофенскій и другіе осаждали и разрушали ихъ. Были опустошены помѣстья Адама фонъ-Штейна и Юнкера Юрка Мангольда цу-Вальдека. Георгъ фонъ-Лангенскъ былъ вынужденъ сдать крестьянамъ свой замокъ. Дипольтъ фонъ-Штейнъ понесъ большіе убытки отъ пожара и грабежа; крестьяне сожгли замокъ Фалькенъ, принадлежавшій Ахацу фонъ-Роттенштейну и воевали со всѣми, кто отказывался вступить въ ихъ союзъ *). При нападеніи на замокъ Измицгофенъ, былъ тяжело раненъ копьемъ владѣтель его, Кунцъ фонъ-Ридгеймъ. Крестьяне считали его своимъ непримиримѣйшимъ врагомъ и потому, взявъ его въ плѣнъ, всюду возили съ собой на телѣгѣ, насмѣхались надъ нимъ и принудили быть очевидцемъ разоренія, грабежа и пожара своихъ замковъ Ангельберта и Имъ-Вальда. Тщетно предлагалъ онъ имъ за свое освобожденіе и за сохраненіе своихъ владѣній отъ грабежа и огня, 40,000 гульд.; изъ всѣхъ крестьянъ только одинъ принялъ участіе въ немъ, во время его тяжелой неволи, только одинъ Гансъ изъ Липерга тайно приносилъ ему кушанье и питье, наконецъ ему удалось подкупить начальниковъ и это обошлось ему только въ 4000 гульд., такъ какъ они съ него взяли по 6 гульд. на брата, по 3 для старшихъ и по одному для прочихъ крестьянъ **).

*) Кемптенская хроника и акты Клафбермскаго архива Шмида.

**) Акты Кауфбейрскаго архива, рукопись Томана, рукопись Германа Гуттенбергскаго въ кауфб. архивѣ и выдержка изъ Нея въ собраніи Шмида.

Наконецъ и князю аббату, господину Себастьяну фонъ-Брей-тенштейну, стало не по себѣ въ своемъ укрѣпленномъ замкѣ Либентанѣ; сначала онъ чувствовалъ себя, какъ нельзя лучше съ своимъ деканомъ Эхомъ фонъ-Рейманомъ, среди своихъ канониковъ, родственниковъ и совѣтниковъ, святынь, сокровищъ, денежныхъ суммъ и бумагъ своего монастыря, которыя были привезены отсюда. Онъ считалъ замокъ неприступнымъ, сюда были перевезены золото, серебро и иное имущество многихъ другихъ владѣтелей, напр. Адама фонъ-Штейна; но когда замки самого князя и другихъ владѣтелей были взяты разными крестьянскими начальниками, посланными противъ нихъ, и когда съ каждымъ днемъ уменьшалась надежда на полученіе помощи, князь струсилъ. Онъ, такъ долго попиравшій ногами права крестьянъ и говорившій съ ними такъ презрительно, дѣлалъ имъ теперь, одно за другимъ, самыя благосклонныя предложенія. Онъ, обманувшій нѣкогда доверчивыхъ крестьянъ четырнадцать разъ сряду, на четырнадцати сеймахъ, посылалъ теперь Пуговицѣ, одинъ за другимъ, разные проекты договоровъ. Но крестьяне не вѣрили ему, горожане не помогали, онъ сталъ совѣтываться съ своими приближенными. Всѣ они были того мнѣнія, что должно сдать замокъ крестьянамъ, лишь бы выговорить себѣ только жизнь. На такія условія крестьяне согласились; они оставили князю аббату пару лошадей, десять серебряныхъ кубковъ, постель и триста гульд. деньгами и обѣщали всѣмъ жизнь и свободу, но князь долженъ былъ оставить крестьянамъ все, что было въ замкѣ: священную утварь, серебряную посуду, деньги, лошадей, скотъ, вино, хлѣбъ, огнестрѣльное оружіе, панцыри, алебарды и всякое прочее оружіе, домашнюю утварь, акты, грамоты и книги. Этотъ договоръ между княземъ и его оскорбленными поселянами былъ заключенъ при посредствѣ городскихъ совѣтниковъ Кемптена; князь былъ доволенъ, что остался въ живыхъ и что уцѣлѣли его совѣтники. Князю, каноникамъ и всѣмъ его приближеннымъ было даже позволено остаться на

жительство въ городѣ Кемптенѣ. Но кромѣ, князя никто изъ нихъ не получилъ ничего изъ своего имущества.

Когда Кнопфъ Луибаскій забралъ для крестьянъ всю добычу изъ замка, въ крестьянскій лагерь передъ Либентаномъ прибылъ Кауфбейренскій бургомистръ, Блази Гонольдъ съ нѣсколькими совѣтниками. Городъ Кауфбейренъ находился съ крестьянами въ хорошихъ отношеніяхъ и княжескіе совѣтники просили его заступничества, чтобы выхлопотать сохраненіе въ цѣлости имущества, найденнаго въ Либентанѣ. Получивъ свободный пропускъ къ крестьянамъ и обратно, Кауфбейренскіе господа прибыли въ лагерь, въ великую пятницу, т. е. въ самый день сдачи города и ходатайствовали о сохраненіи образовъ, бумагъ и другихъ предметовъ. Крестьянскіе начальники и совѣтники, числомъ человѣкъ 12, отвѣчали, что завоеванную добычу, намѣрены употребить на свои военныя надобности: они уже подѣлили между собой часть серебряной посуды и предложили Кауфбейренскимъ депутатамъ выкупить за нѣсколько тысячъ гульденовъ двѣ серебряныя раки. Кауфбейренцы отклонили это предложеніе подъ предлогомъ, что у города нѣтъ денегъ. Имъ не удалось также выхлопотать у крестьянъ грамотъ и актовъ. «Акты мы прочтемъ, сказали крестьяне, которые намъ нужны оставимъ себѣ, а прочіе отдадимъ другимъ.»

Крестьяне подѣлили между собой всю добычу: священныя предметы, золотыя и серебряныя вещи, хлѣбъ, вино, деньги и оружіе. Добыча эта дала имъ порядочныя средства вести народную войну. Гюцбургцы взяли монастырскіе акты и заняли замокъ Либентанъ. Послѣ раззоренія, его было, зажгли, но пожаръ не распространился, хотя и повредилъ замокъ. Монастырь также часто поджигали, но, тѣмъ, не менѣе онъ уцѣлѣлъ *).

Совѣтъ города Кемптена препроводилъ аббата и его сви-

*) Кемптенская лѣтопись.

ту въ Кемптенъ. Желая воспользоваться бѣдственнымъ положеніемъ аббата, городъ снова приступилъ къ нему, предлагая ему выкупъ; князь и каноники его до того нуждались въ деньгахъ, что на пасхѣ хотѣли занять 1,000 флориновъ у города Кауфбейрена и отказаться за это отъ всего, принадлежавшаго имъ въ городѣ, но потерпѣли неудачу *). Кемптенскій бургомистръ Зейтлеръ убѣдительно доказалъ князю, что надѣяться нельзя со стороны союза, на помощь и князь, побуждаемый съ одной стороны нуждою, а съ другой, потерявъ надежду на спасеніе и помня безпрестанныя тяжбы, возникавшія изъ отношеній монастыря къ городу и нерѣдко стоившія большихъ расходовъ, рѣшился наконецъ, хотя и неохотно, продать совѣту монастырскія права надъ городомъ. Торгъ состоялся за 32,000 флориновъ, но аббатъ долго еще противился совершенію купчей; онъ раскаялся, хотѣлъ выждать, и, когда просіялъ лучъ надежды на помощь отъ Швабскаго союза, пытался бѣжать изъ города, переодѣтый городовымъ. Одинъ горожанинъ узналъ его и Зейтлеръ приказалъ тщательно стеречь его, наконецъ онъ былъ вынужденъ сдержать свое обѣщаніе и 6 мая выдать купчую. Всѣ цехи праздновали это пиромъ, въ которомъ приняли радостное участіе старыя и малыя. Аббатъ, возвратясь въ свой монастырь, также угощалъ городскіе цехи **).

Въ то время какъ это происходило въ верхнемъ Альгау, крестьяне нижняго Альгау тѣснили владѣнія своихъ дворянъ и въ томъ числѣ замки Вольфегъ и Вальдзэ, принадлежавшіе самому Трухзесу. Въ страстную среду, крестьянское скопище изъ Иллерской долины напало на Оксенгаузенскій монастырь съ намѣреніемъ ограбить его, но вассалы монастыря, подоспѣвъ, прогнали грабителей и заняли аббатство. Подъ ихъ охраною монастырскія зданія и каноники были въ совершенной безопасности. Главный начальникъ Нижнеальгаускаго скопища, Фло-

*) Кауфбейренскій архивъ.

**) Кемптенская лѣтопись.

рианъ Грейзель, двинулся въ верхнее Альгау, а другой отрядъ, подѣ начальствомъ Якова Гундеиписа осадилъ Вольфегъ и Вальдзэ; рыцари, посланные Трухзесомъ въ Вольфегъ, не могли проникнуть въ замокъ, тѣсно обложенный крестьянами со всѣхъ сторонъ, но за то имъ удалось пробраться въ Вальдзэ менѣе стѣсненный, хотя и здѣсь не обошлось безъ стычки съ крестьянскимъ отрядомъ. Вскорѣ крестьяне стѣснили совершенно и этотъ замокъ, а недостатокъ въ продовольствіи принудилъ защитниковъ его вступить съ крестьянами въ соглашеніе при посредствѣ горожанъ. Было заключено условіе, по которому рыцари обѣщались вознаградить своихъ обиженныхъ крестьянъ, не сражаться противъ крестьянскаго союза и уплатить крестьянамъ 4,000 гульд., за что поручился городъ Вальдзэ. Тогда крестьяне отступили отъ замка, гдѣ находились супруга и дѣти Трухзеса и замокъ могъ снабдить себя свѣжимъ продовольствіемъ; но вскорѣ распространился слухъ, что крестьяне хотятъ вернуться къ Вальдзэ, овладѣть семействомъ Трухзеса, потомъ подступить къ Вольфегу и принудить гарнизонъ этого замка, обладавшаго сильною артиллеріей, къ сдачѣ, пригрозивъ, въ противномъ случаѣ, казню ихъ госпожи и ея дѣтей. Взявъ вольфегскую артиллерію, они намѣревались двинуться съ нею и съ семействомъ Трухзеса на встрѣчу ему самому.

Смирнѣе всѣхъ дѣйствовало озерное скопище. Узнавъ о нападеніи Трухзеса на ридскихъ крестьянъ, Эйтель Гансъ Ціельмюллеръ собрался идти имъ на помощь. Онъ дошелъ до Вейнгитетена, но оттуда возвратился въ Берматингенъ, получивъ, извѣстіе, что Трухзесъ уже выступилъ изъ Рида. 1 апрѣля въ монастырѣ замѣтна была сильная тревога по случаю распространившагося слуха, будто на монастырь идетъ сильное альгауское скопище; ночью капитулъ послалъ гонца въ Берматингенъ къ главному начальнику озернаго скопища. Начальникъ велѣлъ сказать капитулу, чтобы монахи не беспокоились, что слухъ этотъ ложенъ, и что завтра онъ крѣдетъ въ монастырь съ 300 человекъ, почему и проситъ теперь приготовить его лю-

дямъ вина и закуски. Въ субботу, въ 10 часовъ утра, Эйтель-Гансъ вступилъ въ монастырь. Монахи угощали его людей въ гостинницѣ, а самого начальника, его совѣтниковъ, помощниковъ и драбантовъ — въ аббатствѣ. Пообѣдавъ, онъ пошелъ въ Аунигенъ, гдѣ устроилъ лагерь, въ которомъ расположилъ отрядъ подъ начальствомъ Уле изъ Пафенгофена; на обратномъ пути, онъ заходилъ въ замокъ ужинать и сказалъ каноникамъ, чтобы они присягали крестьянскому союзу и что самъ «свѣтлый сонмъ» приказалъ ему привести ихъ къ присягѣ. Капитулъ просилъ времени подумать, на что онъ согласился и ушелъ съ своимъ отрядомъ снова въ Берматингенъ. Въ воскресенье, 2 числа, въ Берматингенѣ былъ большой народный сходъ, гдѣ присутствовало до 8,000 крестьянъ. Въ 9 часу вечера они выступили и двинулись къ Маркдорфу съ намѣреніемъ его принудить къ союзу или штурмовать. Городъ, застигнутый врасплохъ, сдался безъ выстрѣла со всею артиллеріею. 4,000 крестьянъ вошли въ городъ ночью и на другое утро Ціельмюллеръ привелъ къ присягѣ всю общину, затѣмъ, въ то же утро, онъ пошелъ дальше къ замку Эттендорфу, взялъ его, занялъ своими людьми и немедленно двинулся дальше къ Марцбургу; горожане вышли къ нему на встрѣчу съ хлѣбомъ и виномъ, сдали городъ и принесли присягу. Между тѣмъ, аббатъ За-немскій, бѣжавшій въ Бюберлингенъ, прислалъ капитулу разрѣшеніе присягнуть крестьянскому союзу и двое крестьянскихъ совѣтниковъ, уполномоченные Эйтель Гансомъ, Фохтъ Берматингенскій, Бенедиктъ и Гансъ Яковъ Іёрхъ изъ Лехштетена, привели канониковъ къ присягѣ. Клятва, взятая съ нихъ, касалась только двухъ пунктовъ: проповѣдывать евангеліе безъ всякихъ своихъ дополненій и помогать крестьянамъ добыть себѣ «Божеское право.» Въ то же время, уполномоченные главнаго начальника назначили въ монастырь трехъ свѣтскихъ комиссаровъ, которымъ былъ порученъ надзоръ за кладовыми; они должны были смотрѣть, чтобы отъ нихъ не утаивали ни вина, ни хлѣба; начальникъ крестьянъ ска-

залъ монахамъ, что онъ не хочетъ обижать ихъ; и вообще онъ дѣйствовалъ кротко и умѣренно въ отношеніи дворянъ и духовенства. «Онъ былъ хорошій человекъ, говорить залемскій монахъ, и поступилъ съ нами справедливо, безъ него намъ, быть можетъ, было бы худо.» Рейтенаускій отрядъ альгаусцевъ подъ командою Дидриха Гурлевагена нѣсколько разъ покушался разорить замокъ, но Эйтель Гансъ постоянно препятствовалъ этому.

Отъ города Меарцбурга Эйтель Гансъ подступилъ къ замку Марцбургу, который не сдался вмѣстѣ съ городомъ. Гарнизонъ его командовалъ фохтъ епископа Констанскаго, Киллионъ Вейхлинъ. Крестьяне хотѣли штурмовать и разрушить замокъ, но Эйтель Гансъ спасъ его, заключивъ съ епископомъ констанскимъ, Гуго фонъ-Ланденбергомъ договоръ, по которому епископъ далъ за замокъ 300 гульд. и 6 бочекъ вина контрибуціи и предоставилъ его въ распоряженіе крестьянскаго начальника. Потомъ онъ обратился противъ Тетнинга, принадлежавшаго Гуго фонъ-Монтерфту, взялъ его и занялъ своими людьми; затѣмъ онъ обложилъ съ суши и съ озера городъ и монастырь Бухгольмъ, нынѣ Фридрихзафенъ, и здѣсь къ нему явилось посольство отъ эрцгерцога Фердинанда побудившее его къ отступленію. Такимъ образомъ эрцгерцогъ былъ, повидимому, въ сношеніяхъ съ озернымъ копищемъ.

Жители Гуэгорна послали крестьянскому начальнику въ Герматингенъ своихъ уполномоченныхъ, которые присягнули крестьянскому союзу отъ имени города Эттенсана и просили черезъ нихъ гражданъ Юберлингена объ освобожденіи нѣсколькихъ плѣнныхъ крестьянъ. Но юберлингенцы освободили ихъ не даромъ; они укрѣпили свой городъ и снабдили его продовольствіемъ такъ, что крестьяне ничего не могли имъ сдѣлать. Граждане этого города были не расположены къ крестьянамъ, они заперли городскіе ворота и долго не отворяли ихъ, никого не впуская и не выпуская. Эйтельгансъ отправился съ отрядомъ въ 500

человѣкъ на другой берегъ озера, гдѣ къ крестьянскому союзу присталъ Вольматингенъ и другія деревни, затѣмъ онъ снова переѣхалъ на эту сторону. Въ великій четвергъ, 13 апрѣля онъ держалъ большой совѣтъ въ Салемѣ; здѣсь присутствовали совѣтники всѣхъ общинъ, вновь поступившихъ въ союзъ: какъ то изъ Марцбурга и Маркдорфа, всего до 60 человекъ; были также выборные изъ Радольфусма, прибывшіе для общихъ совѣщаній о дальнѣйшихъ предпріятіяхъ *).

Когда, такимъ образомъ шли военныя дѣйствія крестьянъ, и не добрыя вѣсти приходили со всѣхъ сторонъ государства, на многихъ напалъ ужасъ и господа въ Швабскомъ союзѣ при дворахъ и въ замкахъ, столь высокомерные прежде, «теперь попригнѣли.»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Сраженіе при Вурихѣ.

Во вторникъ, на страстной недѣли, 11 апрѣля, Трухзесъ двинулся съ своимъ войскомъ, съ орошенныхъ кровью полей Гюнцбурга и Лепгейма, въ Верхнюю Швабію. Между Ульмомъ и Бальтрингеномъ, онъ встрѣтилъ двухсотенный отрядъ крестьянъ, который сперва пытался удержаться на кладбищѣ, потомъ отступилъ оттуда въ лѣсъ и, при отступленіи, потерялъ 100 человекъ. Трухзесъ расположился лагеремъ въ деревнѣ Бальтрингенѣ, бывшей колыбелью возстанія. Когда онъ сидѣлъ, съ своими товарищами, за ужиномъ, въ трубѣ загорѣлось, однако пожаръ былъ сейчасъ же потушенъ. Въ

*) Рукопись въ зальмасвельскомъ архивѣ.

ту же ночь отрядъ баварской конницы въ 200 человекъ, отдѣлившійся отъ арміи слишкомъ въ сторону для грабежа, былъ почти весь уничтоженъ крестьянами. На другой день Трухзесъ у своего горнаго замка Грюнентана встрѣтилъ 100 человекъ крестьянъ, шедшихъ на соединеніе съ скопищемъ къ Вульцаху и нѣсколько запоздавшихъ на пути; кавалерія атаковала ихъ, при чемъ они потѣряли свое бѣло-зеленое знамя, 20 человекъ убитыми и до двухсотъ плѣнными, прочіе счастливо отступили. Георгъ быстро двинулся дальше изъ Ульма. Союзъ писалъ ему, чтобы онъ шелъ влѣво гдѣ скопище изъ Иллерской долины, только-что произвело, упомянутое нападеніе на Окензгаузенъ. Съ одной стороны до него доходили слухи о стѣсненномъ положеніи его замка Вольфеса и объ опасности, угрожавшей его семейству въ Вальмгеѣ, съ другой—онъ узналъ, что Бальтрингенское скопище раздѣлилось на отряды и онъ спѣшилъ уничтожить ихъ по частямъ. Всѣ мѣста въ окрестностяхъ Бальтрингена подчинились союзу безъ всякаго принужденія и насилія, снова принесли присягу и такимъ образомъ позорно отпали отъ крестьянъ, хотя сами были первою причиною мятежа и возстанія *). Трухзесъ двинулся ближайшимъ путемъ въ свои владѣнія.

Плѣнные, забираемые на дорогѣ, говорили Трухзесу, что Иллерское скопище раздѣлилось, что одни пошли къ Вальдзее, другіе къ Заульгау. Нюрнбергскій гонецъ, ѣхавшій изъ Сантъ-Геллена рассказывалъ, что въ Гельндорфѣ онъ встрѣтилъ 800 крестьянъ съ двумя знаменами. Георгъ и графъ Вильгельмъ фонъ-Фюрстенбергъ съ конницей бросились преслѣдовать ихъ. Увидя ихъ, крестьяне побѣжали къ своимъ орудіямъ. Георгъ, который на войнѣ былъ, какъ дома, закричалъ своимъ, чтобы они догоняли ихъ, и не давали имъ время оборотить орудія и выстроиться. Крестьяне были опрокинуты, и

*) Зальма архивъ. Рукопись.

обращены въ бѣгство. Многіе бросались въ сосѣднее болото, другіе въ Ридъ при Винтерштетинѣ. Конница не могла слѣдовать за ними и Георгъ долженъ былъ подождать прибытія пѣхоты; тѣмъ временемъ подоспѣлъ новый крестьянскій отрядъ на помощь первому. Конница отрѣзала ему путь къ Риду. Онъ бросился въ лѣсъ, который былъ немедленно окруженъ кавалеріею. Трухзесъ велѣлъ зажечь тростникъ на болотѣ. Много крестьянъ было убито подоспѣвшею пѣхотою и 140, по преимуществу, изъ подданныхъ Трухзеса попались въ плѣнъ, но большая часть ихъ, со всею артиллеріею успѣла спастись, что доказываетъ, какъ упорно было сопротивление незначительной горсти крестьянъ, бывшей въ арьергардѣ.

Союзное войско расположилось у лѣса, прозываемаго Шнайтъ. Георгъ написалъ къ своимъ крестьянамъ ласковое письмо, приглашая ихъ покориться и грозя, въ противномъ случаѣ, воздать имъ по евангелію сторицею. Крестьянскій начальникъ, Флоріанъ также любезно отвѣчалъ, что крестьяне пошлютъ депутатовъ для переговоровъ, но Трухзесъ увидѣлъ въ этомъ просто намѣреніе обмануть и задержать его до прихода альгаускаго и озернаго скопища. Флоріанъ уже спѣшилъ призвать къ себѣ ближайшіе отряды. Впрочемъ и предложеніе самого Трухзеса, которое онъ дѣлалъ въ письмѣ къ крестьянамъ, клонилось къ той же цѣли. Поэтому не стѣсняясь тѣмъ, что самъ онъ, только-что предлагалъ мирные переговоры, двинулся на Вурцагскую равнину, извиняя это вѣроломство тѣмъ, что получилъ извѣстіе, будто Флоріанъ торопится къ себѣ на помощь отрядъ изъ подъ Вольфена и намѣревается атаковать союзную армію. Дорогой онъ встрѣтилъ 8 человѣкъ крестьянъ, очевидно депутатовъ, посланныхъ для мирныхъ переговоровъ, на которые онъ ихъ пригласилъ. Эбергардъ Шоне съ отрядомъ конницы поскакалъ на нихъ, но они, не слушая его крика, побѣжали къ скопищу. Рейтары преслѣдовали ихъ, однако не догнали и должны были отступить передъ крестьянскими стрѣлками. За часовой, при Вурцахъ было расположено въ боевомъ порядкѣ

семи тысячное скопище Флоріана, Георгъ атаковалъ его, и крестьяне отступили сперва на три высокіе холма, а потомъ въ оврагъ. Трухзесъ овладѣлъ полями, но потомъ снова отступилъ къ городу, надѣясь этимъ маневромъ вызвать крестьянъ изъ ихъ выгодной позиціи. Но, крестьяне выдвинули только своихъ стрѣлковъ, мѣтко стрѣлявшихъ и производившихъ не малое опустошеніе въ рядахъ союзной конницы; главныя же силы ихъ отступили къ порожней бѣлильнѣ у Ааха и прикрылись болотомъ. Трухзесъ встрѣтилъ одного стараго крестьянина Ганса Луца, который по дряхлости не могъ быть въ рядахъ своихъ братьевъ, и сталъ говорить ему: «чѣмъ я оскорбилъ моихъ людей? за что вы сдѣлали своимъ господиномъ подлаго попа, а меня гоните прочь»? Старикъ бросился на колѣна и отвѣчалъ: «все милостивѣйшій государь, я сознаюсь что мы великіе мятежники и потому прошу вашу милость, позвольте мнѣ еще разъ сходить къ вашимъ подданнымъ, я надѣюсь, они предадутся вамъ на гнѣвъ, или на милость. «Хорошо, сказалъ Трухзесъ, я взыщу только съ попа, а прочихъ я прощу». Но заводя, такимъ образомъ, переговоры, онъ тѣмъ временемъ придвигалъ артиллерію и войско и строилъ армію въ боевой порядокъ. Онъ имѣлъ 8000 человѣкъ войска. Конницу онъ расположилъ за Вурцахомъ. Главныя силы оставилъ на равнинѣ, обозъ за горой; артиллерію онъ поставилъ противъ непріятельской, впереди всей гвардіи, передъ авангардомъ.

Въ это время, къ крестьянамъ подошелъ отрядъ съ Иллера въ 1500 человѣкъ, и они отвергли мысль о выдачѣ своего предводителя. Тогда Георгъ приказалъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій стрѣлять, изъ трехъ самыхъ большихъ орудій. При каждомъ выстрѣлѣ, крестьяне ложились на землю и ядра летѣли мимо. Наконецъ третій залпъ вышелъ удаченъ. Въ тоже время Флоріанъ увидѣлъ, что во время переговоровъ, армія Трухзеса обошла крестьянское войско и потому отступилъ.

Хотя въ этотъ день,—это было великая пятница,—въ Вей-

сенгорнѣ, на довольно далекомъ разстояніи, слышали около 100 пушечныхъ выстрѣловъ, тѣмъ не менѣе крестьяне потеряли во время сраженія убитыми не болѣе 40 человѣкъ; наступила ночь и сдѣлался такой мракъ, что дѣйствовать стало не возможно. Крестьянскіе отряды отступили въ разныя стороны; Флоріанъ хотѣлъ воспользоваться темнотою, чтобы соединиться съ другими скопищами; въ арміи кричали, что нужно крестьянъ преслѣдовать конницей и пѣхотой. Георгъ не предпринималъ ничего, лошади вязли въ оврагѣ, а солдаты говорили, что «не хотятъ убивать крестьянъ, а только потравить».

При отступленіи, въ темнотѣ нѣкоторыхъ крестьянъ столкнули въ глубокіе рвы, у самаго города. Нѣсколько человѣкъ были убиты и до сотни утонуло *). Вурцбахъ долженъ былъ сдаться, но какъ въ городѣ, такъ и при отступленіи, крестьяне потеряли плѣнными не болѣе 400 человѣкъ, хотя Георгъ заранѣе послалъ за Аахъ эскадронъ конницы. Флоріанъ благополучно дошелъ съ своимъ скопищемъ до Гальсбарена, но молва, можетъ бытъ, распушенная господами въ нижнихъ странахъ, преувеличивала потерю крестьянъ, доводя ее до 7000 человѣкъ и этотъ слухъ не мало содѣйствовалъ кровавой мести, совершившейся въ Винсбергѣ. «Куда дѣлись 400 плѣнныхъ, изъ которыхъ 100 человѣкъ заковали въ кандалы, что съ ними сдѣлали **), я уже не знаю», говорилъ впоследствии герольдъ Трухзеса.

На дальнѣйшемъ пути въ верхнюю Швабію, при Гайсберенѣ, Трухзесъ наткнулся на такія силы крестьянъ, которыя возбудили въ немъ серьезное безпокойство и внушили трепетъ

*) Разсказъ очевидца.

**) Рукопись Ганса Луца Трухзесова герольда, присутствовавшего въ Вурцельскомъ сраженіи; по словамъ Регенбурга, монаха Гольцварта, убитыхъ было 400 человѣкъ, 100 утонувшихъ и 100 плѣнныхъ. Вейсенгорнскій Капеланъ Томанъ умалчиваетъ о сраженіи, какъ о событіи, не заслуживающимъ вниманія.

союзнымъ совѣтникамъ и государямъ. Съ каждымъ часомъ положеніе дѣлъ становилось все хуже и зловѣще.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Силы и вспомогательныя средства движенія.

Кромѣ крестьянъ, расположенныхъ лагеремъ, Швабскій союзъ и господа вообще, имѣли, много и другихъ причинъ питать справедливыя опасенія. Начнемъ съ населенія городовъ.

Всего болѣе возбуждалъ недовѣрія Нюренбергъ, такъ что Имперское правительство перенесло свое мѣстопробываніе изъ этого главнаго очага новой вѣры въ Эслингенъ. Самъ Нюренбергскій совѣтъ долженъ былъ согласиться, что исходныя нити прошлагодныхъ безпорядковъ выходили съ города Нюренберга. Онъ оправдывался тою таинственностью съ какою и зачинщики и распорядители «движенія возбуждали и направляли его изъ Нюренберга. Тотъ-же совѣтъ прибавлялъ, что не слѣдуетъ, однако, всю вину возстанія сваливать на одинъ Нюренбергъ, что въ немъ принимали участіе подданные маркграфа и другихъ князей и владѣтельныхъ господъ. Но князья и ихъ совѣтники прямо утверждали, что возмущеніе затѣяли нюренбергцы и собранія недовольныхъ въ Форжгеймѣ и его окрестностяхъ» *).

На Альгаускіе города Кемптенъ, Мемингенъ, Линдау, Кауфберенъ и Исни пало подозрѣніе и даже обвиненіе въ томъ, что

*) Донесеніе аншпахскихъ совѣтниковъ и Нюренбергскаго совѣта. Іѣрхъ 149.

они не только поддерживали возстаніе, въ Швабіи, совѣтомъ и дѣломъ, но даже сами его подстрекали, въ надеждѣ достигнуть этимъ путемъ присоединенія къ союзу своихъ швейцарскихъ единовѣрцевъ и распространить свободныя государственныя учрежденія по всей южной Германіи.

Чѣмъ извѣстнѣе становились городамъ зависть и ненависть князей и знати какъ къ нимъ, такъ и къ ихъ обезпеченному положенію, чѣмъ яснѣе высказывалось намѣреніе господъ завладѣть городами и подавить ихъ свободу, тѣмъ болѣе нужно было опасаться, что города перейдутъ на сторону крестьянъ и даже стануть во главѣ движенія. Уже многіе города открыто присоединялись къ новому ученію. Въ оберландскихъ городахъ жили или занимали должности именно тѣ проповѣдники, которые съ наибольшимъ увлеченіемъ и ревностью защищали какъ устно, такъ и письменно необходимость политической и церковной реформы. На случай нападенія императора и приверженцевъ старой вѣры, города заключили между собою союзъ, и вступили въ переговоры съ швейцарцами и богемцами. Отсутствіе равноправности въ высшей степени раздражало городскія общины противъ высшихъ сословій, и нужно было по меньшей мѣрѣ опасаться, чтобы общины эти не приняли сторону крестьянъ, особенно принадлежащихъ къ области города, и долго выносившихъ всевозможныя прижимки и презрѣніе господъ. Съ самаго конца прошлаго столѣтія между городскимъ населеніемъ обратились въ поговорку слова: «если это еще продолжится, то мы будемъ вынуждены подѣлаться швейцарцами.» Въ виду грознаго положенія князей и знати, въ виду недавнихъ враждебныхъ и хищническихъ намѣреній рыцарства, — города, для собственной безопасности, должны были войти въ большія издержки.

Къ этому надобно присоединить постоянно возрастающія государственныя подати, упадокъ торговой и ремесленной производительности вмѣстѣ со всѣми прежними бѣдствіями, подъ гнетомъ которыхъ страдало цѣлое населеніе.

И такъ, уже въ продолженіи столѣтія, въ большіе и даже незначительные города имперіи проникла бѣдность, захватывавшая вездѣ болѣе или менѣе густую массу горожанъ и дѣйствовавшая разрушительно на общественныя отношенія, при содѣйствіи новаго вѣроученія и многихъ неурожайныхъ годовъ. Особенно въ тѣхъ городахъ, которые ранѣе волостей, простились съ простотою нравовъ и образа жизни, ежедневно прибывала масса нуждающагося и обремененнаго долгами народонаселенія, частію проводившаго жизнь вѣтрено и распутно, частію же, при всемъ добромъ желаніи, сѣдѣвшаго безъ дѣла и безъ заработныхъ средствъ. Оба эти класса населенія ненавидѣли господствующее и правительственное сословіе. Они не безъ основанія взваливали на него всю вину своихъ бѣдствій и думали поправить обстоятельства переворотомъ, устраненіемъ ненавистныхъ лицъ и учреждений. Именно тѣ самыя лица, въ руки которыхъ стекались почти всѣ деньги, располагали важнѣйшими городскими должностями, точно наслѣдственной арендой, и при этомъ брали немилосердную лихву. Ихъ-то Мюнцеръ и имѣлъ въ виду, когда говорилъ съ ожесточеніемъ: «ахъ, Боже мой, если христіанство должно быть направлено на истинный путь, то нужно истребить этихъ подлыхъ ростовщиковъ!»

Эти ростовщики, вмѣстѣ съ важными городскими господами, образовали также большія торговыя компаніи въ Нюренбергѣ, Ульмѣ и Гейльброннѣ. Давая займы князьямъ и подкупая ихъ совѣтниковъ, и роднясь съ ними посредствомъ браковъ, эти капиталисты прибрали къ своимъ рукамъ монополію, начали тѣснить бѣдное мелкое купечество, лишили тысячи народа работы и пропитанія; бѣдный простолюдинъ долженъ былъ многіе предметы, сдѣлавшіеся потребностью времени, покупать у нихъ по такимъ безсовѣстно-высокимъ цѣнамъ, что самъ Лютеръ написалъ въ 1524 году жестокое порицаніе лихвы. Ихъ торговыя компаніи назначали товарамъ совершенно произвольныя цѣны: въ четыре послѣдніе года цѣны эти были ими удвоены, даже утроены. Лихоимцы не вели за-

граничной торговли нѣмецкими продуктами, но обыкновенно ввозили иноземные предметы роскоши, платя за нихъ не нѣмецкой работой или товарами, а наличнымъ нѣмецкимъ золотомъ. Составивъ большія торговля компаніи, завладѣвъ всею торговлею и капиталомъ, они могли лишить прежней работы ремесленный классъ въ нѣмецкихъ городахъ и назначать ему задѣльную плату по своей прихоти: работники сдѣлался ихъ полною собственностью. При этомъ они завладѣли правомъ первой купли въ однѣ руки. Они скупали произведенія земли у бѣдныхъ поселянъ, по баснословно-дешевымъ цѣнамъ, и, сложивъ въ своихъ амбарахъ и магазинахъ жизненные припасы въ огромномъ количествѣ, продавали ихъ до-нельзя дорого. Распоряжаясь всѣмъ рынкомъ, они въ продолженіи многихъ лѣтъ поддерживали искусственную дороговизну, которая подъ конецъ заставила простаго человѣка говорить часто о насиліи, убійствахъ и дѣлежѣ. Княжеское корыстолюбіе нерѣдко присоединялось къ нена-сытности лихоимцевъ, въ видахъ общихъ барышей *).

«Почетныя лица», занимавшія рядомъ съ этими денежными господами, городскія должности и промотавшія свое наслѣдственное добро, благодаря роскошной жизни, сдѣлали свои почетныя мѣста источниками нескончаемыхъ барышей. Они не только не заботились объ улучшеніи быта городского ремесленного сословія, но часто даже сами прибѣгали къ взяточничеству и подлогамъ. Во многихъ городахъ эти власти были избличены въ самомъ грубомъ, безчестномъ мотовствѣ, и простой горожанинъ привыкъ видѣть въ этихъ почетныхъ особахъ ратуши «мошенниковъ» и «пьявицъ», какъ прежде онъ видѣлъ въ нихъ только тирановъ,—хотя быть можетъ этотъ взглядъ и не всегда былъ справедливъ.

Однако, въ этомъ случаѣ, были совершенно согласны между собою обѣ стороны городской общины—стороны, которыя не слѣдуетъ смѣшивать, при дальнѣйшемъ ходѣ событій,—вла-

*) По достовѣрнымъ источникамъ. Іѣрхъ. 115 — 118. 96 — 98.

дѣльцы, не принадлежавшіе къ «почетнымъ гражданамъ», и люди, ничего не имущіе и даже обремененные долгами.

Конечно, этотъ разладъ въ городахъ между «почетными особами и общиной» долженъ былъ сдѣлаться еще ошутительнѣе при появленіи новаго вѣроученія со всѣми его религіозными и религіозно-политическими стремленіями. Но именно благодаря вновь образовавшимся религіознымъ интересамъ, повидимому отклонившимъ грозу отъ почетнаго населенія къ духовенству прежней церкви, эти почетныя лица сначала встрѣтили радушно новый порядокъ вещей тамъ, гдѣ сами сочувствовали вновь проповѣдуемому ученію.

Люди, болѣе проницательные или смотрѣвшіе, по своему положенію, изъ за кулисъ княжеской политики, уже двадцать лѣтъ тому назадъ, предсказывали, — «какія несчастія обрушатся скоро на всѣ сословія, особенно на духовное.» Если въ народѣ ходила извѣстная побасенка, что «въ это время корабль св. Петра долженъ понести большія несчастія и разбиться о многіе утесы,» то при дворахъ свѣтскихъ князей также слышались рѣчи, что «приспѣло время, въ которое, по опредѣленію Божію, свѣтская власть должна завладѣть церковными имѣніями и многіе монастыри разрушатся до основанія.» Государственные люди, державшіе сторону церкви, предостерегали: что «если такія бѣды обрушатся на духовенство, то свѣтскіе владѣтели вовсе не должны этому радоваться, потому что при всякомъ несчастіи, упавшемъ на духовное сословіе, почти всѣ обломки посылаются на свѣтское; если духовенству первому суждено выпить чашу испытанія, то свѣтскіе господа должны будутъ все-таки проглотить, со дна ея, всю горечь осадка» *).

Давно уже на имперскихъ сеймахъ слышались требованія

*) Всѣ приведенныя слова принадлежатъ императорскому тайному секретарю Грунбеку и заимствованы изъ его «Зеркала естественныхъ видѣній всѣхъ золъ, которыя скоро постигнутъ всѣ сословія.» Нюрнбергъ, 1508; въ извлеченіи у Іѣрха, 92.

церковной и государственной реформы. На сеймѣ 1523 года всѣ требовали церковнаго собора и собранія свѣтскихъ сословій. Города, на равнѣ съ свѣтскими князьями, были не прочь, ради собственныхъ выгодъ, привести въ исполненіе планы, задуманные Сикингеномъ и его друзьями: уничтожить духовныя господства, какъ епископскія, такъ и монастырскія, и обратить духовныя владѣнія въ свѣтскія. Это были мысли, занимавшія горожанъ и князей задолго до того, какъ Лютеръ и Мюнцеръ съ ихъ послѣдователями, начали проповѣдывать уничтоженіе духовныхъ владѣній. Это были мысли и задушевныя желанія, которыя католическій эрцгерцогъ австрійскій, католическіе герцоги Баваріи вполне раздѣляли какъ съ приверженцами новаго ученія—маркграфомъ Казиміромъ и другими князьями, такъ и съ почетными горожанами. Когда въ верхней Швабіи вспыхнуло возмущеніе крестьянъ, знатные господа «съ удовольствіемъ предоставили испить духовенству этотъ почетный напитокъ, рассчитывая поживиться на его счетъ, такъ какъ возстаніе было направлено противъ монаховъ и поповъ, то на него смотрѣли сначала сквозь пальцы» *). Особенно въ имперскихъ городахъ, уничтоженіе монастырей и отобраніе ихъ имѣній и правъ уже долго были предметомъ серьезныхъ и оживленныхъ обсужденій многихъ горожанъ. Когда почетныя особы, по ходу событій, должны были увидѣть, что движеніе враждебно выступило не противъ одного духовенства, то почти во всѣхъ городахъ одержали верхъ приверженцы новаго ученія, какъ бы ни были различны ихъ взгляды во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Князья и ихъ совѣтники говорили о Нюрнбергѣ съ большимъ безпокойствомъ: «дай Богъ, чтобы онъ не перешелъ на сторону крестьянъ!» Такъ думали и говорили они о многихъ городахъ имперіи. «Совѣтъ лишенъ власти, всѣмъ заправляетъ община», писали со всѣхъ сторонъ повѣренныя князей. Канцлеръ Экъ извѣщалъ 7 марта своего герцога: «я и другіе находятся въ

*) Рукописная хроника Твэбишъ-Галля, Геральда.

большой тревогѣ (и досадѣ), по милости нѣкоторыхъ городовъ.» Онъ же писалъ отъ 21 марта: «крестьяне замѣтно усиливаются, но все-таки они не извлекутъ никакой пользы изъ своихъ преступленій, если нѣкоторые города, особенно Ульмъ, сохранять свою вѣрность. Въ самомъ швабскомъ союзѣ члены—князья питали такъ мало довѣрія къ членамъ—городамъ, что боялись сообщать комитету союза официальныя донесенія о ходѣ вооруженія и о положеніи дѣлъ въ ихъ владѣніяхъ; въ томъ же комитетѣ засѣдали и выслушивали дѣла представители городовъ, а между тѣмъ, по словамъ князей, не надобно было забывать, что волненіе крестьянъ выходило изъ городовъ. Если бы города узнали, что духовные князья не въ состояніи снарядить пѣхотныхъ отрядовъ, то еще болѣе утвердились бы въ своихъ враждебныхъ намѣреніяхъ, а черезъ это положеніе членовъ—князей еще болѣе бы ухудшилось *).

Только подъ условіемъ строжайшей тайны, князья могли передавать другъ другу самыя необходимыя извѣстія чрезъ довѣренныхъ лицъ, «чтобы никто не узналъ, какъ мало мы полагаемся на поддержку нашихъ пѣхотинцевъ.» По словамъ маркграфа Казиміра господа врехней страны были поголовно убѣждены, что городскія общины потворствуютъ крестьянамъ, безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти.

Вторая причина, заставлявшая господъ бояться за свое дѣло, заключалась въ указанной уже трудности набирать для своей защиты пѣхотное войско. Даже ланцкнехты, обыкновенно продававшія себя всякому за деньги, почувствовали на себѣ вліяніе новаго времени. Выводить этихъ наемщиковъ изъ ихъ домовъ и ставить подъ знамена противъ крестьянъ было чрезвычайно трудно, такъ какъ самъ ланцкнехтъ принадлежалъ прежде къ крестьянскому сословію. Правда,

*) Письмо маркграфа Казиміра отъ 12 апрѣля 1525 г., Герхъ, 132 — 134.

многіе изъ нихъ, благодаря долгому знакомству съ военнымъ ремесломъ, до того осолдатылись—забыли о своемъ происхожденіи и родинѣ, что думали только о походахъ, деньгахъ и добычѣ; многіе даже родились въ лагерѣ и не имѣли другой родины кромѣ лагеря, оставаясь совершенно чуждыми какъ крестьянству, такъ и горожанамъ. Набирались они почти всѣ изъ разныхъ концовъ имперіи, и оттого можно было бы воспользоваться, по крайней мѣрѣ, племеннымъ нерасположеніемъ сѣвернаго нѣмца къ южному. Однако въ самомъ началѣ движенія, ланцкнехты вообще скорѣе склонны были заступить за дѣло «Евангелія» и крестьянскаго возстанія, чѣмъ бороться съ нимъ, такъ какъ война была объявлена «попамъ.» Притомъ въ крестьянскомъ лагерѣ было вольнѣе, а богатая резиденція духовныхъ владѣтелей служила самой соблазнительной приманкой. Конечно, между ланцкнехтами не вывелись прежніе «распутные ребята», издавна находившіе наслажденіе въ жестокой травлѣ крестьянъ и пыткахъ бѣдняковъ; ихъ и теперь было не трудно наберовать для той же цѣли, но и они хотѣли служить только свѣтскимъ владѣтелямъ, а не епископамъ.

Впрочемъ трудность заключалась не только въ наборѣ новыхъ солдатъ для службы противъ крестьянъ: многіе изъ ланцкнехтовъ, уже давно состоявшихъ на службѣ и жалованьи союза, отказывались идти противъ крестьянъ, а на вѣрность другихъ, по крайней мѣрѣ, нельзя было твердо положиться. Самыя воззванія по областямъ и даже въ верхней Баваріи доказываютъ, что «всѣ крестьяне стояли другъ за друга и что альгаусцы сочувствовали ихъ успѣху» *). Къ этому прибавимъ, что многіе изъ набранныхъ по селамъ молодыхъ людей, не говоря уже о ихъ довольно подозрительной вѣрности, были необучены или неспособны къ военному дѣлу. «Лучше бы ихъ не набирали и не приводили къ намъ», жаловался начальникъ гарнизона въ Шангау на Лехѣ.

*) Донесеніе баварскаго капитана фонъ-Пфаффенгаузена отъ 9 марта.

Третью причину опасенія для господъ представляло мелкое духовенство,—свѣтское духовенство прежней церкви, разсѣянное по селамъ, между крестьянами. Многіе изъ этихъ духовныхъ вели жизнь до того не святую, до того грѣховную, такъ низко погрязли въ «своекорыстіи», что въ 1523 году, архіепископъ зальцбургскій писалъ своимъ подвѣдомственнымъ епископамъ: «герцоги Баваріи увѣдомили меня, черезъ нарочныхъ пословъ, что поведеніе низшихъ духовныхъ, въ ихъ владѣніи, заставляеть опасаться внезапнаго мятежа, безпорядковъ и кроваваго истребленія духовенства.»

Многіе изъ нихъ, не подражая этому дурному примѣру, были порядочными и честными людьми, но и они подчинялись вліянію современныхъ, національных и религіозныхъ стремленій, и только по наружности оставались служителями старой церкви, исповѣдуя въ тайнѣ новое ученіе. Они поучали болѣе или менѣе явно, и съ истиннымъ убѣжденіемъ правиламъ новой вѣры, и притомъ, какъ патріоты, всѣмъ своимъ сердцемъ желали исправленія народа посредствомъ политической реформы.

Впрочемъ и между ними было много такихъ, которые при помощи церковной и государственной реформы думали улучшить только свое собственное положеніе и которые особенно были раздражены противъ духовныхъ князей.

Почти всѣ имперскія епископства и прелатуры уже давно казались какими-то рогами изобилія для княжеской знати. Баварскіе и австрійскіе принцы, принимая титулы епископовъ и прелатовъ, могли покрывать доходами, присвоенными этимъ саномъ, всѣ издержки своего княжескаго существованія,—такъ долго, какъ этого имъ хотѣлось и пока въ ихъ руки не попадали другіе, свѣтскіе доходы. Но даже и этихъ доходовъ, какъ бы они не были велики, не хватало для роскоши и всѣхъ возможныхъ жизненныхъ утѣхъ церковныхъ князей. Грабительство угодливыхъ и изобрѣтательныхъ тайныхъ совѣтниковъ сначала запустило когти въ кошелекъ народа, по-

томъ стало выжимать доходы низшаго духовенства, сельскихъ священниковъ, и безъ того скупно опредѣленные высшими властями церкви, но еще болѣе обрѣзанные, по требованіямъ современныхъ взглядовъ.

Въ послѣднее время, когда возрастающія потребности прелатскихъ дворовъ и финансовая изобрѣтательность ихъ слугъ выжали народъ до-суха, сельскому духовенству выжимать у народа оставалось немного или ровно ничего; со времени появленія новаго ученія народъ уничижилъ, сократилъ или удерживалъ не только добровольныя и освященныя давнимъ обычаемъ подаянія въ пользу своего духовенства, но даже не хотѣлъ давать и того, чего оно было въправѣ требовать. Въ самой Баваріи, гдѣ Леонардъ Экъ и его герцоги приняли такіа дѣятельныя мѣры, чтобы не дать разлиться «яду» новаго ученія, крестьяне «ни за что на свѣтѣ не хотѣли давать ни подаяній, ни умѣренной десятины, словомъ ничего, бывшаго до сихъ поръ въ обыкновеніи.» Панихиды по душамъ чистилища и по умершимъ, чудотворныя иконы и богомольныя путешествія, свадебный колокольный звонъ и крестный ходъ роженицъ потеряли значеніе доходныхъ статей, и точно такимъ же образомъ прекратились многіе другіе случайные поборы. Когда весною 1525 года, по плану герцоговъ, сельское духовенство также было обложено чрезвычайной податью, то изъ Дахау, Ландсберга и другихъ округовъ верхней Баваріи послышались такого рода донесенія отъ исполнителей герцогскихъ намѣреній: «смѣта налога должна быть ниже означенной въ нашей инструкціи. Правду сказать, эти попы страшно обѣднѣли; имъ почти не чѣмъ жить въ своихъ приходахъ» *). Наболѣе щедрые не могли имъ уже ничѣмъ помочь. Если нашей подачки имъ не хватить, то поневолѣ пристанутъ къ крестьянамъ. Но самыя благонамѣренныя, соболѣзнуя несчастному положенію низ-

*) Письменное донесеніе Іоганна Эгкля герцогскому секретарю Кельнеру въ Мюнхенѣ, въ быв. тайн. государ. арх.; Іерхъ, 192.

шаго духовенства, были страшно озлоблены поборами пышной, богатой церковной знати и говорили, что «имъ пріятнѣе заплатить герцогу Вильгельму въ Мюнхенѣ четыре гульдена, чѣмъ одинъ гульденъ въ Аугсбургѣ епископу» *).

Такимъ образомъ, тысячи сельскихъ поповъ и старшіе служители благодаря своему отчаянному положенію и противъ собственной воли, были приведены церковью въ крайнее раздраженіе; наконецъ голодъ погналъ ихъ на сторону крестьянъ. Во многихъ мѣстахъ крестьяне врывались въ комнату священника и безцеремонно объявляли ему, что если онъ не хочетъ проповѣдывать имъ «истиннаго евангелія», то пусть прощается съ приходомъ; духовныя и свѣтскія власти вовсе не думали о защитѣ притѣсненныхъ, которымъ для собственнаго спасенія оставалось соединиться съ крестьянами.

По всей Германіи монахи и монахини бѣжали изъ монастырей, принимались работать и вступать въ бракъ, подобно мирянамъ. Особенно дурной примѣръ простому человѣку подавали монахи и сельскіе попы, обращаясь съ церковными сосудами, считавшимися до сихъ поръ святыней, какъ съ обыкновеннымъ металломъ, которымъ они завладѣвали въ свою пользу. Въ Швейдницѣ минориты, безъ всякихъ церемоній, сплавляли золотыя и серебряныя церковныя вещи, подѣлили между собою слитки, и, выйдя изъ монастыря, жили мирянами **). Это не исключительный случай, и, разумѣется, если духовенство позволяло себѣ подобный грабежъ, то мирскіе власти равно какъ и возмущившіеся горожане и крестьяне присвоивали себѣ, нисколько не смущаясь, имущество и цѣнности прежней церкви. Такъ какъ толпа всегда склонна смѣшивать религію съ заблужденіями ея представителей, то церковь эта, по милости и высшаго, и низшаго духо-

*) Тамъ же.

**) Вуттке, Развитіе Силезіи, Лейпцигъ 1842. I, 109.

венства, задолго до того утратила уже всякое моральное значеніе.

Въ развратныхъ прелатахъ недостатка нигдѣ не было. Священникъ вальмерсбахскаго прихода, близъ Тауберцеля, заложилъ золотую чашу для причастія, похищенную крестьянами изъ женскаго монастыря, неподалеку отъ Креглингена, во Франконіи, хозяину гостинницы въ Уффенгеймѣ, чтобы на полученныя за этотъ залогъ деньги отправить значительное количество вина въ домъ другого священника. «За неимѣніемъ золотой чаши, сказалъ онъ, можно служить обѣдню и въ мѣдной.»

Многіе священники женились и, однако, оставались въ своихъ приходахъ. Были, впрочемъ, между ними и такіе, которыхъ насильственно принуждали запасаться женами, потому что швабскіе и альпійскіе крестьяне настаивали, чтобы «священникъ жилъ честно и по христіански, съ законною супругой, по слову евангельскому, во избѣжаніе соблазновъ между паствою. Скоро это требованіе швабовъ повторили крестьяне въ Эльзасѣ, Франконіи и Тюрингенѣ. Женатый священникъ казался крестьянамъ неподозрительнымъ уже и потому, что вступивъ въ бракъ, онъ разрывалъ связи съ старою церковью. Разумѣется, очень многіе между попами уже состояли въ бракѣ «предъ Господомъ», прежде чѣмъ повели «своихъ избранныхъ дѣвъ къ налою», и нерѣдко съ искренностію признавались въ этомъ крестьянамъ.

Между приходскими священниками, которые добровольно примкнули къ движенію или поощряли и направляли его, въ самомъ началѣ обратили на себя вниманіе, за исключеніемъ уже названныхъ нами, Доллингъ, Мэгерлинъ, Штурмеръ, Андрей Бартольмэ, Капелланъ и многіе другіе. Всѣ они и сотни другихъ священниковъ изъ Швабіи, Франконіи и Тироля взяли за оружіе и предводительствоваали крестьянами въ панцыряхъ и съ мечами въ рукахъ. Эти священники и по наружности были сторонниками крестьянскаго дѣла. Въ описываемое время священники имѣли обыкновеніе носить «възъерошенные и завитые» волосы, но

теперь они остригли ихъ въ кружокъ, подражая крестьянскому обычаю, они говорили крестьянамъ о ихъ властяхъ такія вещи, которыя должны были волновать простолюдиновъ.

Отъ этихъ вооруженныхъ предводителей крестьянъ между духовными отличались священники, ограничивавшіеся одною проповѣдью, какъ д-ръ Мانتель въ Штутгартѣ, проповѣдывавшій съ кафедры о годѣ свободы, въ который, какъ въ древніе юбилейные годы іудеевъ, всѣмъ заключеннымъ откроются тюремныя двери, всѣ рабы будутъ свободны и всѣ долги объявятся недѣйствительными. «О, любезный человѣкъ, восклицалъ проповѣдникъ, о бѣдный, богобоязненный человѣкъ, если бы пришли эти юбилейные годы, тогда настало бы благодатное время! Противъ десятины проповѣдывали близъ Меммингена священникъ Николай Швейкартъ; въ Страсбургѣ Оттонъ Браунфельсъ; въ Тиролѣ д-ра Урбанъ, Регіусъ и Якобъ Штраусъ, священникъ изъ Берхтгольдсгадена; въ Ротенбургѣ на Тоубергѣ д-ръ Дейшлинъ; въ Лаудѣ, въ вюрцбургтской области, д-ръ Леонгардтъ Бейсъ; въ Ульмѣ Конрадъ Заамъ, и многіе другіе. Ихъ проповѣди были непосредственно направлены противъ духовныхъ князей и господъ, но они затрогивали въ нихъ такіе щекотливые вопросы и придавали имъ такое истолкованіе, что вели къ открытому возстанію противъ существующаго порядка вообще и къ его ниспроверженію.

Своими отчетливыми объясненіями и логическими выводами, своей искусной рѣчью и священническимъ здравомысліемъ, съ библіей въ рукѣ, они производили несравненно болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ перекрещенцы и свѣтскіе проповѣдники.

Хотя часто огонь вдохновенія и охватывалъ ихъ библейскую мудрость, но то былъ спокойный свѣтъ, сравнительно съ пламенемъ и жаромъ мечтательнаго увлеченія перекрещенцевъ, которое въ мистическихъ формахъ и воззрѣніяхъ возвѣщало о тысячелѣтнемъ царствѣ и божьемъ судѣ надъ землею. Городскіе проповѣдники дѣйствовали преимущественно

ественно не какъ революціонеры, но какъ реформаторы,— и при томъ на большинство городского населенія. Перекрещенцы же были наставниками только такого простолюдина, который, въ случаѣ переворота, надѣялся ничего не потерять и все выиграть; они могли приманивать къ себѣ, увлекать и соблазнять только поклонниковъ перекрещенской равноправности,—то надеждами на общность имуществъ, то проклятіемъ неравенства между людьми, то своимъ пылкимъ воображеніемъ, сладкими бреднями, откровеніями и «голосами» «внутренняго духа», мрачнымъ избыткомъ чувства своихъ рѣчей. Этотъ религіозный элементъ, подъ оболочкой таинственнаго фанатизма, могъ приковать къ себѣ только тамъ, гдѣ простолюдинъ вѣрилъ еще въ чудесное, гдѣ онъ исполненъ былъ чувствомъ и мечтательностью, какъ въ Тюрингіи, Франконіи и Старомъ-Виртенбергѣ; тамъ бѣдный человѣкъ представлялся въ видѣ сукновала, ткача, вообще въ видѣ мелкаго горожанина и рабочаго маленькихъ городовъ, пришибленнаго бѣдностью, далѣе въ видѣ зависимаго, прикрѣпленнаго крестьянина, рудокопа, дровосѣка и винодѣла, обѣднѣвшаго послѣ нѣсколькихъ неурожайныхъ годовъ. Въ верхней Швабіи, не смотря на странствовавшія тамъ толпы перекрещенцевъ, этотъ элементъ не могъ пустить глубокихъ корней, потому что какъ поселянинъ, такъ и горожанинъ, были тамъ болѣе людьми ума, нежели чувства и потому болѣе практическими существами; тамъ крестьянинъ пользовался стародавними правами свободы и собственности, правами, которыя у него только удерживали или хотѣли удержать.

Проповѣдники реформы не подстрекали къ возстанію, напротивъ предостерегали отъ него. Во главѣ ихъ стоялъ Шаппельеръ; одни надѣялись все исправить путемъ реформы; другіе не ожидали отъ преждевременнаго взрыва никакихъ благихъ послѣдствій и боялись каждой частной вспышки. По ихъ мнѣнію и желанію, сначала нужно было подготовить и возростить всѣ средства къ общей цѣли — какъ вещи, такъ и людей. Прежде всего они хотѣли создать и развить въ людяхъ

религіозную силу, которая, при ясномъ сознаніи цѣли, могла бы сообщить политической борьбѣ одушевленіе, силу и продолжительность. Самъ Мюнцеръ сначала раздѣлялъ съ ними эти мнѣнія и планы.

Настоящими революціонерами, стремившимися къ безотлагательному возстанію, были свѣтскіе проповѣдники, которые никогда не принадлежали къ духовному сословію, но, оставаясь мирянами, вдругъ начинали проповѣдывать. Начитавшись сами библіи, они бродили съ мѣста на мѣсто, какъ странствующие проповѣдники. Нѣкоторые изъ нихъ до того времени не умѣли даже читать; воодушеваясь лютеранской проповѣдью того или другого оратора, они учились читать, потомъ покупали новый завѣтъ и, начитавшись его вдоволь, принимались проповѣдывать на его тексты. Попадались, впрочемъ, и между свѣтскими проповѣдниками прежніе духовные, но они носили одежду крестьянъ или горожанъ, занимались полевыми работами или ремеслами и при этомъ проповѣдывали.

Разумѣется, въ свѣтской проповѣди не было ничего особенна-страннаго, и нѣкоторые совершенно несправедливо старались представить ее въ смѣшномъ видѣ. Въ первыя времена христіанства самыми ревностными провозвѣстниками христіанскаго ученія были нерѣдко шерстобойи и сапожники, скорняки и красильщики, необразованное мужичье. Въ эпоху реформациі, въ то время, какъ богословы новаго ученія спорили между собою о догматахъ вѣры и ихъ истолкованіи, въ то время, какъ они блистали въ остроумныхъ диспутахъ, свѣтскіе проповѣдники увлеклись тѣмъ, что, по ихъ взгляду, составляло дѣло первой важности для нѣмецкаго народа: они старались открыть изъ разныхъ мѣстъ библіи «божественное правосудіе» — коренныя права человѣка и христіанина, какъ эти права опредѣлены словомъ божіимъ; всѣ такія мѣста они сводили вмѣстѣ, и о нихъ проповѣдывали, всегда внушая своимъ слушателямъ, въ концѣ проповѣди, «блюсти» божественное правосудіе, другими словами проводить его силою и измѣнить свѣтъ, согласно предписаніямъ и основамъ

христианства. Предметы ихъ рѣчей были постоянно незамысловаты и хотя склоняли къ возмущенію, однако не лишены были чисто-практическаго значенія. Такъ, въ виртембергской области дѣйствовалъ одинъ проповѣдникъ, прикрывшись именемъ Карстанса, сдѣлавшимся популярнымъ, благодаря летучимъ произведеніямъ Гуттена; въ Франконіи проповѣдывалъ бывшій швабскій священникъ, сдѣлавшійся крестьяниномъ въ Вёрдѣ, предмѣстіи Нюренберга, и пріобрѣвшій огромную извѣстность подъ именемъ «крестьянина изъ Вёрда»; его настоящее имя было Дипольдъ Перингеръ, а родился онъ въ Эшенбронненѣ на Дунаѣ, противъ Гюнцбурга; въ Эйхштэдской области проповѣдывали сукновалы мастера Генле; въ Пфальцъ-Нейбургѣ — Захарій Крелль, а въ Раунау, въ баварскомъ округѣ Крумбахъ—Симонъ Лохмейеръ.

Этотъ Симонъ Лохмейеръ ѣздилъ и проповѣдывалъ на телѣгахъ; четвертую его проповѣдь слушали до 7000 человѣкъ. Онъ возвѣщалъ, что «всякій долженъ быть свободнымъ и кромѣ императора не служить никакому господину; всѣхъ, принадлежавшихъ къ швабскому союзу, а также всякаго, кто станетъ дѣйствовать противъ братства вѣрныхъ, нужно умерщвлять, имущество ихъ—портить, жечь и грабить». Лохмейеръ былъ крестьянинъ вдовы Гансъ-фонъ-Фрейбергъ. Онъ въ числѣ первыхъ способствовалъ переходу отъ проповѣди къ дѣлу, и привелъ въ такое сильное волненіе всѣхъ помѣщичьихъ, городскихъ и монастырскихъ гинтерзасовъ, находившихся въ предѣлахъ Швабіи и Нейбурга, что многіе изъ нихъ отпали отъ своихъ владѣльцевъ и образовали «винцерскую кучу». «Никто, порѣшила эта куча, не долженъ съ этихъ поръ служить и повиноваться своему господину» *).

Кромѣ него дѣйствовалъ уже названный нами Захарій Крелль.

Онъ поддерживалъ сообщеніе и связи пріязни между Баваріей, Пфальцъ-Нейбургомъ и епископствомъ эйхш-

*) Прибавленія Вальдау, 3, 417. Гангауфъ, въ восемнадцатомъ годовомъ отчетѣ историческаго общества въ средней Франконіи, стр. 81.

тэттскимъ съ одной стороны, и тѣми кучами крестьянъ, которыя, состоя подъ командою Якоба Веге и его пріятелей, образовались по правую и лѣвую сторону стѣнъ Ульма, и сосредоточили свои главныя силы и сборныя мѣста частію въ Лейпгеймѣ и Гюнцбургѣ, частію-же повыше Ульма, на названныхъ уже пунктахъ.

Захарій Крелль, мюнхенскій адвокатъ, подчиняясь вліянію новаго времени, бѣжалъ изъ Мюнхена, прежде чѣмъ его успѣли арестовать; начальники и совѣтники крестьянскаго общества въ Лейпгеймѣ и Гюнцбургѣ приняли его собратомъ евангелической истины. Снабженный полномочіемъ этихъ начальниковъ, онъ ходилъ по окрестности, призывая и другихъ къ оружію «за евангеліе» и собирая ихъ въ общій лагерь. Это полномочіе онъ получилъ 21 марта 1525.

Вотъ какимъ образомъ съ помощью Крелля духъ возстанія за евангеліе охватилъ нейбургскую область.

Онъ отправился въ горный замокъ Вельгеймъ, принадлежавшій графу Ульриху-фонъ-Гельфенштейну. Управителю замка, Іёрху Губеру онъ передалъ письмо отъ графа; въ письмѣ значилось: «любезный управитель, приказываемъ тебѣ, чтобы ты принялъ въ замокъ, ввѣренномъ твоему попеченію, нашего стараго слугу, подателя настоящаго письма, и за его деньги доставилъ ему все, въ чемъ онъ будетъ нуждаться, также его служителю и всѣмъ, кто при немъ окажется. Однако не говори объ этомъ ни попу, ни кому другому».

Управитель впустилъ его въ замокъ; но скоро имъ овладѣло подозрѣніе, и онъ показалъ письмо графа священнику. Тотъ отозвался, что это не почеркъ графа, его господина. Тогда управитель привелъ нѣсколькихъ крестьянъ въ замокъ, чтобы заставить пришельца объясниться. Вооружившись ружьями, они взошли на верхъ, но попытались сначала ласкою убѣдить его выйти изъ замка. Тогда онъ бросился въ крѣпкую башню. Они начали стрѣлять по немъ изъ ружей, а Крелль прогналъ ихъ отъ себя камнями. Враги заперли его въ башнѣ, но онъ, занявши въ ней крѣпкую позицію,

кричалъ внизъ: «кто вѣритъ въ евангеліе, — ко мнѣ на помощь, потому что я посланъ отъ Бога и хочу проповѣдывать вамъ слово Божіе». Человѣкъ двѣсти изъ крестьянъ прибѣжали къ нему и принялись слушать его проповѣдь. Нѣкоторые оставались тамъ всю ночь, и сосѣдніе господа боялись, чтобы эйхштэдскіе и ихъ собственные крестьяне не вздумали собраться въ лагерь, выбравши вельгеймскій замокъ и рынокъ складочными мѣстами своего оружія. Башенная проповѣдь Крелля подѣйствовала такъ сильно, что толпа слушателей безпрестанно становилась плотнѣе, и многіе начали разносить его письма въ Рисъ, чтобы призвать рисскихъ крестьянъ единодушно «сражаться за евангеліе».

Если это будетъ продолжаться, говорили господа, то въ два дни онъ соберетъ вокругъ себя до тысячи вооруженныхъ крестьянъ. Округи Грейсбахъ и Гёнштэдтъ были уже въ движеніи, готовясь присоединиться къ скопищу Крелля. Крестьяне эйхштэдскаго епископа, за одно съ городскою паствою, ловили рыбу изъ заповѣдныхъ рѣкъ своего духовнаго владѣтеля, а лѣса Кипфенберга зажженные ими въ утѣху епископа, должны были освѣщать крестьянамъ дорогу въ вельгеймскій замокъ. Но прежде чѣмъ они туда пришли, замокъ былъ уже занятъ нейбургскимъ штатгальтеромъ Адамомъ Торрингомъ, съ его рейтарами и горожанами; какой-то нейбургскій горожанинъ выстрѣлилъ въ башню подъ окномъ и проповѣдникъ упалъ безъ дыханія съ прострѣленной шеею.

При покойникѣ господа нашли бумаги и между ними перечисленіе всѣхъ имперскихъ сословій, увидѣли, что замокъ укрѣпленъ и снабженъ какъ оружіемъ, такъ и съѣстными припасами *).

Проповѣдниковъ, никогда не принадлежавшихъ къ духов-

*) Донесеніе Вольфганга-фонъ-Вильденберга въ Нейбургъ отъ 27 марта; письмо графини фонъ-Гельфенштейнъ отъ 30 марта; донесеніе Юбста изъ Берлихингена на Раймъ отъ 4 апрѣля, донесеніе Адама Торринга отъ 31 марта.

ному сословію, вездѣ было много. Ихъ-то народъ слушалъ даже съ особеннымъ удовольствіемъ, однако не надобно смѣшивать проповѣдывавшихъ рудокоповъ, сукноваловъ и банщиковъ съ такими людьми, какъ Захарій Крелль: онъ принадлежалъ къ категоріи людей, дѣйствовавшихъ послѣдовательно и старавшихся организовать и направлять движеніе.

Эти миряне, съ ихъ евангельской проповѣдью, могли бы назваться четвертою причиною опасеній для господъ, если бы господа эти уже прежде не презирали глубоко весь народъ, а слѣдовательно и свѣтскихъ проповѣдниковъ, принадлежавшихъ къ средѣ народа. Конечно, этотъ элементъ былъ очень важенъ для движенія и при послѣдующемъ его ходѣ, сталъ даже выше тайныхъ его вожатыхъ и поборниковъ, которые частію дѣйствительно были людьми энергическими и даровитыми, частію же обладали, по крайней мѣрѣ, военными познаніями, мужествомъ и славою или репутаціею опытныхъ военачальниковъ. Но эти тайные вожатые, наиболѣе опасные господамъ, хорошо умѣли скрывать отъ нихъ свои намѣренія, не смотря на свою близость къ нимъ.

Они дѣйствовали на заднемъ планѣ. Нѣкоторые изъ нихъ уже давно работали для революціи, другіе сдѣлались ея приверженцами только при ея появленіи. Одни руководились безукоризненно-честными побужденіями, оцѣненными, въ послѣдствіи, самими врагами; намѣренія другихъ были обезображены человѣческимъ эгоизмомъ, третьи дѣйствовали преимущественно изъ своекорыстныхъ видовъ. Число тѣхъ, которые еще до возстанія знали о его цѣли и приготовленіяхъ къ нему, было, безъ всякаго сомнѣнія, не велико; число лицъ, представшихъ къ нему позже, было, разумѣется, гораздо значительнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Въ великихъ національных переворотахъ встрѣчаются люди, увлеченные могущественнымъ стремленіемъ времени и дѣлающіеся скрытыми приверженцами и вожатыми движенія, такъ что сами его участники ничего о нихъ не знаютъ и дѣятельность

ихъ сохраняется въ тайнѣ, даже послѣ неудачи дѣла. Не выступая никогда на авансцену, они всегда остаются въ своемъ прежнемъ, — гражданскомъ или общественномъ положеніи, — какъ будто покровительствуемые самою судьбою для того, чтобы проводить дальше нити движенія, взятые изъ остывшей руки людей, которые пожертвовали для него домомъ, имуществомъ, общественнымъ положеніемъ, родиною и самою жизнію. Прошлое для многихъ становится туманнымъ и неразгаданнымъ еще и потому, что, они вслѣдствіе неожиданнаго исхода дѣла, нерѣдко одумываются или, по крайней мѣрѣ, отказываются осуществлять свои идеалы. Въ крестьянскомъ движеніи мы встрѣчаемъ очень не много высоко-даровитыхъ личностей, да и тѣ не выступаютъ на первый планъ, не смотря на всю свою душевную силу; таковы: Вейгендъ-фонъ-Милтенбергъ, Вендель Гипплеръ, Шаппелеръ, Фуксштейнеръ, таковы многіе совѣтники ратушъ вольныхъ городовъ, а между князьями владѣтель Геннеберга и маркграфъ Казиміръ.

Было бы нелѣпо смѣшивать людей, работавшихъ подъ вліяніемъ идеи, для великой цѣли преобразованія нѣмецкой имперіи, съ людьми, непонимавшими этой идеи и дѣйствовавшими съ корыстными видами. Революція, въ своемъ развитіи, сметаешь суровой рукою съ человѣческихъ убѣжденій много прекраснаго, подобно тому, какъ дѣйствительность разбиваетъ идеалы, буря и непогода портятъ нѣжныя лепестки розы, подобно тому, какъ преступная, грязная рука мараетъ чужой бѣлый плащъ, или какъ самъ владѣлецъ пачкаетъ свое платье въ нечистомъ мѣстѣ. Никогда человѣкъ не выходитъ такимъ изъ революціи, какимъ въ нее вошелъ.

Развратные люди всегда принимаются плавать вмѣстѣ, какъ только почувтъ грязное болото, будь они самага знатнаго или самага плебейскаго рожденія. Они выжидаютъ только, какъ бы при случаѣ играть роль и ловить въ мутной водѣ рыбу.

Многіе приходятъ въ восторгъ при видѣ одного волненія

и при мысли, что какая-то пружина лопнула и общество опять обращается въ жидкое болото.

Всѣ эти господа много поработали въ движеніи 1525 года, такъ же какъ и тѣ, которые прежде рѣшились дѣйствовать осмотрительно и осторожно, чтобы спасти себя въ случаѣ неудачнаго исхода. Этимъ объясняется двусмысленный образъ дѣйствій господъ въ городахъ и сельскихъ замкахъ. Всегда и вездѣ большинство рассчитывало идти съ партіей, одержавшею верхъ, и обезпечить для себя отступление.

Такъ какъ въ имперіи уже болѣе тридцати лѣтъ продолжалось броженіе умовъ, а въ послѣднее время во многихъ происходили даже и открытыя возстанія, то для подготовленія революціи здѣсь не чувствовалось надобности въ заговорахъ. Самый воздухъ того времени былъ переполненъ революціонными атомами и зараза коснулась всѣхъ имперскихъ сословій, отъ владѣтельнаго князя до послѣдняго нищаго. Одно невѣжество можетъ говорить: тотъ и тотъ, или вотъ они и они затѣяли революцію. Никогда одинъ человѣкъ или нѣсколько людей не были въ силахъ затѣять дѣйствительно случившуюся революцію. Движенія революціи возникаютъ сами, какъ гроза изъ поднявшихся вверхъ испареній, какъ болѣзнь изъ испорченныхъ соковъ и неестественныхъ отравленій.

Какъ только соберутся элементы народнаго неудовольствія, общество обращается къ несистематическимъ мѣрамъ, которыя, вмѣсто того, чтобы устранить раздраженіе, еще болѣе его усиливаютъ. Затѣмъ являются личности, своекорыстно или безкорыстно, эксплуатирующія эти элементы, смотря по тому, дѣйствуютъ-ли эти личности какъ эгоисты, или какъ идеалисты и патріоты. Въ случаѣ взрыва, люди, облеченные общественною властью, первые разплачиваются своими головами. Трусость, подруга нечистой совѣсти, приводитъ умы въ смятеніе. Лживый образъ дѣйствій, возрастающая отсюда опасность, бѣгство тѣхъ, которые должны были бы оставаться на

своихъ мѣстахъ, колебаніе, легкомысліе или слабость людей, которымъ слѣдовало бы не лишаться твердости,—быстро слѣдуютъ другъ за другомъ подъ громомъ, молніями и всею грозой Бога, посѣтившаго землю.

Вѣдь всякая революція имѣетъ значеніе божьяго суда надъ людьми; это—небесная кара, но въ этой карѣ скрывается и благодѣяніе, такъ какъ послѣ смуты анархіи — отжившее старое разрушается, чтобы дать мѣсто новому зданію; подъ развалинами погибаютъ и многіе разрушители.

Нѣмецкая имперія уже долго страдала. Революція явилась какъ слѣдствіе, а не какъ причина этого болѣзненнаго состоянія. Благодаря этому кризису, государство могло выздороветь, если бы лихорадка пошла своимъ естественнымъ ходомъ и не была подавляема до тѣхъ поръ, пока вся устарѣлая инерція, всѣ болѣзненные симптомы не были бы изгнаны изъ государственнаго тѣла и всѣ старыя злоупотребленія, всѣ поврежденія его организма не были бы окончательно устранены. Въ каждой революціи надобно различать силы строящія и силы разрушающія. Цѣль первыхъ — разрушеніе; цѣль вторыхъ — созиданіе; въ разрушеніи онѣ видятъ только необходимое зло, средство къ переходу отъ испорченнаго къ исправленному, къ перерожденію отечества.

Такія эпохи и событія нужно оцѣнивать безпристрастно, а не съ точки зрѣнія партій. Когда барскіе конфедераты въ Польшѣ, вздумали прибѣгнуть къ революціи, чтобы избавить свою родину отъ чужеземнаго ига, то ихъ поведеніе вызвало во многихъ удивленіе; имъ даже говорили: «вы одни въ вашемъ отечествѣ проникнуты чувствомъ чести и справедливости». Это имъ говорила Марія Терезія. Такимъ образомъ въ 1525 году было и въ Германіи много людей, которые стремились къ обновленію своего обширнаго отечества, къ новой постройкѣ нѣмецкаго государства, послѣ паденія стараго зданія; эти люди втайнѣ и не годъ работали для этой цѣли. Но событія ихъ опередили; взрывъ произошелъ раньше, прежде чѣмъ они заготовили для него всѣ средства, прежде чѣмъ

привели всѣ силы къ единству общаго плана и общей цѣли. Но, народный мятежъ предупредилъ всѣ ихъ теоретическія соображенія.

Точныя изслѣдованія показали, что возстаніе народа было уже давно задумано и рѣшено. Задолго еще до возмущенія, дѣло религіозной и политической реформы готовилось: въ Тюрингенѣ—Мюнцеромъ и Пфейфферомъ, на нижнемъ Некарѣ и въ гогенлогскихъ владѣніяхъ—Вендель Гипплеромъ, въ юрцбургской и ротенбургской области—рыцаремъ Флоріанъ Гейеромъ и его соумышленниками, на верхнемъ Дунаѣ—Яковомъ Взе, въ майнцкихъ владѣніяхъ—Вейгандомъ, въ Тиролѣ—Гайсмайромъ, и наконецъ въ верхнихъ земляхъ и при рейнскихъ городахъ къ тому-же стремились цѣлые сотни подобныхъ дѣятелей. Эти люди имѣли постоянныя другъ съ другомъ сношенія, посредствомъ печати, переписки или, наконецъ посредствомъ сходовъ на мѣстахъ, «которыми господа не смѣли распоряжаться» какъ говорилъ Вендель Гипплеръ.

Повсюду люди умные или высокопоставленные вступили теперь въ сношенія съ ремесленнымъ и крестьянскимъ населеніемъ, къ чему стремились уже Ульрихъ Гуттенъ въ эпоху проектовъ имперскаго рыцарства. Въ городахъ образовались клубы, завязавшіе сообщенія съ окрестными селами и другими городами. Ремесленникъ и крестьянинъ обращались за совѣтомъ къ людямъ, выше ихъ стоящимъ въ обществѣ, и умѣвшимъ приобрести довѣріе простолюдиновъ *).

Но только передъ самой весной 1525 года возстаніе сформировалось окончательно, и назначены были сборныя мѣста. Тогда-то въ особенности усилились сношенія, чрезъ посредство пословъ и вѣстниковъ, между Тюрингеномъ, нижнерейнскими и верхними землями, между областью Алльгау, Шварц-

*) Свидѣтельство баньщика Гартлиба въ Бамбергѣ: „возстаніе было задумано гораздо прежде и многіе испрашивали совѣта у нѣкоторыхъ заслуженныхъ особъ, быть можетъ, стоявшихъ въ извѣстныхъ случаяхъ на сторонѣ возмущенія».

вальдомъ и альпійскою страною; сообщались также вверхъ и внизъ по Дунаю, направо и налѣво въ баварскія и австрійскія владѣнія.

Какъ при всякой войнѣ и возстаніи, такъ и теперь, отчасти были допущены, отчасти призваны къ оружію люди всякаго званія и всякой репутаціи; отъ нихъ требовалось только одно: отвага и умѣнье. Многіе изъ нихъ и сами пристали къ движенію и даже впослѣдствіи стали во главѣ его. Такъ честный Кнопфъ-фонъ-Лунбасъ завербовалъ Конца-фонъ-деръ-Гальдена и употреблялъ его для тѣхъ порученій, гдѣ отъ человѣка ничего болѣе не требуется, какъ только пронырливость, знаніе дорогъ и тропинокъ, смѣлость и ловкость.

Популярность, которою пользовались, благодаря своимъ отважнымъ подвигамъ, хищническіе рыцари-наѣзники, въ концѣ среднихъ вѣковъ, досталась и на долю предводителей безчисленныхъ воровскихъ и разбойничьихъ шаекъ, реформационной эпохи. Простолудинъ проникался уваженіемъ къ имени головорѣза. Въ нѣмецкихъ, богемскихъ и испанскихъ горныхъ странахъ, еще въ концѣ прошлаго столѣтія, счастливый разбойничій атаманъ гораздо болѣе возбуждалъ къ себѣ народное удивленіе и любовь, нежели его ненависть. Тоже самое, но еще въ большей мѣрѣ, повторилось и за триста слишкомъ лѣтъ до нашего времени. При помощи ладзарони, воровъ и бандитовъ нынѣшній эксъ-король Неаполя старался поддерживать свой престолъ. Въ вандейскихъ войнахъ, въ борьбѣ Испаніи съ Наполеономъ, въ испанскихъ гражданскихъ войнахъ нынѣшняго столѣтія, такъ же какъ въ прусскихъ и австрійскихъ войнахъ, да и послѣ французской революціи, множество извѣстныхъ разбойниковъ, исправляли службу старшихъ и младшихъ офицеровъ, лазутчиковъ, подстрекателей и интригантовъ. На нихъ сыпались награды и отличія, какъ на людей весьма полезныхъ и даже необходимыхъ.

Таковъ былъ и Концъ-Виртъ-фонъ-деръ-Гальденъ, разбойникъ изъ южной стороны верхняго Альгауса. До начала революціи, онъ выбралъ театромъ своихъ хищническихъ подвигъ

говъ вюртембергскую область и другія мѣстности Швабіи. Онъ занимался грабежемъ и мошенничествомъ, позволяя себѣ тоже, что позволяли себѣ по большимъ дорогамъ благородные рыцари, которымъ онъ не хотѣлъ предоставить исключительной привилегіи грабежа, какъ и никакого вообще исключительнаго права. Прикрываясь всѣми возможными масками, онъ разгуливалъ по берегамъ озера, по Шварцвальду, вюртембергскимъ альпамъ и по берегамъ Дуная. Въ одеждѣ нищаго, онъ предпринялъ богомольное странствованіе къ пресвятой богородицѣ, въ Старомъ-Этлингѣ и по пути подмѣчалъ благопріятныя обстоятельства для нападенія. Къ убійствамъ онъ никогда не прибѣгалъ *).

Подобно тому, какъ это случается еще и теперь въ Испаніи и Италіи, въ Венгріи и Сербіи, Концъ Виртъ-фонъ-деръ-Гальденъ, этотъ безшпорый рыцарь кулачнаго права, могъ безъ труда найти доступъ къ поселянамъ, въ тогдашнее смутное время, — тѣмъ болѣе, что крестьяне скорѣе считали его, за его удачные грабежи, человѣкомъ полезнымъ, чѣмъ гнушались имъ, какъ разбойникомъ. Такъ комитетъ кемптскаго крестьянскаго общества, съ вѣдѣнія и по желанію духовенства, посылалъ его въ Шварцвальдъ, съ цѣлію поддержать тамошнихъ поселянъ и вступить съ ними въ переговоры. Такъ, позже, его поставили во главѣ экспедиціи, предпринятой для сожженія Волькенбурга.

Вообще, тогдашнее время благопріятствовало революціонному броженію. Въ обоихъ лагеряхъ толпились разные испорченные и безпутныя личности, приставшія къ воюющимъ сторонамъ, ради собственныхъ выгодъ, подобно тому, какъ уличная грязь пристаётъ къ обуви людей, преслѣдующихъ дѣло своихъ убѣжденій. Много сволочи набралось и съ той и съ другой стороны. Ратники баварскихъ князей пользовались такой нелестной репутаціей, что послѣ вюртембергской войны, окончившейся лѣтъ шесть тому назадъ, ихъ не

*) О Концѣ Виртѣ у Іёрха, 206 и 207.

хотѣли впустить ни въ одинъ изъ дунайскихъ городовъ, такъ какъ «впущеніе ихъ произвело бы много несчастій для горожанъ: вѣдь они прежде ранили и увѣчили невинныхъ гражданъ, расхищали имущества, не давали людямъ покоя, въ ихъ собственныхъ домахъ, ни днемъ, ни ночью, ни въ постели, ни за столомъ, грабили духовныхъ и мирянъ, хотя они вовсе не были ихъ врагами» *). Въ крестьянскихъ ополченіяхъ и городскихъ скопищахъ попадались и честные дворяне, и безпутная знать, господа, «безсовѣстно разстратившіе свое добро, не имѣвшіе уже ни гроша за душою, но сильно желавшіе чѣмъ нибудь поживиться». Если въ форштеймскомъ замкѣ засѣлъ Уле фонъ-Пегницъ, первый кричавшій «такъ должно быть! такъ должно быть! и трезвонившій въ набатный колоколъ, если этотъ господинъ, позже состоявшій на жалованьи города Бамберга, постоянно отличался величайшимъ безпутствомъ и интриганствомъ **), то въ байретской области, крестьянское знамя держалъ рыцарь Томасъ Гросъ, прозванный «дитя шинели». Эта важная особа, благодаря разбою и убійствамъ, пользовалась точно такою же славою въ аншпахскихъ владѣніяхъ, какою пользовались другіе знатные господа, за тѣже подвиги въ Франконіи и Швабіи. А между тѣмъ онъ имѣлъ отъ своего леннаго господина свободный пропускъ повсюду «въ знакъ благоволенія» ***). Явившись къ крестьянамъ въ Мистельгэй, этотъ рыцарь сказалъ имъ: «если вы возстанете, я буду вашимъ воеводой!» И тотъ же часъ онъ началъ вербовать повстанцевъ, грабилъ духовенство въ главѣ своихъ гинтерзасовъ, сторожилъ на дорогѣ съ попомъ Фледервишемъ имущество бѣжавшей дворянки фонъ-Виксенштейнъ и предложилъ жителямъ Оберзеса быть ихъ на-

*) Донесеніе маршала Ульриха фонъ-Палпенгейма и люнцбургскаго совѣта отъ 24 и 27 февраля 1525 г. Донесеніе раменскаго совѣта отъ 15 Марта 1525 г.

**) Донесеніе форштеймскаго совѣта отъ 20 ноября 1526 г.

***) Отзывъ аншпахскихъ властей отъ 9 ноября 1526 г.

чальникомъ или знаменосцемъ и привести къ нимъ на помощь триста храбрыхъ молодцовъ, если они захотятъ возстать. Онъ говорилъ: «я не хочу, чтобы меня ругали дворянчикомъ, буду называться Оомой крестьяниномъ».

Его кузены, благородные господа, Гансъ Гроссъ въ Рейцендарфъ и Криштофъ Гроссъ въ Троккау, никогда не хотѣли называться Гроссами, т. е. большими, и прозывались: Криштофъ и Гансъ Бауэры (крестьяне) *). Такіе господа были четвертою причиною опасеній для знати.

Не менѣе насчитывалось въ имперіи дворянъ, «испорченныхъ» или обѣднѣвшихъ людей. Эти господа были, какъ будто, нарочно созданы для того, чтобы предводительствовать простымъ городскимъ и сельскимъ населеніемъ. По примѣру дворянства, неимущіе горожане и поселяне такъ же хотѣли какъ они говорили — «ратовать за евангеліе и блюсти правосудіе.» Какъ глупцы, они изрыгали проклятія на тѣхъ, которые говорили: «развѣ отнимать у людей ихъ собственность значитъ блюсти правосудіе» **)?

Въ скопищахъ можно также было встрѣтить много «пьяныхъ и неспособныхъ людей,» сыновей «набожныхъ, старыхъ родителей: разнощики, барышники, торговцы, которые поминутно являлись въ Нюренбергъ, распространяли въ народѣ новые слухи и волновали его» ***). Были между ними и состоятельныя лица, сыновья богатыхъ родителей, какъ Георгъ Горнисъ изъ Вахенроде, о молодости котораго читаемъ слѣдующее: «на пространствѣ всего Штейгеръ-вальда не обходилось ни одно дѣло, ни одна ссора безъ того, чтобы туда не вмѣшивался Георгъ Гарнисъ съ своими когтями;» далѣе вотъ какъ описываютъ Петра Мецлера Клейнвахенродскія власти, послѣ неудачнаго возстанія въ Вахенродѣ: «это—безпокойный негодяй, словомъ и дѣломъ преданный

*) Тамъ же.

**) Допросы жителей Гезеса отъ 30 апрѣля 1526 г.

***) Поименованія зачинщиковъ мятежа бамбергской области.

возстанію и не хотящій повиноваться ни какому другому господину, кромѣ Бога; онъ увлекъ за собой къ мятежу сотню людей, постоянно забавлялся птичьей охотой и пьянствомъ *)). Немало также было людей, которыхъ дурная репутація заставила пристать къ возстанію, каковы были: маляры, музыканты, цирюльники, мастера золотыхъ, серебряныхъ дѣлъ; всадники, долго служившіе князьямъ и прогнанные ими изъ службы, также присоединились теперь къ крестьянамъ и получили высшія и нисшія начальническія должности. Эти рейтары и духовные, принявшіе сторону крестьянъ, могли бы играть довольно важную роль, еслибы только умѣли вести себя осмотрительно и добропорядочно; но съ безпутными попами и всадниками расправа крестьянъ въ верхней Швабіи, какъ и Франконіи была не долга, въ чемъ мы убѣдимся въ послѣдствіи. Тогда попы, прогнанные крестьянами, обращались въ перебѣжчиковъ и служили шпионами въ непріятельскомъ лагерѣ. Великое народное движеніе 1525 года носило на себѣ характеръ всѣхъ вообще народныхъ возстаній. Какъ во всѣхъ революціяхъ Франціи, Англіи, сѣверной Америки, Испаніи и Италіи, Швеціи и Даніи, такъ точно и въ послѣднемъ великомъ возстаніи нѣмецкаго народа, принимало участіе не одно мужичье или люди близкіе къ нищетѣ, полагавшіе всю свою надежду въ революціи; «далеко не всѣхъ повстанцевъ можно позвать также «бѣдной, бездомной и бесполезной голью.» Какъ всегда и вездѣ, такъ и 1525 году, на сторонѣ движенія или за него, были и идеалисты, и патріоты; бокъ-о-бокъ съ людьми, преслѣдовавшими только свои личныя цѣли стояла знать за одно съ плебеями, точно такъ же, какъ это было, есть и будетъ во всякое мирное время, при совершенномъ государственномъ спокойствіи, въ салонѣ, въ гостиной, въ державномъ совѣтѣ, въ ратушѣ, во всѣхъ слояхъ общества.

*) Тамъ же. Іерхъ, 203.

О нѣкоторыхъ состоятельныхъ и богатыхъ лицахъ достоверно извѣстно, что они сами по себѣ не хотѣли принять участія въ движеніи. «Если насъ не принудятъ къ тому силой, говорили они, то мы будемъ держаться въ сторонѣ.» Такъ думали многіе зажиточные крестьяне въ Ригѣ. Однако изъ Эттинга явились въ Рись къ повстанцамъ два бургомистра, обѣщавшіе отворить имъ ворота, какъ только они подступятъ къ ихъ городу *).

Въ той же мѣрѣ несправедливъ и нелогиченъ отзывъ канцлера Эка, въ которомъ онъ говоритъ: «не слѣдуетъ упускать изъ виду разногласіе среди горожанъ: бѣдные лютеране стоятъ за крестьянъ; нелютеране или хотя и лютеране, но зажиточные люди, стоятъ противъ нихъ» **). Между послѣдними были именно люди съ нечистой совѣстью, боявшіеся отвѣтственности за дурное городское управленіе въ ратушахъ; о нихъ-то простолюдины сочинили стишки, подобные написаннымъ жителями Гезеса на стѣнѣ гостиницы; стишки издѣвались надъ мѣстными шультгейсами (старостами) такимъ образомъ.

«Есть люди, что видятъ въ дворянахъ опору,
Но крадутъ, какъ прилично вору» ***).

Въ Инсбрукѣ, какъ и его окрестностяхъ, «многіе крестьяне владѣли капиталами въ десять, двадцать, тридцать тысячъ гульденовъ и болѣе.» Правда, они старались сдерживать движеніе, но въ сущности, все-таки, сочувствовали крестьянамъ, ****) и если дѣйствовали съ ними за одно, то вовсе не изъ «страха лишиться своего значительнаго имущества,»

*) Іерхъ, 217.

**) Отзывъ Эка отъ 2 марта 1525 г.

***) Допросъ Отто Ангера, консервативнаго шультгейса въ Гезесѣ. Іерхъ, 218.

****) Донесеніе баварскаго посла изъ Инсбрука отъ 3 Іюля 1525 г.

такъ же, какъ далеко не всѣ дворяне, приставшіе къ народному движенію въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи, дѣйствовали по своекорыстнымъ побужденіямъ, по трусости, близорукой надеждѣ или принужденію *).

Въ самомъ началѣ, донесенія княжескихъ фогтовъ были проникнуты высокомеріемъ бюрократа и знатнаго барина. Глядя на народъ, по привычкѣ, свысока, они и писали на языкѣ, къ которому привыкли въ своемъ кругу и на которомъ крестьяне назывались «навозными жуками», а горожане — «чернью». Такъ баварскій начальникъ Эргардтъ Мукенталеръ извѣщалъ слѣдующимъ образомъ своего герцога: «на мессингской горѣ собралась какая-то жалкая сволочь, — воры, игроки, безпріютные мужики, безпутные горожане, бродяги, всякая кухонная дрянь, обозная прислуга, дезертиры, солдаты, музыканты, оборвыши и другой подобный сбродъ». Конечно, такіе люди дѣйствительно водились въ народныхъ лагеряхъ, но не они были ядромъ возстанія, они не составляли даже большинства; ополченіе привлекло къ себѣ многихъ бѣдняковъ, но они не составляли самого ополченія.

Сами князья служили пятой причиной опасеній для партій господъ, особенно для духовныхъ владѣтелей. Свѣтскіе князья и дворянство думали сначала, что движеніе направлено исключительно противъ владѣтельнаго духовенства, и курфирстъ саксонскій Фридрихъ-мудрый выражался прямо въ этомъ смыслѣ, прибавляя, что бѣдныхъ людей вынудили къ возмущенію стѣсненіемъ свободы евангельскаго слова. Если Богу угодно, писалъ онъ своему брату, чтобы крестьяне завладѣли правленіемъ, то это неминуемо и должно случиться. Если же на это нѣтъ воли Божіей и если этого

*) Ярке, въ своихъ „Исслѣдованіяхъ и очеркахъ“ стр. 244, также неудовлетворительно оцѣниваетъ характеръ Лютера, какъ и побужденіе дворянства и народа той эпохи, какъ и характеръ всякаго національнаго движенія, будь оно съ религіознымъ, политическимъ, или тѣмъ и другимъ значеніемъ вмѣстѣ.

не нужно для его прославленія, то притязанія крестьянъ останутся безъ послѣдствій *).

Ленное дворянство, подчиненное какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ князьямъ, рассчитывало выйти изъ подъ ига своей зависимости и обратить свои ленныя владѣнія въ вотчины, при помощи народнаго движенія. Къ этой цѣли стремился Фрицъ Цобель фонъ-Гибельштадтъ, ленникъ вюрцбургскаго епископа, бывшій въ сношеніяхъ какъ съ крестьянами, такъ и съ маркграфомъ Казиміромъ; сношенія эти, хотя и велись съ необыкновенною осторожностью и тайнственностью, открылись однако сами собою, равно какъ и сношенія рыцаря Стефана фонъ-Менцингенъ съ маркграфомъ Казиміромъ, герцогомъ Ульрихомъ вюртембергскимъ, съ гражданами Роттенбурга и съ крестьянами на Тауберѣ.

Мысль воспользоваться возстаніемъ крестьянъ для низверженія господства духовенства принадлежала въ такой же степени маркграфу Казиміру и графу геннебургскому, какъ баварскимъ князьямъ и австрійскому эрцгерцогу Фердинанду. Если геннебургскому владѣтелю хотѣлось создать себѣ независимое княжество и даже завладѣть герцогствомъ вюрцбургскимъ, если маркграфу Казиміру было желательно какъ можно больше награть для себя земель и людей, то съ другой стороны, баварскіе князья съ завистью глядѣли на Эйхштадское епископство и зальцбургскія владѣнія, а австрійскій эрцгерцогъ Фердинандъ домогался тѣхъ же зальцбургскихъ владѣній, епископствъ, аугбургскаго, бриксенскаго, триентскаго, такъ же какъ всѣхъ большихъ и малыхъ духовныхъ областей и имуществъ, находившихся въ предѣлахъ Австріи или по сосѣдству **).

*) Письмо Фридриха у Ферстеманна въ его новомъ собраніи достоверныхъ источниковъ, I, 259.

**) Письмо графа гевебургскаго отъ 10 мая 1526 г. Письмо канцлера Эка отъ 27 декабря 1520 г. Письмо герцога Вильгельма баварскаго къ канцлеру Эку въ началѣ іюня 1525 г. Письмо канцлера отъ 7 іюня

Какъ не затаены были эти княжескія пожеланія и помыслы, все-таки многое изъ нихъ пробивалось наружу, такъ что скоро духовные князья и господа стали весьма недовѣрчиво поглядывать на своихъ свѣтскихъ собратовъ. Даже въ политикѣ саксонскаго курфюрста многихъ поразило то обстоятельство, что въ началѣ возстанія во владѣніяхъ эйхштэдскаго епископа, крестьяне изъ Шпальта, дружественно относились къ саксонскому придворному проповѣднику, который завелъ даже съ ними переписку. Вездѣ говорили, что Спалатинъ, придворный проповѣдникъ Фридриха Мудраго и другъ Лютера, давно уже находится въ секретной перепискѣ съ крестьянами и съ Гейле, цеховымъ старшиною суконнаго мастерства въ Эйхштэдтѣ, главою тамошней народной партіи. Слухъ, что Спалатинъ былъ въ Шпальтѣ, своей родинѣ, и что тамошніе жители обращались къ нему за совѣтами, не имѣетъ въ себѣ ничего неправдоподобнаго; но одно то обстоятельство, что проповѣдникъ находился въ Шпальтѣ, именно въ это время, было вполне достаточно для того, чтобы въ умахъ возникли подозрѣнія, будто саксонскій курфюрстъ стремится завладѣть Эйхштэдомъ или, по крайней мѣрѣ, низвергнуть духовныхъ владѣтелей, и провозгласить новое ученіе *).

Такимъ образомъ дѣло, затѣянное крестьянами, вначалѣ, повидимому, касалось только духовныхъ владѣтелей города; дворянство и князья считали себя въ безопасности. Но, по мѣрѣ разлитія мятежа, ихъ сталъ одолевать страхъ. Крестьяне имѣли уже одно знамя, подъ которымъ они сражались единодушно, по крайней мѣрѣ, вначалѣ, на столько единодушно, на сколько это позволяли обстоятельства. Этимъ общимъ знаменемъ служили «двѣнадцать тезисовъ.»

1525 г. Письмо Ганса фонъ-Газенбурга къ герцогу отъ 22 апрѣля 1525 г. Письмо фонъ-Казингера, баварскаго посла въ Инсбрукъ къ герцогу Вильгельму отъ 24 іюля. Іѣрхъ, 523, 331, 332, 232.

*) Гангауфъ, стр. 87.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ДВѢНАДЦАТЬ ТЕЗИСОВЪ.

Тома Мюнцеръ.

Переговоры крестьянъ съ швабскимъ союзомъ, принявшимъ на себя личину посредничества между господами и поселянами придунайскаго края, остановились ни на чемъ. Въ одномъ только отношеніи переговоры эти были полезны для крестьянъ: они оставили послѣ себя лоскутокъ бумаги, сдѣлавшійся для крестьянъ завѣтнымъ памятникомъ и имѣвшимъ важное значеніе какъ по своеобразности мысли, вѣрности взгляда, такъ даже и по своему языку. Мы говоримъ о двѣнадцати тезисахъ.

Между городскими и сельскими простолюдинами издавна велось обыкновеніе излагать свои нужды въ формѣ тезисовъ. Такъ крестьянскія общества графскихъ владѣній Фюрстенберга, Сульца и Штюлингена выразили свои потребности въ шестнадцати письменныхъ тезисахъ или пунктахъ, и представили ихъ въ этомъ видѣ на обсужденіе сеймовъ въ Штокахѣ, Шаффгаузенѣ, Радольфцелѣ и Эслингенѣ. Во всей Германіи простолюдины излагали свои нужды по пунктамъ, и этимъ способомъ думали войти въ дружескія соглашенія съ своими владѣльцами, добиться отъ аристократіи уступокъ и облегченій, заставить ее возвратить крестьянамъ ихъ стародавнія, похищенные права, и принять великодушное участіе въ ихъ горестномъ положеніи. Вюрцбургскіе поселяне представили 50 тезисовъ, майнцкіе — 29, франкфуртскіе горожане — 41, мюнстерскіе — 34; поселяне въ Инталѣ — 19 и т. д. Всѣ эти тезисы во многомъ сходны между собою, во многомъ разнятся, смотря по разнообразію мѣстныхъ условій.

Въ первой четверти 1525 года, въ верхней Швабіи былъ составленъ не большой перечень крестьянскихъ требованій, пріобрѣтшій себѣ скоро громкую извѣстность, подъ именемъ двѣнадцати тезисовъ. Не смотря на запрещенія Баваріи и Австріи, эти тезисы, чрезъ посредство печати, съ марта мѣсяца *), распространились по всей Германіи съ быстротою молніи; ихъ печатные экземпляры были признаны всѣми крестьянами, какъ общій манифестъ всего крестьянства, и такимъ образомъ великому народному движенію была указана цѣль и дана была общая формула для выраженія религіозно-политическихъ стремленій различныхъ крестьянскихъ общинъ. Въ заголовкѣ этого документа стоитъ такая надпись: «истинные и справедливые тезисы всего крестьянскаго сословія и всѣхъ гинтерзасовъ, обиженныхъ своими духовными и свѣтскими властями». «Затѣмъ слѣдуетъ вступленіе: «христіанскому читателю миръ и благодать божія во Христѣ».

«Многіе лицемерные христіане, по поводу настоящаго соединенія крестьянъ, изрыгаютъ хулы на евангеліе и говорятъ: «вотъ каковы плоды новаго евангелія: никому не повиноваться, повсемѣстно безчинствовать и возмущаться, собираться шайками и мятежническими скопищами, для того чтобъ реформировать, гонять, даже, быть можетъ, умерщвлять духовныя и свѣтскія власти!» Оtvѣтомъ на эти безпутныя и лживыя обвиненія должны служить нижеслѣдующіе тезисы, написанные съ цѣлью снять клевету съ слова божія, и оправдать, съ христіанской точки зрѣнія, неповиновеніе и даже открытое возстаніе крестьянъ.

«Во-первыхъ, евангеліе не виновато въ мятежахъ и волненіяхъ, потому что оно вышло изъ устъ Христа; обѣтованнаго Мессіи, котораго слова и жизнь поучаютъ только любви, миру, долготерпѣнію и единенію (Римл. 2): всѣ вѣрующіе во Христа должны жить въ любви, мирѣ и согласіи, а потому всѣ тезисы крестьянъ, какъ всякій ясно увидитъ, на-

*) Подъ однимъ изданіемъ стоитъ: мѣсяць martii.

правлены только къ тому, чтобы внушить крестьянамъ истинныя евангельскія правила и научить ихъ жить сообразно съ этими правилами. Какимъ же образомъ лицемерные христіане могутъ считать евангеліе причиной неповиновенія? Если есть между христіанами такіе лицемеры и враги евангелія, которые съ упорствомъ встаютъ противъ всѣхъ нашихъ требованій и желаній, то въ этомъ виновато не евангеліе, а виноватъ дьяволъ, заклятой врагъ евангелія, онъ-то и вовлекаетъ своихъ сыновъ въ преступленія, возбуждая въ нихъ невѣріе, для того, чтобы слово божіе—слово любви, мира, и единенія—окончательно заглохло и было предано забвенію.

«Во-вторыхъ, отсюда слѣдуетъ ясно и безспорно, что крестьяне, желающіе въ своихъ тезисахъ строго придерживаться евангельскихъ правилъ, не могутъ быть названы непокорными и мятежными. Если Господь услышитъ молитвы крестьянъ, желающихъ только одного: жить по его слову, то кто осмѣлится тогда порицать волю божію (Римл. 11)? Кто осмѣлится вмѣшиваться въ его судъ (Ис. 40)? Кто осмѣлится противиться его величію (Римл. 8)? Если онъ внялъ моленіямъ сыновъ израилевыхъ, взывавшихъ къ нему, о помощи, и освободилъ ихъ отъ руки Фараона, то развѣ онъ не можетъ и теперь спасти своихъ людей? Да, онъ пошлетъ имъ свое спасеніе, и пошлетъ немедленно (2 Моис. 3, 14, Лук. 18, 8). И такъ, христіанинъ, читай внимательно эти тезисы и глубже внимай и обсуждай ихъ.

Первый тезисъ.

«Во-первыхъ, мы покорнѣйше просимъ и единодушно желаемъ, чтобы отнынѣ насъ не лишали нашихъ правъ и преимуществъ, чтобы всякій приходъ самъ выбиралъ своего священника (1. Тимоф. 3), и чтобы прихожане имѣли право смѣщать его, если онъ поступаетъ не по закону (Тит. 1). Выбранный пастырь долженъ намъ проповѣдывать евангеліе ясно и разумно, безъ всякихъ своихъ прибавленій, мудрство-

ваній и выпускѣ. (Дѣян. апост. 14). Когда намъ будетъ постоянно проповѣдуема истинная вѣра, мы приобрѣтемъ право просить у Господа, чтобы онъ снискалъ насъ своею благодатью, поселилъ и усугубилъ въ насъ живую вѣру (5 Моис. 31). Если благодать божія не вселится въ насъ, то мы на всегда останемся только никуда негодною плотью и кровью (5 Моис. 10 Иоан. 6); въ писаніи ясно говорится, что только истинная вѣра можетъ приблизить напр. къ Богу и что спасеніе наше въ его милосердіи (Галат. 1). Мы нуждаемся въ достойномъ предстателѣ и духовномъ отцѣ, который былъ бы наученъ писанію, такъ, какъ это мы высказали.

Второй тезисъ.

Во-вторыхъ, не смотря на то, что справедливая десятина, установленная въ ветхомъ заветѣ, была отмѣнена въ новомъ, мы все-таки охотно будемъ выплачивать ее зерномъ, но только тамъ, гдѣ это нужно. Поэтому мы жертвуемъ ее Богу въ пользу его служителей (Евр. Пс. 109). Если въ ней будетъ нуждаться священникъ, проповѣдующій какъ слѣдуетъ слово Божіе, то мы спорить не станемъ, пусть тогда эту десятину собираютъ и получаютъ церковные сборщики, назначаемые общиной, а священникъ, выбранный приходомъ, со всѣми своими домохозяевами будетъ пользоваться изъ сбора соответствующею частью, по распоряженію всего прихода; остатокъ долженъ быть подѣленъ между бѣдными прихожанами той же деревни, по мѣрѣ ихъ нужды, и по усмотрѣнію прихода (5 Моис. 25 1. Тимоѣ. 5. Матѣ. 10 и Коринѣ. 9), а все что за тѣмъ останется должно сберегаться на случай какаго нибудь несчастія или войны; изъ этого-то избытка и слѣдуетъ удовлетворять общественнымъ нуждамъ, не обременяя бѣднаго населенія налогами. Если бы случилось, что одна или нѣсколько деревень продали свою десятину, по какой нибудь надобности, то купившій долженъ прежде всего дока-

зать дѣйствительность покупки и тогда мы войдемъ съ нимъ въ соглашеніе, смотря по важности дѣла (Лук. 6 Матѣ. 5).

Но кто не самъ купилъ деревни, десятину, а получилъ ее отъ предковъ, присвоившихъ ее себѣ силою или хитростью, тому мы не хотимъ и не должны ее давать, мы только обязываемся, какъ сказано прежде, содержать священниковъ и, по писанію, раздавать милостыню нищимъ. Кромѣ того, мы не хотимъ платить ни духовнымъ, ни свѣтскимъ лицамъ никакой малой десятины такъ, какъ Богъ предоставилъ скотину въ полное распоряженіе человѣка (1 Моис. 1). И потому эту десятину мы считаемъ несправедливою, выдуманною людьми, и давать ее больше не будемъ.

Третій тезисъ.

Въ третьихъ, до сихъ поръ было въ обыкновеніи считать насъ чужою собственностью, но это противно священному писанію, потому, что Христосъ, своею божественною кровью всѣхъ насъ искупилъ и всѣмъ намъ даровалъ спасеніе (Ис. 53. 1 Петр. 1. 1 Коринѣ 7. Римл. 13), начиная отъ послѣдняго пастуха до могущественнѣйшаго монарха. Вотъ почему священное писаніе говоритъ, что мы свободны—и мы хотимъ быть на самомъ дѣлѣ свободными (Премудр. 6. 1 Петр. 2).

Это не значитъ, что мы хотимъ необузданной воли и не признаемъ никакихъ властей. Мы должны жить по заповѣдямъ, а не по внушеніямъ грѣховной плоти (5 Моис. 6. Матѣ. 4); мы должны любить Бога, какъ своего творца и познавать его въ ближнихъ, которымъ мы обязаны доставлять все то, что сами желали имѣть бы, по слову Спасителя на тайной вечерѣ (Лукѣ. 4, 6 Матѣ. 5. Иоан. 13). Поэтому, мы не будемъ нарушать заповѣди божьей, которая вовсе не говоритъ намъ, чтобы мы не повиновались властямъ. Не только передъ властями, но передъ всякимъ мы должны смиряться (Римл. 31). Мы не думаемъ сопротивляться выбраннымъ и установленнымъ правителямъ, потому что законъ божій (Дѣян.

апост. 5) запрещаетъ намъ это. И такъ мы не нарушаемъ покорности, потому и вы должны съ своей стороны поспѣшить освободить насъ изъ подъ ига крѣпостнаго рабства или евангельскимъ словомъ доказать намъ, что мы должны оставаться рабами.

Четвертый тезисъ.

«Въ четвертыхъ, до сихъ поръ велось обыкновеніе, что ни одинъ бѣдный человѣкъ не имѣлъ права ни охотиться на птицъ, ни ловить рыбъ въ господскихъ владѣніяхъ. Это кажется намъ совершенно несправедливымъ, несогласнымъ съ братскою любовью и словомъ Божиимъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ знатные господа нарочно держатъ животныхъ, чтобы только повредить намъ и увеличить нашу бѣдность. Эти безсмысленныя твари жадно пожираютъ у насъ все, что Богъ далъ человѣку для его пропитанія, а мы должны молчать, хоть этимъ явно наносится оскорбленіе и Богу и людямъ. Создавши человѣка, Господь далъ ему власть надъ всякими животными, надъ птицами, въ воздухѣ летающими, и рыбами, въ водахъ плавающими (1 Моис. 1, Дѣян. апост. 19. 1 Тим. 4. 1 Коринѣ. 10. Колос. 2). Поэтому мы желаемъ: чтобы всякій владѣющій рѣкою или озеромъ представилъ достаточныя письменныя доказательства своего права владѣнія и тогда пусть ею владѣетъ, мы не станемъ употреблять противъ него насилія: надобно поступать со всякимъ по правиламъ христіанской любви и братства. Тотъ же кто не представитъ удовлетворительныхъ доказательствъ своего перво-владѣнія, пусть отступится отъ захваченнаго въ пользу общины.

Пятый тезисъ.

Въ пятыхъ, мы считаемъ себя также обиженными и въ отношеніи владѣнія лѣсомъ: наши господа присвоили себѣ всѣ лѣса, и если бѣдный человѣкъ нуждается въ деревѣ,

онъ принужденъ платить за него вдвое дороже, чѣмъ дѣйствительно желалъ получить. По нашему мнѣнію, лѣса, на владѣніе которыми духовные и свѣтскіе господа не могутъ представить доказательствъ, должны быть отданы въ распоряженіе общины; каждый, въ случаѣ нужды, можетъ получать отъ общины бесплатно дрова и лѣсъ, даже и для столярнаго производства, разумѣется только съ вѣдома лицъ, выбранныхъ общиною, въ видахъ предупрежденія истребленія лѣсовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ пріобрѣтетъ собственность честнымъ путемъ, община должна войти въ соглашеніе съ собственниками, по законамъ христіанской и братской любви. Если же лѣсное имущество было сначала куплено однимъ, а потомъ перепродано другому лицу, то съ покупщиками надобно войти въ соглашенія, какія укажетъ дѣло, по духу братской любви и священнаго писанія.

Шестой тезисъ.

«Въ шестыхъ, мы считаемъ себя горько обиженными тяжелою службою, которая съ каждымъ днемъ становится все невыносимѣе и невыносимѣе. Мы желаемъ, чтобы на это было обращено вниманіе и чтобы насъ не обременяли такъ жестоко; пусть насъ заставляютъ служить такъ, какъ служили наши отцы, согласно съ божескимъ писаніемъ. (Рим. 10).

Седьмой тезисъ.

«Въ седьмыхъ, мы не хотимъ больше и слышать о поборахъ и несправедливостяхъ господъ: всякій долженъ неприкосновенно пользоваться своими правами, какъ онѣ опредѣлены въ условіяхъ между господиномъ и крестьяниномъ. Господинъ не долженъ болѣе мучить и прижимать крестьянина, не долженъ требовать отъ него ни службы, и ничего другого даромъ, (Лук. 3. Фесс. 6) такъ, чтобы крестьянинъ могъ свободно и спокойно распоряжаться своимъ имуществомъ. Но если понадобится господину крестьянская служба, то крестья-

нинъ долженъ служить охотно и покорно, впрочемъ за извѣстное вознагражденіе и только въ опредѣленное время, для устраненія всякихъ потерь и убытковъ.

Восьмой тезисъ.

«Въ восьмыхъ, многіе изъ насъ, имѣющихъ собственность, отягчены высокимъ податнымъ окладомъ, котораго не могутъ вносить ихъ имущества; отсюда крестьянамъ часто приходится терять свое достояніе. Мы желаемъ, чтобы господа послали для оцѣнки такихъ имуществъ честныхъ людей и взи-мали бы оброкъ, смотря по ихъ стоимости. Крестьянинъ не долженъ работать для себя безъ выгодъ, потому что всякій работникъ достоинъ своей платы (Матѳ. 10).

Девятый тезисъ.

«Въ девярыхъ, мы чувствуемъ себя глубоко обиженными тою безбожною несправедливостью, съ которою постоянно увеличиваютъ наши наказанія; очень часто насъ наказываютъ несоразмѣрно съ виною, по злобѣ, а иногда ради пристрастнаго снисхожденія къ другимъ. Мы желаемъ, чтобы насъ наказывали согласно съ древнимъ писаннымъ закономъ, соразмѣрно съ виною, а не пристрастно. (Ис. 10. Эфес. 6. Лук. 3. Іерем. 16).

Десятый тезисъ.

«Въ десярыхъ, мы считаемъ себя и тѣмъ еще обиженными, что нѣкоторые лица присвоили себѣ пашни и луга, принадлежащія общинамъ. Если эти земли приобрѣтены въ собственность не честнымъ путемъ, то мы опять отберемъ ихъ въ пользу нашихъ общинъ; но если за нихъ заплачены слѣдующія деньги, то мы вступимъ въ дружеское и братское соглашеніе съ ихъ владѣльцами, смотря по важности дѣла.

Одинадцатый тезисъ.

«Въ одинадцатыхъ, мы хотимъ совершеннаго отмѣненія обычая, называемаго посмертнымъ отобраніемъ; мы не можемъ допустить и терпѣть, чтобы у вдовъ и сиротъ, вопреки чести и божьей волѣ, такъ безсовѣстно отнималась собственность, какъ это случается во многихъ мѣстахъ подъ разными видами. Вмѣсто того, чтобы защищать и оберегать насъ, многіе обдираютъ, грабятъ поселянъ, и если бы было у нихъ достаточно силы, то они обобрали бы ихъ до послѣдней нитки. Господь не хочетъ этого болѣе терпѣть, и обычай посмертнаго отобранія долженъ былъ отмѣненъ: съ этихъ поръ, по смерти лица, семейство его никому и ничего не платитъ — ни много, ни мало (5 Моис. 13. Матѳ. 8. 23. Ис. 10).

Заключеніе.

«Въ двѣнадцатыхъ, мы пришли къ такому рѣшенію: если одинъ или нѣсколько изъ нашихъ тезисовъ несогласны съ словомъ божіимъ, то мы отъ нихъ отступимся, какъ только это намъ докажутъ по писанію. И если даже какойнибудь изъ нашихъ тезисовъ будетъ признанъ достойнымъ вниманія и названъ справедливымъ, а впослѣдствіи окажется неправильнымъ, то мы немедленно отъ него откажемся, какъ отъ мертваго и недѣйствительнаго члена. Если даже многіе тезисы будутъ найдены противными Богу и вредными для ближняго, то мы всѣхъ ихъ возьмемъ назадъ и будемъ молить Господа, чтобы онъ далъ намъ разумъ поступать и жить по христіанскому ученію, потому что этотъ разумъ исходитъ только отъ Бога, а не отъ кого другого. Благодать Господа нашего Іисуса Христа буди со всѣми нами.»

Внимательно разсматривая этотъ замѣчательный манифестъ, нельзя не видѣть, что онъ образовался не вдругъ, а постепенно, изъ многихъ составныхъ частей. Вступленіе и заклю-

чение, очевидно, присоединены позже и написаны другимъ лицомъ, чѣмъ большая часть промежуточныхъ тезисовъ. Самые тезисы распадаются на три разряда: въ однихъ заключаются требованія, повторявшіяся впродолженіи длиннаго ряда столѣтій, какъ то: права охоты, рыбной ловли, лѣсовладѣнія, устраненія ущерба отъ животныхъ; въ другихъ — требованія, относившіяся къ отмѣненію новыхъ злоупотребленій, безконечной, несправедливой барщины и оброковъ, пристрастнаго суда и вообще всякаго господскаго самоуправства; наконецъ въ третьихъ — требованія, въ которыхъ выступаетъ новое ученіе о евангельской свободѣ и которыя объявляютъ небиблейскими и нехристіанскими крѣпостное рабство, малую десятину и посмертное отобраніе, а свободу вѣроисповѣданія, выборъ священника цѣлымъ приходомъ, составляютъ евангельскими правами. Требованія перваго разряда относятся къ очень давнему времени и здѣсь только представлены въ новой формѣ; требованія второго разряда стали высказываться уже лѣтомъ 1524 года; наконецъ, въ требованіяхъ послѣдняго рода сильно отзывается то вліяніе, которое имѣли на народное движеніе проповѣдники новаго направленія, соединявшаго духовную свободу съ свѣтскою.

Двѣнадцать тезисовъ вышли первоначально изъ верхней Швабіи *); языкъ ихъ очень похожъ на языкъ многихъ современныхъ документовъ этой мѣстности. Есть предположеніе, что они были составлены въ то время, когда господа въ Штокахѣ и Ульмѣ четвертый или пятый разъ пытались обморочить крестьянъ, дѣлая видъ, будто они принимаютъ серьезное участіе въ ихъ нуждахъ. Въ Штокахѣ это происходило между 26 и 28 числомъ февраля 1525 года, въ Ульмѣ — около середины февраля того же года **). Уже 15-го февраля канц-

*) «Двѣнадцать прилагаемыхъ здѣсь печатныхъ членовъ выпущены крестьянами поверхъ Ульма, на Дунаѣ говоритъ Вильгельмъ владѣтель Лимбурга. Оригинальные источники въ собраніи прелата фонъ-Шмида.

**) Первое предложеніе принадлежитъ прелату фонъ-Шмиду въ его примѣчаніи къ 12 тезисамъ.

леръ Экъ писалъ своему государю: «желанія крестьянъ выражены въ длинномъ рядѣ тезисовъ, вообще же они хотятъ, во-первыхъ: принадлежать только одному Христу, и не хотятъ знать никакихъ другихъ господъ; во-вторыхъ, они рѣшительно отказываются отъ всякой барщины, и не хотятъ давать ни куръ на масляницу, ни малой десятины; они говорятъ, что это совершенно противно братской любви, и что ни одинъ текстъ евангелія не говоритъ о такихъ обязанностяхъ; въ-третьихъ, они и слышать не хотятъ ни о какихъ налогахъ, податяхъ и оброкахъ; въ-четвертыхъ, по ихъ мнѣнію, всѣ рѣчныя воды, всѣ лѣса, птицы воздушныя и разная дичь, должны быть предоставлены всѣмъ въ полное распоряженіе, потому что все это сотворено для пользы и нужды всѣхъ людей. Есть еще и другіе отдѣльные тезисы, которые какъ они думаютъ, могутъ быть приведены въ исполненіе.»

17 февраля онъ же извѣщаетъ о «поступленіи на разсмотрѣніе требованій всего (верхне-швабскаго) крестьянства.»

Нѣтъ сомнѣнія, что это былъ первый, болѣе обширный планъ *), набросанный Мюнцеромъ по образцу мюльгаузенскихъ тезисовъ Пфейффера, такъ какъ около тѣхъ же чиселъ февраля Тома Мюнцеръ отправился внизъ по Дунаю.

Заключенныя въ двѣнадцать тезисовъ и высказанныя въ болѣе умѣренныхъ выраженіяхъ, эти требованія, около середины марта, могли быть представлены на разсмотрѣніе швабскаго союза, въ формѣ прошенія отъ трехъ, сообща дѣйствовавшихъ, крестьянскихъ обществъ верхней Швабіи. Последнюю свою форму тезисы эти получили въ комитетѣ евангелическаго братства, на сеймѣ въ Меммингенѣ. Древнѣйшее изданіе **) не приводитъ никакихъ библейскихъ текстовъ и

*) Ср. ниже, допросъ Мюнцера.

**) Онъ находится со многими другими изданіями, въ собраніи прелата Шмида, въ штутгартскомъ государственномъ архивѣ.

озаглавлено довольно просто: «выраженіе неудовольствія и дружелюбныхъ желаній всего, нынѣ собравшагося крестьянства, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ христіанскихъ предложеній.»

Въ средѣ этого же крестьянства, на верхнемъ Дунаѣ, возникла и скоро осуществилась счастливая мысль изложить эти тезисы, какъ основныя права всего народа. Еще въ мартѣ печатныя изданія получили то заглавіе, которымъ придунайскіе крестьяне присвоивали себѣ значеніе всего нѣмецкаго крестьянства: «истинные и справедливые тезисы всего крестьянскаго сословія и подвассаловъ духовныхъ и свѣтскихъ властей, обиженныхъ послѣдними.»

Вскорѣ послѣ окончанія войны, да еще и прежде, современники, пользовавшіеся наиболѣе достовѣрными свѣдѣніями, приписывали двѣнадцать тезисовъ Томѣ Мюнцеру и говорили, что «тезисы были первоначально сочинены имъ.» Однако ихъ умѣренный тонъ совсѣмъ не похожъ на тонъ Мюнцера. Умирая, онъ объявилъ, что никогда не былъ авторомъ двѣнадцати тезисовъ. «Правда, сознавался онъ, въ Гегау и Клеттгау я выписывалъ изъ евангелія нѣкоторыя положенія относительно управленія, но позднѣйшіе, отсюда возникшіе тезисы, были составлены другими.» Въ то же время, Экъ, вынуждаемый подъ пыткой открыть составителей тезисовъ, показалъ, что «изъ нѣсколькихъ тезисовъ, взволновавшихъ его братьевъ и составленныхъ неизвѣстными ему лицами, возникли двѣнадцать тезисовъ шварцвальдскихъ и другихъ крестьянъ» *). Очень можетъ быть, что онъ съ умысломъ умолчалъ объ имени составителя тезисовъ, которымъ, вѣроятно, былъ Генрихъ Пфейфферъ.

Дѣятельность Пфейффера въ Мюльгаузенѣ, и всѣ произведенныя имъ здѣсь реформы отличаются умѣренностью и благоразуміемъ. Пфейфферъ, какъ даровитый писатель, очень

*) Показанія Мюнцера.

искусно владѣлъ перомъ, въ особенности гдѣ нужно было убѣждать; быть можетъ, его тезисы были только распространены Мюнцеромъ на верхнемъ Дунаѣ. Шалпелеръ, меммингенскій проповѣдникъ и какъ писатель, уважаемый многими, тоже объявилъ въ глубокой старости, что не онъ былъ авторомъ тезисовъ. Гейглинъ былъ обвиненъ въ составленіи крестьянскихъ тезисовъ въ Серпентингенѣ, но такъ какъ эти тезисы имѣли совершенно мѣстное значеніе, то они и были менѣе замѣчательны, чѣмъ двѣнадцать тезисовъ. Сочинителемъ этихъ послѣднихъ могъ быть майнцскій сборщикъ податей, Фридрихъ Вейгандъ; это предположеніе сдѣлается особенно правоподобнымъ, если мы сравнимъ его убѣжденія съ характеромъ самихъ тезисовъ; онъ могъ переслать ихъ въ верхнюю Швабію, точно такъ же, какъ впослѣдствіи онъ переслалъ въ гейльбраинскій правительственный комитетъ цѣлый рядъ предложеній, по своему значенію весьма важныхъ для народа. Недавно указывали и на Фуксштейнера, какъ на составителя двѣнадцати тезисовъ. Фуксштейнеръ находился тогда въ Кауфберейнѣ, и слылъ за «адвоката крестьянъ»; баварское правительство считало его дѣльцемъ, писавшимъ жалобы крестьянамъ окрестныхъ общинъ. «Мы думаемъ, что Фуксштейнеръ, авторъ тезисовъ», писали въ Мюнхенѣ изъ Эглоффштейна. Разумѣется, невѣроятно, чтобы Фуксштейнеръ оставался совершенно безучастенъ къ дѣлу составленія тезисовъ тѣмъ болѣе, что въ меммингенскомъ же комитетѣ эти знаменитые двѣнадцать тезисовъ обсуждались и редактировались, на основаніи пфейфферо-мюнцерскихъ и многихъ другихъ, бывшихъ тогда въ ходу.

Ихъ содержаніе и еще болѣе тонъ, въ которомъ они написаны, отличаются необыкновенною умѣренностью. Въ нихъ слышится голосъ людей, вовсе не желающихъ прибѣгать къ насиліямъ революціи или требовать полного равенства и безусловной свободы, а людей желающихъ только указать властямъ и подданнымъ путеводную нить, извлеченную изъ свя-

щеннаго писанія, которая—тѣхъ и другихъ можетъ привести къ полной безопасности и спокойствію. Народныя желанія изложены толковымъ языкомъ; народъ желаетъ избавиться отъ всѣхъ старыхъ и новыхъ неправдъ и притѣсненій господъ; это желаніе само по себѣ совершенно справедливое, становится еще болѣе справедливымъ въ глазахъ народа, вѣрующаго, что за него стоитъ сама природа, что за него говоритъ и слово божіе. Отъ словъ угнетеннаго человѣка вѣетъ духомъ кротости и миролюбія; онъ высказываетъ истинно христіанское желаніе сохранить уваженіе къ правамъ властей, добытымъ честнымъ путемъ и требовать для себя только тѣхъ уступокъ, которыя одобряются божественною волею.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Геаусы и шварцвальдцы.

Лѣсное (шварцвальдское) евангелическое братство, одновременно съ «двѣнадцатю тезисами» выпустило также письмо изъ «тезисовъ»; на немъ отпечатлѣлся духъ Мюнцера, который впоследствии и самъ ссылался на него, какъ на программу своей дѣятельности *). Вотъ что заключалось въ этомъ письмѣ **).

*) Допросъ Мюнцера.

**) Это письмо состоитъ изъ трехъ членовъ 1) о свѣтскомъ отрѣшеніи, 2) о замкахъ и монастыряхъ и 3) о тѣхъ, которые оказываютъ помощь врагамъ христіанскаго единенія.

«Такъ какъ въ городахъ и селахъ, духовные и свѣтскіе господа обременяли бѣдный, простой народъ всѣми возможными тягостями, вопреки божьей волѣ и всякой правдѣ, тогда какъ бѣдняки не трогали и пальцемъ своихъ владѣтелей, господъ, то отсюда ясно, что такихъ тягостей и неправдъ ни сносить, ни терпѣть больше не слѣдуетъ; въ противномъ случаѣ, бѣдный простолюдинъ, вмѣстѣ съ своими дѣтьми, вѣчно будетъ голодать и бродить съ нищенскимъ посохомъ. А потому настоящее христіанское братство поставило себѣ цѣлью освободиться, съ божьей помощію, отъ претерпѣваемыхъ золъ, освободиться, на сколько возможно, безъ насилій и пролитія крови; а это возможно, разумѣется, только при братскомъ единодушіи во всѣхъ дѣлахъ, касающихся пользы христіанъ и изложенныхъ въ прилагаемыхъ здѣсь тезисахъ.

«Поэтому, наша дружеская просьба, наше желаніе, наше братское стремленіе заключаются въ томъ, чтобы вы вошли съ нами, добровольно, въ христіанское единеніе и братство для возстановленія, поддержанія и преумноженія братской любви и общаго благополучія всѣхъ христіанъ. Если вы такъ поступите, то исполните волю божію и святую его заповѣдь о любви къ ближнему. Но если вы отвергнете наше желаніе, чего мы, однако, не ожидаемъ, то объявляемъ вамъ наше свѣтское отрѣшеніе и, отрѣшеніе это не снимится съ васъ до тѣхъ поръ, пока вы не откажетесь отъ вашего намѣренія и не вступите, дружелюбно, въ христіанское съ нами единеніе.

1) Вотъ въ чемъ заключается наше свѣтское отрѣшеніе: вступившіе въ наше христіанское братство должны поклясться своею честью и всѣмъ своимъ достояніемъ, что они будутъ избѣгать и уклоняться отъ всякаго сообщества съ людьми, не пожелавшими войти съ нами въ братское единеніе, для общей пользы всѣхъ христіанъ; что они не станутъ съ такими людьми ни ѣсть, ни пить, ни молоть, ни печь, ни пахать, ни косить; что они не будутъ имъ, ни доставлять, ни облегчать доставку пищи, питья, мяса, зерна, соли, дровъ

или другихъ какихъ жизненныхъ припасовъ; что они не будутъ ничего покупать и ничего продавать имъ. Пусть они будутъ всѣми оставлены, какъ отрѣзанные и мертвые члены, потому что они не только бесполезны, но даже вредны для пользы христіанства и для земнаго мира. Пусть ихъ никто не допускаетъ продавать и покупать на рынкѣ, пользоваться лѣсомъ, лугами, водой, если только они еще не успѣли завладѣть всѣмъ этимъ, силою; а кто изъ вступавшихъ въ наше единеніе нарушитъ это запрещеніе, пусть также будетъ исключенъ изъ нашего общества, пусть и онъ подвергнется тому же отрѣшенію и, вмѣстѣ съ женою и дѣтьми, будетъ выпровоженъ къ упорствующимъ и несправедливымъ.

2) О замкахъ, монастыряхъ и священническихъ приходахъ. «Такъ какъ измѣна, насиліе и несправедливость родились и возрасли въ замкахъ, монастыряхъ и священническихъ приходахъ, то всѣ такія мѣста подлежатъ, съ настоящаго времени, отрѣшенію. Но гдѣ дворянство, монахи или попы добровольно откажутся отъ этихъ замковъ, монастырей или приходовъ, переселятся въ обыкновенные дома, подобно другимъ богобоязненнымъ людямъ, и согласятся войти въ наше христіанское единеніе, то такія лица, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ имуществомъ и стяжаніемъ, должны быть нами дружелюбно и привѣтливо приняты; пусть всякій честно и нерушимо уважаетъ все принадлежащее имъ, по божескому праву, безъ всякихъ ограниченій.

3) О тѣхъ, которые скрываютъ, подстрекаютъ и поддерживаютъ враговъ нашего христіанскаго единенія.

«Также и тѣхъ, которые укрываютъ, подстрекаютъ и поддерживаютъ враговъ христіанскаго единенія нужно миролюбиво отклонять отъ такого поведенія, но если они не перестанутъ упорствовать, то пусть безъ дальнѣйшихъ разсужденій, будутъ подвергнуты свѣтскому отрѣшенію».

Эти тезисы появились въ то самое время, когда Мюнцеръ дѣйствовалъ въ верхней германіи; они были приняты, какъ манифестъ, *шварцвальдскими братьями*. Мюнцеръ пробылъ

здѣсь съ октября 1524 г. до начала февраля 1525 года; вступивъ съ верхнешвабскими поселянами въ сношенія и опредѣливъ общій планъ дѣйствія, онъ возвратился въ Тюрингенъ, чрезъ франконію, внизъ по верхнему Дунаю.

Верхніе швабы рѣзко отличаются отъ нижнихъ.

Трезвость религиозныхъ воззрѣній составляетъ отличительную черту ихъ характера. Эта-то трезвость предохраняла ихъ отъ соблазновъ мюнцерскаго энтузіазма. Порывистое движеніе впередъ было не въ ихъ характерѣ, и только оскорбительное высокомеріе союзныхъ господъ вынудило ихъ отважиться на то, къ чему напрасно призывалъ ихъ Мюнцеръ. Въ верхней Швабіи онъ оставилъ очень много своихъ эмиссаровъ и агентовъ; а на обратномъ пути, онъ напечаталъ еще одно изъ самыхъ увлекательныхъ и рѣзкихъ воззваній, когда-либо выходившихъ изъ подъ его пера. Быть можетъ, это было только дальнѣйшее развитіе его проповѣдей, на евангельскіе тексты, о томъ «какъ должно управлять». Не разъ замѣтивъ что часть крестьянъ верхней Швабіи готова вступить или уже вступаетъ въ мирныя соглашенія съ врагами, онъ написалъ одиннадцать пламенныхъ положеній, которыми старался побудить крестьянъ къ осторожности и самохраненію *).

Въ этомъ сочиненіи, онъ старался наглядно и отчетливо объяснить, какъ господа управляютъ и какъ они должны бы

*) Выписываемъ заглавіе: собранію всего крестьянства верхне-нѣмецкой націи и многихъ другихъ мѣстъ, начавшаго возстаніе, съ объясненіемъ, справедливо оно или нѣтъ, а также съ указаніемъ, что должны и чего не должны они дѣлать, по отношенію къ властямъ. „Основано на священномъ писаніи и издано собраніями верхнихъ земель, по надлежащемъ обсужденіи.“ На заглавномъ листѣ помѣщена лубочная картина, представляющая колесо съ надписью вверху и внизу: вотъ колесо счастья, одинъ богъ знаетъ, кто въ извѣстное время и часъ очутится на верху; вотъ крестьяне, добрые слуги Христа, а вотъ приверженцы Рима (Romoiiuylin) и софисты.

Штробель, прибавленіе 11, 1. Отрывокъ, стр. 44.

были управлять; что, истинная христіанская вѣра не допускаетъ никакой власти человѣка надъ человѣкомъ, что только не христіане могутъ признавать власти; далѣе онъ обсуждалъ обязанности христіанскаго правителя,—будь-то князь, папа или императоръ, негодовалъ противъ безграничнаго, ничѣмъ не сдерживаемаго произвола, которому, какъ ложной власти, никто не обязанъ повиноваться; далѣе, онъ разсматриваетъ вопросъ, какую власть надобно предпочесть—наслѣдственную или избирательную, назначаемую на опредѣленный срокъ народомъ; защищаетъ права простолюдина на дичь въ поляхъ и лѣсахъ, затѣмъ переходитъ къ праву общины смѣщать свои власти, признаетъ необходимость этого права, и говоритъ, какимъ образомъ, община должна имъ пользоваться въ отношеніи къ господамъ». Право общины или волости лишать власти, гнетущаго ее, господина, говорилъ онъ, я могу подтвердить многими свидѣтельствами божественнаго законодательства, которыхъ не одолѣютъ никакіе врата адовы, вмѣстѣ со всѣмъ ихъ рыцарствомъ! Затѣмъ онъ цитировалъ, въ числѣ другихъ, болѣе близкія къ дѣлу, но темныя мѣста библіи (Ис. 1, 7, 8. 1 Тимоѳ. 5, 8. Дѣян. апост. 5, 34. 1 Каринѳ. 7, 22, 23. Матѳ. 7, 6, 12), и продолжалъ: «скажу короче: тѣ господа, которые въ услуженіе своего сердца и по своему самодурству, выдумываютъ новыя произвольныя предписанія—не говоря уже о произвольныхъ, налогахъ, податяхъ и взяткахъ—заслуживаютъ названіе настоящихъ грабителей и открытыхъ враговъ своей собственной родины. Если мы низвергнемъ всѣхъ этихъ Моавовъ, Агаговъ, Ахавовъ, Фаларисовъ и Нероновъ съ ихъ опозоренныхъ троновъ, мы угодимъ этимъ только Господу, потому что писаніе называетъ ихъ не слугами божіими, а змѣями, драконами и волками». Затѣмъ, онъ опять принимается объяснять смыслъ возстанія и толкуетъ, кто собственно заслуживаетъ ругательное прозваніе бунтовщика. Въ заключеніе, онъ убѣждалъ крестьянъ быть твердыми, крѣпко держаться своего намѣренія

и неподдаваться, ни увѣщаніямъ, ни угрозамъ. Чтобы подействовать на нихъ сильнѣе онъ нарисовалъ имъ картину всѣхъ тѣхъ бѣдствій и ужасовъ, которые неминуемо на нихъ обрушатся, если они измѣнятъ своему собственному дѣлу. «Если вы проиграете его, взывалъ онъ,—великія несчастія и безпощадныя казни разразятся надъ вами и всѣми вашими собратіями. О, горе, вашимъ дѣтямъ, если вы оставите имъ свое горькое отцовское наслѣдіе. Если вы теперь обязаны отбивать барщину съ заступами, лопатами и лошадьми, то вашихъ дѣтей самихъ запрягутъ въ бороны; если до сихъ поръ, вы могли огораживать ваше имущество заборами для защиты отъ хищныхъ звѣрей, то теперь васъ принудятъ оставлять свое добро на произволъ хищниковъ и грабителей; если прежде вамъ выкалывали глаза, то теперь станутъ сажать самихъ на колья. До сихъ поръ вы были крѣпостными людьми, а тогда сдѣлаетесь полными рабами, не будете имѣть никакой собственности, ни тѣла, ни хлѣба. Съ вами будутъ обходиться какъ съ турками, васъ станутъ продавать, какъ лошадей или рогатую скотину. Малѣйшій знакъ вашего неудовольствія повлечетъ за собой пытки, истязанія, и всѣмъ этимъ ужасамъ не будетъ ни мѣры, ни конца. Какъ самыхъ преступныхъ измѣнниковъ, васъ станутъ таскать въ замки, станутъ пытать всякими орудіями — кого сѣчь розгами, кому выжигать щеки, рубить пальцы, отрѣзывать языкъ, кого четвертовать и обезглавливать.» Вслѣдъ за тѣмъ, онъ старается поддержать бодрость крестьянъ, напоминая имъ о древнемъ предсказаніи, которое, по его словамъ, скоро должно исполниться.» Намъ нельзя ждать пощады; высокомерное насиліе властей не уймется до тѣхъ поръ, пока не исполнится древнее пророчество, которое говоритъ, что корова, зарытая на Лебяжьей горѣ, во франкской землѣ, встанетъ и такъ зычно промычитъ, что ее услышатъ во всей Швейцаріи. Можетъ быть это предсказаніе вовсе не шутка; оно исполнится намъ во благо.» Это воз-

ваніе было напечатано въ Нюрнбергѣ *); въ каждомъ его словѣ проглядывать мюнцеровскій стиль. Въ концѣ сочиненія онъ бросаетъ въ лицо аристократа слѣдующій насмѣшливый вызовъ: «поспѣши, побѣжи поскорѣе, кривоногій»!

Мюнцеръ былъ положительно убѣжденъ въ успѣхѣ своего дѣла. Онъ видѣлъ собственными глазами слабость разныхъ крупныхъ и мелкихъ владѣльцевъ, видѣлъ какъ мало они приготовлены къ борьбѣ, видѣлъ всю шаткость, беспомощность и затруднительность ихъ положенія. Особенно сильно струсили и приуныли мелкіе владѣльцы **). Онъ видѣлъ какъ быстро разливалось возмущеніе отъ одной мѣстности къ другой; въ средней Германіи дружно работали вожатые движенія, повсюду произносились проповѣди и печатались воззванія къ народу; даже денежные обѣщанія были употребляемы, какъ средство для привлеченія къ оружію простолудиновъ. Деньги сдѣлали то, чего не могли сдѣлать страхъ или добрая воля.

Эйтель Гансъ Цигельмюллеръ, главный начальникъ скопища, образовавшагося у озера, выѣзжалъ, какъ какой-нибудь великій полководецъ, окруженный многочисленной свитой; подобно ему Гансъ Мюллеръ фонъ-Вульгенбахъ, шварцвальдскій предводитель, любилъ щегольнуть торжественностью внѣшней обстановки; на немъ былъ красный плащъ, голова

*) Штробель, въ прибавленіи томъ II, 1 отрывокъ стр. 45.

**) Крестьяне видѣли, что всѣ безъ исключенія господа, даже самые надменные мучители и кровопійцы угнетеннаго сословія, подчиняясь папическому ужасу, всюду бѣжали или старались умиловить своихъ враговъ; самые отважные дворянчики, изъ которыхъ прежде одинъ вызывался сдуть съ щепоткой перцу десять крестьянъ, теперь вдесятеромъ боялись встрѣтиться съ однимъ крестьяниномъ. Ангельмъ; VI, 283. «Господа и дворянчики, изъ львовъ, подѣлались зайцами.» Такъ же 285. Такъ выражается современникъ, владѣлецъ и аристократъ, хотя и швейцарецъ родинѣ.

его украшалась красной шапкой съ перьями, а за нимъ колесница, разукрашенная зелеными вѣнками и лентами, везла начальническое и революціонное знамена. Впереди его ѣхалъ разодѣтый герольдъ съ печатнымъ манифестомъ и двѣнадцатью тезисами. Герольдъ этотъ громкимъ голосомъ призывалъ общины къ оружію и читалъ тезисы. Такимъ образомъ разѣзжалъ Гансъ Мюллеръ по Шварцвальду; съ первыми весенними днями шварцвальдцы взялись за оружіе, а одновременно съ ними также и гегауцы. Уже девятаго апрѣля скопище гегаускихъ крестьянъ, которыми командовалъ теперь Гансъ Бэнклеръ, соединилось съ большимъ скопищемъ изъ фюрстенбергскихъ владѣній, изъ Барра, изъ Клеттгау и Шварцвальда. Соединеніе произошло въ Бандорфѣ. При выходѣ скопища изъ Бандорфа, въ немъ насчитывалось не болѣе 4000 чело-вѣкъ. Оттуда, минуя на пути Лѣффингенъ, оно отправилась въ Дэкингенъ. Пфоргеймъ, Бройнлингенъ и Гюфингенъ отворили ему свои ворота; послѣдній 13 апрѣля; здѣсь начальникъ оставилъ гарнизонъ; отправилъ въ Филлингенъ возмутительное письмо и раздѣлил свою, теперь довольно многочисленную, толпу на нѣсколько самостоятельныхъ отрядовъ, которые быстро и послѣдовательно завладѣли замками Альтфюрстенбургомъ, Донаухшингеномъ, Лупфеномъ и Вартенбергомъ, забирая оттуда лучшее оружіе; города Мерингенъ и Гэйссингенъ также были взяты, а Лахъ и Энгенъ сами отворили имъ свои ворота. Во всѣхъ забранныхъ укрѣпленіяхъ Гансъ Мюллеръ размѣстилъ крестьянскіе гарнизоны, самъ же повернулъ къ Радольфцеллю, гдѣ находились австрійскіе комиссары изъ Эндйсгейма, Иннспрука и Штутгарта, и множество гегаускихъ дворянскихъ фамилій, укрывшихся тамъ съ своими имуществами: Радольфцель былъ со всѣхъ сторонъ обложенъ отрядомъ Ганса Мюллера; эта крѣпость, облегчавшая сношенія съ Швейцаріей, имѣла важное значеніе для крестьянъ. Впрочемъ, крестьяне еще медлили приступить къ правильной осадѣ, они только отрѣзали всякій подвозъ къ го-

роду, захватывали даже суда на озерѣ, шедшія изъ Костанца, и опустошали окрестности города *).

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Крестьяне въ Рисѣ и въ аншахской области.

Изъ ульмскихъ земель и графства Бургау движеніе разлилось по Гертфельду, Аальбуху, Рису и Мюлгау. Въ двухъ послѣднихъ мѣстностяхъ лежали владѣнія графовъ фонъ-Эттингенъ, имперскихъ городовъ Нердлингена и Бопфингена и цѣлый рядъ монастырскихъ угодій. Нѣмецкій орденъ также имѣлъ здѣсь свои земли. Въ мѣстечкѣ Эллингенѣ, принадлежавшемъ къ франкскому округу нѣмецкаго ордена, уже въ 1524 году поселяне жаловались на обременительную полевую барщину и требовали отъ ландкомтура по крайней мѣрѣ половинной платы, противъ поденнаго заработка, наемнаго жнеца. Ландкомтуръ, думая, что согласиться на такое требованіе, значитъ поощрять своеволие, отказалъ поселянамъ. Неудовольствіе сельскаго класса, тогда еще остававшегося спокойнымъ, проявилось въ слѣдующемъ году. Всѣ окрестные поселяне, пришли въ движеніе, средоточіемъ котораго сдѣлался имперскій городъ Нердлингенъ.

Еще прежде въ этотъ городъ проникло новое ученіе, и даже въ средѣ городского сословія стали бродить новыя идеи.

*) Рукопись Зейдлера; филлингенская хроника, также въ рукописи.

Его жители возбудили и направили возстанія поселянъ въ Рисѣ *)

Крестьяне уже образовали по сосѣдству два лагеря; одинъ отрядъ занялъ позицію на высокой горѣ Ипфѣ, между Бопфингеномъ и Нердлингеномъ, а другое скопище расположилось по-ту сторону Нердлингена въ деревнѣ Реннингенѣ. Въ обоихъ скопищахъ участвовали преимущественно подданные имперскаго аббатства Нересгейма и графовъ фонъ-Эттингенъ. Графъ Людвигъ XV фонъ-Эттингенъ пользовался репутаціею добраго господина. Уже давно онъ принялъ къ своему двору, въ качествѣ домоправителя и воспитателя своего сына Вольфганга, кармелитскаго монаха Мартина Монингера, прогнаннаго изъ монастыря за приверженность къ новому евангелическому ученію.

Когда, швабскій союзъ призвалъ своихъ членовъ вмѣстѣ съ ихъ контингентами къ войнѣ противъ герцога Ульриха и крестьянъ, графъ Людвигъ также отправился въ походъ, сопровождаемый Монингеромъ, въ качествѣ полковаго проповѣдника. Но въ то же время Монингеръ былъ обвиненъ передъ главнокомандующемъ союза Георгомъ Трухзесомъ въ ереси и мятежничествѣ. Обвиненный былъ преданъ военному суду. При частыхъ допросахъ проповѣдникъ обнаружилъ столько душевной смѣлости, что удивилъ многихъ изъ своихъ судей; но эта же самая смѣлость до того распалила ярость всѣхъ остальныхъ членовъ суда, что они присудили его къ висѣлицѣ. Тогда поднялся старый рыцарь изъ благороднаго дома Штайновъ и смѣло объявилъ, что ученіе и убѣжденія Монингера вовсе не такъ предосудительны, какъ думаютъ и какъ ихъ представляютъ. Это произвело свое дѣйствіе: и Монингера освободили **).

*) Архивъ Нердлингена.

**) Жизнь Цинделя жизнеописаніе Мартина Монингера у Георга Уффоренгейма. Часы досуга, II, 731—735.

Очень вѣроятно, что Монингеръ былъ любимымъ проповѣдникомъ Эттингенскихъ крестьянъ, что многіе изъ нихъ были сильно раздражены оскорбительнымъ обращеніемъ съ нимъ, вину котораго они сваливали на графа фонъ-Эттингена. Не разъ случалось, что суровыя мѣры противъ народныхъ проповѣдниковъ давали крестьянамъ поводъ къ возстанію или поддерживали его. Сами эттингенскіе поселяне объявили, что они собрались во имя святого евангелія, вынужденные крайнею необходимостью защищать слово божіе и освободить себя отъ невыносимыхъ тягостей и притѣсненій властей *).

Двадцать седьмого марта, близъ деревни Дейнингена, между Нердлингенемъ и Эттингеномъ, уже до 1500 человѣкъ стояли лагеремъ; пять дней спустя число ихъ возросло до осьми тысячъ. Даже два бургомистра изъ Эттингена пріѣхали къ Дейнингену, чтобы пригласить крестьянъ въ свой городъ: только приходите, говорили они, а мы съ удовольствіемъ отворимъ вамъ ворота. Но вожатые крестьянъ расположились въ Нердлингенѣ, и крестьяне входили въ этотъ городъ и выходили изъ него безъ всякихъ стѣсненій.

Въ домѣ Бальтазара Глазера, по ремеслу кошечелнаго и сумочнаго мастера, сходились коноводы крестьянъ и городскіе заговорщики; здѣсь же, вечеромъ 31 марта, они единодушно постановили «напасть на монастыри и священническіе дома, завладѣть имуществомъ духовенства, всѣхъ монаховъ и поповъ выгнать изъ города, а всѣхъ господъ изъ Риса, присоединить Рису къ городу Нердлингену и самимъ зажить господами» **).

Главную роль въ городскихъ народныхъ смутахъ игралъ нѣкто Антонъ Форнеръ, — человѣкъ, хорошо знакомый съ военнымъ дѣломъ, занимавшій самыя видныя городскія должности и бывший въ то время вторымъ бургомистромъ. Въ домѣ

*) По достовѣрнымъ источн. Нердлингенскаго архива.

**) Нердлингенскій арх.

Глазера *) сочинялись и распѣвались пѣсни въ которыхъ осмѣивался швабскій союзъ и восхвалялось крестьянство. Антонъ Форнеръ зазвалъ къ себѣ въ домъ сочинителя пѣсенъ, угощалъ его, и даже самъ состряпалъ нѣсколько ѣдкихъ стишковъ «въ посрамленіе союза». Бальтазаръ Глазеръ и Антонъ Форнеръ до того времени не долюбливали другъ друга, но теперь обстоятельства и общія цѣли сблизили ихъ. Во время движенія въ Лангенау особенно отличилась одна женщина, вѣроятно жена Ганса Цинглера. Въ Лейпгеймѣ женщины принимали почти такое же участіе въ возстаніи, какъ и мужчины **). Въ Нердлингенѣ, жена Антона Форнера вела самыя тайныя интриги мятежа, сзывала собранія, туда и сюда разсылала письма, подстрекавшія народъ къ возстанію, публично поносила городской совѣтъ и хвалилась, что «мятежъ вспыхнетъ, чуть только она шевельнетъ пальцемъ» ***).

Этой женщинѣ удалось вмѣстѣ съ мужемъ и его пріятелями въ ночь на 1 апрѣля, возбудить народное возстаніе въ городѣ. На слѣдующее утро, когда мятежники еще спали или боязливо скрывались отъ достопочтеннаго совѣта, Форнеръ былъ арестованъ. Но въ ночь на 4 апрѣля жена арестованнаго, соединившись съ горожанами освободила его изъ тюрьмы. Форнеръ былъ выбранъ первымъ бургомистромъ, прежній бургомистръ Фестнеръ потерялъ свое мѣсто, а крестьянамъ, расположеннымъ у Дейнингена, горожане поручили передать, что, въ случаѣ надобности, четвертая часть горожанъ присоединится къ нимъ, со всѣмъ городскимъ оружіемъ ****).

Теперь Антонъ Форнеръ началъ царить съ властью неограниченнаго бургомистра; въ большой и малый совѣты были

*) Тамъ сосредоточивались главнѣйшія интриги (Praktik) мятежа.

**) Ульмскій архивъ.

***) Нердлингенскій архивъ.

****) Письменный отзывъ графа Людвигъ фонъ-Эттингена отъ 4 апрѣля.

приняты многіе члены изъ народной партіи. Въ этомъ обновленномъ и окрѣпшемъ совѣтѣ проведено было насильственно много мѣръ къ ограниченію аристократіи. Господа жаловались, что ихъ вынуждали къ принятію тезисовъ оскорбительныхъ для ихъ чести. Письма городского секретаря, отправленные имъ въ Ульмъ, были перехвачены и распечатаны. Люди, стоявшіе во главѣ движенія, хотѣли его отдать подъ судъ, какъ измѣнника народному дѣлу. Его собственные пріатели и родственники засадили его въ башню, однако не могли убѣдить городскую общину дѣйствовать по всей строгости законовъ, такъ какъ въ перехваченныхъ письмахъ не имѣлось противъ него достаточныхъ уликъ. Но, при своемъ освобожденіи, онъ былъ вынужденъ дать клятвенное обѣщаніе—впродолженіе всей жизни никому не мстить за все, имъ вытерпѣнное.

Крестьяне оказывали Форнеру особенное довѣріе. Изъ своего лагеря у Дейнингена они отправили въ Нердлингенъ письменное возваніе, въ которомъ было сказано: «мы увѣрены, что наши мудрые, возлюбленные и милосердые господа, друзья и братья въ Нердлингенѣ искренно держатся слова Божія. Такъ какъ мы всѣ, поселяне, находящіеся у Нердлингена, должны оставаться въ постоянномъ сборѣ и при этомъ терпимъ большіе недостатки въ провіантѣ, ружьяхъ и многомъ другомъ, то да позволено намъ будетъ просить у Нердлингенскихъ жителей братской помощи и присылки намъ всего необходимаго. Мы надѣемся также на ихъ участіе въ нашемъ, во имя божіе, начатомъ предпріятіи.» Антонъ Форнеръ хлопоталъ въ совѣтѣ объ отправленіи къ крестьянамъ денегъ, хлѣба и дровъ. Еще въ ночь возстанія, затѣяннаго женой Форнера и Бальтазаромъ Глазеромъ, Форнеръ тотчасъ послѣ своего освобожденія, приказалъ отпереть арсеналъ, чтобы изъ него снабдить крестьянъ орудіями. Однако пушки небыли имъ отправлены. Въ день возмущенія, когда измѣнился личный составъ совѣта, Антонъ Форнеръ былъ расположенъ къ самымъ крайнимъ мѣрамъ; часто замѣшав-

шись въ толпу горожанъ, онъ поднималъ глаза къ небу, билъ себя въ грудь и, когда до него доходила очередь слова, съ жаромъ начиналъ доказывать необходимость кровопролитія. Въ засѣданіи большаго совѣта, онъ смѣло предложилъ созвать въ Нердлингенѣ сеймъ городовъ, такъ какъ крестьяне просили, чтобы ближайшіе окрестные города вступили во взаимныя объясненія и переговоры относительно народного дѣла. Когда Форнеру возражали, что право созывать сеймы городовъ принадлежало одному Ульму, онъ пришелъ въ страшное негодование. Онъ хотѣлъ также, чтобы представители Нердлингена посѣтили крестьянскій сеймъ въ Виндсгеймѣ и чтобы Нердлингенъ, сообщая съ нѣкоторыми другими городами, дѣйствовали въ интересахъ крестьянъ.

Съ крестьянами Форнеръ не прерывалъ тайныхъ сношеній. Говорили даже, что онъ ѣздилъ въ Дейнингенъ и обратно, въ сопровожденіи сорока крестьянскихъ военачальниковъ; что, во время стоянки крестьянъ лагеремъ, ихъ предводители и совѣтники имѣли къ нему совершенно свободный доступъ; ходила даже молва, будто онъ особенно доброжелательствовалъ людямъ, поносившимъ императора и швабскій союзъ, будто такихъ людей онъ называлъ своими лучшими друзьями и оказывалъ имъ всякое покровительство. Случилось ему даже проговориться, что если бы судьба сдѣлала его крестьянскимъ предводителемъ, то онъ набралъ бы въ Швабіи и Франконіи цѣлую сотню тысячъ народныхъ повстанцевъ и расплющилъ бы пуговицу, такъ называлъ онъ швабскій союзъ. Если вѣрить ходившимъ тогда слухамъ, крестьяне, съ которыми онъ вступилъ въ переговоры, предлагали ему 1000 гульденовъ мѣсячнаго жалованья, если онъ согласится только быть ихъ воеводою *).

Но, благодаря враждебнымъ вліяніямъ, переговоры эти остались безъ всякихъ послѣдствій.

*) По актамъ нёрлингенскаго архива.

Чѣмъ грознѣе становилась туча возмущенія, тѣмъ ревностнѣе хлопотало имперское правительство и города объ успокоеніи крестьянъ путемъ мирныхъ соглашеній.

На второй недѣлѣ апрѣля, послы имперскаго правительства и всѣ приозерные города затѣяли новыя, безуспѣшныя переговоры со скопищами, собравшимися въ Алльгау, у озера и въ Рисѣ *). Въ то же время, послы городовъ Аугсбурга, Динкельсбюля, Верта, и Нердлингена переговаривались съ крестьянами въ Рисѣ.

Крестьяне предложили своимъ господамъ, графамъ фонъ-Этингенъ, такого рода условія: пусть господа освободятъ ихъ отъ всякой крѣпостной зависимости и другихъ тягостей, а они, крестьяне, въ видѣ вознагражденія за эти уступки, овладѣютъ всѣми духовными имѣніями въ Рисѣ, и предоставятъ ихъ потомъ въ полное распоряженіе графовъ.

Какъ въ верхней Швабіи, такъ и здѣсь, крестьяне питали несравненно большею ненависть къ духовнымъ господамъ, нежели къ свѣтскимъ, и въ этой ненависти къ духовенству они вполне сходились съ знатію Франконіи. Эта знатъ до того ненавидѣла духовенство, что въ 1520 году, къ статутамъ благороднаго франкскаго союза направленнаго противъ папы и духовныхъ, было, между прочемъ, присоединено такое рѣшеніе: каждый франкскій дворянинъ обязанъ считать все римское духовенство — отъ кардинала до послѣдняго попа — орудіемъ дьявола, каждому нищенствующему монаху, попросившему кусочекъ сыра, дворянинъ обязанъ бросить камень и въ свой домъ не долженъ впускать ни одного монаха; если бы нечаянно случилось, что монахъ вошелъ въ домъ, то его слѣдуетъ немедленно выгнать и замести слѣдъ метлою **).

Города раздѣляли эту ненависть, и Антонъ Форнеръ, считавшій равно вредными и свѣтскихъ владѣтелей, и прелатовъ,

*) Эслингенскій архивъ.

**) Рукопись 1520 г., напечатанная во франкскихъ провинціальныхъ листкахъ, 1803, стр. 93.

все таки былъ главнымъ виновникомъ предложенія крестьянъ о завладѣніи духовными имѣніями въ пользу графовъ фонъ-Эттингеновъ.

Дѣло это показалось графамъ не столько невозможнымъ, сколько опаснымъ. Затѣмъ города — посредники предложили соглашеніе такого рода: вражда, до сихъ поръ раздѣлявшая господъ съ ихъ крестьянами, должна быть предана забвенію. Оба сословія обязаны выбрать отъ двухъ до четырехъ честныхъ, ничѣмъ низапятнанныхъ и разсудительныхъ представителей и пусть эти представители съ ихъ помощниками — число которыхъ съ обѣихъ сторонъ должно быть одинаково, миролюбиво рѣшаютъ всякія взаимныя распри и несогласія. Все, что они постановятъ единодушно или большинствомъ голосовъ, должно быть обязательно для обѣихъ сторонъ; при равенствѣ голосовъ избирается безпристрастный вершитель и, что онъ повершитъ, тому и быть слѣдуетъ. Засѣданіе этого мирового или третейскаго суда было назначено на 21 апрѣля, и именно въ Динкельсбюль, Донауверте или Нердлингенъ; для приведенія въ исполненіе его постановленій назначенъ годичный срокъ; до истеченія этого срока, крестьяне обязывались дѣлать все, что заведено испоконъ вѣка *).

Эти договорныя статьи были изготовлены 7 апрѣля, и крестьянамъ давалось пять дней сроку на ихъ обсужденіе; большинство приняло этотъ договоръ, и 12 апрѣля крестьяне, оставивши лагерь, разсѣялись по своимъ хижинамъ.

Поспѣшность крестьянъ въ этомъ дѣлѣ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Нердлингенѣ большинство населенія опять стало на сторону городскихъ интересовъ, измѣнивъ крестьянскимъ. Въ нѣсколько дней, нердлингскіе горожане уже совершенно остыли и успокоились.

Горожане Нердлингена, въ отвѣтъ на посланіе крестьянъ, обѣщали снабдить ихъ оружіемъ и жизненными припасами —

*) Подлинникъ договора въ собраніи прелата Шмида.

однако они не дали ни того, ни другого. Они не устояли против хитростей духовенства. Четыре прелата изъ окрестностей, укрылись въ Нердлингенѣ съ своимъ имуществомъ и большими запасами зерноваго хлѣба. При этомъ они поднесли въ даръ общинѣ нѣсколько сотъ кулей ржи; горожане успокоились и приняли подъ свое покровительство какъ прелатовъ, такъ и имущество ихъ. Десятаго апрѣля, при мюнхенскомъ дворѣ уже говорили, что волненія въ Нердлингенѣ почти прекратились. Нѣсколько кулей ржи, писалъ Пферсфельдеръ, почти успокоили общину. Такимъ образомъ партія Форнера разсѣялась. «Зачѣмъ вы не оставались въ лагерѣ? спрашивалъ сердито одинъ изъ форнеристовъ, нердлингенскій трактирщикъ, пировавшаго у него крестьянина; хоть бы подождали возвращенія изъ швабскаго союза пословъ отъ четырехъ родовъ; тѣ бы, вѣрно, привезли вамъ какое нибудь хорошее рѣшеніе.» — «Эхъ, хозяинъ, отозвался крестьянинъ, кабы вы, да другіе исполнили данное намъ обѣщаніе, мы бы, пожалуй пообождали и долѣе. Голодъ и нищета—плохіе союзники. Да если бы у обѣихъ воротъ нашего укрѣпленнаго лагеря стояли пять тысячъ ланцкнехтовъ съ направленными въ насъ копьями, то и они не могли бы удержать насъ въ полѣ».

12 Апрѣля, прежде, чѣмъ крестьяне разбѣжались изъ своего лагеря, одинъ изъ нихъ закричалъ: «Господи, избави насъ отъ этой войны, а другой мы ужъ и сами не начнемъ *)»! Многіе съ нимъ совершенно согласились.

Во время отступленія крестьянъ отъ Дейнингена, нёрдлингенскій совѣтъ поручилъ бургомистру Антону Форнеру, вмѣстѣ съ двумя другими членами совѣта отправиться къ реймлингской заставѣ, съ строжайшимъ приказаніемъ никого изъ крестьянъ не впускать въ городъ. Однако Форнеръ впустилъ тайно зачинщиковъ волненія, «самыхъ негодныхъ крестьянъ», и между ними крестьянскаго старшину. И съ ними-то бургомистръ

*) Донесеніе Пферсфельдера въ Мюнхенъ, отъ 17 апрѣля 1525 года, Іерхъ 123.

вступилъ въ переговоры, относительно ближайшаго будущаго *).

Форнеру хотѣлось завязать тѣсныя сношенія между Нёрдлингеномъ и Виндстеймомъ, гдѣ уже цѣлый мѣсяцъ продолжались волненія среди горожанъ и сельскаго сословія. Въ этомъ вольномъ имперскомъ городѣ, расположенномъ среди плодотворной долины рѣки Айша, Оома Аппель давно уже проповѣдовалъ въ духѣ новаго ученія. Но рѣзкость и свобода его слова, которымъ онъ, подобно Эберлину, Лютеру и Мюнцеру, съ одинаковою беспощадностью изобличалъ какъ сильныхъ, такъ и слабыхъ, не понравились ни совѣту, ни горожанамъ. Господа совѣта ясно видѣли, что свобода народной печати и публичной рѣчи—это дитя новаго времени, такъ быстро подросшее въ послѣдніе годы, — имѣло большое вліяніе на стремленія и взгляды народа. Совѣтъ отставилъ смѣлыхъ проповѣдниковъ, но уже 24 февраля всюду раздавался ропотъ народнаго неудовольствія и неодобренія. А когда въ праздникъ Благовѣщенія, 25 марта, въ городѣ не раздавался голосъ ни одного проповѣдника, неодобреніе перешло въ волненіе. На рынкѣ собралась толпа ремесленниковъ, и десять изъ нихъ отправились въ ратушу, гдѣ въ то время засѣдали господа. Ремесленники вызвали къ себѣ бургомистра, Себастьяна Гагельштейна, и, какъ бы говоря отъ имени всего городского сословія, потребовали отъ него объясненій. Община имѣла много причинъ быть недовою, какъ духовнымъ такъ и свѣтскимъ управленіемъ; она протестовала противъ удаленія своего любимаго проповѣдника, противъ стѣсненія слова божія, противъ чрезмѣрныхъ налоговъ и самоуправства нѣкоторыхъ фамилій. «У насъ, говорили ремесленники, засѣдаетъ въ ратушѣ совѣтъ только родственниковъ: всѣ господа совѣта приходятся одинъ другому либо кумомъ, либо сватомъ.»

Напрасно бургомистръ употреблялъ всѣ свои усилія, чтобы

**) Нёрдлингенскій арх.

умиротворить ихъ; ни они, ни община не хотѣли успокоиться. Между тѣмъ распространилась молва, будто три тысячи защитниковъ союза готовятся разгромить общину. Вечеромъ горожане засуетились и все населеніе, вооруженное съ головы до ногъ, высыпало на рынокъ. Отряды горожанъ завладѣли ключами отъ воротъ города, стража была обезоружена, ратуша—взята приступомъ, складъ оружія—резметанъ, и горожане принялись усердно выбрасывать копья, алебарды, брони на рыночную площадь; кто еще не былъ вооруженъ—вооружался, а между тѣмъ около получаса гудѣлъ звонъ набатнаго колокола. Граждане выбрали своимъ главнымъ предводителемъ Эвхарія Гутера, и въ каждый городской кварталъ поставили по выборному начальнику. Главный предводитель немедленно постановилъ: что всякій, безъ причины занесшій руку на кого бы то ни было, долженъ быть казненъ смертью. Всю ночь граждане провели на сторожѣ, и только на слѣдующій день овладѣли пушками и башнями. Никто не допускался въ городъ безъ предварительнаго осмотра. Двадцать восьмага марта, изъ Нюренберга явились посредники мира, которымъ и удалось прекратить ссору совѣта съ горожанами на слѣдующемъ условіи: личный составъ совѣта долженъ быть измѣненъ, а подати должны быть понижены.

Еще горожане Виндсгейма стояли противъ совѣта съ оружіемъ въ рукахъ, когда 27 марта поднялись крестьяне въ окрестностяхъ того же города. Крестьяне просили горожанъ соединиться съ ними; Виндсгеймъ, при всей своей незначительности, могъ бы служить для нихъ надежнымъ убѣжищемъ, благодаря своимъ хорошимъ оборонительнымъ средствамъ, которыя и теперь позволили общинѣ одержать побѣду надъ господами. Но предусмотрительный нюренбергскій совѣтъ прислалъ въ Виндсгеймъ убѣдительное посланіе, въ которомъ старался отклонить горожанъ отъ подобнаго соединенія; посольство совѣта, явившееся съ этимъ документомъ, не преминуло пустить въ ходъ предостереженія и угрозы для

того, чтобы побудить виндсгеймцевъ отказать крестьянамъ *). Другое скопище крестьянъ еще, въ срединѣ марта, расположилась двумя лагерями близъ Вейльтингена и Гессельберга. Въ бранденбургско-аншпахскомъ маркграфствѣ новое ученіе, съ самаго начала, проповѣдывалось свободно и безбоязненно. Но, владѣтельные князья этой франко-бранденбургской мѣстности пристали къ новому ученію скорѣй изъ политическихъ видовъ, чѣмъ по внутреннему убѣжденію. Они вовсе не думали о первой обязанности всякаго евангелическаго князя, поступать съ своими поданными въ духѣ христіанской кротости и исподоволь готовить для нихъ то положеніе, которое удовлетворяло бы требованіямъ христіанскаго общежитія. Уже весною 1524 года среди франко-бранденбургскаго населенія стали проявляться довольно серьезные симптомы волненія. Беспорядки въ Поппенрѣйтѣ, близъ Нюренберга, сборища крестьянъ у Форшгейма, во владѣніяхъ бамбергскаго епископа, въ маѣ 1524 года, распространились и въ аншпахскихъ владѣніяхъ. Потому когда аншпахское правительство протянуло епископу руку помощи, и послало въ Бомбергъ войска для подавленія возстанія, — то оно дѣйствовало не столько изъ сочувствія къ епископу, сколько изъ видовъ собственной безопасности **).

Франко-бранденбургской областью, именно княжествами байрѣйтскимъ и аншпахскимъ, управлялъ тогда Маркграфъ Казиміръ, съ своимъ братомъ Георгомъ. Отецъ его Маркграфъ Фридрихъ IV находился въ это время уже 12 лѣтъ въ томительномъ заключеніи, въ одной изъ башенъ плассенбургской крѣпости; ему не давали даже зеркала, чтобы онъ не могъ видѣть свое лицо, обезображенное горемъ. Растративъ все свое имущество, при дворѣ Максимилиана, онъ надѣлалъ множество долговъ, и кончилъ ипохондріей. Сынъ его Казиміръ

*) Реляція Мюльнера; виндсгеймская хроника въ рукописи.

**) Акты крестьянской войны въ аншпахскомъ архивѣ, X томъ, 2374 нумера, въ извлеченіи у прелата Шмида, собраніе, I, № 15—19.

міръ, съ своими двумя младшими братьями, напалъ на соннаго, больнаго отца, принудилъ старика подписать свое отрѣченіе, засадилъ его въ Плассенбургъ и распустилъ слухъ, черезъ нищенствующихъ монаховъ, будто его родитель сошелъ съ ума и потому опасенъ для народа. Народъ повѣрилъ на слово; рыцарство было подкуплено, и Казиміръ сталъ править страной, взявъ къ себѣ въ соправители—впрочемъ, только для виду—и своихъ двухъ братьевъ.

Поступки Казиміра съ отцемъ достаточно характеризуетъ этого человѣка. Онъ былъ уменъ и считался весьма тонкимъ политикомъ. Дворянство его стѣсняло, и онъ задумалъ подчинить его совершенно своей волѣ. Чтобы не нуждаться въ его помощи, онъ сталъ съ 1520 года, набирать по жребію, изъ каждаго города и сельской общины опредѣленное число способныхъ къ оружію людей, одѣвалъ ихъ по одному образцу—въ черные и бѣлые кафтаны—вооружалъ и обучалъ ихъ подъ руководствомъ опытныхъ офицеровъ. Каждый солдатъ обязанъ былъ прослужить мѣсяцъ и потомъ отпускаясь до слѣдующей очереди. Содержаніе войска возлагалось на общины. Такимъ образомъ, вскорѣ онъ составилъ себѣ порядочное войско, весьма хорошо обученное и притомъ очень дешево ему стоившее. Дворъ его походилъ на герцогскій дворъ Ульриха вюртембергскаго; придворная роскошь возрастала съ каждымъ днемъ, и съ каждымъ днемъ все тяжелѣе и тяжелѣе становилось угнетеніе его подданныхъ.

Когда крестьяне собрались для совѣщаній у Гессельберга, Казиміръ написалъ 18 марта тремъ графамъ фонъ-Эттингенъ Вольфгангу, Людвигу и Мартину, чтобы они соединились съ нимъ противъ мятежныхъ крестьянъ. Графы не заставили себя долго просить. Кавалерійскій отрядъ ихъ напалъ на крестьянъ, и часть ихъ перекололъ—часть разогналъ *). Маркграфъ радовался, что дѣло было такъ легко покончено и не дѣлалъ никакихъ дальнѣйшихъ разслѣдованій. Эта стычка

*) Аншпахскій архивъ, I. 22, 25.

имѣла для него важное значеніе; онъ воспользовался ею противъ швабскаго союза.

Вмѣсто того, чтобы выслать ему и свою долю денежнаго сбора, маркграфъ объявилъ, что такъ какъ, въ его владѣніяхъ уже возникли беспорядки, то денегъ давать союзу онъ не будетъ; въ то же время онъ отзываетъ изъ союзныхъ войскъ и свой военный контингентъ и даже самъ просилъ помощи у союза, но союзъ, вмѣсто просимой помощи, присылалъ къ маркграфу настойчивыя требованія выплатить какъ можно скорѣе двѣ трети денежнаго взноса *). На самомъ дѣлѣ Казиміръ очень хорошо понималъ, что помощь союза была ему рѣшительно не нужна, потому что онъ самъ даже обѣщалъ свою помощь городу Роттенбургу на Тауберѣ, противъ его мятежныхъ крестьянъ **). Скоро, однако, дѣла приняли, какъ оказалось, совершенно иной оборотъ. Изъ Эттингена извѣщали его, что въ Рисѣ крестьяне повсемѣстно бунтовались; тоже самое писали ему и повѣренные въ Вальдѣ и Лидвахѣ; Комбургскій капитуль, отъ 2 апрѣля, извѣщавъ, что крестьяне въ Гебзаттелѣ благопріятно приняли предложеніе пристать къ мятежникамъ. Вольфъ фонъ-Алецгейнъ писалъ, отъ 3 апрѣля, изъ Вахбаха, что его крестьяне взбунтовались и что онъ вынужденъ былъ вступить съ ними въ сдѣлку; графъ Людвигъ фонъ-Эттингенъ писалъ, отъ 4 апрѣля, о народномъ возстаніи въ Нердлингенѣ и въ тотъ же день Казиміръ узналъ, что крестьяне на Альтмюль взбунтовались противъ епископа Эйхштеттскаго, по случаю новаго налога; пятаго числа того же мѣсяца, вюрцбургскій домпробстъ маркграфъ Фридрихъ прислалъ просить у Казиміра, своего брата, убѣжища, такъ какъ оставаться въ Вюрцбургѣ было не совсѣмъ благоразумно; 6 числа, повѣренный маркграфа Эбергардъ Гейеръ извѣщавъ о возстаніи въ Уфенгеймѣ, а 7-го, герцогъ Людвигъ

*) Аншпахскій архивъ, II, 48, 49.

**) Аншпахскій архивъ I, 27, подъ 25 марта.

баварскій увѣдомлялъ его о безпорядкахъ, начавшихся въ его владѣніяхъ.

Казиміръ приглашалъ въ концѣ марта сосѣднихъ князей на совѣщаніе въ Нейштатъ на рѣкѣ Айшѣ. Явилось нѣсколь- ко уполномоченныхъ. Онъ созвалъ вторично совѣщаніе 4-аго и, въ третій разъ, 11 апрѣля. Но вслѣдствіе повсю- ду поднявшихся смутъ и затруднительныхъ путей сооб- щенія, на совѣщанія приѣхали только члены совѣтовъ изъ Вюрцбурга, Эйхштетта и Бранденбурга. Князья, владѣнія ко- торыхъ находились внѣ округа Франконіи, не явились на приглашеніе, извиняясь невозможностью устроить пра- вильное совѣщаніе. Бамбергскій епископъ, вмѣсто уполномо- ченнаго, прислалъ увѣдомленіе о народномъ мятежѣ, вспых- нувшемъ въ его резиденціи. Казиміру собственно хотѣлось на совѣщаніи уговорить князей къ собранію денежныхъ субси- дій для войны съ крестьянами; онъ самъ предполагалъ вести эту войну отъ имени князей. Кто вышлетъ меньше войска, го- ворилъ онъ, тотъ долженъ дать больше денегъ. Однако ни откуда не видно, чтобы совѣтники князей имѣли полномочіе вступать въ такого рода переговоры *).

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Бамберцы и ихъ епископъ.

Бамбергскій городской мятежъ, о которомъ епископъ извѣ- щалъ, отъ 12 апрѣля, маркграфа Казиміра, скоро превратилъ-

*) Аншпахскій архивъ, I, 31, 50. IV, 2—17. VIII, 4.

ся въ возстаніе всего епископства. Въ описываемое время, на епископской каѳедрѣ сидѣлъ Вейгандъ фонъ-Редвицъ. Епис- копство это разбогатѣло еще въ отдаленную эпоху импера- тора Генриха святого и, подобно эберсбургскому и майнцкому дворамъ, представляло въ послѣдніе годы, при умномъ Ге- оргѣ III, происходившемъ изъ владѣтельной лимбургской фа- миліи, надежное убѣжище новому ученію, гонимому тогда въ Германіи. Здѣсь жилъ когда-то Ульрихъ Гуттенъ, здѣсь были радушно приняты многіе поборники новаго ученія здѣсь многіе храбрые рыцари явились жаркими защитниками евангелическихъ принциповъ; во многихъ здѣшнихъ прихо- дахъ уже давно раздавались проповѣди въ духѣ новыхъ религіозныхъ мнѣній. Когда умеръ Георгъ III въ 1522 г. — все измѣнилось. Не задолго передъ своимъ избраніемъ Вей- гандъ фонъ-Редвицъ совершилъ богомольное путешествіе въ Іерусалимъ. Теперь прежніе совѣтники были удалены или сами удалились. Народъ много терпѣлъ въ продолженіи пяти- сотъ лѣтъ подъ управленіемъ, роскошно жившихъ, духовныхъ господъ, — большихъ и мелкихъ, но Георгъ III, при всей своей расточительности былъ любимъ, тогда какъ, мрачный Вей- гандъ приобрѣлъ одну ненависть.

Когда маркграфъ Казиміръ обращался къ швабскому со- юзу съ просьбою о помощи противъ мятежныхъ крестьянъ, союзъ поручилъ бамбергскому епископу послать маркграфу третью часть бамбергскаго союзнаго контингента.

Епископъ, который не могъ набрать столько кавалеріи изъ своихъ придворныхъ и слугъ своихъ чиновниковъ обратился къ рыцарству, жалая войти съ нимъ въ соглашеніе на счетъ требуемаго контингента.

Кромѣ того, еще два проповѣдника новаго ученія именно: Іоганъ Швангейзеръ и кармелитскій монахъ Евхаріусъ, про- повѣдывали въ духѣ евангельскаго ученія въ Бамбергѣ. Умъ и ученость перваго изъ нихъ и то неограниченное сочувствіе, которымъ онъ пользовался въ народѣ, удержали его въ го-

родѣ, хотя это было весьма неприятно епископу. Какъ разъ въ тотъ же вторникъ, когда епископъ обратился къ рыцарству съ просьбою о помощи, была объявлена проповѣдь Швангейзера. Случайно, воззрѣніе епископа обращенное къ рыцарству попало въ руки одного изъ ревностнѣйшихъ приверженцевъ Швангейзера; онъ сообщилъ объ ней другимъ и они, не ясно понявъ ея содержаніе, вообразили будто замышляется нападеніе на приверженцевъ евангелическаго ученія. И вотъ между готовившимися отправиться въ церковь св. Гангольфа, гдѣ проповѣдывалъ Швангейзеръ, распространился слухъ, будто епископъ желаетъ, чтобы на нихъ напало рыцарство въ то время, когда они соберутся на проповѣдь. Утромъ, 11 апрѣля, между восемью и девятью часами, сторонники Швангейзера собрались на торговой площади, и единодушно рѣшили не впускать въ городъ рыцарство и ихъ рейтаровъ; Гансъ Нейдѳеръ ударилъ въ набатъ, а другіе поспѣшили запереть городскіе ворота; граждане вооружились и выбрали изъ среды себя предводителей. Городской совѣтъ, испуганный этимъ неожиданнымъ волненіемъ, донесъ обо всемъ епископу; епископъ объявилъ гражданамъ черезъ трехъ преданнѣйшихъ совѣтниковъ, что онъ согласенъ удовлетворить всѣмъ ихъ справедливымъ жалобамъ, о которыхъ они заявятъ. Народъ, или вѣрнѣе партія движенія, не довѣряла обѣщаніямъ епископа и старалась, по возможности, усилить себя. Она заставила всѣхъ гражданъ принести торжественную присягу въ вѣрности, кто отказывался — того принуждали силою; депутаты отъ гражданъ отправились по сосѣднимъ селамъ, требуя отъ нихъ помощи и поддержки. Епископъ убѣждалъ изъ города и, въ слѣдъ за нимъ, большинство его приближенныхъ, въ старый укрѣпленный замокъ Альтенбургъ, который однако, не имѣлъ ни защитниковъ, ни продовольствія. Тотъ фактъ, что епископъ не успѣлъ укрѣпить даже и это убѣжище, ясно доказываетъ, какъ неожиданно было для него народное возстаніе. Въ замкѣ почти никого не было, за исключеніемъ фогта, разсылнаго, сторожа башни, привратника, слуги и повара; что

же касается съѣстныхъ припасовъ, то ихъ и совсѣмъ не имѣлось: прежде ихъ доставляли въ замокъ изъ города, теперь же городъ былъ, со всѣхъ сторонъ, оцѣпленъ гражданами. Воззваніе къ селамъ, на слѣдующій же день привело въ городъ тысячи крестьянъ, которыхъ граждане старались вооружить и приготовить къ оборонѣ, на случай, если бы князья и господа рѣшились сдѣлать на нихъ нападеніе. Улицы были оцѣплены; воздвигнуты барьеры; кругомъ вырыты глубокіе рвы; дороги и тропинки уничтожены. Всѣ, безъ различія, должны были работать и нести положенную службу: и дворяне, и знатное духовенство, какъ ни неприятно это имъ было, отбывали урочную работу и дежурили у рва и воротъ, какъ самые послѣдніе граждане. Всѣмъ заправлялъ выбранный комитетъ изъ горожанъ и поселянъ, засѣдавшій въ Ратушѣ. Епископъ обратился съ просьбой о помощи къ сосѣднимъ князьямъ и къ Швабскому союзу. Вюрцбургскій, Бранденбургскій и Эйхштедскій совѣты, собравшіеся въ Нейштадтѣ, подали ему надежду на помощь, но имъ и въ своихъ-то собственныхъ владѣніяхъ, много было работы. Швабскій союзъ извинился невозможностью поддержать его въ настоящую минуту *). Покинутый на произволъ судьбы князьями и господами, епископъ, удалившійся въ Альтенбургъ, увидѣлъ себя вынужденнымъ принять приглашеніе выборныхъ. Подъ ихъ надежной охраной, онъ, въ великій четвергъ, снова возвратился въ городъ, намѣреваясь дружелюбными переговорами положить конецъ недоразумѣніямъ, возникшимъ между нимъ и народомъ. На уступки онъ готовъ былъ заранѣе.

У Кармелитскаго монастыря его встрѣтилъ вооруженный отрядъ народа, и нѣсколько человекъ изъ этой толпы обратились къ нему съ просьбой снять съ народа тяжелыя повинности, а главное конфисковать имѣнія, принадлежащія дворянамъ и духовнымъ; мы хотимъ, заключили они, имѣть одного только епископа господиномъ и владыкой. Г. Вейгандъ,

*) Аншпахскій архивъ I, 50, 51, 53, 54.

пораженный этимъ требованіемъ, старался отъ него уклониться, какъ только умѣлъ: безъ суда, отвѣчалъ онъ, я не властенъ конфисковать чье бы то ни было имѣніе. Тогда лица крестьянъ и горожанъ приняли угрожающее выраженіе; не далеко отъ себя епископъ услышалъ шелканіе взводимыхъ курковъ; сопровождаемый выстрѣлами, онъ поѣхалъ далѣе. Во дворѣ замка, онъ былъ встрѣченъ отрядомъ горожанъ, одѣтыхъ въ латы, и съ ними направился къ рынку; здѣсь все имѣло военный видъ. Онъ видѣлъ гражданъ, способныхъ носить оружіе, изъ всѣхъ городовъ своего епископства, — тѣсно сплоченными въ ряды, въ полномъ вооруженіи. Епископъ обратился къ нимъ съ самой дружелюбной рѣчью, на которую ему отвѣчали только одно: въ ратушѣ выборные будутъ вести съ нимъ переговоры. Проводники повели его далѣе по длинной улицѣ, въ которой стояли рядами вооруженные крестьяне, со всѣхъ сель округа. Среди ихъ онъ долженъ былъ идти до самой ратуши. Здѣсь, ему снова было заявлено тоже самое предложеніе, которое онъ долженъ былъ выслушать у Кармелитскаго монастыря.

Выборные объяснили ему, что они только его одного намѣрены признавать своимъ господиномъ. Всѣ имѣнія дворянъ и духовенства должны быть конфискованы въ пользу страны, и замки послѣднихъ должны быть разрушены, потому что они въ высшей степени опасны свободѣ и собственности горожанъ и крестьянъ; иначе, никакимъ образомъ невозможно успокоить простой народъ. Епископъ возразилъ, что удовлетвореніе этимъ требованіемъ нарушаетъ порядокъ вещей, установленный императоромъ и противорѣчитъ праву и справедливости; что потому онъ не можетъ и не хочетъ рѣшиться на подобное дѣло. Выборные просили, даже угрожали, но епископъ твердо стоялъ на томъ, что такихъ уступокъ никогда не сдѣлаетъ. Такимъ образомъ, это свиданіе осталось безъ послѣдствій и общее спокойствіе не было восстановлено; выборные отпустили епископа, подъ стражею, обратно въ Альтенбургъ, а народъ сталъ думать о томъ, какъ бы собствен-

ною властью, безъ всякаго посредничества, привести въ исполненіе свое рѣшеніе относительно имѣній духовныхъ господъ. До сихъ поръ сотни дворянъ, въ званіи канониковъ и слугъ епископа, не участвуя въ трудахъ и повинностяхъ гражданъ, жили въ довольствѣ на счетъ народа, безъ всякой пользы для страны. Съ этимъ-то порядкомъ вещей народъ и задумалъ покончить. Еще по дорогѣ въ Альтенбургъ епископъ уже слышалъ громкій гулъ набата; весь народъ пришелъ въ движеніе и стремительно бросился на соборную площадь, къ древнему жилищу императоровъ, служившему теперь дворцомъ епископовъ. Народъ намѣревался разграбить и разрушить этотъ замокъ, а также дома канониковъ, аббатство на Михельсбергѣ и дома всѣхъ духовныхъ. Въ канцеляріи казначейства, онъ съ ожесточеніемъ бросился на старые списки и акты и изорвалъ въ клочки эти доказательства своего рабства, эти бумаги, написанныя потомъ и кровью столькихъ тысячъ. На Михельсбергѣ дѣйствовали крестьяне, а на соборной площади — горожане. Два дня сряду народъ грабилъ и разорялъ, и шумъ въ городѣ не стихалъ до вечера страстной субботы. Впрочемъ горожане приняли мѣры, чтобы какъ-нибудь не пострадалъ ихъ прекрасный соборъ; отрядъ выборныхъ зорко охранялъ его отъ всякаго покушенія чьей либо дерзкой руки.

Епископъ, увидя, что дѣла зашли уже слишкомъ далеко, рѣшился вступить въ переговоры. Къ вечеру страстной субботы, порѣшили на томъ, чтобы составить сеймъ изъ выборныхъ, въ который епископъ долженъ былъ назначить девять депутатовъ со стороны рыцарства; городъ Бамбергъ — три, а сельское населеніе — шесть. Этотъ сеймъ долженъ былъ безоплатательно порѣшить всѣ вопросы, касающіеся нуждъ и потребностей страны; народъ же до 19 апрѣля, долженъ былъ письменно изложить всѣ свои жалобы. Сеймъ положено было открыть 20-го апрѣля; до рѣшенія сейма никто не долженъ былъ требовать и никто не обязанъ вносить проценты и десятинный сборъ; наконецъ, канитуль дол-

женъ былъ прекратить свое существованіе и епископъ сдѣлаться единственнымъ господиномъ и владѣтелемъ страны.

Выстрѣлы въ Альтенбургѣ и звонъ всѣхъ колоколовъ въ городѣ—возвѣстили о началѣ примиренія и о прекращеніи несогласій между епископомъ и страной. Бургомейстеръ, совѣтъ и община Бамберга, обрадованные этимъ событіемъ, спѣшили сообщить о случившемся сосѣднимъ владѣтелямъ и именно маркиграфу Казимиру *). Все въ городѣ снова пришло въ обычный порядокъ и успокоилось. Во время праздниковъ Воскресенья Христова, народъ по прежнему стекался въ церкви къ службѣ Господней. Однако спокойствіе было вновь нарушено, и причиною этому былъ самъ епископъ. Не обративъ вниманія на то, что по ясному постановленію договора, девять членовъ, которые должны были засѣдать въ сеймѣ со стороны епископа, по случаю исключенія духовенства, всѣ безъ изъятія, должны были быть избраны изъ рыцарства, — онъ захотѣлъ все-таки, хотя половину этого числа, выбрать изъ своихъ духовныхъ совѣтниковъ. Народъ громко началъ жаловаться на нарушеніе договора и признаки волненія снова обнаружались въ городѣ. Тогда Епископъ поспѣшилъ пригласить пять совѣтниковъ отъ сосѣднихъ владѣтелей, но явилось только четыре, и они вмѣстѣ съ другими пятью выбранными со стороны рыцарства, въ назначенный день, соединились вмѣстѣ съ депутатами отъ города и земства. Городъ опять успокоился; горожане довѣрчиво ожидали рѣшенія сейма; они надѣялись, что будутъ найдены мѣры къ устраненію тѣхъ бѣдствій и тягостей, о которыхъ уже было заявлено письменно. Между тѣмъ, въ окрестностяхъ, крестьяне продолжали грабить и раззорять дома духовныхъ и дворянъ, вырубали лѣса, вылавливали рыбу въ прудахъ и озерахъ и дѣйствовали вообще самоуправно. Вслѣдствіе этого, въ первый же день собранія сейма, появился указъ епископа, и было обнародовано предписаніе «представителей трехъ сословій: рыцарства,

*) Айншахскій архивъ I, 58.

городовъ и крестьянства», запрещавшее всякія самоуправныя дѣйствія и обязывавшее хранить миръ и порядокъ, возложивъ всѣ надежды на предстоявшій сеймъ. Всякому, кто словомъ или дѣломъ нарушитъ спокойствіе и возбудитъ мятежъ,—угрожалось лишеніемъ жизни и имущества.

Переговоры въ сеймѣ шли такъ успѣшно, что уже по прошествіи восьми дней епископъ долженъ былъ безусловно согласиться, чтобы «въ силу соглашенія между высокоименитыми князьями и господами и выборными сейма, слово Божіе проповѣдывалось свободно, громко, ясно и безъ всякихъ пскаженій и дополненій, въ предѣлахъ всей бамбергской епархіи». Не только при обнародованіи этого указа, но даже и при его составленіи и написаніи, не было сдѣлано ни малѣйшаго намека о соборномъ капитулѣ: золотой вѣкъ для духовенства безвозвратно прошелъ въ Бамбергѣ *).

Въ то время возстаніе въ Бамбергѣ окончилось миромъ, обѣщавшимъ дать земству новое устройство, въ Вюцбургѣ, въ предѣлахъ вольнаго города Роттенбурга на Тауберѣ и во владѣніяхъ Германскаго ордена со всѣхъ сторонъ вспыхнуло возстаніе.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Движеніе въ Роттенбургѣ и докторъ Карлштадтъ.

Въ Роттенбургѣ, укрѣпленномъ городѣ на Тауберѣ, новое ученіе встрѣтило уже подготовленную, плодоносную поч-

*) Обнародованія отъ 20 апрѣля и 4 мая.

ву. Еще въ 1522 году въ этомъ городѣ открыто раздавались проповѣди въ духѣ новаго ученія. Между прочими проповѣдниками, тамъ находился въ то время докторъ Иоганъ Дейшлинъ, наминавшій своимъ развитіемъ и характеромъ Губмайера, проповѣдника въ Вальдсгутѣ. Подобно послѣднему, онъ проповѣдывалъ до того времени противъ евреевъ и ихъ синагоги; возбудилъ народное возстаніе, и, по изгнаніи евреевъ, обратилъ синагогу въ часовню Пречистой Дѣвы Маріи; въ послѣдствіи часовня эта приобрѣла славу чудотворной. Между тѣмъ свѣтъ, исходившій изъ Виттенберга, и собственное развитіе вскорѣ вывели его на совершенно противоположную дорогу; по словамъ враговъ его онъ дошелъ до того, что сталъ отзываться о той самой Дѣвѣ Маріи, которую недавно еще такъ высоко чтилъ, какъ о какой-то «русалкѣ». За одно съ Дейшлиномъ дѣйствовалъ Гансъ Шмидъ, по прозванію Лисица, монахъ изъ монастыря Босоногихъ. Онъ былъ слѣпъ и потому былъ извѣстенъ народу подъ именемъ слѣпного монаха; но недостатокъ внѣшняго зрѣнія былъ щедро вознагражденъ въ немъ даромъ внутренняго предвидѣнія. Этотъ слѣпой видѣлъ, яснѣе многихъ зрящихъ, въ чемъ именно заключаются свѣтскія и духовныя потребности народа. Нѣмецкій орденъ также имѣлъ домъ въ городѣ. Дейшлинъ и слѣпой монахъ склонили на сторону новаго ученія даже членовъ ордена и одинъ изъ его рыцарей Мельхіоръ рѣшился даже жениться, и публично, съ большою церемоніей, женился на сестрѣ слѣпного монаха; городской совѣтъ не обратилъ на нихъ вниманія. Комментуръ Нейкамъ, на котораго жестоко напали оба проповѣдника, былъ отозванъ гроссмейстеромъ ордена и замѣщенъ Каспаромъ Христенъ. Послѣдній былъ восторженно преданъ новому ученію. Въ Вюрцбургѣ государственный фискаль требовалъ, чтобы онъ впредь не проповѣдывалъ въ духѣ лютеранскаго ученія. Христенъ отвѣчалъ, что онъ никогда не перестанетъ громогласно проповѣдовать слово Божіе. Фискаль отказалъ ему въ инвеститурѣ; но Христенъ отвѣчалъ, что въ силу инвеституры, или безъ нее,

онъ во всякомъ случаѣ комментуръ въ Роттенбургѣ. Фискаль, чтобы не упустить случая взять взятку, послалъ Христену инвеституру, взявъ за это деньги и отпустилъ комментура въ Роттенбургъ «проповѣдывать какъ ему угодно не только въ лютеранскомъ, но даже и въ магометанскомъ духѣ.» Христенъ проповѣдывалъ совершенно въ новомъ духѣ. Вскорѣ онъ былъ приглашенъ вмѣстѣ съ слѣпымъ монахомъ и докторомъ Дейшлиномъ, къ допросу въ Вюрцбургъ; первые два не явились, но докторъ Дейшлинъ отправился въ сопровожденіи конной свиты, отряженной совѣтомъ. Гансъ фонъ-Плеттенбергъ, епископъ Вюрцбургскій и соборный проповѣдникъ, прямо объявили ему, что ему не было никакой надобности являться по приглашенію; что они сами открыто и свободно проповѣдуютъ въ духѣ лютеранскаго ученія. Наконецъ, они посовѣтывали ему проповѣдывать слово Божіе не страшась ничего, даже изгнанія. Дейшлинъ возвратился назадъ въ Роттенбургъ и началъ говорить и проповѣдывать смѣлѣе и свободнѣе прежняго. Къ этимъ тремъ дѣятелямъ въ новомъ направленіи, вскорѣ присоединились странствующие проповѣдники.

Замѣчательно, что въ то время, когда въ Шварцвальдѣ, Гегау, Бодензе, Альгау и въ верхнихъ частяхъ Дуная, сотни проповѣдниковъ группируются большею частью около ученія Томы Мюнцера,—въ Франконіи и въ особенности въ Роттенбургской области, появляются эмиссары новаго ученія и даже возникаетъ движеніе въ совершенно революціонномъ направленіи, именно, къ концу 1524 года. Въ началѣ 1525 г. туда явился проповѣдникомъ одинъ изъ возставшихъ крестьянъ Риса, и началъ проповѣдывать при огромномъ стеченіи народа въ Шютценвизе и въ Брюль; рядомъ съ нимъ проповѣдывали Бартель Альбрехтъ, Петръ Сайлеръ и «маленькій человѣчекъ» бывшій священникъ; всѣ они поучали на рынкахъ, улицахъ и церковныхъ дворахъ. Подобно Мюнцеру въ Тюрингіи, и анабаптистамъ (перекрещенцамъ) на верхнемъ Дунаѣ по сю и по ту сторону озера, — и эти проповѣдники,

преимущественно толковали о политикѣ, отношеніяхъ подданныхъ къ властямъ и особенно рѣзко напирали на то, что могло быть сказано противъ послѣднихъ. Старый и малый внимательно прислушивались къ ихъ рѣчамъ; часто проповѣдь обращалась въ разговоръ; проповѣдникъ спрашивалъ слушателей о ихъ личныхъ дѣлахъ; то тотъ, то другой горожанинъ или крестьянинъ заявляли объ угнетеніи, которому подвергались и проповѣдникъ рассуждалъ о немъ съ евангельской точки зрѣнія, разражаясь угрозами и проклятiями противъ господъ; это не была уже проповѣдь, не было религиозное собраніе, а народная рѣчь среди народного собранія. Всѣхъ смѣлѣе былъ докторъ Дейшлинъ. Онъ началъ вдаваться въ болѣе обстоятельныя объясненія и объявилъ, что церковныя приношенія, оброкъ скотомъ и десятинный сборъ, ни для кого не могутъ быть обязательны. Горожане и крестьяне стали еще охотнѣе прислушиваться къ его рѣчамъ. Онъ составлялъ сходки даже въ своемъ собственномъ домѣ. Внутренній совѣтъ начиналъ порядкомъ побаиваться и, найдя необходимымъ удалить немедленно опаснаго доктора, вошелъ въ переговоры съ внѣшнимъ совѣтомъ, который предоставилъ ему полное право дѣйствовать по усмотрѣнію. Но господа внутреннего совѣта не рѣшались удалить изъ города любимаго горожанъ и сельскаго населенія, хотя и постановили отрѣшить его отъ должности. Таже судьба постигла и комментура Христена, который былъ отлученъ отъ церкви своимъ епископомъ. Онъ съ кафедры объявилъ о томъ собравшимся слушателямъ; тогда сотни горожанъ и крестьянъ бросились къ нему и изъявили готовность пожертвовать за него жизнью и имуществомъ *). Какъ нарочно, въ минуту самаго сильнаго броженія умовъ явился знаменитый докторъ Карлштадтъ; родившійся во Франконіи, недавній другъ Лютера, теперь его

*) Извлеченія, сдѣланныя изъ рукописи Роттенбургскаго синдика Цвейфеля и изъ протоколовъ совѣта, Іоганомъ Георгомъ Лемусъ. Они находятся въ коллекціи Прелата фонъ-Шмидта.

злѣйшій врагъ, человекъ, уже пріобрѣтшій себѣ славу реформатора. Изгнанный изъ Саксоніи, онъ появился въ восточной Франконіи, и посѣтилъ Верхне-Рейнскую область. Маркграфъ Казиміръ сталъ преслѣдовать его; онъ показывался то въ Швейнфуртѣ, то въ Кисингенѣ, то въ окрестностяхъ Роттенбурга; и наконецъ избралъ Роттенбургъ своимъ постояннымъ мѣстожителемъ. Многіе горожане, сочувствовавшіе ему, давали ему у себя пристанище, и способствовали печатанію и распространенію его сочиненій. Городской совѣтъ запретилъ ему пребываніе въ предѣлахъ области и наложилъ запрещеніе на его сочиненія; но не смотря на то, онъ все таки оставался. А между тѣмъ въ Роттенбургѣ готовилось возстаніе *).

Агенты, отряженные еще въ прошломъ году Шварцвальдскимъ братствомъ, въ видахъ распространенія народного союза, по всей вѣроятности весьма скоро вошли въ тѣсныя сношенія съ Роттенбургской областью. Въ восточной Франконіи, лица сочувствовавшіе дѣлу крестьянскаго возстанія лично могли проникнуть въ города и мѣстечки **). Ученіе о евангельской свободѣ и объ общинномъ владѣніи имуществомъ, нашло здѣсь благопріятную почву. «Интриги и проделки» пущены были въ ходъ, съ цѣлью возбудить народное возстаніе. Уже въ началѣ 1525 г. крестьяне составляли сходки и собирались для обсужденія своихъ дѣлъ въ трактирахъ. Совѣтъ получалъ предостереженія, обращавшія его вниманіе на опасныя проявленія недовольства среди сельскаго населенія, но онъ пренебрегалъ ими, принимая ихъ за чистыя басни. Карлштадтъ проповѣдывалъ нѣсколько разъ въ окрестностяхъ и хотя въѣздъ въ городъ былъ ему запрещенъ и онъ могъ жить тамъ только тайкомъ,—однако онъ рѣшился однажды публично показаться на его улицахъ. Въ городѣ

*) Тома Цвейфель, рукопись; извлеченія сдѣланныя Іоганомъ Лемусомъ.

**) Донесеніе Мюльнеръ.

въ это время собралось множество крестьянъ по разнымъ дѣламъ; онъ появился среди нихъ, у распятія предъ большимъ кладбищемъ, въ грубомъ крестьянскомъ кафтанѣ и бѣлой поярковой шляпѣ и обратился къ нимъ съ рѣчью о новомъ времени, о новыхъ стремленіяхъ увѣщевая ихъ идти впередъ по избранному ими пути.

Двадцать седьмого января, совѣтъ обнародовалъ строгія мѣры противъ укрывателей Карлштадта. Онъ исчезъ; друзья его говорили, что онъ находится по всей вѣроятности въ Страсбургѣ. Но въ ту же ночь, исчезъ приказъ о строгихъ мѣрахъ съ судейскаго стола. Какъ ни были сильны его друзья, но все-таки они не могли вынудить совѣтъ дать ему право гражданства, котораго онъ такъ домогался. Они не могли даже добиться для него дозволенія жить въ городѣ; сосѣдніе владѣтели слишкомъ часто обращались къ совѣту съ напоминаніями и угрозами, побуждая его изгнать наконецъ изъ своихъ предѣловъ «чернаго». А между тѣмъ, приверженецъ его Еренфридъ Кумпфъ пользовался такимъ вліяніемъ, что могъ говорить, что тамъ гдѣ бургомейстеръ Ебергардъ имѣетъ за себя одинъ голосъ, а онъ, Кумпфъ, имѣетъ всегда два. Остальные друзья, какъ напримѣръ Дейшлинъ, вообще весьма мало обращали вниманія на власти. Когда послѣдняго присудили къ отлученію отъ церкви, онъ отвѣчалъ гордо и насмѣшливо: меня крайне удивило, что вы до сихъ поръ еще гораздо болѣе почитаете слово человѣческое, исходящее изъ Вюрцбурга, нежели слово Божіе, вѣчно живое и не пресмыкающееся подобно первому. Я думалъ, что вы уже настолько ознакомились съ евангеліемъ, что не станете обращаться такимъ образомъ съ собратомъ.

Мѣжду тѣмъ Карлштадтъ, и не думалъ быть въ Страсбургѣ; онъ попеременно скрывался то въ домѣ Филиппа суконщика то у Еренфрида Кумпфа, то наконецъ у стараго бургомейстера и юнкера Степана фонъ-Менцингенъ. Многіе горожане собирались здѣсь тайно вокругъ восторженнаго, маленькаго чернаго человѣка, котораго личность и сочиненія были

осуждены уголовнымъ судомъ. Роттенбургскіе францисканскіе монахи хотѣли подобно Виттенбургскимъ оставить монастырь, выучиться ремесламъ и требовали, чтобы имъ выдали пособіе, изъ движимаго монастырскаго имущества. Въ этихъ Карлштадскихъ сборищахъ, которые собирались у него тайно и во время которыхъ онъ «разливалъ свой ядъ и развивалъ свое мнѣніе» но такъ искусно, что не было никакой возможности доказать, что эти собранія превратились въ революціоно-политическія, — запылали первыя искры, причинившія въ послѣдствіи пожаръ. Ихъ разносили по округамъ области политическіе агенты и уже 21 марта въ Роттенбургѣ вспыхнуло зарево возстанія.

Въ этотъ день изъ села Оренбаха, отстоящаго на два часа пути отъ города, явились двое старшинъ села, Симонъ Нейферъ и Вендель Гаймъ, во главѣ тридцати наиболѣе уважаемыхъ поселанъ. Съ барабаннымъ боемъ и при звукѣ трубъ они вошли въ домъ Ганса Конрада затѣмъ, какъ говорили, чтобы сдать судейскія пошлины. Здѣсь присоединились къ нимъ и другіе недовольные изъ горожанъ и крестьяне изъ Брейтгейма, находившіеся въ то время, въ городѣ. — Долго подавляемое недовольство начало теперь высказываться въ громкихъ рѣчахъ; дѣло, походило повидимому на открытое возмущеніе. Совѣтъ послалъ къ крестьянамъ городского судью и чрезъ него приказалъ имъ тотчасъ же выйти изъ города. Крестьяне шумѣли, угрожали и осыпали судью ругательствами; чуть-чуть не дошло до рукопашнаго боя; однако они все-таки вышли изъ города со звономъ и пѣснями, точно также какъ вошли.

Съ барабаннымъ боемъ и трубнымъ звукомъ возвратились они въ Оренбахъ и тотъ часъ-же созвали мірской сходъ. На немъ, какъ и въ Верхней Швабіи, единодушно было рѣшено, соединиться въ братскій союзъ и твердо поддерживать евангельское ученіе. Къ сосѣднимъ общинамъ отправлены были депутаты, съ цѣлью пригласить ихъ на общее собраніе въ

Оренбахѣ, въ полномъ вооруженіи. Двадцать втораго марта, въ Оренбахѣ прибыли вооруженные крестьяне изъ восемнадцати общинъ. Сельскіе старшины составили выборный комитетъ въ домѣ Георга Дивольфа; изъ каждой общины выбрано было по два члена; всѣ выборные члены, единодушно избрали начальниками надъ всѣми общинами, сельскихъ старшинъ Нейфера и Георга Икельсгеймера. Такимъ-то образомъ образовалось Оренбахское ополченіе.

Вновь избранные предводители узнали утромъ 23 числа, что въ сосѣднемъ Бретгеймѣ составляется крестьянское собрание; они послали къ нимъ депутатовъ, съ порученіемъ разузнать, что они думаютъ предпринять. Оренбахскіе уполномоченные нашли уже тамъ толпу крестьянъ, состоявшую изъ 800 человекъ, которая притомъ замѣтно росла съ каждой минутой.

Въ то же время, и совершенно подобнымъ же образомъ, образовалось ополченіе и въ Бретгеймерѣ. Предводители и выборные въ Бретгеймѣ разослали депутатовъ внизъ по теченію Таубера и по дорогамъ къ Остгеймеру для того, чтобы созвать и пригласить къ своему союзу всѣхъ способныхъ носить оружіе. Съ депутатами изъ Оренбаха отправились оба Бретгеймскіе предводители, Леонгардъ Мезлеръ и Гансъ Бёгеймъ, съ цѣлью пригласить оренбахцевъ въ Бретгеймъ, на совѣщаніе объ общемъ планѣ дѣйствій.

Всѣ эти происшествія, привели въ сильное смущеніе господъ въ Роттенбургѣ; они послали спросить: чего же хотятъ крестьяне? Мы желаемъ веселиться отвѣчали оренбахцы, — въ селѣ богатая свадьба: идемъ пить новое вино на освященіе церкви, отвѣчала толпа собравшаяся въ Бретгеймъ. Добрый, старый обычай далъ имъ возможность отдѣлаться послѣдней отговоркой.

Мы видѣли въ Гегау и въ Шварцвальдѣ, какими удобными предложениями служили для политическихъ сборщинъ освященія церквей и храмовые праздники въ Гильцингенѣ и въ Вальдсгутѣ. По древнему обычаю, на храмовой праздникъ, сходи-

лись крестьяне изъ всѣхъ сосѣднихъ селъ разодѣтые въ нарядныя платья и шляпы, съ распущенными знаменами, съ барабанами и трубами, съ веселыми возгласами, съ копьями и мечами; многіе и танцовали-то даже съ оружіемъ.

Однако между Оренбахскими крестьянами нашелся одинъ сельской старшина, который донесъ городскому совѣту, что не для того собрались они, чтобы праздновать свадьбы и пить вино, но для того, чтобы соединиться тѣснѣе и сговориться о томъ, «какимъ образомъ составить прочный оплотъ евангельскому ученію.» Вскорѣ послѣ того, старшины нѣкоторыхъ общинъ, находившихся вблизи Бретгейма, обратились къ совѣту съ вопросомъ, какъ имъ поступать въ настоящемъ случаѣ? Бретгеймскіе предводители требовали, чтобы они присоединились къ нимъ, угрожая въ противномъ случаѣ казною и потерю имущества. Гамесфельдскіе старшины заперлись въ церковномъ дворѣ и требовали помощи изъ города. Но господа магистрата вмѣсто вооруженной силы прислали только нѣсколько буквъ, которыми предписывали имъ не поддаваться искушенію и отбиться вооруженной рукой; къ крестьянскимъ сборщикамъ посланы были строжайшія письменныя увѣщанія. Увѣщаніе совѣта вызвало только смѣхъ Оренбахцевъ. «Будь это вырѣзано на биркѣ *), сказали они, то мы бы пожалуй могли это лучше прочесть», — и увѣщаніе не было принято.

Изъ Бретгейма и Оренбаха, крестьянскіе депутаты явились къ маркиграфу въ Ансбахъ нѣсколько ранѣе, нежели изъ Роттенбурга. Между тѣмъ, маркиграфъ послалъ своего тайнаго секретаря въ Роттенбургъ и чрезъ него увѣщевалъ совѣтъ «разбить крестьянъ на голову», какъ сдѣлалъ онъ въ Гессельбергѣ и, какъ мы видѣли, предлагалъ даже значительную поощрѣніе. Члены совѣта нашли это предложеніе неисполнимымъ: военную силу города составляли сами горожане уже болѣе

*) Деревянные палочки, замѣняющія крестьянамъ чуть ли не всѣхъ національностей, приходо-расходныя книги.

столѣтія упражнявшіеся въ военномъ искусствѣ. Нѣкоторые имѣли лошадей, большинство умѣло отлично стрѣлять; всѣ поголовно, имѣли латы, копья, алебарды, пишаки и кистени; наемныхъ же солдатъ городъ почти вовсе не имѣлъ, а къ довершенію всего, села были, до извѣстной степени, укрѣплены посредствомъ крѣпкихъ стѣнъ церковныхъ дворовъ и барьеръ. Чтобы бороться съ ними, совѣтъ не имѣлъ войска и ничего не могъ имъ противопоставить, кромѣ вѣрности городского населенія. Но на нее онъ весьма мало могъ положиться. Дѣло въ томъ, что еще съ давняго времени, горсть аристократовъ, принадлежащихъ къ «именитымъ фамиліямъ» самоуправно властвовала въ городѣ, дозволяя себѣ всякаго рода неправды и притѣсненія и не обращая никакого вниманія на самыя справедливыя, просьбы, желанія и потребности общины, ремесленниковъ и вообще простого народа. Для того чтобы оставаться полноправными господами, правительственный или такъ называемый внутренній совѣтъ, былъ составленъ исключительно изъ представителей именитыхъ фамилій. Рядомъ съ этими двѣнадцатью членами внутренняго совѣта, существовалъ также совѣтъ сорока или внѣшній совѣтъ. Онъ долженъ былъ представлять общину; но и въ немъ засѣдали только одни аристократы. Хотя семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, аристократы и были до нѣкоторой степени сравнены въ правахъ съ ремесленниками, но послѣ того, различными уловками и хитростями, имъ удалось привести дѣла въ прежнее положеніе, и уже въ 1525 году, равенство было какъ бы совершенно забыто. Вѣроломное и насильственное превращеніе власти и равнодушіе къ общему благу, лежали тяжкими грѣхами на совѣсти правителей. Имъ было чего бояться. Еще болѣе усилились ихъ опасенія, когда они удостовѣрились, что часть городского населенія находится въ заговорѣ съ крестьянами; что, какъ только ее призовутъ къ оружію, она тотчасъ станетъ на сторону крестьянъ, вмѣстѣ съ ними овладѣетъ городомъ, нападетъ на именитыхъ аристократовъ, достойно накажетъ ихъ и разоритъ ихъ жилище.

Внутренній и внѣшній совѣты собрались въ пятницу утромъ, 24 марта и долго думали и разсуждали; нѣкоторые члены совѣта выѣхали изъ города, чтобы попытаться какъ нибудь успокоить крестьянъ, другіе предполагали испытать вѣрность городского населенія. Порѣшили призвать горожанъ, но не всѣхъ вмѣстѣ, а по кварталамъ; и начали съ наиболѣе аристократическаго: именно съ Дворянской площади. Совѣтъ сообщилъ имъ свое рѣшеніе подавить возстаніе крестьянъ силою и обратился къ нимъ съ вопросомъ: можетъ-ли онъ разсчитывать на содѣйствіе общины. 25 горожанъ стали на сторону членовъ совѣта, желая этимъ, какъ бы высказать свою преданность начальству.

Въ эту минуту, юнкеръ Степанъ фонъ-Мензингенъ — который тоже жилъ на Дворянской площади и явился въ совѣтъ неприглашеннымъ — вскричалъ: Что вы дѣлаете? Что вы, рабы или граждане? Зачѣмъ вы такъ необдуманно стремитесь къ своей гибели, неужели вы хотите сдѣлаться убійцами своихъ братій? Остановитесь, обдумайте прежде нежели рѣшитесь и подадите голоса!

Горожане переглядывались между собою; въ словахъ Мензингена было много справедливаго. Тогда онъ, обратившись къ одному изъ присутствующихъ громко закричалъ: «Уйдемъ отсюда, уйдемъ!» И вскорѣ въ залѣ никого не осталось кромѣ этихъ двадцати пяти; даже и изъ ихъ числа выступилъ Ліенгардъ Штокъ и сказалъ, обращаясь къ совѣту: «Господа я старый, больной и глухой человѣкъ, я ни къ чему не годенъ въ такомъ дѣлѣ и потому прошу уволить меня.» Сказавъ это, онъ также вышелъ изъ совѣта и присоединился къ остальнымъ горожанамъ, которые собрались въ кружокъ и разсуждали о случившемся.

«Граждане, говорилъ тамъ Мензингенъ, неужели къ явному вреду самимъ себѣ, вы захотите сдѣлать угодное совѣту, который насъ такъ жестоко притѣснялъ до сихъ поръ и который будетъ васъ тѣснить и послѣ еще сильнѣе и невыносимѣе? Послѣдуйте за мной, я поведу васъ по дорогѣ къ сво-

бодѣ; я готовъ отвѣчать въ томъ предъ императоромъ и государствомъ.»

Онъ посовѣтовалъ имъ потребовать, чтобы желанія совѣта были изложены письменно для большаго удобства обсуждения и обдумыванія; они поступили по его совѣту.

Между тѣмъ, мало по малу, собрались всѣ граждане города, «всѣ 6-ть кварталовъ» сошлись на площади: Мезингенъ старался отвлечь ихъ какъ можно далѣе отъ совѣта. По его предложенію они избрали комитетъ выборныхъ отъ общины, который рядомъ съ совѣтомъ и даже какъ бы противопоставленный ему, могъ служить истиннымъ представителемъ чисто народныхъ интересовъ. Такимъ образомъ пока господа въ совѣтѣ напрасно поджидали возвращенія гражданъ, послѣдніе составили комитетъ выборныхъ, который не долженъ былъ довольствоваться однимъ только разбирательствомъ жалобъ, но умѣлъ бы стать во главѣ управленія, раздѣлить власть съ совѣтомъ, рѣшать всякаго рода несогласія, контролировать отчетность и всѣ распоряженія совѣта и, наконецъ взять на себя охраненіе города.

Въ то время, когда происходило избраніе выборныхъ пріѣхалъ гонецъ маркграфа Казимира, съ письмомъ, адресованнымъ къ совѣту. «А, вскричалъ Мезингенъ, онъ везетъ обѣщаніе господина Казимира придти и овладѣть городомъ; совѣтъ письменно обращался къ нему съ просьбой о помощи; берегитесь—рыцари уже приближаются.»—«Къ воротамъ!» закричали Килианъ Луцъ и Лоренцъ Кноблохъ и почти, въ одно мгновеніе толпа горожанъ заперла ворота, овладѣла ими и вручила ключи въ руки выборныхъ. Даже слышались требованія выгнать всѣхъ засѣдавшихъ въ совѣтѣ и убить ихъ. Все грозило, что дѣло пожалуй дойдетъ и до этого.

Господа въ совѣтѣ слышали какъ усиливалось волненіе и шумъ. Они послали къ гражданамъ стараго бургомистра Еренфрида Кумпфа и Георга Берметера. Еренфридъ сталъ на скамью и рассказывалъ имъ все, какъ было: онъ сказалъ, что маркграфъ уже два раза предлагалъ свою помощь, и что самъ

совѣтъ никогда къ нему не обращался и наконецъ онъ просилъ своихъ согражданъ не увлекаться и не выходить изъ предѣловъ благоразумія. Народъ уважалъ и любилъ господина Еренфрида: онъ былъ другомъ рабочаго приверженцемъ евангелическаго ученія и потому его выслушали, и толпа начала успокоиваться. «Вздорная болтовня, сказки! вскричалъ Мезингенъ, покажите намъ письмо маркграфа и отвѣтъ совѣта.» Ему подали какъ то, такъ и другое, все было дѣйствительно такъ, какъ говорилъ Еренфридъ. Послѣ этого объясненія, избраніе комитета выборныхъ окончилось уже совершенно спокойно. Въ составъ его вошли сорокъ два человѣка, почти всѣ—сторонники новаго порядка вещей. Степанъ Мезингенъ былъ также въ числѣ выборныхъ, онъ даже былъ сдѣланъ предсѣдателемъ комитета. Вечеромъ того же дня, онъ привелъ всѣхъ выборныхъ къ клятвѣ въ вѣрности, братскомъ единеніи, и сохраненіи въ тайнѣ всего, что будетъ обсуждаемо и приводимо въ дѣйствіе комитетомъ выборныхъ.

Тогда только Мезингенъ сообщилъ совѣту отвѣтъ общины, отвѣтъ ожидаемый имъ еще съ самаго утра. Онъ передалъ ему, что горожане до тѣхъ поръ не могутъ сказать будутъ-ли они поддерживать совѣтъ противъ крестьянъ, пока не узнаютъ въ чемъ заключаются неудовольствія и жалобы послѣднихъ. Они отправятъ къ нимъ уполномоченныхъ, чтобы убѣдиться, не замышляютъ ли они чего нибудь противъ евангельскаго ученія; въ такомъ случаѣ, отвѣтъ ихъ навѣрное придется по душѣ совѣту. Если совѣту угодно послать нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ вмѣстѣ съ уполномоченными комитета, то они согласятся на это весьма охотно.

Даже половину ключей отъ городскихъ воротъ, Мезингенъ передалъ внутреннему совѣту; впрочемъ онъ самъ, вмѣстѣ съ выборными, такъ тщательно охранялъ ворота, что безъ его вѣдома никто не могъ ни войти, ни выйти изъ города. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ вынудилъ отъ совѣта дозволеніе звонить въ большой колоколъ для того, чтобы въ случаѣ надобности, сзывать общину на собраніе въ дворъ еврейской синагоги. На

господь совѣта нагнали такой страхъ, что они безпрекословно на все соглашались.

Впрочемъ безпокойства извнѣ казалось сами собою начали стихать. Двадцать четвертаго числа ночью, возвратились тѣ члены совѣта, которые выѣхали на переговоры съ крестьянами. Они нашли только сто крестьянъ, собравшихся вмѣстѣ въ Бретгеймъ изъ четырехъ общинъ. Бретгеймцы съ самыми вѣжливыми извиненіями выслали вонъ изъ села нѣкоторыхъ крестьянъ. Оренбахцы дѣйствительно приходили къ нимъ и, въ весьма значительномъ числѣ, но они ничего не знаютъ о ихъ замыслахъ и намѣрены вести себя какъ самые вѣрные подданные. Такъ говорили Брейтгеймцы. Крестьяне же пришедшіе и изъ четырехъ чужихъ общинъ, оправдывались страхомъ; собравшееся крестьянство призвало ихъ, угрожая въ случаѣ неповиновенія лишеніемъ жизни и имущества; явились же они сюда только затѣмъ, чтобы посмотрѣть, что намѣрены предпринять призвавшіе ихъ крестьяне.

Въ ночь, между двадцать третьимъ и двадцать четвертымъ, всѣ способные носить оружіе вышли изъ Оренбаха въ латахъ и полномъ вооруженіи. Забравъ въ сторожевыхъ башняхъ провинціи всѣ винтовки и ружья, они явились въ Бретгеймъ съ нѣсколькими знаменами; кто пѣшій, кто на лошади. Обсудивъ основательно свое дѣло, собравшіеся крестьяне снова разошлись для того, чтобы укрѣпиться и снарядиться, въ ожиданіи пока возстаніе сдѣлается всеобщимъ, положивъ тогда удалиться, вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ крестьянствомъ, живущимъ по Тауберу и въ укрѣпленный лагерь.

Между тѣмъ Степанъ Мензингенъ, вмѣстѣ съ комитетомъ выборныхъ, пришелъ къ слѣдующему заключенію: съ крестьянами, какъ съ братьями по Христу, слѣдуетъ вступить въ дружескіе переговоры; ихъ жалобы и неудовольствія, надлежитъ вручить для разсмотрѣнія комитету выборныхъ, который войдетъ тогда въ сношенія съ совѣтомъ и будетъ посредникомъ между обѣими сторонами. На это рѣшеніе комитета вся община дала свое полное согласіе; внутренній же

совѣтъ отвергнулъ его. Но такое отверженіе ни къ чему не повело; комитетъ ссылался на то, что вся община приняла его постановленіе. Однако внутренній совѣтъ отправилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ съ депутатами, посланными къ крестьянамъ. Когда они прибыли въ Гебзатель, крестьяне, въ большомъ числѣ, стройно располагались лагеремъ. Въ числѣ депутатовъ находился также членъ комитета выборныхъ, трактирщикъ Крецеръ, которому приходился зятемъ большой Леонардъ, одинъ изъ крестьянскихъ предводителей; чрезъ его посредничество была дана посольству надежная охранительная стража. Такимъ образомъ явились они въ крестьянскій лагерь. Геронимъ Гассель, членъ внутренняго совѣта, первый обратился къ нимъ съ рѣчью, въпрочемъ, далеко не въ духѣ тѣхъ инструкцій, которые были даны комитетомъ выборныхъ и всей общиной. Онъ строго упрекалъ крестьянъ за возмущеніе и обѣщалъ имъ полное прощеніе, если они тотчасъ-же возвратятся по своимъ домамъ, въ противномъ случаѣ, говорилъ онъ, совѣтъ, съ величайшемъ прискорбіемъ, будетъ вынужденъ пролить кровь. Если же вы имѣете какія либо жалобы, заключилъ онъ, то должны представить ихъ въ императорскій верховный судъ.

Этой струны не слѣдовало затрогивать члену совѣта; верховный судъ весьма непріятно звучалъ для слуха простаго народа. Какъ? спросили крестьянскіе предводители, неужели такъ думаетъ и вся роттенбургская община. Гассель отвѣчалъ утвердительно. «О, это говоритъ Лисица», сказалъ Молкнеръ, одинъ изъ предводителей.

Тогда начали говорить другіе депутаты, депутаты, принадлежавшіе къ комитету выборныхъ и они, разумѣется, говорили въ смыслѣ полученныхъ инструкцій. Выслушавъ ихъ, крестьянскіе предводители весьма дружески отвѣчали, что ни мало не хотятъ вредить общинѣ. Правда, ихъ притѣсняли и они будутъ жаловаться на эти притѣсненія, но покамѣстъ, они испрашиваютъ только свободный проѣздъ на одинъ день,

въ противномъ случаѣ, они поищутъ себѣ другой, болѣе укрѣпленной позиціи.

За тѣмъ, депутація совѣта отправилась въ обратный путь; когда уже значительно отъѣхали отъ лагеря, депутаты уполномоченные отъ комитета возвратились снова къ крестьянамъ, долго совѣщались съ ними и много пили; такъ что, члены внутренняго совѣта прождали ихъ среди дороги ровно пять часовъ.

А между тѣмъ въ городѣ, движеніе продолжало усиливаться. Въ слѣдующую ночь, въ дворѣ церкви пречистой Дѣвы Маріи были отбиты голова и руки у большого распятія. Вліяніе Карльштадта было очевидно; на другой день толпа, предводимая Христіаномъ Гейнцъ, вломила въ часовню, сбросила требникъ съ алтаря и выгнала вонъ священнослужителей. Это случилось въ свѣтлое воскресенье. Въ понедѣльникъ двадцать седьмого марта, Еренфридъ Кумпфъ тоже выгналъ изъ приходской церкви священниковъ и причетниковъ и сбросилъ требникъ съ алтаря; отправленіе обѣдни прекратилось и началось карльштадское истребленіе статуй и иконъ. Вскорѣ послѣ этого, и часовня пречистой Дѣвы Маріи была разрушена до основанія, таже судьба постигла и прекрасную церковь на Тауберѣ, находившуюся внѣ города; послѣ одной проповѣди Карльштадта ее разграбили до тла, разбили въ дребезги образа, а священную утварь выбросили въ Тауберъ.

Это иконоборство было дѣломъ той партіи, которая считалась лучшей въ городѣ; къ ней принадлежали люди, воспламененные рвеніемъ къ евангельскому ученію. Для этой партіи главнымъ дѣломъ и основнымъ вопросомъ была церковная реформа; въ крестьянахъ они видѣли братьевъ, только на столько, на сколько крестьяне возставали за евангельское дѣло. Главой этой партіи былъ Еренфридъ Кумпфъ.

Совершенно къ инымъ цѣлямъ стремилась другая партія, душой которой былъ слѣпой монахъ, а предводителемъ Степанъ фонъ-Мензингенъ. Это была настоящая революціонная партія; ея ближайшей цѣлью была гражданская свобода; ея

предводители открыто принадлежали къ евангелическому братству, подготовлявшему возстанія въ нѣмецкихъ земляхъ и находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ главными руководителями движенія въ другихъ областяхъ.

Мензингенъ, происходившій отъ древняго благороднаго Швабскаго рода, за двадцать лѣтъ до возстанія, женился на дочери члена совѣта Прёля и получилъ право гражданства въ городѣ Роттенбургѣ. Нѣкоторое время, онъ находился на службѣ у маркграфа Бранденбургскаго въ Ереглингенѣ, а послѣ того вступилъ на службу молодого герцога Ульриха Виртенбергскаго. Сдѣлавшись однимъ изъ его любимцевъ, онъ и послѣ изгнанія Ульриха, вмѣстѣ съ нимъ отправился въ замокъ Гогентюбингенъ; а по сдаче замка, принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ, которые сохранили вѣрность и присягу и дѣйствовали въ его интересахъ въ Швейцаріи. Стефанъ фонъ-Мензингенъ былъ однимъ изъ трехъ уполномоченныхъ Ульриха, вступившихъ въ переговоры съ рыцаремъ Клингенбергомъ о возвращеніи герцогскихъ владѣній. *) Въ 1518 году онъ купилъ Рейнсбургъ, помѣстье въ Роттенбургской области, затѣялъ тяжбу съ городскимъ совѣтомъ по поводу взноса повинностей и сложилъ съ себя званіе Роттенбургскаго гражданина. Когда высшій государственный судъ, — передъ которымъ Мензингенъ былъ обвиненъ городомъ Ереглингеномъ за свои притѣсненія, передалъ приведеніе въ исполненіе приговора Роттенбургскому совѣту, Мензингенъ нанесъ оскорбленіе самымъ знатымъ членамъ совѣта и тогда, какъ кажется, уѣхалъ въ Швейцарію. Между тѣмъ, въ началѣ 1525 года, онъ совершенно внезапно возвратился въ Роттенбургъ, будто бы затѣмъ, чтобы выждать окончанія своей тяжбы съ совѣтомъ. Находился ли

*) Рукопись Клингенберга въ Штутгартскомъ государственномъ архивѣ.

онъ все по прежнему въ связяхъ съ изгнаннымъ герцогомъ Ульрихомъ? По уговору ли съ нимъ присоединился онъ къ возстанію во Франконіи и долженъ ли былъ стараться ускорить его, какъ это дѣлалъ Фухштейнеръ въ Альгау и самъ герцогъ въ Шварцвальдѣ?—на это нѣтъ доказательствъ. Въ Швейцаріи, въ кругу тѣхъ людей, подъ вліяніемъ которыхъ и герцогъ Ульрихъ перемѣнилъ свои воззрѣнія, Мензингенъ также могъ усвоить много новыхъ политическихъ и религіозныхъ идей, по крайней мѣрѣ, въ Роттенбургѣ онъ высказывается горячимъ послѣдователемъ ученія Карльштадта. Однако, въ то же самое время, онъ находился въ сношеніяхъ съ маркграфомъ Казиміромъ, государемъ, который никогда не прочь былъ распространять свои владѣнія на счетъ сосѣднихъ областей. Кромѣ того, его матеріальное положеніе было не блестящее, и члены совѣта въ Роттенбургѣ подали ему поводъ къ весьма сильной ненависти.

Вечеромъ 25 марта, снова появился гонецъ отъ маркграфа. Степанъ Мензингенъ, охранявшій ворота, не впустилъ его и посланный долженъ былъ переночевать внѣ города, на сосѣдней мельницѣ. Только на слѣдующее утро, Мензингенъ принялъ отъ него письма, но все же не впускалъ гонца въ городъ, потому что гонецъ ни за что не хотѣлъ поклясться, что онъ не имѣетъ никакой другой вѣсти и никакого другого порученія. Отъ гросмейстера нѣмецкаго ордена изъ Мергентгейма также прибылъ гонецъ. Мензингенъ отъ него принялъ письма, вскрылъ ихъ точно также какъ и письмо маркграфа и представилъ его комитету выборныхъ. Письмо маркграфа было писано въ чрезвычайно дружескомъ тонѣ; онъ предлагалъ себя въ посредники между совѣтомъ и народной партіей. Внутренній совѣтъ отвѣчалъ, что смуть въ городѣ не существуетъ и вѣжливо отклонилъ вмѣшательство маркграфа. Страхъ предъ народомъ и недовѣріе къ могущественному, весьма охочему до чужихъ владѣній, государю, вызвали отвѣтъ совѣта, который былъ прочитанъ въ комитетѣ горожанъ, запечатанъ и отосланъ.

Наконецъ 26 марта, вдругъ были представлены въ городъ, письменно изложенныя, жалобы крестьянскихъ обществъ. Они писали, что притѣсненія противныя Богу, слову евангельскому и любви къ ближнему соединили ихъ въ братскій союзъ, что они отягощены налогами, акцизными поборами, копытнымъ сборомъ *) (klauengeld) и т. п. повинностями; никто, говорили они, въ цѣломъ земствѣ, не можетъ имѣть собственной коровы. Всѣ мы вѣруемъ въ вѣчнаго, истиннаго и единого Бога, всѣ крещены одинаковымъ крещеніемъ и всѣ чаемъ будущую, вѣчную загробную жизнь, между тѣмъ діаволъ, посредствомъ тысячи многообразныхъ ухищреній, ввелъ среди христіанства преступное и постыдное право, по которому будто-бы одинъ человѣкъ долженъ быть собственностью другого. Будемъ же мы всѣ составлять одно тѣло, одну духовную общину, главой которой да будетъ Христосъ Спаситель. Къ этимъ жалобамъ противъ крѣпостнаго права присоединили они еще жалобы противъ большихъ и малыхъ десятинныхъ сборовъ; жаловались, что множество приходскихъ канониковъ совсѣмъ даже не живетъ въ своихъ приходахъ, и ровно ничего не дѣлаетъ, позволяя себѣ, чрезъ своихъ капеллановъ, грабить и обирать народъ и морочить его ложью и надувательствомъ, Тѣхъ, которые дѣйствительно трудятся для народа, они охотно готовы вознаграждать, но тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, не долженъ ничего и получать. Наконецъ они жаловались на несправедливыя пошлины и новыя, мелкія повинности. Дальнѣйшія жалобы они предполагали изложить впослѣдствіи **).

Невозможно было отрицать справедливость этихъ жалобъ;

*) Сборъ съ домашнихъ животныхъ, употребляемыхъ на хозяйственныя работы.

**) На печати, которой запечатана рукопись, былъ изображенъ плугъ, а поверхъ него крестообразно расположены цѣпъ и навозныя вилы, внизу находился башмакъ, на которомъ былъ вырѣзанъ 1525 годъ.

многія новыя повинности, какъ напрымѣръ копытный сборъ, сборъ поземельный и питейный, наконецъ таможенные пошлины, которыми были обложены всѣ предметы ввоза и вывоза, всѣ эти сборы были въ высшей степени тягостны и невыносимы простому народу. А между тѣмъ всѣ они были самовластно введены совѣтомъ—нѣкоторые два года тому назадъ, другіе не болѣе двухъ мѣсяцевъ.

Жалобы крестьянъ были подписаны духовными лицами.

Такимъ образомъ здѣсь, точно также какъ во многихъ другихъ мѣстахъ, выступили впередъ духовные, какъ люди народа и руководители движенія и это были не бѣглые монахи, какъ нѣкоторые утверждали, видѣвшіе свое единственное спасеніе въ побѣдѣ народа. Правда были и монахи, но все же большинство принадлежало къ свѣтскому духовенству, которое примкнуло къ народу единственно изъ преданности евангельскому ученію и вслѣдствіи этого воздвигнутыхъ на него гоненій. Кромѣ того ему лучше всего извѣстны были тѣ жестокія бѣдствія и тотъ гнетъ, подъ игомъ котораго такъ много страдалъ народъ. Наконецъ, среди него, всего болѣе было людей, съ свѣтлыми головами, усвоившихъ себѣ новыя современныя идеи.

Комитетъ выборныхъ представилъ жалобы крестьянъ внутреннему совѣту и предложилъ свое посредничество, но его отклонили. Внутренній совѣтъ объявилъ крестьянамъ, что если они спокойно разойдутся по домамъ, то имъ не будетъ вмѣнено въ преступленіе возстаніе и измѣна присягѣ; относительно же ихъ жалобъ, онъ обѣщалъ ихъ обдумать и представить на обсужденіе императорскаго Верховнаго Суда. Уполномоченные крестьянъ отвѣчали на это, что они совсѣмъ не клятвопреступники, что они хотятъ только получить то, что имъ принадлежитъ по справедливости, что не противно ни Богу, ни любви къ ближнему. За тѣмъ, крестьянскіе уполномоченные снова возвратились къ своимъ. Между тѣмъ, во внутреннемъ совѣтѣ проводилось такого рода мнѣніе: если

даже въ настоящую минуту и нужно будетъ уступить что либо крестьянамъ, то такая уступка не обязательна на будущее время, такъ какъ, она вынуждена насиліемъ.

Рано утромъ 27-го марта, гудѣлъ большой колоколъ: Мезингенъ и комитетъ выборныхъ сзывали мірской сходъ. Нѣкоторые горожане произвели насиліе въ домахъ духовныхъ лицъ и вынудили послѣднихъ угощать себя виномъ. Комитетъ выборныхъ заставилъ общину поклясться, что она будетъ повиноваться его предписаніямъ и оставить неприкосновенными личность и имущества гражданъ. Послѣ этого было рѣшено распушеніе внѣшняго Совѣта.

Комитетъ выборныхъ утверждалъ, что такъ какъ внѣшній совѣтъ обязанъ заботиться о благосостояніи и безопасности общины, то ему слѣдуетъ соединиться съ комитетомъ и вмѣстѣ съ нимъ засѣдать, толковать, совѣтоваться и заниматься дѣлами управленія. Въ день Свѣтлаго Воскресенья, комитетъ предложилъ внѣшнему совѣту войти въ его составъ. Совѣтъ отказался. Комитетъ, опираясь на рѣшеніе мірскаго схода, настоятельно требовалъ присоединенія, или распушенія, то есть прекращенія существованія Внѣшняго Совѣта. Поставленный въ безысходное положеніе, внѣшній Совѣтъ обратился къ внутреннему, съ просьбою дозволить ему сложить свои обязанности. Внутренній Совѣтъ, «стѣсненный и захваченный въ располхъ общиной и ея комитетомъ», по достаточномъ обсужденіи, съ прискорбіемъ пришелъ къ тому заключенію, что онъ долженъ теперь поступать такъ, какъ того хочетъ община, не разбирая хорошо ли это будетъ или дурно. На этомъ основаніи онъ дозволилъ внѣшнему Совѣту, чтобы не дать повода нарушить уваженіе къ личностямъ и оскорблять честь членовъ Совѣта, «прекратить свое существованіе «во имя Божіе» и освободилъ его отъ всѣхъ его обязанностей.

Такимъ образомъ, распушенъ былъ внѣшній Совѣтъ. Нѣкоторые изъ его членовъ были приняты въ составъ Комитета.

Съ этого времени засѣданія Комитета происходили въ большой залѣ Совѣта.

До сихъ поръ Роттенбургскіе крестьяне ни съ кѣмъ еще не вступали въ союзъ. Но теперь къ нимъ примкнули подданные маркграфа и подвассалъ другихъ владѣтелей. Агитація ихъ собственныхъ агентовъ, посланныхъ ими вдоль по Тауберу и въ разныя мѣста по другимъ направленіямъ, наконецъ вліяніе пріѣзжихъ проповѣдниковъ, присланныхъ отъ евангелическаго братства въ Шварцвальдѣ и въ Верхней Швабіи и изъ Тюрингіи, начинали приносить свои плоды: день всеобщаго возстанія, именно 2 апрѣля, приближался быстрыми шагами.

Роттенбургское крестьянское ополченіе, достигшее до четырехъ съ половиною тысячъ человѣкъ, отправило уполномоченныхъ въ городъ и требовало отъ внутренняго Совѣта отвѣта на жалобы, а отъ Комитета помощи деньгами, военными снарядами и оружіемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, они открыто протестовали противъ несправедливо-взводимого на нихъ обвиненія, будто они принуждаютъ подданныхъ постороннихъ владѣтелей примыкать къ ихъ союзу. Къ нимъ приходятъ съ утра до вечера, крестьяне, безъ всякаго приглашенія и принужденія одушевленные благороднымъ стремленіемъ поддержать правое дѣло изъ братской любви и по чувству справедливости.

Комитетъ выборныхъ настаивалъ, чтобы внутренній Совѣтъ безотлагательно обсудилъ жалобы крестьянъ и успокоилъ ихъ уступками, прежде нежели они усилятся до такой степени, что городъ не будетъ въ состояніи совладать съ ними. Онъ требовалъ, чтобы внутренній Совѣтъ уполномочилъ его заключить договоръ съ крестьянами. Совѣтъ полагалъ, что это подастъ дурной примѣръ крестьянамъ сосѣднихъ владѣтелей; и что если чужіе крестьяне станутъ ссылаться и указывать на Роттенбургскихъ, то ихъ владѣтели будутъ неприязненно относиться къ городу. Комитетъ отвѣчалъ, что такъ

какъ внутренній Совѣтъ своими неблагоразумными мѣрами навлекъ на городъ уже слишкомъ много бѣдствій, то принастоющему опасномъ положеніи дѣлъ, ему нельзя дозволить дѣйствовать какъ онъ желаетъ.

Въ то время, какъ внутренній Совѣтъ находился въ такомъ затруднительномъ положеніи, всталъ съ своего мѣста старый бургмейстеръ Еренфридъ Кумпфъ. «Я знаю, говорилъ онъ, человѣка, которому не трудно будетъ заключить миръ между городомъ и крестьянами; я привелъ его съ собой и этотъ человѣкъ ожидаетъ тамъ, въ передней; прошу, чтобы его выслушали и отправили къ крестьянамъ». Въ отвѣтъ на удивленные и вопрошающіе взгляды присутствующихъ, Еренфридъ произнесъ имя доктора Андрея Карльштадта. При этомъ имени удивленіе Совѣта еще болѣе усилилось: какимъ образомъ могъ Карльштадтъ такъ внезапно появиться въ Роттенбургѣ, когда онъ давно уже былъ изгнанъ изъ города. Тогда Еренфридъ сознался, что докторъ вовсе не оставлялъ города, что онъ имѣлъ постоянное пристанище у него и у другихъ христіанскихъ братьевъ, и въ заключеніе сказалъ, что онъ не отопрется отъ сказаннаго, даже еслибы за спиной его стоялъ палачъ. Тогда члены Совѣта стали укорять стараго бургмейстера за то, что онъ нѣсколько недѣль тому назадъ рѣшительно и громко объявилъ, что не имѣетъ никакихъ сношеній съ Карльштадтомъ и ничего о немъ не знаетъ: а теперь оказывается совершенно противоположное. На это обвиненіе Еренфридъ отвѣчалъ: «что онъ рѣшился охранять и скрывать Карльштадта въ угодность Господу и ради пользы божественнаго дѣла; Карльштадтъ, смиренный и несчастный человѣкъ, весьма способенъ и самимъ небомъ къ тому предназначенъ, чтобы прекратить несогласія между Совѣтомъ, городской общиной и крестьянами. Я знаю свои обязанности относительно Совѣта, продолжалъ Еренфридъ, но не считаю себя обязаннымъ исполнять то, что противно слову божьему и несогласно съ евангеліемъ; я христіанинъ и желаю

повиноваться одному Спасителю и служить евангельскому дѣлу на сколько достанетъ моей жизни и моихъ средствъ». Члены Совѣта выслушали все это съ не малымъ смущеніемъ и отвѣчали, что считаютъ себя точно такими же христіанами какъ онъ и что такъ же мало намѣрены идти противъ евангелія и слова божія, какъ Еренфридъ и ему подобные. За тѣмъ они дружно поднялись съ своихъ мѣстъ и ушли изъ магистрата.

Такимъ образомъ, община пріобрѣла верховную власть и стала управлять посредствомъ избраннаго изъ ея среды комитета. Къ этому-то комитету и обратился Карльштадтъ, съ просьбой объ отмѣненіи постановленія о его изгнаніи; комитетъ заявилъ о томъ Совѣту. Совѣтъ объявилъ, что присутствіе Карльштадта навлечетъ городу гнѣвъ и месть императора, владѣтельныхъ князей и другихъ государственныхъ сословій; повсюду гдѣ онъ жилъ народъ возмущался—и это уже достаточно свидѣтельствуешь о его дѣятельности и ученіи. Слѣдуетъ ли ему или нѣтъ предоставить право жить и проповѣдовать въ городѣ, совѣтъ оставляетъ это на рѣшеніе комитета, который захватилъ въ свои руки всю власть и все управленіе; на немъ же пусть и лежитъ отвѣтственность за подобное дозволеніе. На это послѣдній возразилъ, что дозволяетъ Карльштадту свободное пребываніе въ городѣ, потому что онъ требуетъ совершенно справедливаго. Съ тѣхъ поръ Карльштадтъ свободно и открыто ходилъ по городу; сошелся очень близко съ нѣкоторыми изъ его учителей и въ особенности съ членами комитета. Онъ проповѣдывалъ въ совершенно религіозномъ направленіи; однако послѣдствіями этихъ проповѣдей было упомянутое выше разрушеніе церковныхъ иконъ и статуй и разореніе нѣкоторыхъ церквей. Комитетъ не рѣшился выбрать его для переговоровъ съ крестьянами; онъ послалъ къ нимъ учителя Валентина Икельсгеймера, Кунца Офнера и нѣсколько другихъ лицъ, съ цѣлью убѣдить ихъ предоставить комитету разобрать крестьянскія жалобы.

А между тѣмъ Роттенбургскіе крестьяне уже начали дѣйствовать въ духѣ Шварцвальдскаго посланія. Тѣхъ, кто не присоединился къ нимъ добровольно, они принуждали силою. Такъ въ Бетварѣ и въ Остгеймѣ крестьяне отказывались примкнуть къ нимъ: въ отмщеніе за это дома ихъ были разграблены, а у приходскихъ священниковъ были отняты подводы съ виномъ. Въ Рейхардсродѣ расположились они лагеремъ. Укрѣпленный замокъ Каспара фонъ-Штейна былъ до чиста разоренъ. Учреждена была военная касса. Распорядители добычей собирали ее и продавали; скотъ и все прочее обращалось въ деньги и хлѣбъ и изъ этихъ суммъ платилось трактирщикамъ, разсылнымъ и удовлетворялись разнаго рода потребности.

Движеніе стало принимать болѣе серьезной характеръ: члены тайнаго союза мало по малу присоединялись къ нему; люди съ значеніемъ и вѣсомъ въ общественной іерархіи становились во главѣ его; военные предложили свои услуги и были приняты для обученія крестьянъ военнымъ упражненіямъ и фехтованью. Въ числѣ крестьянъ, изъявившихъ желаніе быть принятыми въ составъ евангелическаго братства, къ возставшимъ явились, съ распущенными знаменами, подвассалы свирѣпаго рыцаря Цейзольфа фонъ-Розенберга.

Уполномоченные города Роттенбурга встрѣтили крестьянъ при Линдахзе и въ ту минуту, когда они выступали изъ Рейхардтсродѣ, въ четвергъ 27-го марта, нѣкоторые изъ нихъ были на коняхъ, другіе пѣшіе: у нихъ были новыя, прекрасныя знамена. На повозкахъ везли винтовки. Шествіе направлялось мимо стѣнъ Роттенбурга къ Нейзитцу, отстоявшему на три четверти часа ѣзды отъ Рейхардтсродѣ. Во время ихъ прохода черезъ Роттенбургъ число ихъ простиралось до 2000. Остальные 2000 человѣкъ, изъ лагеря въ Рейхардтсродѣ, направились по теченію Таубера. Крестьяне раздѣлились на два отряда, одинъ остановился въ наблюдательномъ положеніи около города, другой потянулся далѣе для того, чтобы въ Шюпфергрундѣ, который былъ назначенъ сборнымъ пунк-

томъ, соединиться съ вспомогательными отрядами изъ другихъ областей и округовъ *).

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Возстаніе въ Оденвальдѣ. Вендель Гиплеръ, Вейандъ и Гюркъ Метцлеръ.

Въ постъ 23 марта, въ кабацѣ Ганса Шонхера въ Вейнсбергѣ два гостя разговаривали между собою, сидя за кружками пива. Одинъ изъ нихъ былъ слугою графа фонъ-Гогенлое, Вольфъ Таубе и ѣхалъ изъ Гейльбронна. Его спутникъ сказалъ ему: «я былъ въ одномъ мѣстѣ, гдѣ удачно обдѣлалъ твоего господина для той работы, надъ которой вамъ придется потрудиться въ этомъ году».

Человѣкъ, произнесшій эти слова, принадлежалъ къ аристократіи: это былъ г. Вендель Гиплеръ.

Въ молодости Вендель Гиплеръ, стремясь къ славѣ и почестямъ, вступилъ на службу къ владѣтельнымъ князьямъ и болѣе двадцати пяти лѣтъ находился при дворѣ графовъ Гогенлое въ должности канцлера. Въ 1515 году онъ оставилъ

*) Изъ рукописи О. Цвейфеля, очевидца происшествій; извлеченія сдѣланы Шмидомъ. Также хроника Ейзенгарда, рукопись очевидца. Изъ Винтербаха, исторія города Роттенбурга. Но преимущественно изъ Бензена, исторія крестьянской войны въ Восточной Франконіи. Бензенъ руководствовался оригиналомъ Цвейфелевой рукописи; трудъ этотъ я чрезвычайно рекомендую читателямъ, притомъ я не только не хочу, но и не могу сдѣлать его излишнимъ моими собственными изслѣдованіями.

службу графа и выѣхалъ изъ его владѣній. «Гогенлоены не были къ нему справедливы», говоритъ о немъ Гёцъ фонъ-Берлихенгенъ въ своей автобіографіи. Послѣ того онъ отправлялъ много различныхъ должностей, потому что былъ весьма образованный и способный человѣкъ и притомъ писатель, подобнаго которому нельзя было найдти въ цѣломъ государствѣ.» *) Вслѣдствіе своихъ отношеній къ Гогенлое, Вендель питалъ къ ихъ дому непріязненные чувства. Но было бы слишкомъ несправедливо и оскорбительно для Венделя Гиплера, еслибы мы предположили, что месть была единственной побудительной причиной, заставившей его играть ту роль, въ которой мы его тотчасъ увидимъ. Хотя месть и была немаловажнымъ стимуломъ, но далеко не единственнымъ; она только натолкнула его на тотъ путь, на которомъ онъ долженъ былъ дѣйствовать для блага своего народа, для своей отчизны; эти-то патріотическія стремленія и увлеченія совершенно отодвигали на задній планъ его личный интересъ. Вендель Гиплеръ безспорно былъ человѣкомъ весьма недюжиннымъ, съ широкими, смѣлыми, чисто-патріотическими взглядами и замыслами. Онъ былъ одаренъ проницательнымъ умомъ, хотя и самонадѣяннымъ, но всегда умѣвшимъ найдти средства осуществлять свои великія мысли; онъ велъ дѣло тихо и осторожно такъ, что рука его постоянно оставалась невидима; «это была утка, умѣвшая превосходно нырять.»

Къ весьма прискорбнымъ заключеніямъ пришелъ онъ въ теченіи своей придворной службы; онъ отлично изучилъ правителей и ихъ основные принципы; зналъ всѣ причины тяжелаго положенія народа и своей родины, и искренно желалъ улучшить его. Въ такомъ-то настроеніи захватило его современное движеніе, и онъ отдался ему всецѣло. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ дѣйствовалъ не подъ вліяніемъ тщеславія, не изъ желанія пріобрѣсти популярность; честолюбіе

*) Автобіографія Гёца фонъ-Берлихингенъ.

не могло подвинуть его вступить на этот путь. Еслибы действительно таковы были причины, побудившія его къ дѣятельности, то передъ нимъ вѣдь было открыто много дорогъ, на которыхъ онъ могъ бы удовлетворить своимъ честолюбивымъ стремленіямъ, при самомъ вѣрномъ расчетѣ на успѣхъ и притомъ безъ всякой опасности. Но онъ на себѣ лично испыталъ всю несправедливость и произволь барства, въ немъ должно было явиться сочувствіе къ голодавшему и задавленному народу. Его личное дѣло слилось въ одно съ дѣломъ народнымъ; оба они были обижены. Еще въ 1524 г. графы фонъ-Гогенлоэ жестоко оскорбили честь Венделя, когда онъ въ качествѣ адвоката защищалъ предъ верховнымъ Судомъ гогенлоенскихъ подданныхъ, жестоко и несправедливо наказанныхъ своими владѣтелями. Одна и таже благородная месть одушевляла его и народъ—то было стремленіе освободить своихъ соотечественниковъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Вендель Гиплеръ очень рано применилъ къ тайному союзу.

Съ 1525 года онъ появился вблизи гогенлоенскихъ владѣній и, по временамъ, снова навѣщалъ давно уже покинутыя имъ мѣстности, въ которыхъ онъ когда-то прожилъ столько лѣтъ, занимая высшія государственныя должности. Вендель пользовался полнымъ довѣріемъ гогенлоенскихъ жителей, которые незадолго предъ тѣмъ избрали его даже защитникомъ противъ своего повелителя. Такимъ образомъ, ему не трудно было разузнать настроеніе умовъ гогенлоенцевъ и устроить свои сношенія съ ними и въ особенности съ орингенскими гражданами такъ, чтобы ихъ можно было обратить на пользу въ интересахъ народнаго дѣла. Гогенлоенскіе графы такъ хорошо управляли своимъ народомъ, что при первомъ извѣстіи о возстаніи несчастнаго Конца въ Виртембергскихъ владѣніяхъ — возстали и гогенлоенскіе подданные и съ распущенными знаменами пошли въ вейнсбергскую долину, предлагая присоединиться къ несчастному Кон-

раду, если имъ помогутъ отнять Орингенъ. *) Такимъ образомъ страсти, раздраженный графомъ, бѣдствія и нужда, причиною которыхъ былъ тотъ же графъ, помогли усиліямъ Венделя, а его краснорѣчіе и дипломатическая ловкость дали ему возможность образовать партію, втянуть ее въ свои планы, вовлечь въ народное движеніе. Натягивая и въ тоже время скрывая нити заговора, входя въ сношенія съ современными революціонерами, съ недовольными всякаго рода, съ людьми преданными современнымъ идеямъ, а также съ людьми обиженными, притѣсненными и выведенными изъ терпѣнія графомъ, съ разорившимися трактирщиками, надеявшимися воспользоваться переворотомъ для поправленія своихъ обстоятельствъ, даже съ членами Башмака, онъ умѣлъ долго работать въ тайнѣ и, совершенно невидимый, плелъ свои тонкія сѣти.

Рядомъ съ Венделемъ Гиплеромъ появляется другой агентъ тайнаго союза и руководитель движенія, именно: погребщикъ Вейгандъ, изъ Мильтенберга въ Оденвальдѣ.

Вейгандъ по своему характеру совсѣмъ не былъ похожъ на заговорщика; онъ не употребляетъ происковъ и хитростей, не разжигаетъ страстей и неумѣетъ приводить въ движеніе таинственныя перья, подобно Венделю; онъ не болѣе, не меньше какъ мыслящій другъ народа, къ которому онъ принадлежалъ по происхожденію. Онъ былъ одушевленъ самыми благородными стремленіями и пламеннымъ желаніемъ поднять и возстановить народъ, потребности котораго онъ понималъ чрезвычайно вѣрно. Онъ также дѣйствуетъ тайно и невидимо, подобно Венделю; но онъ лично не входитъ въ сношенія съ простолюдинами, не выдвигается впередъ и не вступаетъ съ ними ни въ какія дѣла. Вейгандъ демагогъ, но демагогъ только по своему перу, суфлеръ, руководитель народа; онъ

*) Штутгартскій государственный архивъ,

только голосъ, который научаетъ, что народъ долженъ дѣлать, чего требовать. Онъ, то здѣсь, то тамъ, пускаетъ въ народъ летучіе листки, въ которыхъ предлагаетъ или какой либо проэктъ, или какое либо мнѣніе, но всегда безъ своей подписи; личность его, незнакомая народу, была извѣстна только посвященнымъ, тѣмъ, кому онъ самъ открывался. Такимъ образомъ, распространялъ онъ свои искусно составленные листки въ Роттенбургской области, въ Вюрцбургскихъ владѣніяхъ и Гейльброннѣ.

Въ Балленбергѣ, небольшомъ городкѣ, расположенномъ на возвышенности, въ двухъ часахъ разстоянія отъ Краутгейма, тамъ гдѣ Яста выступаетъ изъ графства Гогенлое въ бывшія куйрманцкія владѣнія, содержалъ гостиницу Георгъ Метцлеръ.

Враги Георга Метцлера рассказываютъ, будто онъ проводилъ всю свою жизнь въ пирахъ и бражничаньи; достоверно извѣстно, что въ Оденвальдѣ онъ имѣлъ огромныя знакомства и пользовался довѣріемъ жителей. Въ его трактирѣ происходили не одни только крестьянскія сѣансы; здѣсь также, по всей вѣроятности, имѣли свои совѣщанія Вендель Гиплеръ и другіе агенты тайнаго союза; здѣсь, быть можетъ, было то мѣсто, гдѣ, какъ выразился Вендель, онъ «обработалъ графа фонъ-Гогенлое для того дѣла, надъ которымъ имъ придется много потрудиться въ этомъ году».

Изъ Обершюпфа вышелъ Георгъ Метцлеръ съ трубой и башмакомъ, насаженнымъ на шестъ и къ нему со всѣхъ сторонъ стекались крестьяне «кучами, какъ пчелы.» Въ Тюпфергундѣ, одной изъ долинъ Оденвальда, было назначено остановиться лагеремъ. Здѣсь соединились съ первыми оденвальденцами, тѣ двѣ тысячи оренбахцевъ, принадлежавшихъ къ роттенбургскому ополченію, которые, выйдя изъ лагеря при Рейхардсродѣ, направились вдоль по теченію Таубера.

Черезъ густыя лѣсныя чащи спустились они въ долину Таубера и внезапно появились въ назначенномъ сборномъ пунктѣ, въ Свѣтлое Воскресенье, 26 марта.

Всѣ собравшіеся крестьяне выбрали Георга Метцлера главнымъ предводителемъ. Этотъ человѣкъ, приходился имъ по сердцу и ему они довѣрили свое дѣло.

Здѣсь, на прекрасныхъ лугахъ Шюфенгрунда, гдѣ соприкасались границы земель: Пфальцграфскихъ, Майнцкихъ, Вюрцбургскихъ, нѣмецкаго ордена и разныхъ другихъ мелкихъ владѣтелей — было самое удобное мѣсто для соединенія въ одно цѣлое различныхъ отрядовъ и ополченій и для устройства общаго лагеря. Здѣсь то и устроилось и организовалось войско; учреждены были военныя должности и составленъ опредѣленный планъ дѣйствій. Со всѣхъ сосѣднихъ областей стекались сюда подкрѣпленія отчасти добровольно, отчасти по принужденію; самый главный отрядъ принялъ названіе «Евангелическаго войска» и объявилъ своей цѣлью соблюденіе слова божія, сообразно ученію апостола Павла; они разумѣли подъ этимъ слѣдующее ученіе апостола: «Если можешь быть свободнымъ, то охотно тѣмъ воспользуйся.» Въ концѣ марта, евангелическое войско уже значительно увеличилось. Главный предводитель Георгъ Метцлеръ, вмѣстѣ съ другими начальниками, предписалъ общій сборъ на 4 апрѣля въ монастырѣ Шонталь, куда приглашались всѣ горожане и крестьяне, не успѣвшіе еще присоединиться къ союзу. Ихъ приглашали вступить въ войско «во имя братской любви» и для того чтобы «споспѣшествовать и поступать сообразно» съ словомъ божіимъ и ученіемъ апостола Павла, наказать зло и искоренить его изъ среды духовенства и свѣтскихъ людей, благородныхъ и неблагородныхъ.»

Прошло цѣлыхъ четыре дня, пока войско соединилось и укрѣпилось въ одномъ лагерѣ. Четвертаго апрѣля, Георгъ Метцлеръ снялъ лагерь и повелъ всѣ соединенные отряды къ Яхсту. Тамъ у берега рѣки, въ прекрасной зеленой лощинѣ, находился богатый старинный монастырь Шонталь. Метцлеръ занялъ его, было рѣшено устроить здѣсь на время главную квартиру и до поры не начинать ни какихъ военныхъ дѣйствій.

Это посѣщеніе дорого обошлось монастырю. Хотя аббату удалось укрыться во Франкфуртъ и увезти съ собой бумаги, письма и всю драгоценную утварь, какую только возможно было захватить, но все же въ монастырѣ осталось еще очень много цѣнныхъ вещей. Крестьяне раздѣлили между собою, доставшуюся имъ въ добычу, золотую и серебряную церковную утварь. Въ продолженіи своего короткаго пребыванія, они выпили, и частью продали, двадцать одинъ возъ вина, которое нашли въ монастырскихъ погребахъ. Варварство было слѣдствіемъ такого пьянства: даже алтари были нагло осквернены; съ необыкновеннымъ искусствомъ разрисованныя стекла въ церковныхъ окнахъ были разбиты въ дребезги, иконы въ алтарѣ и по стѣнамъ уничтожены. Прекрасныя, рѣзныя и живописныя украшенія были изуродованы, даже дивный органъ разобранъ по трубочкамъ, а трубочки раздѣлены между крестьянами. Наконецъ они зажгли село Фельтерсбергъ и село Оберкессахъ, за исключеніемъ двухъ или трехъ домовъ. Монастырскіе крестьяне съ особеннымъ тщаніемъ разыскивали оброчныя книги; однако они ихъ не нашли, потому что ихъ увезъ аббатъ вмѣстѣ съ другими документами во Франкфуртъ. Разсерженный и приведенный въ ярость неудачными поисками, народъ задумалъ пролить кровь монастырскихъ братій. Однако предводители не допустили крестьянъ исполнить это жестокое рѣшеніе и убѣдили ихъ ограничиться только изгнаніемъ монаховъ изъ монастыря. Одному только патеру дозволено было остаться въ монастырѣ и то, подъ условіемъ, прислуживать предводителямъ. Старый прелатъ, еще предъ тѣмъ, имѣлъ несчастье попасться въ плѣнъ крестьянамъ, направлявшимся къ сборному пункту; они отвели его въ Орингенъ и Краутгеймъ, гдѣ онъ находился въ заточеніи до тѣхъ поръ, пока не взнесъ за себя выкупъ; тогда только ему было дозволено вернуться домой въ Гейльбронъ.

Въ Шонталѣ поджидалъ Метцлеръ отрядовъ изъ долины Таубера, Гогенлоенскаго графства, владѣній нѣмецкаго ордена

и Виртембергской области;—съ предводителями этихъ отрядовъ, онъ находился въ соглашеніи и къ нимъ-онъ послалъ гонцовъ и письма изъ Шюпфергрунта *). Первые пришли въ Шонталь, въ безпорядкѣ и весьма неудовлетворительномъ состояніи, крестьяне изъ галльской области.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Начало движенія въ Лимбургской области, и Готвольтсгаузерская потѣха.

Давно уже населеніе имперскаго города Галля выказывало склонность къ возстанію и, когда въ другихъ мѣстахъ, крестьяне дѣйствительно возстали, тогда галльскіе крестьяне открыто говорили, что намѣрены ихъ поддержать изъ преданности евангелію. Въ самомъ Галлѣ уже нѣсколько лѣтъ проповѣдывалъ извѣстный реформаторъ Іоганнъ Бренцъ, въ духѣ евангельскаго ученія; въ началѣ марта, онъ началъ особенно много распространяться объ отношеніи подданныхъ къ своимъ властямъ»; богатые граждане города и дворяне слушали его весьма охотно. Бѣдные люди и крѣпостные крестьяне тоже имѣли своихъ проповѣдниковъ, которые говорили имъ то, что имъ больше всего приходилось по сердцу. Однимъ изъ такихъ проповѣдниковъ былъ Іоганнъ Мольцъ, молодой преподаватель въ монастырѣ босоногихъ; еще въ прошломъ году, онъ проповѣдывалъ крестьянамъ, за городомъ, во время храмовыхъ праздниковъ о христіанской свободѣ. Вмѣстѣ

*) Рукописныя свидѣтельства въ собраніи прелата фонъ-Шмида.

съ нимъ, обращалъ на себя вниманіе приходскій священникъ въ Орлахъ, съ особенною силою возстававшій въ своихъ проповѣдяхъ противъ малаго десятиннаго сбора. Впослѣдствіи, благодаря содѣйствію этихъ двухъ проповѣдниковъ, въ этомъ округѣ были распространены извѣстные двѣнадцать тезисовъ. Въ половинѣ марта нѣсколько крестьянъ явилось къ членамъ городского Совѣта и изъ которыхъ одинъ сказалъ крестьянамъ, что онъ охотно присталъ бы къ нимъ—ополчившимся за евангельское ученіе, если бы только на это была воля Совѣта и если бы это не было противно долгу. Но Совѣтъ не обратилъ на это вниманіе, какъ на бесполезную, вздорную и безразсудную рѣчь.» Вскорѣ послѣ того узнали, что крестьяне сходятся и соединяются въ Юнгольцгаузенѣ, Эльсгаузенѣ, въ Грюнбюлѣ, а въ особенности въ Браунсбахѣ. Совѣтъ отправилъ къ нимъ уполномоченныхъ для разслѣдованія дѣла; но крестьяне сумѣли дать такія ловкія объясненія и такъ ловко замаскировали свое дѣло, что Совѣтъ не вѣдилъ въ ихъ сходбищахъ ничего опаснаго. Они все свалили на Гогенлоэнскихъ крестьянъ. И Совѣтъ предостерегъ братьевъ Альбрехта и Іорха, графовъ фонъ-Гогенлое, но они были уже раньше извѣщены объ этомъ и объѣзжали свои владѣнія съ отрядомъ всадниковъ для того, чтобы воспрепятствовать крестьянамъ собираться толпами.

Между тѣмъ, совѣтъ въ Галлѣ обращался съ своими крестьянами такъ кротко, что они вели себя миролюбиво и были совершенно спокойны. Вездѣ по селамъ было объявлено, что желающіе сберечь въ сохранности свое имущество, должны скрыть его въ городѣ, что это дѣлается столько же во избѣжаніе опасностей, угрожающихъ со стороны крестьянства, сколько и со стороны союза, войска котораго также могутъ прійти и «требовать у нихъ варенаго мяса». Все что только пріобрѣтутъ и чего достигнутъ крестьяне, возставшіе въ другихъ государствахъ и даже болѣе того,—все это Совѣтъ соглашался имъ предоставить, если только они останутся спокойны и будутъ вести себя благоразумно, какъ прилично скромнымъ и

богобоязненнымъ людямъ. Уполномоченные Совѣта обнародовали эти предложенія во всѣхъ приходахъ. Хотя дѣйствительно многие крестьяне, какъ послѣ, такъ и до объявленія Совѣта, укрывались въ городѣ вмѣстѣ съ своимъ имуществомъ, однако объявленіе не вездѣ подѣйствовало. Въ Рейнсбергской волости два старыхъ крестьянина, въ присутствіи своего приходскаго священника, въ отвѣтъ на предложенія уполномоченныхъ Совѣта громко вскричали: «мы долго лежали подъ скамьей, нужно же намъ наконецъ полежать и на скамьѣ.» И скоро даже тѣ, которые спрятали свое имущество въ городѣ, не только взяли его обратно, но увели также своихъ дѣтей, служившихъ въ городѣ.

Главнымъ средоточіемъ движенія, среди сельскаго населенія этой мѣстности, былъ Гайльдорфъ, маленькая резиденція Лимпургскихъ шинкарей. Здѣсь порѣшили устроить крестьянскія сходки, сперва въ Гайльдорфѣ, потомъ въ Меклингенѣ, Шехингенѣ, Гогенштадтѣ и еще въ другихъ мѣстахъ. Способъ сношенія и сзыванія крестьянъ на сходки былъ, какъ и вездѣ, весьма простой и скорый. Предводители посылали гонцовъ и уполномоченныхъ въ ближайшія къ нимъ мѣстности, къ одному или другому соучастнику, а тотъ, въ свою очередь, приказывалъ своему сообщнику явиться на лугъ у Гогенштадта, на выгонъ въ Іекингѣ, или Гуда, гдѣ предводители назначили свои собранія. Иногда приглашаемы были всѣ крестьяне, иногда только два или три прихода *).

Изъ Лимпургскихъ земель они скоро распространили свой союзъ на многія другія сосѣднія владѣнія. Крестьянъ, не приставшихъ къ нимъ добровольно, они вынуждали къ тому угрозами и насиліемъ. То тамъ, то здѣсь предводители съ своими полчищами врывались въ какую нибудь деревню или село, чтобы «пріобщить» нерѣшительныхъ къ союзу. Къ галлійскимъ крестьянамъ въ Оттендорфѣ они писали слѣ-

*) Признаніе Михаила Руппа, названнаго Мультимхелемъ изъ Руппертсгофена, въ колекціи прелата фонъ-Шмида.

дующее: «предписываемъ вамъ евангельскую и братскую любовь и просимъ васъ, въ силу предписанія Петра Грюна, немедленно явиться къ намъ и вступить въ наши священные полчища, для завоеванія евангельской любви и братства. Если вы это сдѣлаете, то доставите намъ великую радость; если же нѣтъ, то вамъ придется тогда плохо. Потому предвараемъ васъ, чтобы вы пришли къ намъ въ среду утромъ. Петръ Грюнъ наставитъ васъ».

Оттендорфцы обратились въ Гальскому совѣту, съ вопросомъ — какъ имъ поступать въ настоящемъ случаѣ; онъ присовѣтовалъ имъ спрятать движимое ихъ имущество въ Вестгеймъ и общалъ имъ свою помощь. Но они почли за лучшее присоединиться къ Гайльдорфскимъ полчищамъ. Въ это время пришла вѣсть, что населеніе союзнаго имперскаго города Роттенбурга взбунтовалось. Гальскій Совѣтъ переспросилъ поголовно всѣхъ своихъ согражданъ, чего можетъ онъ ожидать отъ нихъ, и всѣ они отвѣтили, что останутся вѣрны своимъ обязанностямъ и до гроба не измѣнятъ своему начальству. Такимъ образомъ Совѣтъ могъ считать себя безопаснымъ внутри города *).

Это происходило 2-го апрѣля, въ воскресенье на пятой недѣли поста. Но въ ту же ночь возстали крестьяне гальскаго ландвера. Вечеромъ этого дня семь крестьянъ вышли изъ мельницы въ Браунсбахъ, послѣ дружеской попойки и пошли «защищать божіе правосудіе». Они обѣжали всю деревню, призывая крестьянъ къ оружію и въ ту же ночь отправились въ Орлахъ, оттуда въ Гасфельденъ. Въ 10 часовъ они, набравъ уже 200 человѣкъ, окружили Рейнсбергскій погостъ, и, впущенные приходскимъ священникомъ, Герольдомъ, заставили его угостить ихъ хлѣбомъ, виномъ и идти за ними; въ про-

*) Описаніе крестьянской войны въ окрестностяхъ Галя, современнаго городского писаря, Германа Гофмана; рукопись въ сборникѣ прелата фонъ-Шмита.

тивномъ случаѣ, говорили они, «все будетъ ограблено и перебито»! Около полуночи пришли они въ Альтенбергъ. Священникъ убѣждалъ въ одной рубашкѣ, а они принялись за «очищеніе ящиковъ». Вывели его трехъ лошадей, двухъ запрягли въ повозку, нагруженную хлѣбомъ и другими припасами, добытыми въ приходской церкви; а на третью сѣлъ Анспахскій Гафенъ-Стефанъ и весело поскакалъ впереди своей шайки, которая направилась въ Ильсгофенъ. Здѣсь взяли они въ плѣнъ приходскаго старосту, и онъ подобно Рейнсбергскому священнику, Гансу Герольду, долженъ былъ идти за ними въ качествѣ плѣнника. Чтобы онъ не убѣжалъ отъ нихъ, позади его шелъ крестьянинъ съ заряженнымъ ружьемъ. Энслингенскій же священникъ присоединился къ нимъ добровольно; «для меня это гораздо пріятнѣе», говорилъ онъ, «чѣмъ стоять у спокойнаго алтаря». Въ Гельбингенъ и Гагенбахъ множество крестьянъ охотно пристали къ нимъ. Вездѣ, гдѣ проходили, они опоражничали церковныя кружки и грабили жилища тѣхъ приходскихъ священниковъ, которые убѣгали отъ нихъ; въ деревенскихъ домахъ и башняхъ они забирали ружья, порохъ, свинецъ, камни и все, что попадалось имъ на глаза. На пути они захватили съ собою и гальскихъ гражданъ, шедшихъ изъ Нюрнберга и гальскихъ мясниковъ, путешествовавшихъ по своимъ дѣламъ. Въ понедѣльникъ утромъ шайка возрасла уже до 400 человѣкъ, а вечеромъ отъ 2-хъ до 3000. Узнавши въ Галлѣ, что крестьяне направили свой путь въ Эльтерсгофенъ, Рудольфъ фонъ-Эльтерсгофенъ младшій поспѣшилъ въ свой замокъ. Эльтерсгофены извѣстны были своей дворянской спѣсью и ихъ никто не любилъ. Прежде однако чѣмъ онъ успѣлъ прибыть въ свой домъ, крестьяне уже были тамъ и, когда онъ явился, заставили его пристать къ ихъ скопищу. Ночью они пришли въ Гайкенкирхенъ, опорожнили церковную кружку и ограбили до тла приходскаго священника, котораго не было дома; вообще они, съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ, опустошали церковныя дома.

Это гальское скопище имѣло весьма потѣшный видъ. Кро-

мѣ Гафенъ-Стефана избраны были еще два предводителя, вьзальщикъ сѣтей, Гедле изъ Энслингена и Леонгардъ Зейцингеръ изъ Гейслингена. Свои военныя познанія они доказали тѣмъ, что мушкеты и прочее оружіе тащили за собою на возахъ, какъ полѣна дровъ; о томъ, чтобы отыскивать людей, которые могли бы быть дѣйствительно имъ полезны, никто и не подумалъ; никто также не думалъ и о возможности нападенія со стороны жителей Галля. Они смотрѣли на свой походъ, какъ на прогулку съ одного мѣста на другое, до Галля; они не прочь были забирать по пути все, что попадалось подъ руки, не прочь были взять и самый даже городъ. Въ понедѣльникъ ночью они достигли города. Отправивъ распорядителей добычи, «очистителей ящиковъ и мѣшковъ» въ Веркерсгофенъ, военное скопище расположилось по ту сторону рѣки Клинге, на всемъ пространствѣ около приходской башни, Гайленкирхена, Готвольтсгаузена—и проспала ночь съ 3-го на 4-ое апрѣля въ пріятныхъ грезахъ о богатой добычѣ въ Розовомъ саду.

Изъ города ударилъ утренній благовѣстъ «Ave Maria». Вдругъ надъ спящими раздался выстрѣлъ, за нимъ другой, третій, четвертый, пятый. Уже отъ перваго выстрѣла между крестьянами «поднялась суматоха, какъ въ муравьиномъ гнѣздѣ; крикъ и гоготанье, какъ въ гусиномъ стадѣ» *); одинъ кричитъ: бѣги, бѣги! другой — оставайся, стройся! И при каждомъ новомъ выстрѣлѣ, между крестьянами поднимается настоящій Садомъ; всѣ падали на землю. «Здѣсь шестеро упало, тутъ десять, тамъ еще больше, какъ будто всѣ убиты». Одни прятались въ кусты и лощины, другіе убѣгали, что было мочи, и только когда уже не видно было огня и не слышно выстрѣловъ, павшіе поднимались, «какъ евреи у горы Элеонской». — Въ продолженіе не многихъ минутъ, все обратилось въ бѣгство, вся

воинственная армія разсѣялась — предъ горстью гальской пѣхоты, нѣсколькими лошадьми и пятью выстрѣлами изъ фалконетъ.

Узнавши о походѣ крестьянъ, внутренній и внѣшній Совѣты города Галля собрались еще въ ночь съ понедѣльника на вторникъ и рѣшили послать имъ на встрѣчу нѣсколько пикетовъ, чтобы загородить имъ путь въ деревню Готвольтсгаузенъ. Набрано было 4—500 человѣкъ пѣхоты и 40 всадниковъ, все изъ гражданъ и мастеровыхъ. За два часа до разсвѣта ихъ выслали за ворота съ пятью шлангами. Со страхомъ и трепетомъ, отправились эти 500 человѣкъ: по носившимся слухамъ, число крестьянъ было гораздо больше, чѣмъ по донесеніямъ лазутчиковъ. Чтобы хоть сколько нибудь оріентироваться въ царившей темнотѣ—неизвѣстно было даже, гдѣ и какъ крестьяне расположились — штадтмейстеръ, Михайль Шлецъ, приказалъ одному шлангу выстрѣлить и не мало былъ изумленъ послѣдовавшимъ за тѣмъ результатомъ. «Гафенъ-Стефанъ, рассказываетъ очевидецъ Гансъ Герольдъ, который за минуту передъ тѣмъ находился въ такомъ веселомъ расположеніи духа, первый обратился въ бѣгство, за нимъ послѣдовали и прочіе вожди. Не было убито ни одного крестьянина, ибо выстрѣлы направлены были слишкомъ высоко. Только нѣкоторые старые крестьяне, не успѣвавшіе угнаться за остальными, захвачены были въ плѣнъ. Такого чуда и такого бѣгства я въ жизнь свою не видывалъ: ни кого не убили, а у хромыхъ нашлись ноги, старики помолодѣли, всѣ бѣжали что есть мочи. Священниковъ они построили въ шеренгу и поставили ихъ позади себя: въ этомъ числѣ находился и я, въ качествѣ плѣнника».

Гальцы захватили 6 повозокъ съ провіантомъ и амуницией. Тутъ были и плоды, и мука, и вино, хлѣбъ и куры, и говядина, и оружіе, и порохъ и все это было смѣшано вмѣстѣ. Добычу Совѣтъ раздѣлилъ между участниками похода, кромѣ того каждому гражданину выдано было по три, а каждому инопородному мастеровому по четыре шеллинга. На другой день, Совѣтъ отпустилъ старыхъ крестьянъ, взя-

*) Гальская хроника Герольда, рукопись Штутгарской публ. библиотеки, hist fol. 110 и 569.

тыхъ въ плѣнѣ. Въ два послѣдующихъ дня, въ Галль приходило множество крестьянъ просить прощенія, объявляя, что они, противъ воли, были вовлечены въ возстаніе и даже не знали, съ какою цѣлью оно затѣвалось. Ихъ отпустили съ строгимъ выговоромъ, но безъ всякаго другого наказанія, однако они должны были уплатить всѣ причиненные ими убытки. Гальскій Ландверъ былъ совсѣмъ не то, что Роттенбургскій. Галль, съ незапамятныхъ временъ, не принималъ участія ни въ какихъ, сколько нибудь замѣчательныхъ битвахъ, потому его крестьяне были очень не искусны въ военномъ дѣлѣ и такими остались навсегда. Главные виновники движенія бѣжали въ Гогенлое, гдѣ въ это время возстали эрингскіе крестьяне, чтобы вмѣстѣ съ ними присоединиться къ евангельскому войску въ Шонталѣ. *)

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Гогенлоенское возстаніе.

И во владѣніяхъ гогенлоенскихъ графовъ, гдѣ давно уже тайно работалъ Вендель Гиплеръ, возстаніе вспыхнуло какъ и въ другихъ мѣстахъ, 2 Апрѣля, на пятой недѣлѣ поста, въ воскресенье вечеромъ.

Вендель основалъ въ Эрингенѣ клубъ, въ которомъ участвовали многіе изъ его прежнихъ знакомыхъ. Собранія происходили въ городѣ, въ домѣ мясника, Клавса Сальва. Сальвъ, раззорившійся богачъ, человѣкъ въ высшей степени честолюбивый, съ удовольствіемъ принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ, на-

дѣясь, въ случаѣ переворота выдвинуться впередъ и поправить свои обстоятельства. Въ его домѣ собирались и посвящались въ кровавые замыслы люди, принявшіе участіе въ заговорѣ, по самымъ разнообразнымъ побужденіямъ; многіе принадлежали къ весьма знатнымъ фамиліямъ и ужь никоимъ образомъ не походили на пролетаріевъ. Были здѣсь и раззорившіеся богачи и люди достаточные, но честолюбивые и недобившіеся при старомъ порядкѣ тѣхъ почетныхъ должностей, какихъ они домогались и быть можетъ даже заслуживали; или пострадавшіе отъ притѣсненій и обидъ со стороны графовъ и городского духовенства. Молодые графы Альбрехтъ и Георгъ отличались самодурствомъ и презирали народъ, а канонники позволяли себѣ такія вещи, которыя не могли не возмущать благороднаго человѣка. Напрасно обиженные искали правосудія у епископскаго престола въ Бюрцбургѣ; имъ никогда не удавалось добиться наказанія виновныхъ. Не находя нигдѣ ни правосудія, ни помощи, они съ радостью приняли участіе въ дѣлѣ, которое давало имъ возможность самимъ защитить себя. И эту возможность Вендель Гиплеръ представлялъ не въ туманномъ будущемъ, а въ близкомъ настоящемъ, какъ нѣчто весьма вѣроятное, легко осуществимое. Онъ раскрывалъ предъ ними всѣ нити тайнаго заговора, рассказывалъ, какъ онъ условился съ Оденвальдскими и Некарскими вождями соединиться съ ними въ Гагенлоенѣ и тамъ содѣйствовать перевороту и дѣлу свободы.

Они получили извѣстіе о соединеніи Оденвальдскаго скопища съ Роттенбургскимъ, о возстаніяхъ въ другихъ мѣстахъ и наконецъ о скоромъ приближеніи Оденвальдерцевъ. Это извѣстіе было отпраздновано пиромъ въ домѣ Леонарда, на пятой недѣлѣ, въ воскресенье вечеромъ. Они поступили вполнѣ по евангелію: о постѣ не было и помину; былъ даже съѣденъ цѣлый теленокъ. Объ этомъ еретическомъ поступкѣ и о произносимыхъ ими непристойныхъ рѣчахъ, сообщено было, гогенлоенскому ключарю, Гансу Зигингеру и приходскому ста-

*) Рукописи очевидцевъ Гофмана и Герольда.

ростѣ Венделю Гогенбуху; между прочимъ они говорили, что задавятъ погребщика въ постели. На другой день, они забрали господскую муку и испекли себѣ хлѣбъ. Ключарь и приходской староста донесли объ всемъ графамъ, находившимся въ то время въ замкѣ Неуенштейнѣ. Съ наступленіемъ ночи, хотѣли отправить посла; самъ Зигингеръ отворялъ ему ворота; но бунтовщики схватили его, отобрали у него ключъ и, жестоко избивъ, хотѣли лишить его жизни. «Милые граждане», кричала прибѣжавшая его жена, «освободите моего мужа! не шумите такъ! я отдамъ вамъ ключъ и отъ другихъ воротъ.»

Такимъ образомъ, бунтовщики овладѣли воротами. Заперевъ ключара и старосту въ свиномъ хлѣвѣ, они приказали сторожу трубить тревогу, сами ударили въ набатъ и разослали, во всѣ окрестныя мѣста, пословъ съ факелами, призывать крестьянъ къ возстанію, грозя въ противномъ случаѣ сжечь и ограбить ихъ имущество. Послѣ полуночи, они выпустили обоихъ господъ изъ хлѣва, заставивъ ихъ присягнуть, что они останутся плѣнными въ Эрингенѣ. Уже съ разсвѣтомъ, крестьяне толпами валили изъ окрестныхъ деревень въ городъ; многіе давно уже были подготовлены къ возстанію на собраніяхъ въ Грюнбилѣ и другихъ мѣстахъ. Они отобрали у канониковъ Эрингенскаго монастыря ключи отъ ихъ сундуковъ и кладовыхъ и щедро угостили крестьянъ свѣжимъ хлѣбомъ, виномъ и пр.

Горожане немедленно приступили къ разсмотрѣнію и устраненію недостатковъ и злоупотребленій городского управленія. Дѣло это поручено было комитету изъ 24 выборныхъ. Умѣренность требованій горожанъ и ихъ выборныхъ ясно доказывали всю запутанность ихъ городского хозяйства; такъ напр. они требовали, чтобы подати, которыя они всегда готовы платить, употреблялись только на то, на что онѣ назначались: на устройство дорогъ и мостовъ, и чтобы контроль надъ этимъ принадлежалъ выборнымъ отъ гражданъ, которые

должны засѣдать въ Совѣтѣ и имѣть право голоса во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ, въ особенности въ вопросахъ, относящихся до городскихъ финансовъ. Вмѣстѣ съ этимъ требовали они уничтоженія соляной монополіи, уравниеніе духовныхъ, съ прочими гражданами относительно повинностей и впредь, до будущаго преобразованія, пониженіе пошлинъ на жизненные припасы, вѣсовой пошлины, добавочныхъ сборовъ и другихъ налоговъ. Наконецъ, если въ государствѣ сдѣлано будетъ какое либо преобразование, согласно съ предписаніями евангелія, то это преобразование должно быть введено и у нихъ. Таковы были требованія горожанъ. Требованія Эрингенскихъ крестьянъ были радикальнѣе; они требовали свободнаго пользованія лѣсомъ и виноградниками, уничтоженіе десятины съ вина и всѣхъ пошлинъ, за исключеніемъ пошлины съ дорогъ; они уже ссылались на «двѣнадцать тезисовъ» которые раньше еще были обнародованы Георгомъ Мецлеромъ Шюпферgrundомъ.

Свои жалобы и требованія, изложенныя письменно и въ самомъ умѣренномъ тонѣ, Эрингенскіе граждане и крестьянство отослали къ графамъ въ Нейенштейнъ. Тѣ прислали своимъ подданнымъ чрезъ своего оберфогта, Каспаря Шенка, изъ Винтерштейна, строгій выговоръ за ихъ возмущеніе. Граждане отвѣтили, что они готовы признавать графовъ своими наследственными и законными владѣтелями, лишь бы тѣ удовлетворили ихъ жалобамъ, они просятъ, чтобы ихъ «милости» обратили свое милостивое вниманіе и обсудили ихъ требованія, дабы они, бѣдные люди, могли всегда при нихъ оставаться.»

Молодые графы, надменно и заносчиво относясь къ народу, считали возстаніе какъ бы уже оконченнымъ; низкій народъ, думали они, забылся на минуту, и теперь снова возвращается къ своимъ вѣрноподданническимъ обязанностямъ. Стоитъ только показать нѣкоторую строгость, сдѣлать кой-какія обѣ-

щанія—и все снова придетъ въ обычный порядокъ. Умѣренный тонъ втораго посланія, въ которомъ Эрингенскіе граждане и крестьянство упрашивали своихъ милостивыхъ господъ немедленно согласиться на ихъ просьбы, потому что въ противномъ случаѣ они будутъ не въ силахъ противостоять возставшимъ крестьянамъ другихъ господъ, еще болѣе утвердилъ графовъ въ ихъ предположеніи. Они вовсе не подозрѣвали, что здѣсь тайно дѣйствуетъ Вендель Гиплеръ, такъ тяжело ими обиженный; они видѣли только обычную робость своихъ бѣдныхъ подданныхъ, привыкшихъ раболѣпствовать передъ своими милостивыми господами. Поэтому они ограничились тѣмъ, что послали къ нимъ своего оберфогта, Каспера Шенка, съ приказаніемъ возвратитъ ему ключи отъ воротъ и, какъ подобаетъ послушнымъ подданнымъ, разойтись по домамъ, не нарушая данной присяги; фогтъ присовокупилъ, что онъ испросилъ у своихъ милостивыхъ господъ обѣщаніе доставить имъ тѣже права, которые будутъ признаны за гражданами и крестьянами сосѣднихъ мѣстностей.

Тогда-то эти вѣрноподданные, тайно подстрекаемые Венделемъ Гиплеромъ, заговорили болѣе смѣлымъ тономъ. Они рѣшили крѣпко держаться того, что будетъ признано всѣмъ братствомъ и потребовали отъ графовъ письменнаго и скрѣпленнаго графскою печатью документа въ обезпеченіе удовлетворенія ихъ требованій: облегченія чрезвычайныхъ налоговъ, права на своихъ поляхъ стрѣлять дичь, съ обязательствомъ передавать ее чиновникамъ, третейскаго суда для разбора графскихъ требованій, въ которомъ каждая сторона будетъ имѣть по 12 человѣкъ выборныхъ представителей; наконецъ общую, безусловную амнистію: тогда они согласятся возвратитъ ключи отъ воротъ. Съ этими рѣшеніями фогтъ возвратился въ Нейенштейнъ.

Движеніе это должно было принять рѣшительный характеръ, съ прибытіемъ союзниковъ съ Некера, которыхъ друзья Венделя и онъ самъ, находившійся все время въ Эрингенѣ,

ждали съ часу на часъ. Союзники прибыли въ то самое время, когда шли переговоры съ фогтомъ. *)

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Кеклейнъ Рорбахъ и возстаніе въ Гейльбронской Неярской долины.

Нижняя долина Некера, въ особенности окрестности Гейльбронна принадлежатъ къ самымъ красивымъ, къ самымъ пріятнымъ и плодоноснымъ мѣстностямъ нынѣшняго Виртембергскаго королевства. Здѣсь среди холмовъ, покрытыхъ виноградниками, среди широко-раскинувшейся долины, изобилующей хлѣбомъ и плодами, весело расположился городъ, носившій когда-то, въ времена священной Римской Имперіи, славное названіе свободного имперскаго города Гейльбронна. Вокругъ раскинулось множество большихъ и малыхъ деревень. Господамъ въ городѣ было хорошо и привольно; но зато положеніе сельскихъ жителей, или даже бѣднаго горожанина, находилось въ рѣзкомъ контрастѣ съ великолѣпіемъ горъ и полей. Кромѣ имперскихъ владѣній, здѣсь находились и духовныя. Въ особенности, нѣмецкій орденъ имѣлъ здѣсь богатые имѣнія. Эти полупопы, полурыцари, выродившіеся потомки

*) Вибель, исторія реформации въ Гогенлоэ. Въ особенности для Гогенлоэ сравн. Эхсле, исторію крестьянской войны въ Швабо-Франскихъ пограничныхъ владѣніяхъ, составленная по актамъ Эрингенскаго архива.

храбрыхъ предковъ, жили только для того, чтобы благоденствовать на счетъ сельскаго населенія и, давно уже забывъ время войнъ за вѣру и честь, они въ послѣднее столѣтіе такъ весело пировали и хозяйничали, что превратили своихъ подданныхъ въ самыхъ бѣдныхъ, самыхъ недовольныхъ и злополучныхъ людей.

На полчаса ѣзды отъ Гейльбронна лежитъ прекрасная деревня Беккингенъ. Здѣсь жилъ на своей виноградной плантаціи Яковъ Рорбахъ, молодой человѣкъ, происходившій отъ древняго имперскаго рода. Яковъ, или какъ товарищи называли его на своемъ Нижнешвабскомъ нарѣчіи, Яклеинъ, пользовался въ своемъ околодѣ нѣкоторою извѣстностью. Съ самой ранней молодости онъ слылъ за умную голову, неподатливаго, отчаянно-смѣлаго парня. За стаканомъ вина и въ собраніяхъ никто такъ не умѣлъ говорить, какъ онъ; выкинетъ ли онъ какую нибудь, закономъ запрещенную штуку, онъ всегда съумѣетъ оправдать себя и уже никогда не позволитъ играть собою ни начальству, ни судьямъ. Страстный, пылкій, необузданный, дикой, онъ признавалъ только право самоуправства, и право кулачное. Въ 1519 г. онъ отправилъ къ старостѣ и приходу Дюренциммерна собственноручный вызовъ на поединокъ и уже много разъ находился подъ судомъ за свои насилія. Въ 1524 году онъ преданъ былъ суду, по подозрѣнію въ убійствѣ приходскаго старосты, дворянина Якова Олыгаузена. Однако, это обстоятельство только усилило довѣріе крестьянъ къ нему: вѣдь кровь, которою были обогрены его руки—была кровь аристократа, врага народа.

Своею буйною жизнью Яклеинъ разстроилъ свое состояніе; и надѣлалъ множество долговъ.

Между прочимъ, онъ долженъ былъ, за нѣсколько лѣтъ, оброкъ съ одного двора монастырскому викарію въ близъ лежащемъ Вимпфенѣ. Яклеинъ сталъ доказывать, что викарій требуетъ съ него слишкомъ много; монастырскій викарій подалъ на него жалобу и Беккингенскій приходской староста назначилъ Яклеину день суда въ понедѣльникъ 27 марта.

Въ это время жилъ еще отецъ Яклейна, весьма почтенный человѣкъ. Викарій отправился къ нему въ Беккингенъ и просилъ его посредничества. Старикъ Рорбахъ отвѣтилъ, что сынъ его худой человѣкъ и отклонилъ отъ себя его просьбу. Когда викарій возвращался изъ Беккингена домой, за нимъ гнался по улицѣ Яклеинъ, съ тремя товарищами, и громко кричалъ ему въ слѣдъ: попъ, попъ, не лѣнись, я тоже не лѣнюсь, собери всѣхъ своихъ друзей и близкихъ, я медлить не буду. Испуганный викарій обернулся и спросилъ его, что онъ хочетъ этимъ сказать. Яклеинъ смѣясь отвѣчалъ, что все должно быть отложено до дня суда.

Наступилъ понедѣльникъ средокрестной недѣли. Монастырскій викарій отправился съ своимъ адвокатомъ въ Беккингенъ. Остановившись въ Гейльброннѣ на постояломъ дворѣ, онъ замѣтилъ, что на улицѣ происходитъ какое-то странное движеніе. Эта бѣготня и шумъ показались ему подозрительными. Куда ты идешь? спрашивалъ одинъ другого; не въ Беккингенъ-ли? Онъ спросилъ хозяина, что все это значитъ и зачѣмъ народъ такъ спѣшитъ въ Беккингенъ? Хозяинъ, который не зналъ викарія, отвѣтилъ:» Господинъ Яклеинъ Рорбахъ долженъ сегодня судиться съ какимъ-то попомъ, но дѣло въ томъ, что попъ несправедливо требуетъ отъ Яклейна больше чѣмъ господинъ Рорбахъ ему долженъ и, какъ видите, попу не сдобровать.»

Все, это предвѣщало грозную бурю. Онъ обратился за совѣтомъ къ друзьямъ, — тѣ совѣтывали ему не ѣздить въ Беккингенъ: было ясно, что Яклеинъ не лѣнился; онъ созвалъ всѣхъ, которые были съ нимъ въ дружбѣ и могли ему помочь; народъ и въ городѣ и за городомъ возсталъ и держитъ его сторону. Викарій извѣстилъ о грозившей ему опасности Гейльбронскій городской совѣтъ; совѣтъ рѣшилъ отправить одного своего члена, Каспара Берлина, въ помощь Беккингенскому фогту.

Яклейна не было въ Беккингенѣ; онъ ушелъ въ Левенштейнъ; но они застали тамъ множество вооруженныхъ крестъ-

янь и другихъ лицъ, готовыхъ защитить его противъ несправедливости, причиненной ему попомъ. Начальство не рѣшилось ни на какія мѣры. Совѣтникъ приказалъ только приходскому старостѣ быть на сторожѣ и перваго, кто вздумаетъ буянить, связать и отправить въ городъ. За тѣмъ онъ отправился назадъ, чтобы доложить о случившемся совѣту. Совѣтъ увѣщевалъ викарія отложить на время его тяжбу при настоящихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ.

Викарій обратился съ жалобою на Яклеина къ декану своего монастыря, Гансу Гейльману. Деканъ написалъ послѣднему вѣжливое письмо, совѣтуя ему миролюбиво покончить дѣло о его долгѣ. «Пусть Деканъ со всѣми канониками цѣлуетъ его въ задницу, отвѣчалъ Яклеинъ Рорбахъ, и пусть терпѣливо подождутъ; онъ скоро намѣренъ явиться къ нимъ. Самъ Яклеинъ давно уже держалъ въ рукахъ всѣ нити возстанія; онъ былъ одинъ изъ посвященныхъ. Домъ его въ Бёкингенѣ, былъ тѣмъ же, чѣмъ домъ Метцлера въ Балленбергѣ,—средоточіемъ всѣхъ недовольныхъ, станціею для тайныхъ пословъ посвященныхъ».

По всей вѣроятности, Яклеинъ былъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Вендель Гиплеръ «обдѣлывалъ» князя Гогенлоэ. Одинъ изъ современниковъ, принимавшій участіе во всѣхъ этихъ событіяхъ, говорилъ послѣ, что «гейльбронцы притянули къ себѣ за волосы Яклеина Рорбаха».

И дѣйствительно, кажется это такъ и было. Поведеніе Гейльбронскаго совѣта навлекло впослѣдствіи на городъ много жалобъ и обвиненій, и Гейльброннъ—этотъ старый, свободный имперскій городъ—имѣлъ въ себѣ очень много такого, что, повидимому, сильно подтверждало подозрѣніе духовныхъ и свѣтскихъ князей; а они подозрѣвали, будто онъ, до нѣкоторой степени, способствовалъ баварскому движенію, будто свободные города тайно согласились между собою низвергнуть всѣхъ князей въ нѣмецкой имперіи, установить въ имперіи демократическое или аристокритическое правленіе и составить республиканскую конституцію, по образцу Венеціи и Швей-

царіи, и будто они съ этою цѣлью возмущаютъ простой народъ черезъ посредство своихъ купцовъ и по преимуществу купцовъ изъ евреевъ, имѣвшихъ большое вліяніе на простолюдиновъ.

Дѣйствительно, въ Гейльброннѣ были революціонеры, революціонеры, мечтавшіе уже полвѣка о единой Германіи и стремившіеся къ перевороту, одни изъ принципа, другіе изъ отчаянія. Но для того, чтобы видѣть, какой сильный отголосокъ встрѣтило въ городѣ народное движеніе, необходимо ближе разсмотрѣть внутреннюю народную жизнь въ Гейльброннѣ и прослѣдить, на частныхъ примѣрахъ, общій ходъ событій.

Вендель Гиплеръ поселился съ 1524 г. въ окрестностяхъ Гейльброна, въ Вимпфенѣ; какъ адвокатъ онъ пользовался большою популярностью среди горожанъ и крестьянъ города и его округа. Среди своихъ многочисленныхъ посѣтителей онъ встрѣтилъ не мало единомышленниковъ, черезъ которыхъ и сошелся съ Яклеиномъ.

Въ домѣ булочника Вольфа Лейнгейма—имѣвшаго въ городѣ и кабакъ,—гейльбронскіе заговорщики держали свои собранія. Собранія начались вмѣстѣ съ возстаніемъ въ верхней Швабіи. Изъ этого-то клуба нити заговора распространились и по сосѣднимъ деревнямъ именно Флейну и Бёкингену, черезъ него-то попали и знаменитые 12 тезисовъ въ руки Некерскихъ крестьянъ. Яклеинъ носилъ ихъ у себя на груди; слухъ объ этомъ быстро распространился среди горожанъ; одинъ изъ нихъ, Христіанъ Ширеръ, закричалъ ему на улицѣ: Яклеинъ, у тебя есть крестьянскіе тезисы?—Да, они у меня на груди, отвѣчалъ Яклеинъ, я тебѣ дамъ ихъ прочесть.—Я не умѣю читать, отвѣчалъ Христіанъ Ширеръ.—Не хочешь-ли ты идти со мною, спросилъ его Яклеинъ!—Если хотя кто нибудь пойдетъ, я тоже пойду отвѣтилъ Христіанъ Ширеръ.—Такъ приходи въ домъ булочника Вольфа, сказалъ Яклеинъ *).

*) Акты швабск. союза № 53.

Въ домѣ Вольфа собралось между тѣмъ большое общество, здѣсь были и женщины, въ томъ числѣ жена Яклеина. Всѣ сидѣли за блюдомъ рыбы и бутылкою вина. «Братья, сказалъ Яклеинъ, устроившій въ окрестностяхъ уже нѣсколько тайныхъ обществъ, «братья, теперь начнемъ мы жить по христіански; мы соберемъ скопище крестьянъ, и затѣмъ такую игру, что о ней всѣ запоютъ и заговорятъ.» Горе ребенку въ утробѣ матери! сказалъ Йоркъ Мартинъ. Горе ребенку въ утробѣ матери—повторили всѣ хоромъ. Мы накажемъ духовенство, ска- залъ другой, мы казнимъ господъ; да стыдятся они креста Господня; ихъ дома — намъ должны принадлежать! «Избави Боже,—смѣясь сказалъ хозяинъ Вольфъ, такъ пожалуй вы и мой возьмете.»—Нѣтъ, вскричалъ онъ ему въ отвѣтъ, ты слав- ный товарищъ, ты будешь на нашей сторонѣ. Мы потѣшимся въ виноградникахъ, которые будутъ наши, какъ только мы соединимся вмѣстѣ. Приходи завтра къ намъ въ Флейнъ, тамъ соберется много нашихъ. Всѣ крестьяне изъ округа будутъ тамъ, кто не придетъ у того черезъ часъ же мы подожгемъ домъ, такъ мы ихъ всѣхъ согонимъ *). Это происходило въ субботу передъ пятой недѣлей поста; Яклеинъ прибылъ сюда изъ Ловештейна. Въ этотъ день Вольфъ Лейнгеймъ сдѣланъ былъ ихъ секретаремъ.—Ну, Христіанъ, сказалъ Яклеинъ, хо- чешь-ли ты намъ помогать?—Я буду вамъ помогать, отвѣ- чалъ Христіанъ Ширеръ.—Ну, такъ до свиданія, въ Флейнъ,— попрощался Яклеинъ.

Въ ту же ночь, перваго апрѣля, отправился Яклеинъ въ Флейнъ; 2-го же числа, развязались нити заговора. Онъ со- бралъ вооруженную толпу народа.

Въ Флейнъ; пришло 800 крестьянъ и всѣ гейльбронскіе за- говорщики; барабаннымъ боемъ и свистками открылось собра- ніе. Ораторами были Яклеинъ, Йоркгансенъ и Реми; содержа- ніе всѣхъ рѣчей состояло въ томъ, что слѣдуетъ всѣмъ соеди- ниться въ одно скопище и что всѣ крестьяне должны другъ другу

*) Акт. шваб. союза № 53, 13, 14, 17.

помогать. Йоркъ Мартинъ вдался и въ частности. «Развѣ, это не обидно, говорилъ онъ, что нашихъ куръ и гусей обложили на- логомъ. Малаа десятина должна быть уничтожена. Въ этомъ намъ поможетъ Богъ». «Нужно выбросить вонъ и совѣтниковъ» —такъ далеко зашли требованія нѣкоторыхъ. Яклеинъ, тоже, предлагалъ уничтожить томоженные сборы и налоги. Братская преданность должна всѣхъ соединить вмѣстѣ; кто имѣетъ много, тотъ неимущему долженъ пособлять и совѣтовать. Нѣмецкій Домъ они возмуть и раздѣлятъ вмѣстѣ съ горожанами; го- родъ разъ навсегда установитъ пошлины и подати,—и этимъ уничтожить всѣ теперь существующіе поборы. Нѣмецкіе го- спода, безбожные люди,—они ничего тогда не будутъ имѣть; ихъ дома—дома разврата; ихъ луга отнимутся отъ нихъ и отдадутся бѣднымъ. Не будетъ и монастырей; монаховъ и монахинъ прогонять; имъ назначутъ ежегодную порцію.

Поджигая и возбуждая такимъ образомъ крестьянъ извнѣ, гейльбронскіе заговорщики, дѣятельно агитировали и въ са- момъ городѣ, преимущественно, среди густаго населенія «Ви- ноградныхъ садовъ»; отъ него, кромѣ Глезера, первоначально никто не принималъ участія въ заговорѣ. Первый, привлечен- ный Яклеиномъ къ заговору былъ Гансъ Биссингеръ.

Въ тотъ же день Яклеинъ, какъ «предводитель крестьянъ Некерской долины», привелъ 300 ч. крестьянъ къ своимъ то- варищамъ въ Бёкингенъ. Старшина хотѣлъ было восстано- вить противъ него общину, но Яклеинъ арестовалъ его и за- садилъ въ тюрьму.

Вечеромъ, онъ послалъ гонца въ сосѣднюю деревню Соизгеймъ и угрожалъ ей смертью и огнемъ, если она не пришлетъ ему подкрѣпленія. Соизгеймскій старшина, при свѣтѣ факеловъ, собралъ общину и увѣщевалъ ее сохранять вѣрность ихъ го- сподину. Рѣшено было, какъ можно скорѣе, послать гон- цовъ къ господину командиру въ Гейльбронъ,—за совѣтомъ и помощью.

Въ полночь гонцы уже стучались въ ворота Гейльброна. «Дѣло идетъ о жизни и имуществѣ,—кричали они городской

стражѣ,—ихъ слѣдуетъ, впустить тотчасъ же.» Но, ихъ однако, тотчасъ же не впустили. Обѣ нихъ сперва доложили бургомистру и коментуру. Оба сошлись у городской стѣны. Извѣстіе, принесенное ими, страшно перепугало коментура, такъ, что онъ могъ только сказать имъ дрожащимъ голосомъ: «вы должны вести себя, какъ подобаетъ благочестивымъ людямъ; если вы будете не въ состояніи противиться—поступайте, какъ другіе; онъ васъ не погубитъ». До разсвѣта Соизгеймцы ждали помощи изъ Гейльброна, но изъ Гейльброна помощи не являлось, а отъ Яклеина приходили между тѣмъ все болѣе и болѣе страшныя угрозы. Наконецъ они рѣшили прислать требуемое подкрѣпленіе, и присоединились такимъ образомъ къ начинавшемуся возстанію.

Возстаніе же быстро распространялось по нѣкоторой доли нѣ и въ окрестностяхъ, частью само собою, частью путемъ насилія; Яклеинъ принуждалъ всѣ окрестныя мѣстечки высылать ему извѣстное число людей. Какъ какой нибудь фельдмаршалъ, предписывалъ онъ имъ—немедленно присоединиться къ его отряду, грозя за медленность и непослушаніе отобрать у нихъ все имущество и сжечь его.

«Такимъ образомъ, вовлечено было въ возстаніе—говоритъ одинъ современникъ *) очень много честныхъ и благородныхъ людей».

Главная квартира Яклеина находилась въ Флейнѣ. Здѣсь-то собиралъ онъ своихъ приверженцевъ и заставлялъ ихъ клясться, что они изгонятъ поповъ и монаховъ, не будутъ отбывать барщины и платить большихъ налоговъ богачамъ, что они ограничатъ умѣреннымъ доходомъ дворянъ и господъ, и подѣлятъ между собою имущество монаховъ и церквей.

Затѣмъ, чтобы начать дѣло широмъ, онъ дозволилъ крестьянамъ удить рыбу въ озерѣ Гейльбронскаго коментура,—что имъ очень понравилось—и предпринялъ объѣхать окрестности,

*) Себастьянъ Франкъ.

чтобы увеличить свои средства. Большими деньгами откупились отъ его посѣщеній жители Вимпфена, которыхъ онъ не забылъ, какъ не забылъ ни тамошняго викарія, ни декана.

Вернувшись съ отъѣзда съ новымъ запасомъ силъ, онъ созвалъ собраніе на большомъ лугу въ Флейнѣ, для того, чтобы сказать людямъ нѣчто новое. У него былъ священникъ, Бельтелинъ изъ Массенбаха, отличавшійся необыкновенно пламеннымъ краснорѣчіемъ; онъ часто проповѣдовалъ на лугу о евангельской свободѣ.

Между тѣмъ Яклеинъ получилъ тайное предписаніе отъ заговорщиковъ въ Эрингенѣ, поспѣшить къ нимъ съ подкрѣпленіемъ, и своимъ внезапнымъ появленіемъ среди колеблющихся гражданъ, дать дѣлу рѣшительный оборотъ. Это заставило его тотчасъ же отправиться въ Гогенлоэнскую область; онъ и безъ того впрочемъ давно уже хотѣлъ сдѣлать визитъ графамъ. Онъ взялъ съ собою въ Эрингенъ 1500 человекъ. Когда онъ туда прибылъ, съ нимъ соединились всѣ возставшіе въ городѣ;—городъ оказался для нихъ слишкомъ тѣсенъ, и потому они, оставивъ тамъ сильный гарнизонъ, покинули его и быстро пошли на соединеніе съ большимъ «евангелическимъ войскомъ», расположившимся въ Шенталѣ.

ГЛАВА ВОСЬМНАДЦАТАЯ.

Походъ изъ Шенталля на Неккаръ. Флоріанъ Гейеръ и Генъ фонъ-Берлихингенъ.

По дорогѣ въ Шюпфергрундъ, офенбахское скопище, подовып. II.

шедши къ сильной крѣпости Гибельштадтъ, нашло себѣ способнаго предводителя, въ лицѣ Флоріана Гейера, предки котораго владѣли съ давнихъ поръ этою крѣпостью. Подобно графу Рудольфу фонъ-Верденбергъ подъ Аппенцеллеромъ, этотъ доблестный воинъ, сбросивъ себя рыцарское званіе, добровольно присоединился къ крестьянамъ.

Исторія немного сохранила описаній его жизни, но и эти немногія данныя достаточно характеризуютъ его личность. Въ молодости [на него имѣлъ вліяніе Ульрихъ Гуттенъ, а потомъ онъ всецѣло проникся религіозными и политическими идеями новаго времени; онъ не принадлежалъ болѣе своему сословію, онъ весь отдался свободѣ и народу. Намъ мало извѣстны обстоятельства его ранней молодости; но, что большую часть ея онъ провелъ на военномъ поприщѣ, это можно заключить изъ того, что онъ участвовалъ при Мекюль, гдѣ былъ взятъ въ плѣнъ Гецъ фонъ-Берлихингенъ, служившій въ швабскомъ союзѣ. Легко можетъ быть, что Флоріанъ былъ нѣкоторое время предводителемъ какого нибудь отряда войскъ. Скопище, которымъ онъ командовалъ отличалось отъ другихъ скопищъ превосходствомъ въ военномъ дѣлѣ и скоро получило видъ хорошо сформированнаго ополченія; онъ гордился своей «черной шайкой», какъ онъ самъ ее называлъ, а объ Оденвальдерцахъ отзывался, какъ о сволочи. Безъ сомнѣнія Флоріанъ участвовалъ также, вмѣстѣ съ опальными франконскими рыцарями, въ предпріятіи Зиккингена. И такъ Флоріанъ во главѣ своего отряда отправился въ Шенталь.

Въ крестьянскій лагерь подъ Шенталемъ явился также всѣмъ извѣстный дворянинъ, рыцарь Гецъ фонъ-Берлихингенъ. Замокъ Хорнбергъ на Некерѣ, одно изъ самыхъ неприступныхъ мѣстъ тогдашняго времени, служило ему мѣстомъ пребыванія. О силѣ Геца отзывались такъ: у Геца одна рука изъ мяса и крови, другая изъ желѣза. Онъ ненавидѣлъ духовенство, ненавидѣлъ князей, стѣснявшихъ свободу рыцарей, ненавидѣлъ весь швабскій союзъ, и говорилъ, что онъ

охотно отбилъ бы имъ всѣмъ бока; къ богатымъ городскимъ барамъ онъ относился также враждебно. Изъ этого видно, что Гецъ имѣлъ очень много общаго съ крестьянами. Онъ былъ любимъ въ народѣ, потому что, подобно Францу фонъ-Зиккингенъ охотно принималъ сторону простолюдина, и, защищая народныя права, пользовался случаемъ, чтобы вступить въ борьбу съ сильными владѣльцами. Когда крестьяне стали тѣснить его братьевъ, Гецъ отправился въ крестьянскій лагерь. Крѣпостные, принадлежавшіе его братьямъ, вступили въ крестьянское войско. Братъ его Гансъ засѣлъ въ своемъ укрѣпленномъ жилищѣ Якстаузенъ, отстоявшемъ на части пути отъ Шенталя, гдѣ находилась фамиліальная гробница Берлихинговъ. Имѣя вліяніе на крестьянскихъ вождей, Гецъ легко убѣдилъ ихъ, оставить имѣніе своего брата въ покоѣ *).

Здѣсь, въ Шенталѣ, онъ предложилъ свои услуги крестьянамъ, прибавляя, что онъ легко можетъ привлечь на свою сторону и дворянъ, потому что и они, подобно крестьянамъ терпятъ притѣсненія отъ правительства. Тутъ же онъ условился съ крестьянами такимъ образомъ: если они подойдутъ къ его дому въ Гундельсгеймѣ, то это будетъ значить, что онъ имъ нуженъ **). Гецъ и его братья разослали франконскому рыцарству приглашенія вооружиться и въ двѣ недѣли быть готовыми къ общему собранію. Цѣль ихъ была—возоб-

*) Жизнь Геца, описанная имъ самимъ.

**) Показанія крестьянскаго совѣтника Діонисія Шленда изъ Швабаха, находятся въ сборникѣ прелата фонъ-Шмида. Если бы Бензенъ имѣлъ случай самъ просмотрѣть эти документы, то по всей вѣроятности оцѣнилъ бы ихъ по достоинству. Признанія Діонисія хотя и вынуждены были пыткой, но судя по тѣмъ мелкимъ подробностямъ, въ которыя онъ вдавался, нельзя заподозрѣть, чтобы они были имъ выдуманы. Что онъ потомъ отрекся отъ своихъ словъ о Гецѣ, и что самъ Гецъ опровергъ Діонисія — это понятно; также и причины побудившія ихъ такъ дѣйствовать.

новить планъ Зиккингена и, воспользовавшись народнымъ движеніемъ, низвергнуть духовныя власти. Гецъ сильно на это надѣялся. Правительство же, съ своей стороны боялось и ждало, что Гецъ станетъ во главѣ движенія. Еще въ среду, на пасхѣ, вюртембергскій оберфогтъ увѣдомлялъ изъ Шорндорфа австрійское правительство въ Штутгартѣ, что главнымъ руководителемъ крестьянскаго возстанія былъ Гецъ фонъ-Берлихингенъ, хотя этого и нельзя открыто доказать *). Отношенія Геца къ герцогу Ульриху оставались прежними.

Собравшимися въ Шенталѣ начальниками и совѣтниками различныхъ общинъ составленъ и предложенъ былъ планъ дѣйствія. Изъ отдѣльныхъ скопищъ и отрядовъ сформировано было «ясное ополченіе Оденвальда и Долины Некера» **).

Въ это время полученъ былъ въ Шенталѣ письменный отвѣтъ графовъ изъ Гогенлоэ. Въ отвѣтѣ говорилось такъ: параграфы, относящіеся до эрингенскихъ горожанъ, будутъ подвергнуты милостивому разсмотрѣнію графовъ, и, что будетъ возможно, сдѣлаютъ для нихъ. Крестьяне же, писали графы, не должны ссылаться на обнародованные двѣнадцать тезисовъ, потому что эти тезисы найдены, на основаніи священнаго писанія, не основательными. Имъ обѣщаются льготы, которыя даны будутъ съ согласія римскихъ сановниковъ или которыми пользуются рейнландская, франконская, баварская и швабская области. Всѣ бѣжавшіе, снова

*) Изъ дѣлъ штутгартскаго архива.

**) Названіе «ясное» ополченіе должно понимать, какъ всеобщее. Это выраженіе обще-употребительно даже въ регулярныхъ народныхъ войнахъ. Въ своей автобіографіи Себастьянъ Шертлинъ говоритъ: «при Гейльброннѣ сдѣлали меня, вскорѣ вѣхмистромъ пѣхоты швабскаго союза противъ «ясной» (т. е.) общей шайки.» Начальники озернаго скопища «Гансъ тщеславный» увѣдомляетъ монастырь Салемъ, оставаемый имъ долгое время въ покоѣ: «теперь я долженъ васъ привести къ присягѣ, потому что получилъ на то повелѣніе отъ «ясной» шайки, т. е. сборища всѣхъ шаяекъ»

будутъ приняты въ графствѣ, если они найдутъ за себя въ Эрингенѣ, съ обоихъ сторонъ, двадцать четыре поручителя; имѣющіе что нибудь противъ графовъ—должны искать справедливости по обычаямъ страны; все будетъ забыто, если мятежники положатъ оружіе.

Многимъ бюргерамъ понравился языкъ ихъ владѣльцевъ; подобныхъ рѣчей они никогда еще до сихъ поръ не слыхивали. Они были того мнѣнія, что если въ теченіи двухъ мѣсяцевъ обѣщанія не будутъ исполнены, то они имѣютъ право вновь собраться. Крестьянамъ же очень не понравился отвѣтъ графовъ. Вендель Гиплеръ и крестьянскіе начальники видѣли въ этихъ предложеніяхъ не болѣе, какъ попытку выиграть время, и даже, если бы обѣщанія эти были выполнены, то и тогда они не соотвѣтствовали бы ихъ дальнѣйшимъ планамъ. Крестьянскій начальникъ Вольфъ Герберъ при этомъ сказалъ: «все о чемъ мы раньше писали и эти двѣнадцать тезисовъ должны быть приняты, и графы будутъ оставлены въ покоѣ до новыхъ рѣшеній: если же они на это не согласятся, то крестьяне вольны поступить, какъ имъ заблагоразсудится.» Всѣ крестьяне согласны были съ мнѣніемъ Вольфа Гербера. Они еще разъ послали свой ультиматумъ графамъ; но такъ какъ графы не обезпечились отвѣчать мужикамъ, то въ понедѣльникъ 10 апрѣля крестьяне двинулись къ Нейенштейну, гдѣ находился графъ Альбрехтъ.

Какъ разъ на пути лежалъ Лангенбургъ. Безъ сопротивленія заняли они городокъ и замокъ. Супруга графа Альбрехта, жившая въ замкѣ, умоляла начальниковъ оставить ее въ покоѣ; но они, не смотря на ея просьбы, взяли ее со всѣми служителями въ плѣнъ, и управляющимъ замка сдѣлали Альбрехта Эйзенхута, Эрингенскаго ратсгера. Ограничивъ сразу расходы замка, онъ навлекъ на себя неудовольствіе графини, которая потомъ жаловалась, говоря: «хотя управляющій и бывалъ прежде при дворѣ, но поступалъ какъ совершенный неучъ,—ничего не сдѣлалъ въ угоду ея милости.» Всѣ запасы плодовъ и вина, заготовленные непріателемъ для собствен-

наго продовольствія, крестьяне взяли себѣ. Графамъ Альбрехту и его брату Георгу предложили прибыть для переговоровъ, въ противномъ же случаѣ, грозили предать пламени городокъ, замокъ и другіе графскіе дома, со всѣмъ, что въ нихъ находилось. Получивъ это приглашеніе и вмѣстѣ съ нимъ пропускной видъ за пфальцскою печатью, оба графа, на другой же день, — это было во вторникъ на вербной недѣлѣ — отправились къ крестьянамъ. Въ Грюпбюлѣ, главномъ пунктѣ гогенлогскаго возстанія, между Вальденбургомъ и Нейнштейномъ, на открытомъ полѣ, встрѣтились графы съ крестьянскими вождями. Графъ Альбрехтъ, желая дать этому дѣлу мирный исходъ, предложилъ устроить третейскій судъ и покориться его приговору. Но онъ не добился этого отъ крестьянъ. Вендель Креесъ изъ Нендерфалля обратился къ графамъ съ такою рѣчью: «Братъ Альбрехтъ и братъ Георгъ, если вы ужъ пожаловали сюда, то оставайтесь у насъ, какъ братья, и общайтесь на будущее время ничего не предпринимать дурного противъ насъ. Здѣсь въ Гогенлоэ, господа мы — крестьяне, а не вы, и общее мнѣніе нашего войска таково, чтобы вы письменно и подъ присягою общали признать тезисы, присланные вамъ изъ Шенталѣ, и чтобы они были въ силѣ сто одинъ годъ» *). Сообразивъ, что отказъ можетъ быть гибельнымъ какъ имъ, такъ и ихъ союзникамъ, графы сдѣлали временный договоръ съ крестьянами до слѣдующихъ реформъ, которыя, по ихъ словамъ, они имѣютъ намѣреніе предложить и прочимъ крестьянамъ **). Подписывая свое официальное согласіе подъ двѣнадцатью тезисами, графы должны были снимать перчатки, между тѣмъ какъ крестьяне не снимали своихъ ***). И все это графы должны были слушать, видѣть и терпѣть, «такъ что ихъ сіятельства не знали, куда и дѣвать глаза со стыда».

*) Сборникъ рукописей Шмида.

**) Изъ рукописи, находящейся у Гофермана, письмо графа въ Гайль.

***) Донесеніе Клауса Сальва.

Когда стало извѣстно ясному ополченію, что графы перешли на сторону крестьянскаго братства, событіе это праздновалось 2000 ружейныхъ выстрѣловъ. Согласно договору, графы должны были выдать всѣхъ плѣнныхъ, взятыхъ во время возстанія. Тутъ же Георгъ Метцлеръ потребовалъ у графовъ пушки и порохъ. Но такъ какъ въ договорѣ объ этомъ не упоминалось, то графы не спѣшили исполнить его требованіе. Гальская дружина жаловалась ясному ополченію на нерадѣніе гарлеровцевъ къ общему дѣлу. Вслѣдствіе этого, Георгъ Метцлеръ писалъ Галльской общинѣ изъ Орингена, куда выступило все скопище; обращаясь къ нимъ, какъ къ братьямъ и друзьямъ, онъ просилъ ихъ принять участіе въ братскомъ и христіанскомъ походѣ, предпринятомъ для облеченія бѣдственнаго положенія народа, и содѣйствовать къ успѣшному его окончанію присылкою необходимыхъ имъ ружей, четырехъ шанговъ, *) и четырехъ бочекъ пороху. **) Въ Эрингенѣ сдѣлано было новое шолковое знамя, съ желтой, коричневой и зеленой полосами. Нѣсколько отрядовъ, отдѣленныхъ отъ общей шайки и посланныхъ изъ Таубергрунда въ Шенталѣ, по условленному плану, были при отступленіи отъ Эрингена обратно посланы въ Таубергрундъ; а «черная шайка» подъ командою Флоріана Гейера, составленная имъ изъ наилучшихъ, заслуженныхъ франконскихъ ратниковъ, вмѣстѣ съ главнымъ войскомъ, подъ предводительствомъ Георга Метцлера и Яклеина Рорбаха, двинулась къ долигѣ Неккара. Вендель Гиплеръ еще въ Шенталѣ избранъ былъ въ канцлеры яснаго ополченія.

Въ то же время партія въ 400 человекъ подъ командою Яклеина отправилась въ женскій монастырь Лихтенштернъ, требуя контрибуцію въ 500 гульденовъ, и «общая освободить монастырь, если получить требуемую сумму.» Совѣтъ же

*) Родъ вулеврины, (большаго размѣра пушка). Прим. перевод.

**) Изъ рукописи, находящейся у Гофермана.

скрылся въ Левенштейнѣ. Ясное ополченіе подвигаясь въ Некерскую долину, разграбило по дорогѣ Вальдбахъ и укрылось въ долину вмѣстѣ съ вюртенбергскими поселянами. На Некерѣ жители встрѣчали крестьянъ съ различными чувствами. «На достаточныхъ и богатыхъ наводила ужасъ эта трехтысячная толпа, владѣвшая не только ручнымъ оружіемъ, но и пушками; бѣдный же угнетенный народъ спѣшилъ съ радостію съ нею соединиться.» *)

Яклеинъ, разграбивъ Лихтенштернъ, отправился въ Левенштейнъ, чтобы принудить обоихъ братьевъ Лудвига и Фридриха фонъ-Левенштейна вступить въ ихъ христіанское братство. Сначала графы скрылись; но такъ какъ бѣгство могло имъ стоить потери и разграбленія ихъ владѣній, то и сочли за лучшее лично явиться въ крестьянскій лагерь.

Мѣсто, болѣе другихъ обратившее на себя въ это время вниманіе всего ополченія, былъ городокъ Неккарсульмъ, принадлежащій нѣмецкому ордену. Многіе изъ отряда Яклеина Рорбаха были вассалами этого ордена и съ большимъ бы удовольствіемъ желали присвоить себѣ его помѣстья. Вообще же они старались привлечь на свою сторону все крестьянское населеніе по Некеру—тогда бы вся мѣстность Вюртенберга была присоединена къ ихъ союзу, прежде чѣмъ они вступятъ во Франконію, чтобы нанести тамъ рѣшительный ударъ. Планъ этотъ былъ удобоисполнимъ; здѣсь, не такъ какъ въ Верхней Швабіи, они обезпечены были отъ нападеній союзной арміи.

Въ то время, какъ еще ополченіе стояло въ вейнсбергской долині, распространился слухъ, что будто наѣздники графовъ фонъ-Гогенлоэ захватили нѣсколькихъ крестьянъ, желавшихъ присоединиться къ ополченію; кромѣ того графы еще не выдали требуемыхъ отъ нихъ полевыхъ орудій; такъ что ихъ дѣйствія болѣе походили на вражду, чѣмъ на дружбу. Въ вой-

*) Докладъ вейнсбергскаго погребщика, Штутгартскій архивъ.

скѣ поднялся ропотъ, поговаривали, что слѣдуетъ возвратиться, сжечь Нейнштейнъ и предать графовъ смерти. Ратсгеръ Альбрехтъ Эйзенгутъ и Гансъ Виттлихъ изъ Ингельфингена, отправились къ графамъ, предостерегая ихъ и прося ихъ выдать крестьянамъ по крайней мѣрѣ двѣ шланги. Яклеинъ же направился къ Неккарсульму; имѣя съ давнихъ поръ сношенія съ тамошними бюргерами, онъ легко завладѣлъ городомъ. Къ Вейнсбергу хотя подступили и раньше, именно 14 апрѣля, но однако онъ еще не былъ взятъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Кровавая мѣсть при Вейнсбергѣ.

Крестьяне были приняты въ Неккарсульмѣ, какъ друзья; нѣмецкіе властители нигдѣ не были такъ ненавидимы, какъ здѣсь. Богатые, въ изобиліи заготовленные съѣстные припасы нѣмецкаго ордена пришли очень кстати крестьянскому войску, которое расположилось частію въ городѣ, частію на лугахъ передъ стѣнами города.

Неккарсульмъ отстоялъ на два часа пути отъ Вейнсберга. Когда ополченіе приближалось къ городу и замку, то обергофтъ, Лудвигъ Гельфрихъ фонъ-Гельфенштейнъ, жившій въ замкѣ, обратился къ австрійскому правительству въ Штутгартѣ съ настоятельною просьбою о подкрѣпленіи. Уже съ пятнадцати лѣтъ, этотъ молодой, теперь двадцатисеми-лѣтній рыцарь, графъ фонъ-Гельфенштейнъ отличился во многихъ сражені-

яхъ. *) Онъ былъ любимцемъ Эрцгерцога Фердинанда, женатъ былъ на побочной дочери недавно умершаго Максимилиана I, Маргаритѣ фонъ-Эдельсгеймъ, вдовѣ Іоганна фонъ-Гилленъ форстмейстера въ Тиролѣ. Пять лѣтъ какъ они были обвѣнчаны и жили въ вейнсбергскомъ замкѣ. Теперь графъ Лудвигъ и Дидрихъ фонъ-Вейлеръ были отозваны въ Штутгартъ на общее засѣданіе совѣта. Здѣсь рѣшено было на вербовать тысячу человекъ, и ввѣрить начальство надъ ними Лудвигу фонъ-Гельфенштейну; «Если прибавить къ этимъ рекрутамъ часть конницы, полагали они, то сопротивление будетъ возможно; а крестьяне, услышавъ о такихъ серьезныхъ приготовленияхъ, вѣроятно отступятъ, какъ это случилось и прежде **).» Военный совѣтъ надѣялся получить конное подкрѣпленіе изъ Бадена и Пфальца; а между тѣмъ, въ ожиданіи этой помощи, графу Лудвигу Гельфенштейну даны были, 12 апрѣля, 70 рыцарей и рейтеровъ, съ которыми онъ долженъ былъ спѣшить къ Вейнсбергу, чтобы на первыхъ же шагахъ остановить вторженіе туда Оденвальдерцевъ. Едва онъ успѣлъ пріѣхать, какъ уже увѣдомлялъ правительство, что съ своей малочисленной командой, продолжительное сопротивление крестьянскому войску, состоящему изъ 6000 человекъ изъ Оденвальда и Гогенлоэ, рѣшительно невозможно.

Если мнѣ, прибавлялъ онъ, не пришлютъ еще конницы или пѣхоты, то за послѣдствія я не отвѣчаю. Въ ущербъ и убыткѣ, которые легко могутъ произойти, виноватъ буду не я. Для огражденія своей чести, говорю: все что будетъ зависѣть отъ меня, сдѣлаю, даже еслибы пришлось положить жизнь. Я буду поступать, какъ честный и богобоязненный гражданинъ. Два дня спустя онъ вторично просилъ, чтобы выслали ему, не теряя времени, гексенскихъ всадниковъ. Потомъ, 15 апрѣля, въ субботу на пасхѣ, онъ еще настоятельнѣе просилъ при-

*) Исторія графовъ фонъ-Гельфенштейнъ, Келлера, Ульмъ. 1840 стр. 132.

**) Штутгартскій архивъ.

слать ему немедленно пфальцскихъ рейтеровъ съ деньгами, чтобы избѣжать, какъ онъ говорилъ, поруганія, убытка и вреда.

Попадавшихся имъ на пути изъ Штутгардта въ Вейнсбергъ крестьянъ, графъ приказалъ брать и вѣшать *). По прибытіи своемъ въ вейнсбергскую долину графъ нашелъ, что уже всѣ селенія округа, исключая Эберштадтъ, находятся во власти яснаго ополченія. 14 апрѣля, въ пятницу на пасхѣ, крестьяне по дорогѣ изъ Лихтеншперта въ Неккарсультъ послали требованіе въ Вейнсбергъ, чтобы весь городъ и находящіеся въ немъ рыцари присоединились къ ихъ христіанскому братству. Въ то время, какъ графъ, поджидая себѣ помощи изъ Штутгарда, для проволочки времени, повелъ переговоры съ крестьянами, между имъ и его товарищами было условлено; «весь день, на сколько хватитъ у нихъ силъ, вредить непріятелю» **). Врасплохъ напали они на арріергардъ яснаго ополченія и нанесли ему немалый вредъ; поступокъ этотъ привелъ крестьянъ въ большое смятеніе и гнѣвъ ***).

Въ это же время пришло посольство съ Дуная съ жалобами на поступки Трухзеса. Разсказывали, какъ онъ выжигаетъ крестьянскія селенія, а крестьянъ предаетъ смерти, — какъ онъ казнилъ мастера Якова Везъ въ Лейпгеймѣ, — какъ Дунай весь обагрятъ кровію ихъ братьевъ; — разсказывали, что этою кровожадною ненавистью преслѣдуетъ онъ все ихъ словіе. Слухъ о 7000 зарѣзанныхъ при Вурцахѣ, привелъ всѣхъ въ ярость и возбудилъ жажду мщенія. Эту бойню владѣльцы называли побѣдою и всюду похвалялись ею; крестьянскіе предводители смотрѣли на свое дѣло, какъ на правую войну народа противъ своихъ притѣснителей, потому и хотѣли, чтобы съ ними поступали на основаніи военныхъ уставовъ и положеній. Дѣйствительно поступки Трухзеса, равно

*) Докладъ архиваріуса Рюттала въ хроникѣ Гельфенштейновъ, Бабелькофера; рукопись въ штутгартскомъ архивѣ.

**) Собственноручное письмо графа правительству въ Штутгартѣ.

***) Рукопись Томаса Цвейфеля, находящаяся у Вензена.

какъ и графа фонъ-Гельфенштейнъ, нападавшаго на нихъ во время переговоровъ, были совершенно противны всѣмъ военнымъ законамъ. Крестьяне считали необходимымъ принудить владѣльцевъ вести съ ними открытую войну, которой эти такъ избѣгали. Война эта была имъ возмездіемъ, какъ за убіеніе благочестиваго Веэ, такъ и за казнь крестьянскихъ начальниковъ въ Лейпгеймѣ и Лангенау, — за кровопролитіе при Вурцахѣ, за убійства, въ вейнсбергской долині и за нападеніе во время переговоровъ.

Какъ будтобы сама судьба такъ устроила, что мщеніе народа должно было обрушиться на графовъ Лудвига фонъ-Гельфенштейнъ и Дидриха фонъ-Вейлеръ, распорядившагося вмѣстѣ съ графомъ вейнсбергскимъ нападеніемъ.

Съ полей Неккарсульма, разгнѣванные и жаждущіе мщенія крестьяне, вечеромъ въ страстную пятницу, послали во Вейнсбергъ письмо, въ которомъ требовали суда надъ бургомистромъ и оберфогтомъ Гельфенштейнъ. Это безъ сомнѣнія было послѣднее слово крестьянъ. Мятежникамъ своего округа, примкнувшимъ къ ясному ополченію, графъ угрожалъ, обѣщая, если они не вернуться, выслать имъ ихъ женъ и дѣтей, а жилища ихъ предать огню. Гансъ Кобереръ изъ Бретцфельда, узнавъ, что графъ написалъ подобное же письмо и начальнику вейнсбергскаго отряда, пошелъ въ крестьянскій лагерь, подъ Вейденомъ, и объявилъ крестьянамъ объ этомъ, во время ихъ обѣда. Услышавъ эту вѣсть, крестьяне вейнсбергской долины поднялись съ крикомъ, говоря, что слѣдуетъ или отпустить ихъ, или же заключить миръ *).

Когда графъ, послѣ атаки на непріятельскій арріергардъ, возвратился въ Вейнсбергъ, то нашелъ часть жителей города въ колебаніи и испугѣ; прежнее довѣріе его къ нимъ исчезло и онъ не предвидѣлъ отъ нихъ помощи себѣ. Онъ писалъ правительству въ Штутгартъ: «не будь я здѣсь съ моими рей-

торами, навѣрно все было бы потеряно. Я употреблялъ всѣ средства, чтобы горожане оставались на нашей сторонѣ. Поэтому, сегодня (въ субботу на пасхѣ) имѣлъ съ ними разговоръ и при этомъ такъ ихъ обошелъ, что они отказались отъ прежняго своего намѣренія — присоединиться къ крестьянамъ». Онъ надѣялся также, что крестьяне отправятся къ Винпфену, не разоряя Вейнсберга.

Въ это же время крестьяне получили высококомѣрный и прерительный отвѣтъ графа.

Какъ ни бдительно охранялъ Гельфенштейнъ входъ въ городскія ворота, но женская хитрость нашла туда доступъ. Жена Вольфа Нагеля проникла тайно изъ Вейнсберга въ Неккарсульмъ, и переходя отъ шатра къ шатру, рассказала всему стану, что она послана къ нимъ изъ Вейнсберга Гюгомъ Ріемъ, по прозванью крендель, Мельхіоромъ Бекеромъ и Бенгардомъ Геллерманомъ, съ порученіемъ передать имъ, чтобы они не покидали своихъ вейнсбергскихъ братьевъ. Еще пришелъ въ крестьянскій лагерь, бывшій въ плѣну въ Вейнсбергѣ и убѣжавшій оттуда, Земмельгансъ, нейнштейскій солеваръ и увѣрялъ крестьянскаго совѣтника Діонисія Шмида изъ Швабаха, что на верху въ замкѣ находится не болѣе 8 человекъ, а что остальные всѣ въ городѣ. Діонисій Шмидъ и другой крестьянскій совѣтникъ Гансъ Кобереръ изъ Бретцфельда сообщили это извѣстіе крестьянскимъ начальникамъ, и тутъ же предложили двинутся къ Вейнсбергу, съ цѣлю взять его. Земмельгансъ обѣщалъ указать и мѣсто наиболѣе удобное для штурма *). Вся шайка приведена была въ негодование отвѣтомъ графа; крестьяне вейнсбергской долины съ радостію узнали о предложеніи совѣтниковъ: раззоривъ городъ и замокъ, они думали навсегда освободиться отъ ненавистной барщины. Рано утромъ 16 апрѣля, въ день пасхи, двинулась шайка въ числѣ

*) Показанія Діонисія Шмида.

*) Показанія Діонисія Шмида изъ Швабаха.

8000 человекъ, черезъ Бинсвангенъ и Эрленбахъ, къ Вейнсбергу, «съ великою яростію».

Вечеромъ, когда крестьяне условливались о планѣ своихъ дѣйствій, въ Неккарсульмѣ находился одинъ изъ почетныхъ сейльбронскихъ бюргеровъ. Провѣдавъ, что крестьяне порѣшили взять Вейнсбергъ и не щадить дворянъ, онъ тайно черезъ одного сторожа, далъ знать объ этомъ въ ту же ночь графу. Впрочемъ еще раньше, за день до этого, одинъ лагутчикъ донесъ графу, что крестьяне вскорѣ готовятся выступить изъ лагерей и пулями похристосоваться съ вейнсбергцами *).

Вслѣдствіе этихъ извѣстій уже въ сумерки рыцари и рейтары были въ полномъ вооруженіи; лошади ждали ихъ осѣдланнныя въ конюшняхъ; для усиленія незначительнаго гарнизона, посланы были въ замокъ еще пять рейтаровъ. Большаго подкрѣпленія Гельфенштейнъ не могъ послать туда, хотя тамъ находились его жена, ребенокъ и все имущество. Впрочемъ, графъ такъ высокомерно относился къ военному искусству непріятеля, что считалъ невозможнымъ, чтобы онъ могъ взять такой укрѣпленный замокъ. Главнѣйшею его заботою было—отразить первыя нападенія на городъ; потому сдѣланы имъ были необходимыя распоряженія къ защищенію городскихъ воротъ и бойницъ. На площади онъ собралъ рыцарей, рейтаровъ и всѣхъ горожанъ, ободряя ихъ и прося оказать ему мужественное содѣйствіе. Всѣ охотно обѣщали;—графъ же, съ своей стороны, считая жену и ребенка въ безопасности въ замкѣ, завѣрялъ ихъ, что всѣ старанія его будутъ направлены къ защитѣ города, что онъ сдѣлаетъ для нихъ все, что можетъ, и что безъ сомнѣнія сегодня же подойдетъ къ нимъ на помощь отрядъ конницы **). По распоряженію графа; ворота, стѣны и бойницы были уже за-

*) Штутгартскій архивъ.

**) Стумгардскій архивъ.

няты. Но непріятель еще не показывался. Время утренняго богослуженія, которое предполагалось сократить, приближалось; многіе изъ горожанъ и воиновъ отправились въ церковь присутствовать при совершеніи таинства. Графъ и Дидрихъ фонъ-Вейлеръ также слушали мессу.

Въ 9 часовъ утра богослуженіе было прервано извѣстіемъ, что нѣсколько крестьянскихъ отрядовъ показались уже на Скамеечной горѣ, и что вдали виднѣлись еще большія партіи. Сторожъ при башнѣ хотѣлъ сейчасъ же бить тревогу, но графъ, чтобы не всполошить жителей, запретилъ ему это. Стоявшихъ на стѣнахъ и у бойницъ графъ просилъ быть мужественными и безстрашными. Женщины и дѣвушки, по распоряженію Дидриха фонъ-Вейлера и градскаго головы Шнабеля, таскали камни на стѣны.

Возвышенность, похожая на скамейку и названная Скамеечною горою, лежала какъ разъ противъ Вейнсберга. Идя изъ Эрленбаха крестьяне непременно должны были пройти чрезъ эту гору. Они собрались на ней въ боевомъ порядкѣ и послали въ городъ двухъ *герольдовъ*; ихъ можно было узнать по шапкѣ, надѣтой на длинную палку, которую они держали въ рукахъ. Подошедъ къ городскимъ воротамъ, герольды требовали сдачи города. «Отворите замокъ и городъ ясному христіанскому ополченію, кричали они; въ противномъ же случаѣ, удалите, ради Бога, оттуда женщинъ и дѣтей, потому что какъ замокъ, такъ и городъ будутъ взяты приступомъ и тогда никому не будетъ пощады.» Люди, защищавшіе входъ, не знали, что отвѣчать крестьянскимъ герольдамъ. Послали за графомъ, и тотъ немедленно поспѣшилъ къ воротамъ; но Дидрихъ фонъ-Вейлеръ уже подоспѣлъ туда ранѣе.

Этотъ гордый дворянинъ боялся крестьянъ не болѣе «слѣпней.» Ему и въ голову не приходило, чтобы эти слѣпны могли отважиться на какое либо серьезное нападеніе, если встрѣтять ихъ рѣшительнымъ отпоромъ. Онъ считалъ постыднымъ для дворянина вступить въ переговоры съ подобною

сволочью, и думалъ, что лучше всего поддержать свое достоинство, если будетъ отвѣчать имъ пулями. По его приказанію со стѣнъ открыто былъ огонь по *крестьянскимъ посламъ*. Одинъ изъ герольдовъ былъ раненъ и упалъ; но поднявшись окровавленный побѣжалъ, что было силъ къ своимъ товарищамъ на Скамеечной горѣ. Дидриха фонъ-Вейлеръ очень забавляло это бѣгство; волненіе, происшедшее на горѣ, заставило его предположить, что крестьянъ устрасилъ его энергическій отвѣтъ. «Любезные друзья, закричалъ онъ имъ вслѣдъ, вы откажитесь отъ своего предпріятія; вы хотѣли насъ только поугатъ и думаете, что мы очень боимся зайцевъ.» Но не такъ думалъ пришедшій вмѣстѣ съ графомъ бургомистръ Прецель. Онъ настаивалъ, чтобы графъ позаботился надежнѣе укрѣпить городскія ворота, такъ какъ по всѣмъ вѣроятіямъ крестьяне устремятся на нихъ; онъ предлагалъ изъ ближайшаго госпиталя перевезти навозъ и всякій хламъ и завалить имъ входъ. Графъ же, поджидая съ часу на часъ пфальцкихъ рейтаровъ, подъ предводительствомъ маршала фонъ-Габернъ и боясь заградить ему входъ въ городъ, не согласился на эту мѣру. Ктому же онъ и самъ не вѣрилъ въ храбрость крестьянъ. Пославши своихъ парламентаровъ, крестьяне, раздѣленные на три отряда, въ боевомъ порядкѣ, спокойно ждали отвѣта дворянъ. Выстрѣлы, произведенные со стѣнъ по ихъ парламентарамъ, послужили сигналомъ къ нападенію: Флоріанъ Гейеръ, стоявшій впереди съ чернымъ отрядомъ двинулся къ замку; отрядъ, стоявшій за нимъ, поспѣшилъ къ городу; отрядъ, расположенный около Эрленбаха и Бинсвангена, тоже быстро двинулся впередъ.

На эрленбахской равнинѣ, войско получило напутственное благословеніе «Черной женщины.»

Черная женщина пользовалась большимъ уваженіемъ въ крестьянскомъ войскѣ: она извѣстна была во всей окрестности подъ именемъ «черной гофманши.» Народная война этого времени также имѣла своихъ героинь. По дошедшимъ до насъ преданіямъ, черная женщина представляется обаятельною

кровію, внушающею ужасъ; въ этомъ образѣ нѣтъ ничего ни женственнаго, ни даже вообще человѣческаго; однако, благодаря безпристрастнымъ документамъ, рисующимъ черную женщину въ настоящемъ свѣтѣ, слава и доблести этой народной героини возстановлены теперь вполне. Вѣрованія и понятія тогдашняго времени возбудили въ ней стремленія ко всему таинственному; тогда были въ ходу чародѣйства и пророчества; она вѣрила въ силу благословеній и проклятій. Она была пріятельница Якова Рорбаха, его совѣтница и помощница; часто, когда онъ сомнѣвался или колебался,—она поддерживала и подкрѣпляла его: «ты не долженъ бросать начатаго дѣла, говорила она, Богъ того хочетъ.»

Дворянство она ненавидѣла отъ всей души. Какія причины вызвали въ ней эту ненависть и жажду мщенія, неизвѣстно: она только тогда успокоилась, когда увидѣла весь народъ вооруженнымъ.

Горожанъ она также ненавидѣла, особенно же нетерпѣла она гордыхъ обитательницъ Гейльбронна. «Желала бы я подрѣзать платья, говаривала она, ихъ милостямъ, гейльбронскимъ барынямъ, чтобы онѣ походили на ошипанныхъ гусынь.» Она едва вынесла, когда Гейльбронцы завладѣли прекрасными, долгое время принадлежавшими общинѣ, лугами между Беккингеномъ и городомъ. Громко жаловалась она на этотъ захватъ, говоря: «все, силою отнятое отъ бѣдной беккингенской общины, Гейльбронцы снова должны ей возвратить.»

Крестьянамъ она говарила: «если Гейльбронскіе крестьяне будутъ васъ чѣмъ корить или что дурное вамъ дѣлать, то не щадите ихъ. Тяжело проливать кровь братьевъ своихъ, но будьте тверды, на то воля божія: бейте, рѣжьте, душите; чтобы камня на камнѣ не осталось въ Гейльброннѣ, такъ же какъ и во всѣхъ принадлежащихъ къ нему селеніяхъ.»

Съ отрядомъ Яклеина Рорбаха пришла она въ Зонтгеймъ. Здѣсь, въ зонтгеймскихъ каменоломняхъ, она сдѣлалась дѣйствительною предводительницею вооруженной шайки. Съ нею она пошла въ Орингенъ, Шенталь и назадъ въ Лихтенштернъ.

Часто она утѣшала крестьянъ своимъ звучнымъ голосомъ: «будьте веселы, смѣлы и не теряйте мужества;» и она благославляла ихъ и заговаривала отъ коній, аллебардъ и огнестрѣльнаго оружія.

Въ Гейльброннѣ, въ началѣ только-что поднимающихся волненій между бюргерами, она уже успѣла заявить себя. Когда бюргеры собрались противодѣйствовать магистрату и составили на рынкѣ сходку, она примкнула къ нимъ и своими рѣчами возбуждала и поощряла ихъ: «вы поступаете справедливо, восклицала она, такъ должно быть, самъ Богъ того хочетъ». — Кто будетъ держать сторону магистрата, того накажетъ Богъ, пророчила она.

Она подавала совѣты, знала всѣ рѣшенія посвященныхъ, хлопотала, воодушевляла, предостерегала, вела переговоры; и даже когда и у мужчинъ не хватало энергіи, она не переставала съ удивительною находчивостью и твердостью отстаивать общее дѣло, говоря: мы съ вами еще не послѣдній разъ видимся *). Не знатнаго рода, изъ убогой крестьянской хижины съ береговъ Неккара, черная, угнетенная женщина, искавшая правды и свободы, одичалая страстная душа, одинаково сильная какъ въ любви, такъ и въ ненависти, съ своимъ вѣчнымъ «на то воля божія,» — живешь ты въ памяти народа: въ пѣснѣ, преданіи и исторіи! А цѣль, къ которой стремилась ты, съ такою энергіею и до сихъ поръ еще не достигнута.

«Непріятельскія пули не повредятъ вамъ, восклицала она,» уходящимъ крестьянамъ, дѣлая по воздуху какіе-то таинственные знаки.

Въ то время какъ Флоріанъ Гейеръ окружалъ замокъ, другія шайки расположились кругомъ города. Первое нападеніе было сдѣлано со стороны больницы на нижнія ворота. Графъ съ бюргерами крѣпко держались въ городѣ **); нахо-

дящіеся на стѣнахъ тоже не бездѣйствовали. Нападающіе выдерживали сильный огонь, направленный на нихъ изъ отверзтій бойницъ; со стѣнъ сыпался градъ каменьева. Но крестьяне продолжали свое дѣло; видъ трехъ убитыхъ и нѣсколькихъ раненыхъ еще болѣе возбудилъ ихъ мужество. Яклеинъ, командовавшій въ этомъ мѣстѣ приступомъ, поклялся отмстить вейнсбергцамъ.

Вдругъ изъ города замѣтили два флага, развѣвающиеся на башнѣ замка. Флаги эти оказались непріятельскими знаменами, принадлежащими черному отряду. Отрядъ этотъ, состоявшій изъ крестьянъ роттенбургской общины, Гейльбронцевъ и другихъ бывалыхъ воиновъ, не разъ уже участвовавшихъ при осадахъ, окруживъ замокъ, вскорѣ взялъ его приступомъ; крестьяне взобрались на стѣны и водрузили тамъ свои знамена.

Между тѣмъ взятіе крестьянами двухъ наружныхъ дверей нижняго входа, и, видъ развѣвающихъся на замкѣ непріятельскихъ знаменъ совершенно лишили мужества горожанъ. Еще раньше, при началѣ военныхъ дѣйствій, многіе изъ нихъ очень равнодушно относились къ защитѣ города; только почетныя лица, защищавшія нижнія и верхнія ворота, усердно содѣйствовали графу; занимавшія же малый входъ при церкви, на который устремился Діонисій Шмидъ изъ Швабаха съ своимъ отрядомъ, очень мало заботились о защитѣ своего поста. Здѣсь все были пріатели Яклеина и Шмида, давно уже дѣйствовавшіе въ пользу крестьянъ внутри города. Тараны, молоты и сѣкиры, усердно работавшіе снаружи, разбивали послѣднюю дверь нижняго входа. Приближающаяся опасность, отняла охоту къ сопротивленію даже у преданныхъ помощниковъ графа. Напрасно, развѣзжающій по городу, Дидрихъ-фонъ-Вейлеръ призывалъ бѣжавшихъ бюргеровъ и рейтаровъ — возвратиться на стѣны и къ бойницамъ. Графа окружила цѣлая толпа кричавшихъ женщинъ, умоляя его, не доводить ихъ до крайности, потому что дальнѣйшее сопротивленіе будетъ бесполезно и угрожаетъ имъ лишь потерю жизни и имущества. Угрозы Яклеина — предать огню и мечу Вейнсбергъ,

*) Союз. документы. связка 98 № 16.

**) Канцелярская рукопись изъ вольфепскаго трухзеса, Зейдлери.

произвело страшное впечатлѣніе на жителей, и поэтому тщетны были призывы рыцарей къ защитѣ города: бюргеры твердо рѣшились сдаться, чтобы хоть спасти себѣ жизнь. Нѣкоторые бросились на стѣны и бойницы, и силою стаскивали оттуда рыцарей и рейтаровъ.

Графъ самъ видѣлъ невозможность держаться долѣе. «Вейнсбергцы, вы защищались, какъ только могли; я могу сказать это передъ Богомъ и передъ цѣлымъ свѣтомъ», обратился онъ къ жителямъ и тутъ-же приказалъ одному бюргеру, надѣвъ шляпу на шесть, предложить крестьянамъ миръ и сдачу города, если тѣ обѣщаютъ пощадить жизнь гражданъ. Священникъ Францъ и многіе другіе, показавшись между зубцами нижнихъ воротъ, тоже кричали крестьянамъ: «миръ, миръ!» Но крестьяне, выстрѣломъ сбросили шапку съ шеста, и отвѣчали: «горожанамъ нечего бояться за свою жизнь, но рыцари всѣ погибнутъ». Парламентеръ просилъ крестьянъ сдѣлать исключеніе для графа, и, Гельфенштейнъ, стоявшій тутъ же слышалъ, какъ они отвѣчали: «не будетъ пощаженъ и онъ, хотя бы онъ насъ озолотилъ. При видѣ безвыходности своего положенія, графомъ овладѣлъ страхъ, и онъ рѣшился искать спасенія въ бѣгствѣ. Призвавъ нѣсколькихъ преданныхъ ему бюргеровъ, онъ сообщилъ имъ свое намѣреніе. Планъ его былъ—бѣжать чрезъ верхнія ворота, и, чтобы облегчить себѣ проходъ сквозь непріятельскую толпу, онъ просилъ бюргеровъ возобновить на короткое время оборону города съ стороны, противоположной верхнимъ воротамъ. Но время было уже потеряно; если бы графъ задумалъ бѣгство раньше, когда горожане только-что начали гнать со стѣнъ рейтаровъ, тогда, быть можетъ, оно и удалось бы. «Гдѣ мои вѣрные бюргеры»? воскликнулъ графъ въ отчаяніи. Но зовъ его заглушенъ былъ воплями женщинъ, спѣшившихъ съ ключами къ городскимъ воротамъ и крикомъ бюргеровъ, столпившихся около рыцарей и рейтаровъ, которые приготавлились на площади къ бѣгству. «Что же вы хотите оставить насъ однихъ на бойнѣ? Вы при-

несли несчастіе нашему городу; и теперь не время думать о побѣдѣ».

Да и дѣйствительно, спасеніе было уже невозможно: со всѣхъ четырехъ сторонъ, какъ волны, стремились крестьяне въ городъ. Прежде другихъ подались малыя ворота у церкви; сюда ворвались Діонисій Шмидъ съ своими товарищами и съ толпою, прибывшею изъ замка. Съ другой стороны, гдѣ была больница, крестьянамъ помогъ перебраться черезъ стѣну одинъ юродивый Гансъ Мослингъ. Главный же отрядъ, овладѣвъ нижними воротами, хлынулъ съ яростнымъ, крикомъ въ городъ въ ту самую минуту, когда рыцари сидѣли на коней, чтобы бѣжать.

«Берите своихъ женъ и дѣтей и убирайтесь по домамъ; вамъ нечего бояться», кричали они горожанамъ. Горожане конечно не заставили повторить приглашенія: они немедленно скрылись въ дома, затворивъ предварительно двери и ставни. Нѣкоторые изъ отряда Яклеина требовали, чтобы «графа и рыцарей прогнали сквозь строй». Между тѣмъ и верхнія ворота тоже были взяты крестьянами. Въ разказахъ очевидцевъ не говорится прямо, были ли эти ворота выломаны крестьянами, или же открыты самими жителями. Рыцари съ своими людьми бросились на церковный дворъ; нѣкоторые пробрались во внутренность церкви, думая тамъ найти себѣ спасеніе; графъ находился въ числѣ послѣднихъ. Одинъ священникъ указалъ ему и нѣкоторымъ изъ его товарищей входъ на колокольню, но туда успѣло скрыться только 18 человекъ.

Нѣсколько рыцарей, пошедшихъ за графомъ на церковный дворъ и нѣсколько другихъ, пытавшихся защищаться, пали всѣ подъ ударами крестьянъ. Даже изъ сорока человекъ бюргеровъ, не успѣвшихъ убраться во свояси, восемнадцать были ранены въ общемъ смятеніи. Запертыя церковныя двери были сорваны; спрятавшіеся, кто въ храмъ, кто въ склепъ были найдены и тутъ же убиты. Скоро открыли и ходъ на колокольню; тогда-то раздались дикія, радостныя восклицанія: «наконецъ-то мы захватили здѣсь все гнѣздо,

бейте ихъ всѣхъ на смерть!»! Всѣ спѣшили подняться; но на колокольню вела узкая лѣстница, такъ что по ней можно было идти только по одиночкѣ, къ тому же трупъ убитаго при входѣ рейтара заградилъ имъ на время дорогу.

Теперь Дидрихъ фонъ-Вейлеръ отказался отъ всякой надежды. Онъ взшелъ на верхнюю площадку колокольной башни и закричалъ собравшимся на церковномъ дворѣ крестьянамъ, что «они сдаются въ плѣнъ и предлагаютъ 30,000 гульденовъ за свою жизнь». Да если бы вы предложили бочки золота, то и тогда не избѣгли бы смерти!»! отвѣчали ему оттуда. «Мщеніе, мщеніе за пролитую кровь 7000 нашихъ братьевъ подъ Бюрцихомъ». Въ то же мгновеніе раздавшійся выстрѣлъ свалилъ рыцаря, а взшедшіе по лѣстницѣ крестьяне изрубили его своими мечами, и сбросили на церковный дворъ. Подобной же участи подверглись и многіе другіе рыцари, между ними форстмейстеръ Леонардъ Шмельцъ.

Между тѣмъ, проѣзжавшіе мимо Георгъ Мецлеръ, главный крестьянскій начальникъ и Андрей Реми фонъ-Циммернъ, одинъ изъ старшихъ предводителей, отдали приказаніе не убивать болѣе никого, а брать всѣхъ въ плѣнъ. Такимъ образомъ графъ фонъ-Гельфенштейнъ съ нѣсколькими другими рыцарями сведены были съ башни. Въ то время, какъ ихъ вели церковнымъ дворомъ, одинъ крестьянинъ ударилъ графа въ правый бокъ алебардой, а Георгъ фонъ-Кальтенталь былъ раненъ въ голову. Осада города, покореніе его и взятіе въ плѣнъ непріятеля было дѣломъ, продолжавшимся не болѣе часа. Въ 11-мъ часу утра все уже было кончено.

Такъ какъ осѣдланныхъ лошадей, доставшихся въ добычу крестьянамъ, оказалось болѣе чѣмъ убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ рыцарей и рейтаровъ, то отсюда крестьяне и заключили: что вѣрно нѣкоторые изъ нихъ спрятались въ домахъ горожанъ. Горожанамъ велѣно было обыскать ихъ дома и выдать спрятавшихся.

Только тремъ изъ нихъ удалось спастись, благодаря благодушію своихъ хозяевъ. Всѣ остальные были взяты въ плѣнъ, связаны

веревками, и Яклеинъ взялъ на себя обязанность сторожить плѣнниковъ. По праву побѣдителей, крестьяне хотѣли теперь грабить городъ. «Вейнсбергомъ овладѣли мы, подвергая жизнь свою опасности, утверждали многіе, и потому какъ городъ, такъ и земля, на которой онъ стоитъ, принадлежать намъ». Немалого труда стоило ихъ начальникамъ объяснить имъ, что грабежу слѣдуетъ подвергать только имѣнія тѣхъ лицъ, которыя вредили имъ, помогая рыцарямъ. Крестьяне не безъ ропота согласились не трогать дома простыхъ горожанъ, которымъ, въ свою очередь, вмѣнено было въ обязанность: ухаживать за ранеными, снабжать крестьянское войско виномъ и съѣстными припасами во все время, пока оно будетъ стоять въ городѣ. Дома же духовенства, погребщика, градскаго головы, бургомистра и городского писца отданы были на разграбленіе.

Также опустошили церковь и ризницу, расхитили церковныя суммы, дароносицу и всю церковную утварь. Предавшись грабежу, крестьяне не заботились прибирать награбленное; школьный учитель Вольфгангъ Шеферъ имѣлъ возможность тайно унести и скрыть два церковныхъ сосуда. Богатый винный запасъ замка перевезенъ былъ въ лагерь. Вообще въ замкѣ крестьяне нашли богатую добычу: тому достался прекрасный серебряный кубокъ, принадлежавшій графу; этотъ завладѣлъ шолковыми одеждами и матеріями, третій оловянной посудой и полотномъ. На долю одного Діонисія Шмида досталось на 60 гульденовъ всякой всячины, а Кубереръ столько награбилъ въ замкѣ, что, по его словамъ, онъ и во снѣ не видалъ такихъ богатствъ. При расхищеніи замка между крестьянами царствовала такая неурядица и суматоха, что драгоцѣннѣйшія вещи были ими оставлены безъ вниманія. Такимъ образомъ долгое время валялся на полу футляръ, похожій на футляръ съ ложками; нѣкоторые его поднимали и снова бросали; наконецъ кто-то поднялъ и открылъ его: «онъ былъ полонъ драгоцѣнностями». Золотыя кольца, разные орденскіе знаки и т. п. — все сдѣлалось ихъ добычею.

Распорядителем грабежа был Ганс Виттлих, из Ингельфингена; он раздавал плоды и вино. В город же, при разграблении домов, крестьяне действовали с меньшею алчностью. В одной из комнат казначейства найден был сверток с деньгами; школьный учитель Шефер объявил, что это принадлежит бедным вейнсбергским детям, и деньги отданы были ему на сохранение.

Таким образом в грабеж и пьянство прошло все дообъединное время, при чем Вельфийский замок был сожжен до тла. В это же время начальники имели между собою совещание, на котором Флориан Гейер предложил сжечь все укрепленные господские жилища, говоря, что дворянин, так же как и крестьянин, должен иметь в своем доме только одну дверь. Раньше еще принято было предложение уничтожить монастыри и заставить монахов работать наравне с крестьянами. Но прежде, чем приступить к этим изменениям, решено было идти к Гейльбронну, чтобы склонить город вступить в их братство и чрез это обезопасить себя со стороны долины Неккара; потом предполагалось идти чрез Майнц к Вюрцбургу и, если эти города будут взяты, то положено было выгнать оттуда всех каноников, священников и епископов *). Флориан Гейер полагал однако, что такие меры не приведут еще к желанной цели. Он думал, что народ только тогда будет истинно свободен, когда с ним будут сравнены не только одно духовенство, но и дворяне, так, чтобы на немецкой земле было только одно сословие—сословие свободных людей. Устранение одних только духовных владык он считал полумерою. По его мнению, молодой отпрыск народной свободы не мог привиться к другим деревьям, и он хотел, чтобы эти негодные деревья не только были срублены, но и вырваны с корнями так, чтобы и следа

их не оставалось. Потому настаивал он разорить все укрепленные резиденции как светских, так и духовных властей. Флориан Гейер был один из немногих в крестьянском войске, которые знали, чего они хотят; и, когда сложив с себя дворянское звание, он предложил меч свой на защиту народных прав, то сознавал он, что дело, в котором он решился принимать участие, не пустое предприятие, но кровавая драма, и в этой драме он хотел выдержать свою роль до конца—низвергнуть власть не только частных владельцев, но и высших властителей. Член свободного сословия, рыцарь, отрекшийся от своего звания, он понимал свободу в обширнейшем смысле этого слова. Иного мнения был Вендель Гиплер. Ему хотелось втянуть дворян, именно рыцарей, в крестьянские интересы. Устроить это он предполагал таким образом: уничтожив все повинности, стяжавшие свободу народа, светских властей и дворянства, удовлетворить потерпевших чрез это убытки из отобранных имений духовных лиц и таким образом приобрести согласие и помощь дворян для осуществления новых свободных начал. Еще в Неккарсульт перед выступлением к Вейнсбергу, Гиплер предлагал крестьянам принять дворян в свой союз, потому что и они, подобно крестьянам, желают освободиться из-под княжеского гнета *). Вендель Гиплер имел большое влияние на Юрга Мецлера.

В глубинах же души Горбаха таились мрачные, кровавые замыслы, отличные и от убеждений Гиплера, и от обширных планов Флориана. Якейн был центром крайней партии, к ней же принадлежала большая часть войска. Мщение было их лозунгом; «задать дворянам страху, внушить к себе ужас»—вот что было их ближайшею целью **).

*) Первоначальные показания Діонисія Шмида.

**) Гереръ, изъ позднѣйшихъ дознаній.

*) Первоначальное показание Діонисія Шмида.

Яклеинъ, расположившійся на мельницѣ, составилъ экстренное совѣщаніе съ своими единомышленниками. Право военного суда надъ плѣнниками они удержали за собою и всѣ были согласны съ тѣмъ, что слѣдуетъ всѣхъ, взятыхъ въ плѣнъ, какъ рыцарей, такъ и рейтаровъ, умертвить, и на будущее время поступать также.

Яклеинъ съ товарищами не сообщили своего рѣшенія остальнымъ крестьянамъ и чтобы предупредить всякое, могущее быть съ ихъ стороны, возраженіе, они хотѣли немедленно приступить къ исполненію своего приговора надъ плѣнниками. Это легко было устроить: плѣнные были въ рукахъ Яклеина; городъ былъ въ сторонѣ; Андреасъ Реми, орингенцы и гейльбронцы были съ нимъ заодно.

Тѣмъ временемъ, какъ большая часть крестьянскаго войска хозяйничала около виннаго погреба, перевезеннаго изъ замка, толкалась по гостинницамъ и по другимъ подобнымъ заведеніямъ или завтракала съ горожанами, Яклеинъ вывелъ своихъ плѣнныхъ на лугъ, противъ нижнихъ городскихъ воротъ, гдѣ въ настоящее время разведенъ садъ; это были графъ Лудвигъ ф. Гельфенштейнъ, Гансъ Конрадъ Шенкъ ф. Винтерштеттенъ и другіе рыцари *), съ ними же приведены были многіе рейтары и конюхи. Всѣхъ поставили въ кругъ для выслушанія приговора. Въ прежнія времена существовало наказаніе гонять сквозъ строй; наказанію этому подвергались нарушители чести, но въ такомъ только случаѣ, если виновный былъ изъ податнаго сословія. Эта-то казнь была объявлена плѣннымъ, «къ стыду и поруганію дворянъ, какъ будто-бы тѣ поступили противъ чести» **). Въстѣ съ

*) „О четырнадцати дворянахъ, прогнанныхъ сквозъ строй“. Уведомленіе изъ города Гейльбронна Швабскому союзу. — „Графъ и съ нимъ тринадцать дворянъ прогнаны были сквозъ строй“. Изъ донесеній очевидцевъ.

**) Никласъ Томасъ, рукопись.

плѣнными пришла графиня фонъ-Гельфенштейнъ, раздѣлявшая заточеніе своего мужа; она держала на рукахъ своего двухлѣтняго сына, прислужница слѣдовала за нею. Бросившись на колѣни передъ Яклеиномъ и его товарищами, графиня умоляла пощадить ея мужа, отца малютки, котораго она простирала къ нимъ. Но они не тронулись ни ея красотой, ни слезами, ни несчастіемъ; въ то время, какъ дочь императора съ мольбою лежала у ихъ ногъ, въ памяти многихъ изъ нихъ возставали тѣ униженія и страданія, которыя столько лѣтъ выносили они отъ своихъ властителей; представлялась плеть, немилосердно взвивавшаяся надъ ихъ исхудалыми отъ голода и барщины спинами, наконецъ—собаки, которыми нерѣдко травили ихъ какъ звѣрей; вспоминали они своихъ отцовъ, братьевъ и сыновей, брошенныхъ за ничтожную вину въ темницы и томившихся тамъ безъ пищи и питья, вспоминали тѣ мучительныя ночи, когда бродили они около тюремныхъ стѣнъ, чтобы узнать что нибудь объ участи своихъ родственниковъ, и теперь еще раздавались въ ушахъ ихъ тѣ стоны, жалобы и проклятія, которыя, при послѣднемъ издыханіи, страдальцы призывали на головы своихъ мучителей. Свѣжи еще были въ памяти—кровавая расправа въ Верхней Швабіи и нападеніе Гельфенштейна во время переговоровъ. Подобныя воспоминанія не могли смягчить сердца крестьянъ, когда графиня, рыдая и стелая, на колѣняхъ умоляла ихъ о пощадѣ.

Многовѣковое угнетеніе и безчеловѣчное обращеніе ожесточили ихъ. Они безжалостно оттолкнули ее прочь, и одинъ изъ нихъ коснулся мечемъ груди «маленькаго барченка», лежавшаго у нея на рукахъ. За одну свою жизнь Гельфенштейнъ давалъ выкупъ въ 30,000 гульденовъ. «Да если-бы ты давалъ намъ за себя двѣ бочки золота, то и тогда не откупился-бы», было ему отвѣтомъ. Мщеніе жаждало крови. По приказанію Яклеина крестьяне выстроились въ два ряда. Строемъ командовалъ Гансъ Винтеръ изъ Оденвальда. По старинному обы-

чаю онъ забилъ въ барабанъ; «тѣлохранители Яклеина» выдвинулись впередъ; крестьяне выставили свои копыя и, при барабанномъ боѣ, первый выгнанный въ строй и тутъ же заколотый, былъ слуга Конрада Шенка фонъ-Вингерштеттена, за нимъ слѣдовалъ его господинъ; третьимъ назначенъ былъ Гельфенштейнъ. Полковой крестьянскій писарь, Яковъ Лейтцъ, бывшій прежде священникомъ, но лишенный въ Римѣ своего сана, при открытіи заговора винцерховскаго викарія, исповѣдалъ графа и получилъ отъ него четки, которыя графъ постоянно носилъ на рукѣ. Урбанъ Мецгеръ изъ Вальдбаха и сынъ Клауса Шмида изъ Роппахъ вели графа. Это мучило его вдвойнѣ: въ былые счастливые дни у него была своя застольная музыка и вдругъ здѣсь, передъ своею казнью, онъ увидѣлъ между музыкантами Мельхіора изъ Ильефельда *); того самага, который часто игралъ у него за обѣдомъ и даже пользовался его расположеніемъ, но въ послѣдствіи былъ уволенъ. Этотъ самый Мельхіоръ подошелъ теперь къ нему и, снявъ съ головы его шляпу съ перьями и надѣвъ ее на себя, закричалъ: «довольно поносилъ ты ее, теперь мнѣ хочется быть графомъ; довольно потѣшалъ я тебя за столомъ, довольно потанцовалъ ты подъ мою музыку, вотъ теперь я тебѣ сыграю хорошій танецъ», и, весело наигрывая на рожкѣ, онъ пошелъ передъ нимъ до самага строя. Урбанъ Мецгеръ изъ Вальдбаха втокнулъ графа въ строй, и на третьемъ же шагу онъ палъ пронзенный копыями; за нимъ слѣдовали его оруженосецъ Блейбергеръ, потомъ его шутъ **), и наконецъ одинъ за другимъ рыцари, и каждый входившій въ строй слышалъ крики мщенія, въ которыхъ припоминались злоупотребленія дворянства при охотѣ. Еще и нынѣ живетъ воспоминаніе объ этомъ днѣ въ Цабергау: въ Оксенбургскомъ подземельѣ найденъ человѣческій ске-

*) Рукопись, Зейдлеръ.

**) Гофманъ, рукопись.

летъ между оленьими рогами и клыками кабана. Три конюха были подняты на копыя и умерщвлены. Рейтаръ Кунцъ былъ освобожденъ Рорбахомъ. Злоба крестьянъ къ графу не прекратилась даже съ его смертью: трупъ его преданъ былъ поруганію и осмѣянію. Мельхіоръ Нонненмахеръ его жиромъ вымазалъ свое копые *). Черная гофманша распоролъ ножомъ ему животъ, и вытекшимъ оттуда жиромъ, вымазала себѣ башмаки, собственноручно перевернула трупъ и топтала ногами «эту шельму», какъ она называла графа. Нѣкоторые съ торжествомъ носили на копыяхъ кожу и волосы убитыхъ. Андрей Реми фонъ-Циммернъ приколотъ себѣ на шляпу перья со шлема графа. Яклеинъ Рорбахъ, одѣвшись въ графскій колетъ и штофное полукафтанье, явился къ несчастной графинѣ и сказалъ: «Какъ я вамъ нравлюсь, сударыня, въ этомъ штофномъ полукафтанѣ?» Графиня увидя убійцу своего мужа, въ его рыцарской одеждѣ, упала въ обморокъ отъ испуга и огорченія **). Панцырь онъ снялъ и подарилъ Гансу Зеклеру изъ Нейенштейна. Грубыми, окровавленными руками сняты были съ графини всѣ ея украшенія и одежды; ее, ребенка и прислужницу посадили въ навозную телѣгу и отправили въ Гейльбронъ. Ругательства и насмѣшки посыпались ей во слѣдъ: «ты пріѣхала въ золотой каретѣ въ Вейнсбергъ, а выѣзжаешь изъ него въ навозной телѣгѣ». Графиня же, вспоминая о только-что прошедшей недѣлѣ страданій Христовыхъ, говорила: «Я очень грѣшна, но меня утѣшитъ Спаситель мой, который также въѣхалъ съ торжествомъ въ Іерусалимъ, въ вербное воскресенье, но вскорѣ долженъ былъ перенести ругательства и смерть не за свои, но за грѣхи другихъ». Такъ говорила благородная страдалница, продолжая путь, держа на рукахъ свое раненое дитя, и тутъ же дала обѣтъ, если сынъ выздоровитъ, посвятить его Богу,

*) Зейдлеръ, рукопись.

**) Гофманъ, рукопись.

предназначивъ въ духовное званіе *). Молодая вдова двухъ любимыхъ мужей, поѣхала въ Люттихъ къ своему брату, князю-епископу люттихскому Георгу австрійскому, и тамъ же умерла чрезъ 12 лѣтъ; сынъ ея, по обѣщанію ея, вступилъ въ духовное званіе.

Солнце, приближавшееся къ полудню, освѣщало эту кровавую драму. Хотя большинство крестьянскаго войска и раздѣляло мнѣнія Яклейна, но личное участіе въ этомъ дѣлѣ принималъ только онъ съ своей шайкой. Девять десятыхъ крестьянскаго войска **) узнало объ этой ужасной расправѣ, когда все уже было кончено ***).

Начальники и совѣтники составили по этому случаю особое засѣданіе. До насъ не дошло, какъ былъ принятъ поступокъ Яклейна и другихъ участвовавшихъ въ немъ; извѣстенъ только тотъ фактъ, что имя Флоріана Гейера болѣе не упоминалось въ крестьянскихъ совѣщаніяхъ, и онъ, съ своей «черной шайкой», отдѣлился отъ «яснаго ополченія».

*) Габелькоферъ, рукопись. Кернеръ 134.

**) Показанія Петра Дангейма изъ Бургау: „Я былъ тутъ когда сбросили Дидриха фонъ-Вейлеръ съ колокольни; когда же гнали сквозъ строй, меня не было; едва-ли одна десятая часть знала объ этомъ“. Ульмскіе документы, въ собраніи Шмида. Показанія Ганса Вельднера; союзные акты.

***) Главные источники о случившемся въ Вейнсбергѣ суть показанія свидѣтелей, отобранныя отъ нихъ подъ присягою Эбергардомъ фонъ-Карпфенъ и Іоганномъ Кинспахъ, по распоряженію австрійскаго правительства; свидѣтелями этими были немногіе, избѣжавшіе смерти, слуги и нѣкоторые другіе безпристрастные очевидцы, въ числѣ двадцати одного человѣка, видѣвшіе все происходившее. Въ числѣ этихъ документовъ въ штутгартскомъ архивѣ находится тщательно обработанная, хоть не вполне основанная на доказательствахъ, рукописная статья государственнаго совѣтника Гюнцера. Рядомъ съ приведенными сейчасъ матеріалами, особеннаго вниманія заслуживаетъ статья Юстинуса Кернера: „Разрушеніе Вейнсберга“, составленная имъ по рукописнымъ источникамъ.

При осадѣ вейнсбергскаго замка, какъ и прежде, Флоріанъ доказалъ на дѣлѣ свои военныя способности; въ черной шайкѣ ясное ополченіе теряло лучшихъ своихъ воиновъ; во Флоріанѣ же оно лишалось не только единственнаго человѣка, опытнаго въ военномъ дѣлѣ, но и мужественнаго, вѣрнаго и справедливаго вождя, какого уже послѣ оно никогда не имѣло. Удаленіе его еще тѣмъ повредило народному дѣлу, что обнаружилось ту пропасть, которая на всегда разъединяла цѣли яснаго ополченія съ цѣлями большаго франконскаго войска.

Въ Вейнсбергѣ, въ понедѣльникъ на пасхѣ, собравшимися начальниками и совѣтниками предложено было выбрать въ предводители Геца фонъ-Берлихингенъ *). Вспомнили-ли они о Гецѣ потому, что Флоріанъ отдѣлился отъ нихъ вслѣдствіе произведенной Яклеинемъ кровавой расправы? или же Флоріанъ ушелъ потому, что начальники хотѣли поставить во главѣ Геца? Не достаточно разъяснено почему они хотѣли имѣть предводителемъ Геца: потому-ли, что Гецъ при Шенталѣ сказалъ имъ: «я могу присоединить къ вамъ дворянъ» **); Или же мнѣнія, высказанныя Флоріаномъ въ совѣтѣ Гиплеру и неодобренія кровавой мести Яклейна, какъ мѣры неполитической, теперь одержали верхъ и крестьяне, подъ предлогомъ соединить свои интересы съ интересами дворянства, поторопились обратиться къ Гецу, зная о его вліяніи, на дворянъ.

Вскорѣ послѣ осады Гейльбронна Яклеинъ Рорбахъ отдѣлился отъ евангелическаго войска и направился въ противоположную сторону.

Изъ Вейнсберга было послано второе, болѣе грозное требованіе графомъ фонъ-Левенштейнъ. Оба молодые графа принуждены были явиться въ крестьянскій лагерь. Когда графовъ проводили чрезъ Вейнсбергъ, то одинъ изъ нихъ обра-

*) Первоначальныя показанія Діонисія Шмида.

**) Первоначальныя показанія Діонисія Шмида.

тился съ какимъ-то вопросомъ къ одному изъ вейнсбергскихъ жителей; горожанинъ, по старой привычкѣ, почтительно снялъ передъ нимъ свою шляпу; къ нимъ подошелъ въ это время старенькій мужичокъ, вооруженный большой заржавленной алебардой и, угрожая вейнсбергцу, сказалъ: «чего раскланываешься-ты передъ нимъ, кланяйся если такъ и мнѣ, я такой же баринъ, какъ и онъ.» И графы должны были шутя снимать передъ крестьянами шапки.

Теперь и графы фонъ-Гогенлоэ поторопились послать при вѣжливомъ письмѣ крестьянамъ двѣ шланги и полцентнера пороку. Они увѣряли, что слухъ, будто-бы ихъ рейтеры захватили нѣсколькихъ крестьянъ, былъ совершенно ложенъ; что всѣмъ снова отданъ отъ нихъ приказъ: подъ страхомъ потери живота и имущества, не причинять зла крестьянамъ; и что крестьяне отнюдь не должны щадить никого, кто не уважаетъ ихъ грамоты, печати и договоры. Георгъ Мецлеръ чрезъ начальника гарнизона въ Эрингенъ отвѣчалъ что гарнизоны изъ всѣхъ значительныхъ пунктовъ будутъ распущены, и что будетъ взята присяга со всѣхъ подданныхъ гогенлоэнскихъ графовъ.

Пфальцскій маршалъ Вильгельмъ фонъ-Габернъ, на помощь котораго рассчитывалъ графъ фонъ-Гельфенштейнъ, отправился дѣйствительно къ Вейнсбергу съ 20 всадниками, но придя на Скамеечную гору, увидѣлъ, что онъ опоздалъ. На возвратномъ пути, въ Мосбахъ, онъ наткнулся на крестьянскій отрядъ, состоящій изъ 60 человѣкъ, которые тащили по улицѣ военную повозку. Маршалъ загородилъ имъ дорогу, напалъ на нихъ съ своими рейтерами и многихъ изъ нихъ убилъ, самъ же потерялъ только нѣсколько лошадей. Услышавъ объ этомъ нападеніи, ясное ополченіе угрожало правительству, и, намекая на фамилію маршала (Габерн-овесъ) писало: «мы намѣрены вымолотить овесъ; гумномъ намъ будетъ служить Гейдельбергскій замокъ.»

Изъ Вейнсберга ясное ополченіе направилось къ Гейльброн-

ну. Графы Людвигъ и Фридрихъ фонъ-Левенштейны должны были слѣдовать за нимъ, въ крестьянской одеждѣ, съ бѣлыми посохами въ рукахъ. Въ звѣринцѣ, около Гейльбронна, видѣли ихъ сидящими съ крестьянами и «до того испуганными, что они походили на мертвецовъ.»

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Магистратъ и община въ вольномъ городѣ Хейльброннѣ.

Первые признаки возстанія порядочно встревожили членовъ Гейльброннскаго магистрата; они чувствовали приближеніе грозы, «глубокомысленно читали они посланіе своего начальника Ганса Германна, писавшаго изъ Ульма:» Никто не знаетъ, что случится; все крестьянское населеніе отъ озера до Франконіи возстало; всюду хлопоты и приготовленія. *) По сосѣдству крестьяне уже начинали волноваться. Четыре селенія Бёккингенъ, Флейнъ, Франкенбахъ и Неккаргартахъ на ихъ глазахъ устроили у себя выборное правленіе и согласились не платить повинностей и не ходить на барщину. Крестьяне деревни Беккингенъ открыто объявили, что они, не только не будутъ подчиняться ни какому новому поборамъ, но и прежнія повинности, которыя они несли по распоряже-

*) Акты швабскаго союза, связка 88 № 72.

нію магистрата, не намѣрены платить. На запрещенія собирать сходки не обращали вниманія ни Флейнцы, ни Бёккингенцы; жители Флейна, также какъ и прочіе поселяне обязались выставить семьдесятъ два человѣка въ отрядъ Якова Рорбаха; ихъ деревенскій староста Лоренцъ Ульмеръ самъ провожалъ ихъ въ качествѣ тайнаго совѣтника; франкенбахцы, отстранивъ своего старосту, не хотѣвшаго дѣйствовать съ ними за одно, и подобно крестьянамъ Неккаргартахъ, выставили двадцать четыре человѣка подъ начальство Яклеина; *) и онъ выступилъ съ новобранцами изъ владѣній немѣцкаго ордена, подъ самымъ носомъ магистрата. Члены магистрата видѣли со стѣнъ, какъ Яклеинъ ломалъ и жегъ заборы ихъ садовъ, не обращая вниманія на выстрѣлы, которыми преслѣдовали его. Члены принуждены были сложить руки смотрѣть, какъ онъ за недѣлю до Пасхи, нѣсколько разъ проходилъ мимо ихъ города, съ своею ежедневно возрастающей шайкой.

Владѣльцы опять вздохнули свободнѣе, когда Гансъ Роттъ, пріятель магистрата, изъ Ульма, центра швабскаго союза, торжественно возвѣстилъ побѣду надъ мятежниками; при Лейпгеймѣ «Божіею милостіею война въ странѣ окончена,» **) хвасталъ онъ въ своемъ письмѣ и владѣльцы охотно повѣрили ему. Во всѣхъ кабакахъ только и толковали о томъ, какъ въ ночь на вторникъ передъ вербой недѣлей въ Лейпгеймѣ были заколоты 2,000 человѣкъ крестьянъ, а 1,500 сами утопились въ Дунаѣ и какъ два ихъ проповѣдника, зачинщика мятежа, взяты были въ плѣнъ. Толки эти слышалъ бывший тутъ же въ шинкѣ, вощикъ соли, извѣстный подъ именемъ Земмельгансъ изъ Нейштейна. «Не вѣрьте этому, сказалъ онъ присутствовавшимъ, дѣло еще не совсѣмъ окончено; не всѣ еще крестьяне убиты; они даже придутъ сюда и принудятъ васъ отдать имъ все ваше гейльброннское

*) Союзные акты, связка 96 № 16, въ штутгартскомъ архивѣ.

**) Союзные акты, связка 88 № 24.

вино и весь вашъ хлѣбъ, да въ придачу еще и деньги.» — «Этого не допуститъ Богъ, вскричалъ одинъ гейльброннецъ; пусть уже лучше перерѣжутъ всѣхъ крестьянъ.» Споръ между ними могъ дойти до кровавой развязки, если бы не вмѣшались другіе; каждый остался при своемъ. *)

Ратсгеры съ нетерпѣніемъ ожидали вѣстей изъ Ульма; они прислушивались ко всякимъ слухамъ, приходившимъ оттуда. Вскорѣ послѣ перваго письма, Гансъ Роттъ увѣдомлялъ ихъ опять, что оберландскіе города прислали въ Ульмъ своихъ посредниковъ, съ предложеніемъ вступить въ переговоры, которые одни и могутъ улучшить настоящее положеніе дѣлъ. «Я-же полагаю, заключаетъ дальновидный мужъ, что если переговоры не состоятся, то возгорится жестокая, всеобщая народная война. Начальникъ Нордлингена сказалъ мнѣ, что у него въ городѣ плохо. Любезные друзья, позаботьтесь о вашемъ городѣ. **)

Надо было подумать гейльбронцамъ объ этихъ извѣстіяхъ; тѣмъ болѣе, что въ городѣ и въ окрестностяхъ положеніе дѣлъ становилось съ каждымъ часомъ сомнительнѣе. Прежде они сами назначали Яклеину день явиться къ суду для разсмотрѣнія его дѣла, и даже вторично призывали его, когда онъ не явился на первый зовъ. Теперь же Яклеинъ хотѣлъ воспользоваться этимъ днемъ, чтобы войти въ городъ. Онъ потребовалъ себѣ свободного пропуска; этимъ требованіемъ поставилъ онъ магистратъ въ очень затруднительное положеніе; онъ сталъ выискивать какой нибудь предлогъ чтобы отказать ему. ***)

Положеніе города походило на осадное; изъ Франконіи и изъ сосѣдняго Эрингена подступали Оденвальдцы и Гогенлоенцы; а въ среду на страстной, союзный городъ Галль извѣстилъ, что они намѣрены напасть на Гейльброннъ; въ тотъ

*) Союзные акты, связка, 92 № 12.

**) Союзные акты, Св. 88 № 24 в.

***) Акты союза, связ. 91 № 26.

же день шейербергскій судья увѣдомилъ совѣтъ, что сегодня же ночью придутъ крестьяне въ Лихтенштернъ и завтра намѣрены отправиться къ Вейнсбергу, Гейльбронну и Неккарсульму; куда прежде, — ему неизвѣстно *). Магистратъ созвалъ всѣхъ гражданъ и объявилъ имъ о предполагаемыхъ средствахъ къ защитѣ города. Въ Гейльброннѣ, съ давнихъ поръ, городское управленіе состояло изъ двухъ элементовъ; — демократическаго и аристократическаго; со временъ императора Карла IV магистратъ составлялся частію изъ простолюдиновъ, частью изъ почетныхъ гражданъ; почетные члены принимали тонъ и видъ аристократовъ и съ пренебреженіемъ обращались съ простолюдинами, засѣдавшими съ ними въ магистратѣ. Теперь же, обращаясь къ нимъ, ратсгерры называли ихъ своими достопочтенными, любезными братьями и добрыми друзьями. Всѣмъ извѣстно, объявилъ магистратъ, что вездѣ кругомъ разгорается возстаніе; никто не знаетъ, къ чему оно поведетъ. Поэтому магистратъ распорядился поручить защиту и главное начальство въ городѣ опытному воину Гансу Шультерлину; а въ каждомъ кварталѣ былъ назначенъ особый квартирмейстеръ; при каждомъ кварталѣ сформированы роты, которыя обязаны присягою во всемъ безпрекословно повиноваться магистрату, подъ страхомъ тяжкихъ наказаній за ослушаніе. Надзоръ за кварталами порученъ будетъ смѣшенной власти, изъ членовъ магистрата и представителей общинъ. Пять человѣкъ, знающихъ военное дѣло и два плотника назначены были для подачи совѣтовъ и осмотра сооружений, необходимыхъ для обороны города **). Вскорѣ послѣ того, въ страстную пятницу, въ городъ прислано было письмо изъ крестьянскаго лагеря подъ Неккарсульмомъ. Оно было адресовано къ сильному и богатому классу владѣльцевъ виноградниковъ и приглашало ихъ вступить въ евангелическое братство. Старѣйшіе изъ виноградарей,

*) Акты союза, связ. 91 № 15 и 16.

**) Акты союза, связ. 91 № 9 и 11.

посовѣтывавшись между собою, отвѣчали своимъ добрымъ друзьямъ въ Неккарсульмъ: «Мы поняли содержаніе вашего письма. Но вы сами должны сознаться, что, будучи связаны обѣтомъ и присягою—во всемъ повиноваться распоряженіямъ нашего начальства, мы поступимъ подло и безчестно, если согласимся на ваше предложеніе. Не приписывайте ни чему другому наше поведеніе; честь одна запрещаетъ намъ согласиться на ваше требованіе, и зная наше побужденіе, судите насъ, какъ хотите.»

Но не всѣ виноградари и гейльбронскіе бюргеры такъ думали. Уже давно новое евангельское ученіе доктора Лахмана имѣло въ городѣ своихъ приверженцевъ, и потому, многіе смотрѣли на предпріятіе крестьянъ, и на все ясное ополченіе, исключая шайки Яклеина, какъ на людей возставшихъ за евангельскія истины; противъ духовныхъ властей нигдѣ не были такъ озлоблены, какъ въ Гейльброннѣ. *) Другіе смотрѣли на это дѣло съ матеріальной точки зрѣнія, какъ на желаніе народа освободиться изъ подъ гнета аристократіи. Такими глазами смотрѣли на возстаніе не только раззорившіеся, бѣдные горожане, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень богатые и почетные бюргеры.

Когда магистратъ замѣтилъ, что не всѣ горожане согласны съ нимъ, то немедленно распорядился послать къ общинѣ двухъ депутатовъ. «Взбунтовавшіеся въ окрестностяхъ крестьяне, поручилъ онъ сказать общинѣ, вѣроятно, замышляютъ что-нибудь дурное и вредное, но противъ кого—магистратъ не знаетъ. Онъ послалъ насъ къ вамъ съ добрымъ намѣреніемъ, чтобы предостеречь васъ, какъ подданныхъ и согражданъ своихъ, и дружески просить, чтобы ни одинъ изъ васъ, какъ словомъ, такъ и дѣломъ не помогалъ бы мятежникамъ. Это было бы противъ долга, который мы должны свято соблюдать, какъ въ отношеніи его императорскаго величества,

такъ и въ отношеніи достославнаго швабскаго союза, священной римской имперіи, князей и другихъ государственныхъ чиновъ; мы можемъ навлечь на себя подозрѣніе въ непокорности и подпасть справедливому гнѣву имперіи; напротивъ того вы должны усердно оборонять какъ нашъ городъ, такъ и нашу собственность. Не забудьте, что почтенный магистратъ говорить это, желая вамъ добра и вамъ слѣдуетъ радушно принять его совѣтъ. *) Изъ Неккарсульма крестьяне послали къ гейльбронцамъ свои требованія, состоящія изъ пяти параграфовъ: они требовали, чтобы имъ дозволено было наказывать городское духовенство, чтобы имъ дано было оружіе, чтобы горожане поклялись оказывать имъ помощь, если таковая понадобится, и не давать убѣжища и пособія ихъ врагамъ, чтобы приняты были 12 тезисовъ и наконецъ если община отягчена чрезмѣрными повинностями отъ города, чтобы эти повинности немедленно были облегчены.

Крестьяне были озлоблены противъ гейльбронскаго духовенства и желали отмстить ему за то, что командоры нѣмецкаго ордена, убили нѣкоторыхъ изъ нихъ **). Въ первое воскресенье послѣ пасхи, командоръ Эберхардъ фонъ-Эхингенъ объявилъ магистрату, что онъ желаетъ остаться у нихъ и подъ защиту города отдаетъ какъ жизнь свою, такъ и состояніе; слѣдовательно онъ ставитъ себя въ зависимость отъ него ***). Магистратъ предложилъ и командору обоюдную помогать другъ другу. Когда намѣреніе крестьянъ—наказать духовенство, сдѣлалось извѣстнымъ, тогда командоръ просилъ покровительства магистрата; магистратъ довелъ до свѣдѣнія общины желаніе командора. Община назначила собраніе, на которомъ письменно предложила магистрату 8 пунктовъ. Въ

*) Союзные акты, . связ. 91 № 6.

**) Союзные акты, связ. 92, № 14.

***) Союз. акты, св. 105. Отчетъ гейльбронцевъ въ своихъ поступкахъ чрезъ доктора Лохмана.

*) Акты союза, связка 92 № 14.

первомъ пунктѣ общала свято, вѣрно и безпрекословно исполнять долгъ свой, не щадя ни жизни, ни имущества. Если, говорилось во второмъ пунктѣ, намѣренія крестьянъ честныя и христіанскія, то община намѣреніямъ этимъ ни въ какомъ случаѣ противиться не будетъ. Въ третьемъ пунктѣ было сказано, еслибы крестьяне стали наносить вредъ бургомистру, магистрату, или городу Гейльбронну, то община обязуется защищать ихъ, употребляя всѣ зависящія отъ нея средства. По вопросу о наймѣ войска для защиты города, въ четвертомъ пунктѣ говорилось, что число наемщиковъ должно быть незначительно; и вообще община желаетъ чтобы занятіе города наемнымъ войскомъ было сдѣлано съ ея вѣдома и согласія. Въ пятомъ пунктѣ община объявила, что хотя она отнюдь не желаетъ принимать участія въ мятежѣ, но и не намѣрена препятствовать крестьянамъ, если они вздумаютъ посягнуть на жизнь, дома и имущества лицъ духовнаго сословія, командора, монаховъ, поповъ и монахинь; она не хочетъ себя стѣснять обязательствами въ отношеніи духовенства, потому что духовенство не несетъ никакихъ городскихъ повинностей. Если какое нибудь духовное лице пожелаетъ, вслѣдствіе своихъ стѣсненныхъ обстоятельствъ, вступить въ бюргерское сословіе, гласилъ шестой пунктъ, то это можетъ быть разрѣшено съ согласія и вѣдома магистрата и общины, и тогда желающій будетъ обложенъ городскими повинностями. Седьмой пунктъ состоялъ въ слѣдующемъ: если какимъ-нибудь образомъ грамоты, принадлежащія общинѣ, попадутся въ руки магистрата, то онъ, не утаивая ихъ, обязанъ возвратитъ по принадлежности. Наконецъ, въ восьмомъ и послѣднемъ параграфѣ, предлагалось достопочтенному магистрату, вмѣстѣ съ общиной, присягнуть въ томъ, что они будутъ дѣйствовать согласно между собой *).

Въ этихъ параграфахъ магистратъ усмотрѣлъ первое об-

(*) Союзные акты, связка 91 № 1)

лочко собиравшейся грозы. Прежде всего онъ рѣшился отправить посла за совѣтомъ къ императору, правителю священной Римской Имперіи и къ славному швабскому союзу, и въ тоже время тайно просилъ эслингенское правительство и сосѣдній городокъ Вимпфенъ—прислать депутатовъ для посредничества между магистратомъ и общиной.

Сдѣлавъ эти распоряженія, члены магистрата принялись за обсужденіе отвѣта на требованія общины. Сначала онъ попробовалъ одними общими мѣстами уклониться отъ положительнаго отвѣта. Городской писарь долженъ былъ доложить общинѣ, что до сихъ поръ, милостію божіею, магистратъ поступалъ честно, добросовѣстно и справедливо во всемъ, что клонилось къ общему благу и касалось ихъ чести. Равнымъ образомъ его усердному ходатайству у императора, у швабскаго союза и у другихъ властей Гейльброннъ обязанъ своими правами вольнаго города. Магистратъ требуетъ единственно только исполненія долга отъ своихъ подчиненныхъ; и онъ надѣется, что они, какъ честные люди, не откажутъ ему въ этомъ; онъ не желаетъ отъ нихъ ничего свыше данныхъ ими подъ присягою обязанностей. Однако-же община не удовольствовалась подобнымъ отвѣтомъ, и настояла на томъ, чтобы магистратъ отвѣчалъ по пунктамъ. Самымъ затруднительнымъ для него былъ пунктъ, касающійся защиты и свободы духовенства.

Послѣ продолжительнаго совѣщанія, магистратъ рѣшился отвѣчать общинѣ такъ: до сихъ поръ, магистратъ по доброй воли никогда не былъ расположенъ дѣйствовать противъ кого бы то ни было, слѣдовательно и противъ крестьянъ, и только лишь одни несправедливости и безчинства вынуждали его къ этому. Если крестьяне вздумаютъ бунтоваться и магистратъ получитъ повелѣніе отъ императора или отъ славнаго Союза дѣйствовать противъ бунтовщиковъ, то онъ надѣется что и бюргеры не захотятъ сдѣлаться ослушниками, и помогутъ ему.

Гейльброннъ, городъ имперскій, присягалъ императору и

союзу въ вѣрности, клятвенно обѣщаль впускать, выпускать и содержать ихъ войска; община знаетъ, что все это исполнялось свято до настоящаго времени, а теперь, дозволяя входъ непріятелю, неужели вы захотите навлечь на себя не-удовольствіе милостиваго вашего господина пфальцграфа, съ которымъ до сихъ поръ вы находились въ добромъ согласіи. Если же ваши начальники, потребуютъ отъ васъ впустить войско для защиты города, то вы, какъ подданные, должны это исполнить. Съ своей стороны, магистратъ того мнѣнія, что городъ долженъ быть занятъ такимъ числомъ войска, которое бы не превышало численность гражданъ. Особъ духовнаго званія въ городѣ не очень много, только командоры, монахи монастыря Богородицы и св. Клары и священники. Каждому извѣстно, что нѣмецкій орденъ, на основаніи данныхъ ему коронованными особами правъ, изъять отъ всякихъ повинностей. Нѣмецкій орденъ въ Гейльброннѣ есть какъ бы представитель Швабскаго союза и городъ, какъ членъ того же союза, обязанъ не только самъ не стѣснять свободу ордена платежемъ податей и разными повинностями но и другихъ не можетъ допустить до этого. Прочія духовныя лица также находятся подъ покровительствомъ города; и поэтому прямая обязанность какъ магистрата, такъ и общины охранять ихъ, согласно данной присягѣ. И такъ какъ все духовенство, наравнѣ съ командорами нѣмецкаго ордена, пользуется дарованными ему императоромъ правами, то едва ли можно обложить его повинностями и податями. Однакоже, не смотря на видимую затруднительность такой мѣры, магистратъ будетъ хотѣть о приведеніи ея въ исполненіе передъ императоромъ. Магистратъ сомнѣвается, чтобы какое либо духовное лицо, оставивъ свой санъ, рѣшилось приписаться къ бюргерскому сословію; если же подобный случай представится, то магистратъ будетъ дѣйствовать, соображаясь съ высочайшею волею и общими пользами города. Грамоты, касающіяся общины, и сданныя по высочайшему распоряженію магистрату, будутъ переданы общинѣ; какъ это дѣлалось прежде, такъ

будетъ дѣлаться и впредь. Наконецъ, послѣдній пунктъ совершенно лишній: уже съ давнихъ поръ магистратъ торжественно обѣщаль и клялся общинѣ—покровительствовать ей и удовлетворять ея нуждамъ, что онъ свято и исполнялъ до сихъ поръ *): Община не удовольствовалась и этимъ отвѣтомъ. Магистратъ, рассчитывая на это, рѣшился на всякій случай, отложить дальнѣйшее объясненіе до завтра. А между тѣмъ бургомистръ Ризеръ предложилъ слѣдующее: приказать собраться одновременно по цехамъ, всей общинѣ, послать отдѣльно къ каждому цеху нѣкоторыхъ изъ преданныхъ магистрату членовъ, поручить имъ выставить въ настоящемъ свѣтѣ благонамѣренность и честность послѣдняго отвѣта магистрата; и, напомнивъ имъ объ ихъ присягѣ, убѣдить ихъ согласиться съ его мнѣніями. Тогда обнаружится, который изъ цеховъ за магистратъ и кто противъ него; полагали, что большинство будетъ за магистратъ **). Скоро посланные убѣдились, что далеко не все большинство общины согласно съ магистратомъ. Составленный, какъ изъ почетныхъ, такъ и изъ цеховыхъ членовъ магистратъ по неволѣ долженъ былъ уступить, такъ какъ и цеховые члены настаивали на этомъ.

Магистратъ имѣлъ на своемъ жалованьи не болѣе 100 человекъ воиновъ. Командоръ, видя возрастающее волненіе между бюргерами и зная, что крестьянское войско находится всего въ одной мили отъ Гейльбронна, пренебрегъ не давно даннымъ магистрату обѣщаніемъ и тайно бѣжалъ въ Гейдельбергъ. Онъ ни сколько не позаботился ни о своей защитѣ, ни о защитѣ своего ордена, даже при своемъ бѣгствѣ не поручилъ нѣмецкаго дома городу. Отъ своего союзника—пфальцграфа—кромѣ утѣшенія магистратъ тоже не могъ ожидать никакой помощи. Нечего было рассчитывать на поддержку со стороны графа Людвигъ фонъ-Гельфенштейнъ и его конницы,

*) Акты союза, связка 91 № 2.

**) Тамъ же, связка 91 № 2.

находившейся тогда въ Вейнсбергѣ, и составленной изъ знатныхъ дворянъ, потому что самъ графъ, бывший въ хорошихъ отношеніяхъ съ магистратомъ, на дняхъ просилъ послѣдняго снабдить его порохомъ и оружіемъ *). Въ субботу на Пасхѣ, магистратъ, въ отвѣтъ на свою просьбу, получилъ отъ графа обѣщаніе помощи, но надежда на нее была плоха; дѣйствительно вскорѣ пришло извѣстіе, что крестьянское войско, стоявшее лагеремъ подъ Неккарсульмомъ, двинулось на осаду Вейнсберга. Едва 500 человекъ бюргеровъ были вооружены, имѣли латы, многоствольныя ружья и другія необходимыя для обороны оружія; лишь часть этого войска была совершенно предана магистрату, другіе сочувствовали возстанію. Часть вооруженныхъ горожанъ, державшая сторону магистрата, недавно на дѣлѣ выказала свое нерасположеніе къ крестьянамъ. Когда Яковъ Рорбахъ съ своею шайкой шелъ мимо ихъ города къ Эрингену, то эти бюргеры, столпившись у городскихъ воротъ, хотѣли напасть на шайку; и только увѣщанія казначея вюртенбергскаго десятиннаго сбора, представившаго имъ, что подобный поступокъ можетъ навлечь на ихъ городъ нападеніе всего крестьянскаго войска, заставили ихъ отказаться отъ своего намѣренія. Но эти, преданные магистрату, горожане составляли меньшинство всего войска.

Магистратъ вторично отправилъ депутацію къ общинѣ. Депутаціи поручено было передать, что достопочтенный магистратъ слушалъ, читалъ и принималъ тѣ пункты, которые, были присланы на его разсмотрѣніе. Тотъ пунктъ, который требуетъ, чтобы духовенство несло одинаковыя съ бюргерами повинности, магистратъ разсмотрѣлъ, обсудилъ и рѣшилъ согласно вашему желанію: съ этого времени всѣ духовныя лица въ нашемъ городѣ, въ деревняхъ съ ихъ окологдеями, со всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, вступаютъ въ бюргерское сословіе, безъ исключенія пользуясь, какъ всѣми его преимуществами, такъ и подчиняясь

*) Союзные акты связка 91 № 27.

всѣмъ его тягостямъ, не смотря на всѣ прежде имъ дарованныя вольныя грамоты. Принимая на себя всѣ городскія повинности, духовныя лица на равнѣ съ прочими горожанами могутъ надѣяться на защиту и покровительство магистрата; буде же они не согласятся, то магистратъ не станетъ считать себя обязаннымъ оказывать имъ какую либо помощь. Настоящее свое рѣшеніе магистратъ намѣренъ письменно изложить отсутствующему нынѣ командору и другимъ духовнымъ лицамъ, какъ живущимъ здѣсь, такъ и тѣмъ, недвижимое имущество коихъ находится въ чертѣ города, и потребовать отъ нихъ, чтобы они подчинились состоявшемуся рѣшенію. Магистратъ никогда не желалъ причинять вамъ зла: и теперь согласно выраженному вами желанію принимать участіе въ распоряженіяхъ магистрата, онъ предлагаетъ вамъ сообщить ему свое мнѣніе чрезъ двухъ вашихъ выборныхъ *).

Съ стѣсненнымъ сердцемъ согласился магистратъ на этотъ пунктъ. Бургомистръ Ризеръ тайно послалъ городского писаря ко всѣмъ духовнымъ въ городѣ—засвидѣтельствовать имъ, что къ этой мѣрѣ магистратъ вынужденъ былъ общиной и потому слагаетъ съ себя за нее всякую отвѣтственность.

«Но не забудьте, говорилъ онъ повѣренному, что я даю вамъ это порученіе тайно. Если же какимъ нибудь образомъ провѣдаютъ, что принятыя мѣры противъ духовенства есть дѣло магистрата, то поступокъ этотъ, чего я и опасаясь, можетъ стоить ему чести и жизни **).

Послѣдствія сдѣланнаго магистратомъ общинѣ предложе-

*) Союзные акты, связка 91 № 3. Начиная отсюда встрѣчается не большой пропускъ въ этихъ актахъ, которые большею частію состоятъ изъ собранія подлинныхъ рукописей бургомистра Ризера. Что магистратъ принужденъ былъ принять и послѣдній пунктъ, предложенный общиной, видно изъ того, что съ этихъ поръ всѣ магистратскія бумаги писаны какъ отъ его имени, такъ и отъ имени общины.

**) Союзные акты, связка 91 № 4 и 5.

нія совершенно не соотвѣтствовали ожиданіямъ послѣдняго; предложеніе его пришло поздно, община не хотѣла ничего уже болѣе слышать о томъ, чтобы духовныя лица такъ скоро были приписаны къ бюргерству; бюргерство, имѣя въ средѣ своей ненавистное крестьянамъ духовенство, могло подвергнуться гнѣву народнаго войска.

Между тѣмъ Вейнсбергъ былъ взятъ приступомъ; это было первымъ ударомъ для магистрата. Сторонники крестьянъ подняли голову; однако вмѣстѣ съ недовольными магистратомъ ихъ все таки было небольшое число.

Они дали знать Георгу Меллеру и Яклеину, чтобы тѣ торопились идти къ Гейльбронну: они помогутъ имъ войти въ городъ. Въ самомъ городѣ они громко заговорили. «Если магистратъ не допуститъ ихъ этого сдѣлать, то они выбросятъ умныя головы за стѣны».

Всегда строгій, магистратъ боялся теперь показать власть свою надъ недовольными и непокорными. Одинъ изъ горожанъ открыто пошелъ въ крестьянскій лагерь. «Погодите, я вамъ покажу, гдѣ хранятся деньги въ Гейльбронской ратушѣ», Чрезъ нѣсколько часовъ въ Гейльброннѣ было уже извѣстно о кровопролитіи, совершенномъ Яклеиномъ, было извѣстно, что не только убиты «всѣ дворяне и конница, но даже его милость, самъ графъ Людвигъ фонъ-Гельфенштейнъ съ тринадцатю дворянами прогнаны сквозь строй *)».

Это было вторымъ ударомъ для магистрата. Онъ послалъ депутатовъ въ крестьянскій лагерь, чтобы спросить, чего они должны ожидать отъ нихъ? Крестьянскіе начальники отвѣчали: намъ извѣстно, что почетные члены Гейльбронскаго магистрата противъ насъ, но они должны будутъ скоро смягчиться; мы знаемъ также, въ какомъ отношеніи къ намъ находится община. Скажите пославшимъ васъ, чтобы они заботились о благѣ своего города, мы съ своей стороны поза-

*) Акты швабскаго союза, связка 92 № 11.

ботимся о томъ же *). Получивъ этотъ отвѣтъ, магистратъ имѣлъ засѣданіе, на которомъ порѣшилъ: такъ какъ община въ недавно предложенныхъ пунктахъ изъявила желаніе, чтобы магистратъ ничего не предпринималъ безъ ея вѣдома и воли **), то собрать ее теперь на площади и сообщить ей отвѣтъ крестьянъ, пусть всякій знаетъ, чего можно ожидать послѣ того отъ нихъ. При этомъ магистратъ просилъ и увѣщевалъ общину подумать о томъ, какъ ей слѣдуетъ вести себя въ отношеніи его императорскаго величества, славнаго швабскаго союза и достопочтеннаго магистрата, чтобы удержать за собой репутацію благочестивыхъ и честныхъ людей. Съ своей стороны магистратъ постарается сдѣлать тоже. По его мнѣнію, имъ слѣдуетъ снова подтвердить клятвою обѣщаніе оборонять имперскій городъ, не впуская туда никого, даже если бы пришлось поплатиться за это жизнию и имуществомъ. При произнесеніи этой клятвы всякій долженъ былъ поднять палецъ — вверхъ. Ратсгеры, поднявъ пальцы вверхъ, клялись, что они, какъ подобаетъ честнымъ людямъ, будутъ противостоятъ, съ божіею помощію, вейнсбергской шайкѣ; часть общины тоже исполнила этотъ обрядъ ***).

Чтобы испытать расположеніе общины къ крестьянамъ, магистратъ предложилъ напасть на отдѣльные взводы, разѣзжавшіе между Вейнсбергомъ и Гейльбронномъ. Община открыто выразила свое нежеланіе дѣйствовать противъ крестьянъ, говоря, что многіе изъ нихъ имѣютъ родныхъ между крестьянами и что всѣ они братья во Христѣ. Изъ толпы слышались восклицанія: «не худо-бы повыгнать весь магистратъ изъ ратуши, а дворянъ, какъ въ Вейнсбергѣ, прогнать сквозь строй». Люцъ Ташенмахеръ и Фламменбекъ предложили завладѣть ключами отъ казначейства, гдѣ хранилась городская

*) Акты швабск. союза, связка 91 № 26.

**) Тоже.

***) Акты союза, связка 91 № 7, связка 92 № 1.

касса; «интересно и намъ знать, что въ ней находится», прибавили они. «Бейте злодѣевъ на смерть», кричала ворвавшаяся на лѣстницу толпа, приближаясь къ залѣ судилища. Въ это время появился между бунтовщиками докторъ Лахманъ, за которымъ посылалъ магистратъ, предвидя собирающуюся надъ своею головою опасность; силою своихъ рѣчей, другъ Меланхтона, проповѣдникъ церкви св. Николая, этотъ любимый народомъ реформаторъ, успѣлъ умирить и удалить отъ ратуши разъяренную толпу.

Еще подъ Неккарсульмомъ многіе бюргеры успѣли побывать въ крестьянскомъ лагерѣ, и при возвращеніи своемъ оттуда, не могли довольно наговориться о крестьянскомъ мужествѣ и неустрашимости *). Въ Вейнсбергѣ также многіе перебивали, а нѣкоторые изъ заговорщиковъ даже участвовали въ штурмѣ города; и въ короткое время, между великимъ четвергомъ и пасхою, партія, стоявшая за крестьянъ, успѣла въ городѣ одержать верхъ. Когда большая часть бюргеровъ отказалась отъ предложенной имъ присяги—сражаться противъ крестьянъ, то нѣкоторые изъ магистратскихъ стали приставать къ нимъ: «Какъ, вы не хотите возобновить присяги, говорилъ одинъ изъ почетныхъ членовъ магистрата. —Да, отвѣчалъ Гансъ Биссингеръ, мы не намѣрены присягать, потому что, не знаемъ какой оборотъ приметъ это дѣло.—Какъ, какой оборотъ, продолжалъ почетный гражданинъ, мы должны, если того потребуетъ присяга, положить жизнь свою и имущество за магистратъ и общину.—Я несогласенъ съ вами, вскричалъ Биссингеръ, и знаю заранѣе, что пункты будутъ приняты магистратомъ.—Какіе тутъ пункты, заговорилъ Концъ Вейсбронеръ, развѣ мы не намѣрены, какъ хорошее такъ и дурное, дѣлить по ровну между собою? Ну нѣтъ, вскричалъ Биссингеръ, я не согласенъ, пока не узнаю, въ чемъ будетъ состоять это хорошее и дурное». Съ проклятіями отошелъ отъ нихъ Вейсбронеръ, изъ толпы же вслѣдъ ему посыпались

*) Акты союза, связка 98 № 8.

угрозы. Леонардъ Мюнхъ, одинъ изъ почетныхъ гражданъ, съ своей стороны попробовалъ также уговаривать ихъ: «Гансъ Биссингеръ, сказалъ онъ, неужели ты непримешь присяги? Былъ же ты другомъ магистрата, такъ неизмѣняй ему, какъ честный человѣкъ.—Зачѣмъ я буду присягать, отвѣчалъ Биссингеръ, когда знаю очень хорошо, что долженъ буду измѣнить этой присягѣ?—Убивать намъ другъ друга, чтоли? вскричалъ Юнгъ-Гансъ-Госсъ, одинъ изъ жаркихъ сторонниковъ возстанія*). Гансъ Флуксъ, уговаривалъ Конрада Штейфельдера, подававшего голосъ за магистратъ: «Конрадъ, подобными рѣчами, боюсь я, накличете вы на свою голову бѣду». Гансъ Менгъ, обращаясь къ виноградарямъ, сказалъ: «Теперь власть въ вашихъ рукахъ». Бернгардъ Шультхейсъ обходилъ всѣхъ колебавшихся; убѣжденіями и угрозами онъ принуждалъ ихъ отказаться отъ присяги. Оба Госса совѣтовали убивать всѣхъ, которые присягнутъ магистрату. Одинъ изъ нихъ, обращаясь къ присутствовавшимъ сказалъ: «Удалитесь отсюда тѣ, которые имѣютъ друзей или родныхъ, приверженныхъ магистрату». Это относилось къ стоявшимъ вблизи, молодому дворянину и лавочнику Никласу. «Останемся здѣсь, сказалъ послѣдній и послушаемъ, что онъ будетъ говорить». Ораторъ-же продолжалъ: «По моему мнѣнію, самое разумное въ настоящее время созвать отдѣльно обѣ партіи магистрата аристократическую и демократическую—отобрать отъ каждаго изъ членовъ партій по одиночкѣ его мнѣніе, желающихъ дѣйствовать съ нами сообща оставить при ихъ должностяхъ, противниковъ же уволить отъ службы и замѣстить другими; и составленный такимъ образомъ магистратъ отправить въ Аугсбургъ и Ульмъ съ порученіемъ оправдать тамъ наше поведеніе». Стоявшіе вокругъ оратора товарищи выразили желаніе поступать согласно предложенному плану. «Это мнѣ нравится болѣе прочихъ

*) Акты союза, связка 99 в. № 1, 1.

мнѣній», сказалъ Бернхардъ Шель. Никласъ, наклонясь къ уху молодаго своего пріятеля сказалъ: «Бѣги и немедленно извѣсти обо всемъ бургомистра *).

Община негодовала на магистратъ болѣе всего за то, что онъ, во первыхъ, не хотѣлъ согласиться на нѣкоторые изъ предложенныхъ ему пунктовъ, и во-вторыхъ, обманывалъ ее, перетолковывая намѣренія крестьянскаго войска; онъ хотѣлъ заставить думать общину, будто крестьяне намѣрены завладѣть городомъ, тогда какъ горожане, имѣвшіе сношенія съ крестьянами, утверждали совершенно противное; они говорили, что противъ города-крестьяне ничего не имѣютъ, что они желаютъ мстить только однимъ, ненавистнымъ имъ и достойнымъ наказанія, кавалерамъ нѣмецкаго ордена. Потому во всей общинѣ поднялся ропотъ, всѣ заговорили, что магистратъ не погнушался даже ложью. «Крестьяне не хотятъ нашей гибели, вскричалъ Гансъ Госсъ; они сами сказали намъ это. Да, мы не хотимъ повиноваться настоящему магистрату и желаемъ выбрать новый совѣтъ, кричали Гансъ Мерглеръ и Бартэль Экерлейнъ. Мы отправимся къ крестьянамъ, говоритъ Андреасъ Шнекъ и приведемъ сюда все ополченіе. Здѣсь не хотятъ намъ оказывать должной справедливости, говоритъ Вольфъ Бекеръ, и потому мы лучше позовемъ сюда крестьянъ. Да, согласился съ нимъ Вендель Решеръ, впустимъ въ городъ крестьянъ, они ничего не сдѣлаютъ намъ худого. Вы, господа, смотрите въ оба, сказалъ Лудвигъ Герцогъ магистратскимъ депутатамъ, не досмотрите вы, такъ мы досмотримъ и выбросимъ васъ на площадь **).

Ратсгеры, по собственному ихъ выраженію, «послѣ исполненія кроваваго приговора въ Вейнсбергѣ, были полны ужаса и опасеній» ***), и, при ежечастно возрастающихъ вол-

*) Акты союза, связка 99 в. № 3, 4, 5, 7.

**) Акты союза. связка 99 в. № 7, 9, 16.

***) Донесеніе магистрата швабскому союзу, связка 106.

неніяхъ внутри города, кормило правленія ускользало у нихъ изъ рукъ.

Съ площади оппозиція двинулась къ камерамъ богатыхъ владѣтелей виноградниковъ, которые тоже пожелали подчиниться общему цеховому управленію. Уже въ этотъ день, передъ ранней обѣдней, они держали совѣтъ въ камерѣ верхнихъ виноградарей, на которомъ условились на другое утро собраться тутъ-же, пригласивъ по одному или по два представителя отъ cadaго ремесленнаго цеха, чтобы вступить въ переговоры съ магистратомъ. Тамъ же, вечеромъ, собралось много виноградарей, къ нимъ примкнули заговорщики, присягнувшіе въ вѣрности евангелическому союзу; особенно отличались между ними суконщикъ Гутманъ Кристъ, Шереръ и Ташенмахеръ: вышвырнуть магистратъ и прогнать его сквозъ строй,—таково было господствующее мнѣніе. Для того, чтобы ихъ не застали въ расплохъ, у дверей были разставлены караульные. Палата нагорныхъ виноградарей имѣла видъ настоящаго арсенала: по стѣнамъ развѣшаны были алебарды, латы, копья и пищали, которыя выдавались всѣмъ желающимъ. Всѣ были того мнѣнія, что слѣдуетъ послать выборныхъ къ крестьянамъ въ Вейнсбергъ. Въ понедѣльникъ на пасхѣ, Вольфъ, булочникъ съ горшечной площади, встрѣтивъ одного изъ приверженцевъ магистрата съ насмѣшкой обратился къ нему. «Что у васъ тамъ дѣлается въ магистратѣ? Подавиться бы вамъ всѣмъ! Вотъ мы, такъ устроили хорошее дѣльце: собрали комисію и отправили ее къ крестьянамъ *).

Всѣмъ, присягнувшимъ противодѣйствовать крестьянамъ, приходилось выслушивать горькія рѣчи. Когда провозили графиню фонъ-Гельфенштейнъ черезъ Гейльброннъ, то одинъ изъ присягнувшихъ горожанъ сказалъ женщинамъ, глядѣв-

*) Союзные акты, связка 99 а № 34. 31. Связка 996. № 1.17.53.

шимъ на этотъ грустный поѣздъ: «насмотритесь еще не на такія зрѣлища за эту ночь; графъ-то вѣдь убитъ.—Да, отвѣчала одна изъ горожанокъ, всѣ вы, засѣдающіе на длинныхъ судебныхъ скамьяхъ, охотно говорите только о томъ, что вамъ самимъ пріятно слушать, потому и отправляйтесь во свояси, и предоставьте дѣлу идти, какъ оно начато въ Вейнсбергѣ. —Ну ужъ, подсмѣивалась жена Венделя Гиплера, выкинули же вы вчера штуку, признаться и женщина бы не допустила сдѣлать съ собою этого.—Что же такое мы сдѣлали? спросилъ ее бюргеръ.—Какъ что? вскричала Гиплерша, да васъ, кажись, принудили къ присягѣ!—Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, меня не принуждали, напротивъ я самъ старался другихъ уговорить.—Нечего сказать, благодарное дѣло вы затѣяли, сказала женщина, сами себя запродаете въ мясной рядъ *)

Леонардъ Вельднеръ и другіе бюргеры, не смотря на запрещеніе городского начальника, Ганса Шультерлина, всю ночь на пасху, поддерживали собственноручно сторожевой огонь на улицахъ **). Въ понедѣльникъ на пасхѣ уже очень немногіе въ городѣ считали нужнымъ повиноваться магистрату, и угрозы сыпались на тѣхъ, которые присягнули ему идти противъ крестьянъ: «слѣдовало бы обрубить имъ руки, чтобы они ихъ держали за пазухой» ***). «Мы имѣемъ право такъ поступить съ ними, говорилъ Матеей Гунтеръ; во первыхъ, это послужить урокомъ и другимъ; во вторыхъ, наказывая бездѣльниковъ и разоблачая ихъ обманъ, мы положимъ начало нашему новому счастью. Теперь намъ легко будетъ жить на свѣтѣ.—Не говори такъ, любезный Матеей, возразилъ ему Кунцъ Вейсбронеръ, ты ошибаешься: если мы потеряемъ, то и ты не меньше нашего.—Хотя бы и такъ, отвѣчалъ тотъ, все же такъ должно случиться ****). Ночнымъ караульнымъ

было выставлено вино на счетъ магистратскихъ городскихъ суммъ. Пьяные приходили и требовали себѣ все болѣе и болѣе.—«Любезные друзья, сказалъ имъ членъ магистрата Конрадъ Шрейберъ, мнѣ кажется, что вы уже достаточно выпили; впрочемъ если вы требуете еще, то идите въ мой собственный погребъ и цѣдите тамъ изъ любой бочки.—Наплевать намъ на твое вино», отвѣтилъ ему Гансъ Надлеръ, стоявшій впереди всѣхъ, и когда тотъ, вышедши изъ магистрата, запиралъ ворота, Гансъ Надлеръ прибавилъ: «Ты, небось, думаешь, господчикъ, что весь городъ держится тобою? Нѣтъ, прошло то время, когда ты здѣсь господствовалъ, не вы а другіе люди будутъ господствовать здѣсь.» Шрейберъ шелъ—ничего не отвѣчая.—«Я также думаю, подхватилъ Гиршъ Вендель, что не долго имъ здѣсь быть господами» *). Около городскихъ воротъ, ведущихъ къ Вейнсбергу, собралась толпа мужчинъ и женщинъ и поднялся ужасный шумъ. Въ спорѣ, одинъ горожанинъ ударилъ другого копьемъ, тотъ упалъ и когда подошли къ нему, оказалось, что онъ былъ мертвъ **). Косой Глесеръ, виноградарь, помѣстился на одну изъ рѣшетокъ около городскихъ воротъ.—«Что вы дѣлаете? закричалъ ему ратсгеръ Конрадъ Вейсбронеръ, развѣ вы не видите, что непріятель уже близко?—А сами вы, куда дѣнетесь? спросилъ его тотъ.—Конечно позабочусь о себѣ, отвѣчалъ ратсгеръ.—Это ни къ чему не поведетъ, крестьяне придутъ сюда.—А до этого, мы все же должны опасаться ихъ.—Нечего ихъ бояться, крестьяне люди добрые, прибавилъ Глесеръ.—Я на нихъ не полагаюсь, сказалъ почетный горожанинъ.—Кто другимъ не довѣряетъ, тому тоже нельзя довѣряться, отвѣчалъ косой виноградарь.—Да тебѣ и нельзя, возразилъ ратсгеръ.—А тебѣ еще меньше». Опасаясь, что дальнѣйшій споръ поведетъ къ плохой развязкѣ, Гансъ Берлинъ шепнулъ Вейсбронеру: «замолчи, я тебѣ говорилъ уже, чтобы ты былъ осторожнѣе.» Вейсбронеръ

*) Союзные акты, связка 99 в. № 10.

**) Союзные акты, связка 99 в. № 32.

***) Союзные акты, связка 996. № 16.

****) Союзныя акты, связка 996. № 1.

*) Союзные акты, связка 996. № 19.

**) Союзные акты, связка 996. № 8.

еще прежде раздражилъ противъ себя народъ, потому теперь долженъ былъ замолчать, чтобы не возбудить противъ себя еще большего гнѣва. Чтобы спасти жизнь, онъ согласился съ окружающими, что бездѣльникъ, убитый у городскихъ воротъ—сторонникъ магистрата—«заслуживалъ этого.» Слова эти его спасли, и онъ невредимо прошелъ сквозь толпу, намѣревавшуюся убить его *).

Ратсгеры собрались и совѣщались о защитѣ городскихъ стѣнъ и входовъ, между тѣмъ какъ нѣкоторые изъ нихъ ходили по городу и призывали къ оружію жителей. Повсюду встрѣчали они мало усердія и много насмѣшекъ, особенно отъ женщинъ. «Эхъ, говорила дочь Христіана Шерера, зачѣмъ эти люди такъ суетятся? вѣдь бѣднымъ ничего не сдѣлаютъ худого, только такіе богачи, какъ Андреасъ Мюллеръ и Гансъ Ризеръ, должны опасаться за свою жизнь». Когда богатая горожанка, въ домѣ которой жилъ старшій Гутманнъ, хотѣла таскать на стѣны камни и порохъ, другія женщины сказали ей: «оставишь ли ты въ покоѣ наши камни?—Тетушка, говорила ей же крестьянка изъ Франкенбаха, если я не ошибаюсь, здѣшніе бюргеры обѣщали крестьянамъ, въ числѣ пяти сотъ, хорошо вооруженныхъ человѣкъ—перейти на ихъ сторону». Почтенная горожанка прежде не обращала вниманія на рассказы своихъ работниковъ о всемъ, что случилось въ Вейнсбергѣ, а теперь одинъ изъ ея поденщиковъ прямо говорилъ ей: «если бы магистратъ раньше высказался противъ крестьянъ, я тогда же ушелъ бы къ нимъ, и случись подъ рукою какое оружіе, я бы охотно поднялъ его на графа.—Что ты противъ него имѣешь? спросила домохозяйка.—Э, да съ подобными бездѣльниками такъ и слѣдуетъ поступать, отвѣчалъ работникъ; мы только предупредили бы ихъ, сдѣлавъ съ ними то, что они хотѣли сдѣлать съ нами **).—Крестьяне, лю-

*) Союзные акты, связка 99 а, № 1.

**) Союзные акты, связка 99 а, № 20.

ди добрые, говорила Анна Либъ, я относилась имъ порохъ; когда они придутъ сюда, всѣ бѣдные останутся ими довольны *). А мельничиха тутъ же прибавила: «а у господъ бывало мы должны были возить навозъ. Если бы теперь ктонибудь изъ нихъ появился у городского входа, я бы собственными руками турнула его отсюда **). Когда стрѣлки, съ барабаннымъ боемъ и звукомъ роговъ, обходили городъ, въ отдаленныхъ улицахъ поднялся крикъ: крестьяне идутъ! Узнавъ же, что это сторожевой обходъ, въ толпѣ послышался голосъ: «эхъ, какъ жаль что это не они, какъ бы я желалъ, чтобы это было крестьянское войско».

Когда ратсгеръ Андреасъ Мюллеръ хотѣлъ распоряжаться отъ имени магистрата, Йоргъ Крапфъ закричалъ: «нас... въ пасть твоему магистрату». Гансъ Нестлеръ, стоя у своихъ дверей, ругался: «провалиться бы вамъ съ вашимъ магистратомъ, большая мнѣ до него нужда; и усѣвшись на свою клячу, уѣхалъ изъ города, говоря: «не хочу я здѣсь оставаться» *). Къ нему присоединилось много конныхъ и пѣшихъ. Канатный мастеръ, Петръ Коберъ, всѣ бывшіе у него канаты предложилъ крестьянамъ для фитилей, онъ былъ изъ числа пятнадцати, засѣдавшихъ въ магистратской комисіи. Двое другихъ перевезли къ нимъ же пороховой магазинъ. Каменная стрѣла, при уходѣ своемъ, вскричалъ: «башмакъ, сюда!» Слова старшаго бургомистра Дигеля, грозившія ему наказаніемъ, сказаны были имъ на вѣтеръ. Пришедшіе въ городъ на заработки тоже всѣ повыбрались изъ него. Гансъ Мантель говорилъ: крестьяне возвысятъ здѣсь цѣны на работы. Гансъ изъ Эгера, слышавшій эти слова отвѣчалъ: я тоже думаю, что это будетъ такъ. «Жирныя пузы! сказали оба крестьянина, придется намъ окрестить васъ другимъ именемъ *).

*) Союзные акты, связка 99 а № 19.

**) Союзные акты, связка 99 в. № 9.

***) Союзные акты, связка 99 в. № 7.

****) Союзные акты, связка 99 в. № 19. 9. 7.

Когда стало известно, что крестьяне хотятъ наказать городское духовенство и завладѣть его имуществомъ, многіе объявили, что имъ самимъ слѣдуетъ овладѣть домами духовныхъ лицъ. Нѣкоторые изъ виноградарей тоже согласились участвовать въ этомъ дѣлѣ, крестьяне изъ страха чтобы не вырубили ихъ виноградники. «Нѣтъ, вскричалъ одинъ изъ нихъ, я лучше соглашусь сдать крестьянамъ весь городъ, чѣмъ позволю, хоть одну палку вырубить въ моемъ виноградникѣ *). «Бейте сборъ, кричали многіе изъ нихъ барабанщикамъ, которыхъ они привлекли на свою сторону, рѣшимъ дѣло на міру»; съ барабаннымъ боемъ, виноградари отправились на рыночную площадь держать сходку. Говорилось, что слѣдуетъ самимъ горожанамъ овладѣть духовными имуществами, такъ какъ въ городѣ много бѣдныхъ **). Предполагалось зданія нѣмецкаго ордена отдать подъ цеховую управу верхнихъ виноградарей, а въ монастырѣ босоногихъ помѣстить низовыхъ жителей, башмачниковъ, работающихъ на бюргерскихъ жонъ. Сначала не пришли ни къ какому рѣшенію, а между тѣмъ отдѣльныя толпы крестьянъ показались уже передъ стѣнами города. Одинъ изъ бюргеровъ Фознлогъ, по прозванію монахъ, ходившій къ крестьянамъ въ Вейнсбергъ, увѣрилъ ихъ, что они найдутъ входъ въ Гейльброннъ открытымъ ***); между тѣмъ магистрату удалось его запереть. Стѣны тоже были заняты бюргерами, между которыми находились какъ друзья, такъ и враги крестьянъ. На одной изъ городскихъ башенъ стояли дворянинъ Мартинъ фонъ-Цейтенъ и Каспаръ Геллеръ. «Что, развѣ хотятъ стрѣлять по крестьянамъ? спросилъ послѣдній.—Я бы съ удовольствіемъ выстрѣлилъ въ нихъ, отвѣчалъ дворянинъ. Да не только въ крестьянъ, но и во всѣхъ, кто съ ними за одно. Кто изъ бюргеровъ держитъ ихъ сторону, тотъ бы и оставался съ ними внизу, а то здѣсь ука-

*) Союзные акты, связка 99 в. № 1.

**) Союзные акты, связка 99 а № 31, связка 99 в. № 20.

***) Союзные акты, связка 99 в. № 9.

жутъ ему его настоящее мѣсто.—Я вѣдь тоже бюргеръ, сказалъ Каспаръ». Нѣсколько крестьянъ перешло ровъ. «Завтра, закричалъ одинъ, я хочу быть бургомистромъ вашего города. Этого не допустить Богъ, возразилъ дворянинъ, прежде я васъ всѣхъ перевѣшаю.—Эхъ вы толстобрюхіе, вскричалъ крестьянинъ, такъ вы не хотите впустить насъ въ городъ? Бѣдные впускаютъ насъ охотно». Въ это время подошелъ къ говорившему, перешедшій къ крестьянамъ, наибѣднѣйшій изъ гейльбронскихъ бюргеровъ, Альбрехтъ Бонпель, оставившій въ городѣ все свое имущество, жену, четверыхъ малыхъ ребятъ, старую постель, кружку и рака *).—«Ладно, Мартинъ, сказалъ онъ, когда мы войдемъ въ городъ, припомню я тебѣ твои слова». Угроза эта такъ устранила дворянина, что онъ сейчасъ-же отошелъ прочь. «Сдѣлай ты хоть одинъ выстрѣлъ по крестьянамъ, сказалъ ему Томасъ Динпахъ, быть бы тебѣ сброшеннымъ съ башни, подобно Дидриху фонъ-Вейлеръ **). Жена Клауса Греслина, отважная женщина, дѣйствительно столкнула со стѣны одного дворянина, враждебно смотрѣвшаго на крестьянъ ***). «Ружья мои, сказалъ Бернхардъ Зейцъ, не стрѣляютъ въ крестьянъ». Другіе заряжали ихъ бумагой. Богатый бюргеръ, Симонъ Герцогъ, до того простеръ свое усердіе къ крестьянамъ, что на другой день, когда городъ велъ переговоры съ ними, онъ весь смочилъ водою порохъ. «И теперь будутъ еще утверждать, сказалъ онъ стоявшему возлѣ него бургомистру, что крестьянамъ только тогда возможно войти въ городъ, когда они превратятся въ журавлей и перелетятъ черезъ стѣны ****). Гейльбронцы, работавшіе въ виноградникахъ, завидя приближающихся къ городу крестьянъ, кричали имъ оттуда: «Будьте здоровы, любезные друзья, мы поспѣшимъ вслѣдъ за вами».

*) Опись, связка 95 в.

**) Союзные акты, связка 99 а. № 31.

***) Союзные акты, связка 99 в. № 9.

****) Союзные акты, связка 99 в. № 10.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Занятіе Гейльбронна крестьянами.

Подосланные магистратомъ лазутчики донесли ему, что крестьяне владѣютъ двумя шлангами и тремя полушлангами, еще четырьмя фальконетами *) и многими доппельхаками **); передъ распятіемъ объявили, что все это находится передъ городомъ, и если не вѣрятъ имъ, то они готовы подтвердить свои показанія клятвою. Орудія, частью гогенлоэнскія, частью вейнсбергскія, дѣйствительно были расположены кругомъ города, но шпіоны не провѣдали, что у крестьянъ не было ни одного зерна пороху. Донесеніе это было третьимъ ударомъ для магистрата, который и безъ того унывалъ и былъ совершенно обезсиленъ внутренними несогласіями.

На площади снова собрана была община и магистратъ потребовалъ, чтобы всѣ, желающіе противиться крестьянамъ, честно перешли на его сторону. Самая небольшая часть общины высказалась за него, другіе же пожелали вести переговоры съ крестьянами; многіе явно выказали при этомъ свое сочувствіе къ крестьянскому дѣлу. Магистратъ употребилъ всѣ, отъ него зависящія, средства для защиты города: онъ отдалъ приказаніе Гейнриху Гиндеру сдѣлать насыпь у городскихъ воротъ, чтобы затруднить входъ непріятелю; но Гиндеръ вскорѣ возвратился, и, со слезами на глазахъ, рассказывалъ, что онъ не могъ исполнить даннаго ему порученія, и не сдѣлалъ ничего для защиты воротъ, потому что женщины хотѣли его убить; одна дѣвушка, дочь почетнаго гражданина, принялась было таскать землю и навозъ для насыпи, но всѣ женщины закричали ей, чтобы она убиралась

*) Старинная 1 фунтовая пушка.

**) Крѣпостное ружье, со стержнемъ внизу ложи.

прочъ и лучше сѣла бы за пряжу. Когда ратсгеръ Дицъ просилъ ихъ помочь ему укрѣпить городскія ворота, онѣ отвѣчали, что лучше пойдутъ помогать крестьянамъ. Съ другими ратсгерами поступили точно также. Всѣ возвратились ни съ чѣмъ и жаловались, что не только имъ не оказали помощи, но, напротивъ, всѣ ружья на стѣнахъ заколачивали чурбанами, или наполняли водой, порохъ мочили и разсыпали. Многіе кричали, что имъ нечего ѣсть и пить. Магистратъ поспѣшилъ унять эти крики, приказавъ напоить и накормить недовольныхъ бѣдняковъ на счетъ городскихъ суммъ; за неимѣніемъ своего погреба, онъ велѣлъ выкатить три бочки вина изъ погреба нѣмецкаго ордена. Во время бражничанья, передъ городомъ показались передовые отряды крестьянскаго войска и вскорѣ Яковъ Рорбахъ съ другими вождями явился передъ городскими воротами. Одинъ купецъ, ѣхавшій изъ Галля, встрѣтивъ крестьянъ, спросилъ: куда они спѣшатъ?— «На праздникъ освѣщенія гейльброннскаго храма», отвѣчали они. Черная Гофманша, бывшая при штурмѣ Вейнсберга, *) и теперь шла къ Гейльбронну впереди войска, ободряя и возбуждая крестьянъ: приблизясь къ городскимъ воротамъ, она осыпала проклятіями городъ и магистратъ, называя послѣдній «сборищемъ злодѣевъ и бездѣльниковъ», къ крестьянамъ же обратилась съ благословеніемъ **).

Многіе ратсгеры, знакомые съ Рорбахомъ, выйдя изъ города, стали дружелюбно упрашивать начальниковъ удалить ополченіе отъ Гейльбронна. «Любезный господинъ, обратился Рорбахъ къ одному изъ ратсгеровъ, такъ какъ вы довѣрчиво обращаетесь ко мнѣ съ просьбою, то мы постараемся устроить такъ, чтобы никому не было сдѣлано ничего дурного». Въ то время, какъ одни ратсгеры переговаривали съ крестьянами, другіе, оставшіеся въ городѣ, ударили въ набатъ и, съ городскихъ стѣнъ сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ

*) Союзные акты, связка 98 № 16 а и в.

**) Тамъ-же.

по крестьянамъ. Это обстоятельство тотчасъ же прервало переговоры, ратсгеры поспѣшно удалились въ городъ и двое изъ нихъ, бросившись на стѣны, велѣли прекратить стрѣльбу, подѣ страхомъ смертной казни. Яклеинъ-же, только-что обѣщавшій освободить отъ контрибуціи монастырь кармелитовъ, лежавшій при входѣ въ городъ, тотчасъ началъ раззорять монастырскій храмъ, желая этимъ выразить свое негодованіе. Сторонники крестьянъ изъ города отправились къ нимъ черезъ флейнскія ворота, а Гансъ Дигель, старецъ, убѣленный сѣдинами, въ прежніе годы бывшій городскимъ бургомистромъ, сѣвши у городскихъ воротъ, съ поднятыми къ небу руками, убѣждалъ своихъ согражданъ воротиться и защищать родной городъ. Одинъ изъ приверженцевъ магистрата, бывшій тутъ же, посылалъ во слѣдъ уходившимъ ругательства: «Да осквернятся для васъ страсти Христовы; вы хотите сегодня измѣнить вашему начальству». Но не эти проклятія, а горестный видъ и увѣщанія почтеннаго старика, заставили одуматься бѣгущихъ: по немногу, одинъ за другимъ, всѣ вернулись въ городъ. «Мы не желали», говорили они потомъ, огорчить старика, который такъ жалобно на насъ смотрѣлъ». Крестьяне дали знать городу, что если имъ не отворять городскихъ воротъ, то они начнутъ штурмовать городъ и вырубать виноградники. Георгъ Мецлеръ, также подошедшій къ городскимъ стѣнамъ, потребовалъ, чтобы городъ выставилъ продовольствіе всему войску. Магистратъ совершенно потерялъ голову. Утративъ всякое вліяніе, онъ все-таки льстилъ себя надеждою и старался убѣдить другихъ, что пользуется прежнимъ могуществомъ: увидя, что одинъ изъ горожанъ разсматриваетъ крестьянское войско, онъ сталъ увѣрять его, что всѣхъ этихъ суровыхъ господъ можно спихнуть однимъ пальцемъ. Но отказать наотрѣзъ Георгу Мецлеру онъ все-таки не отважился. Подождавъ немного, Мецлеръ вторично, съ угрозой, потребовалъ того же. Дѣлать было нечего: извнѣ грозили городу крестьяне, внутри-же волновалась община; магистратъ счелъ нужнымъ отправить въ лагерь съ

двумя ратсгерами, пятнадцать бочекъ вина и одинъ присяжный посланъ былъ съ обозомъ, для вымѣрки вина и для полученія денегъ по расчету, какъ того желалъ главный начальникъ. Городскіе булочники пекли хлѣбы крестьянамъ по распоряженію магистрата и никто не имѣлъ основанія сомнѣваться, что шайка Мецлера, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ, не честно расплатилась.

Вскорѣ за этимъ, Георгъ Мецлеръ вторично потребовалъ, чтобы шайка была впущена въ городъ, съ прежнимъ уговоромъ, т. е., что крестьяне только хотятъ наказать враговъ своихъ—духовенство, и что городъ долженъ содѣйствовать имъ въ этомъ; только тогда ихъ христіанскіе братья намѣрены по любовно переговорить съ ними; въ противномъ случаѣ, городъ будетъ опустошенъ, и всѣ горожане подвергнутся одинаковой участи съ духовенствомъ. Ужасная драма, разыгранная крестьянами по сосѣдству, въ Вейнсбергѣ, произвела сильное впечатлѣніе и на спокойныхъ, вѣрныхъ бюргеровъ. Когда угроза стала извѣстна общинѣ, то эта послѣдняя высказала такое мнѣніе: зная хорошо, что крестьяне не намѣрены причинить вреда городу, община не желаетъ изъ-за кавалеровъ нѣмецкаго ордена подвергать себя одинаковой участи съ Вейнсбергомъ. Магистратъ увидѣлъ, что община слишкомъ расположена уступить крестьянамъ *) и что дальнѣйшее его упорство можетъ быть причиною мятежа. Онъ поспѣшилъ увѣдомить надзирателя орденскихъ имѣній, чтобы тотъ спасалъ что можетъ, и что магистратъ окажетъ ему свое содѣйствіе. Надзиратель отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ на это никакихъ распоряженій отъ командора, однако проситъ прислать ему пороху;—въ этомъ не было ему отказано и вручено было столько, что можно бы было и безъ него обойтись. Затѣмъ магистратъ назначилъ отъ себя троихъ депутатовъ въ крестьянскій лагерь, въ числѣ которыхъ былъ богатый бу-

*) Союзные акты, связка 91, № 25.

лочникъ и виноторговецъ, Гансъ Мюллеръ Флуксъ, глава общинной оппозиціи; имъ поручено было вести тайные переговоры съ крестьянскимъ совѣтомъ. Многіе крестьянскіе начальники и совѣтники вмѣстѣ съ ними вошли въ городъ, принеся съ собою составленные уже пункты договора, и магистратъ долженъ былъ обратно провести ихъ изъ города. Тотчасъ послѣ этого, магистратъ распорядился отрядить нѣсколько человѣкъ отъ городскихъ взводовъ, приказавъ имъ «охранять и оберегать дворецъ нѣмецкаго ордена», но никто изъ назначенныхъ не согласился на это. Почти въ тоже время открыта была малая дверь главнаго входа, и часть шайки вошла въ городъ. Это было такъ искусно устроено, что нельзя было догадаться—была-ли дверь отворена по распоряженію магистрата или по распоряженію общины. Вошедшій отрядъ, занявъ городъ, послалъ одного изъ вождей возвѣстить лагерю: «братья, мы еще пріобрѣли городъ».

Главный начальникъ Георгъ Мецлеръ, старшина ополченія Гансъ Рейтеръ изъ Берингена, Яковъ Рорбахъ и распорядитель грабежа Альбрехтъ Эйзенхутъ пришли вмѣстѣ съ отрядомъ въ городъ. Къ этимъ четверымъ магистратъ назначилъ столько же отъ себя и столько же отъ общины для веденія переговоровъ. Когда крестьянскіе начальники шли въ ратушу, одинъ ратсгеръ закричалъ имъ: «старшина и вы начальники, знайте, почтенный магистратъ желаетъ, чтобы вы удалили изъ города ополченіе». — «Мы должны еще учинить здѣсь правосудіе», отвѣчалъ Георгъ Мецлеръ, намекая на командора. Гансъ Рейтеръ, крестьянскій старшина, Яковъ Рорбахъ и Гансъ Бельдербаннъ, гейльброннскій городской писарь, обратились къ собравшейся на рынокъ общинѣ, говоря ей, что они идутъ не противъ императора, но охраняютъ евангеліе, согласно ученію Павла. «Кто хочетъ быть съ нами заодно, заключили они, тотъ подними руку», тогда всѣ подняли руки. Магистратъ заранѣе рѣшилъ,—если дѣло приметъ такой оборотъ,—«что сдѣлокъ болѣе не предлагать, чтобы не навлечь подозрѣній».

Оттуда начальники отправились въ ратушу; занявъ одну изъ судебныхъ комнатъ, они имѣли тайный разговоръ съ сочувствовавшими имъ бюргерами. Тутъ порѣшили, что слѣдуетъ присягою обязать всѣхъ горожанъ и магистратъ, чтобы во всякое время дня и ночи городской входъ былъ открытъ крестьянамъ, и чтобы они могли свободно входить и выходить изъ города *). Переговоры были не долги. Магистратъ долженъ былъ дозволить расправу съ духовенствомъ, но выдать открыто ружья и порохъ онъ не согласился, и начальники удовлетворились оружіемъ, которымъ ихъ снабдили въ городѣ. Магистратъ отвергъ также и требованіе присоединить отъ города къ крестьянскому ополченію отрядъ въ пятьсотъ человѣкъ, подъ командою одного изъ бюргеровъ, съ городскимъ знаменемъ. Съ четвертымъ требованіемъ, состоявшимъ въ томъ, чтобы городъ не держалъ въ стѣнахъ своихъ и не давалъ прибѣжища никому, кто будетъ противиться крестьянамъ, магистратъ тоже не согласился, ссылаясь на свой союзъ съ пфальцграфомъ. Двѣнадцать же тезисовъ были приняты и какъ магистратъ, такъ и община присягнули въ вѣрности крестьянскому союзу, и сдѣлались съ этихъ поръ его любезными братьями и добрыми друзьями **). На имѣнія духовенства, крестьяне наложили тяжелую кон-

*) Союзные акты связка 99 а, № 31.

**) Яклеинъ писалъ 29 Арпѣля магистрату „наше братское желаніе и просьба, чтобы вы уважили нашъ братскій союзъ, которому присягали вы въ вѣрности» Союзные акты связка 92 №. 18 Георгъ Мецлеръ писалъ 2 мая въ Гейльброннъ: если кто нибудь еще не присягнулъ, то отъ нашего имени приведите тѣхъ къ присяги». Союзные акты, связка 22 № 24. Мецлеръ и Яклеинъ съ этихъ поръ въ бумагахъ своихъ не иначе называютъ магистратъ какъ своими любезными братьями и добрыми друзьями, а магистратъ величаетъ крестьянъ своими достойными и любезными друзьями и братьями. Союзные акты, связка 92 № 23 связка № 28 и 18 Также Гансъ Флуксъ начальникъ Гейльбронскаго отряда, упоминаетъ что магистратъ и община поклялись въ вѣрности. Союзные акты связка 98.

трибуцію. Съ Кармелицкаго монастыря взяли 3,000 гульденовъ, съ монастыря св. Клары потребовали 5,000 гульденовъ, и т. п.

Переговоры велъ любимый народомъ проповѣдникъ докторъ Лохманнъ, котораго магистратъ и вызвалъ для этой цѣли. Какъ ни старался докторъ, и какъ ни велико было его вліяніе на народъ, онъ ничего не могъ сдѣлать для облегченія участи нѣмецкаго ордена. Дворецъ ордена принадлежитъ намъ, отвѣчали ему крестьяне на его просьбы. Переговоры продолжались не долго; во вторникъ, въ 5 часовъ по полудни, все было покончено; и въ *Вимпфенъ* было уже извѣстно, что Гейльброннъ присоединился къ крестьянамъ *); узнавъ это Вимпфенъ прислалъ отъ себя въ Гейльброннъ депутатовъ и, чрезъ Лахманна они заключили довольно выгодный договоръ. Городъ долженъ былъ заплатить 12,000 гульденовъ, частью деньгами, частью плодами и виномъ, съ уговоромъ, чтобы подвергнуты были этой контрибуціи только одни капитулы и духовныя учрежденія; городъ давалъ права каждому желающему свободно слѣдовать за крестьянскимъ войскомъ и согнашался на всѣ сдѣланныя крестьянами измѣненія; въ замѣнъ этого, городу и всѣмъ округамъ крестьянскими начальниками пожалована была охранительная грамота и всѣ духовныя имущества отданы были въ его руки **), по окончаніи переговоровъ и другіе крестьянскіе отряды вступили въ городъ. Впереди крестьянъ ѣхалъ одинъ изъ достаточныхъ гейльбронскихъ бюргеровъ, Вильгельмъ Брэйнлейнъ, за нимъ слѣдовалъ Христіанъ Шереръ, Луцъ Ташенмахеръ и друг. Общее вниманіе обращено было на героев вейнсбергской катастрофы; тутъ показывали и на невзрачнаго человѣка, старика Мартина, который выстрѣлилъ въ Дидриха фонъ-Вейлеръ, и на одного изъ кохендорфскихъ крестьянъ, тоже немаловажную личность, набившую себѣ руку въ сниманіи людскихъ головъ, также на

*) Союзные акты, связка 92 № 7.

**) Союзные акты, связка 105. Т. Цвейфель, рукопись.

одного кресбахскаго мужика, плута, который сначала ограбилъ замокъ графа, а потомъ настаивалъ, чтобы его задушили. Убитая горемъ графиня, желавшая выкупить одежды своего супруга, долгое время не могла достать на это денегъ; наконецъ Вильгельмъ Брэйнлейнъ, вывѣсившій изъ своего окна крестьянское знамя, ссудилъ ее пятнадцатью гульденами *).

Съ появленіемъ крестьянъ въ городъ исчезла послѣдняя тѣнь власти магистрата; на улицахъ громко говорили: «магистратъ уже не имѣетъ болѣе никакой власти». Ульрихъ Фишеръ, Бастлеръ Вахтмейстеръ, Гансъ Госсъ съ нѣкоторыми другими отправились сейчасъ же въ монастырь Св. Клары; ихъ хотѣли оттуда выпроводить. «Другъ, сказалъ Гансъ Госсъ монастырскому эконому, не мѣшай намъ дѣлать свое дѣло, теперь все пойдетъ иначе, какъ ты не хлопочи, ничего не подѣлаешь.» — Что же будетъ? спросилъ экономъ. «А, вотъ ты увидишь сейчасъ», отвѣчалъ ему, смѣясь Гансъ Госсъ. Уноси ты отсюда свою шкуру, пока она еще цѣла», ругался Бастлинь Вахтмейстеръ. Хозяева здѣсь мы, кричалъ Вендель Гофманнъ изъ Флейна. Чего тутъ много разговаривать, какъ мы хотимъ здѣсь распоряжаться, такъ и будемъ», говорилъ Гофманнъ. Къ нимъ присоединились семеро другихъ, пришедшихъ съ намѣреніемъ вынести монастырское вино, и еще нѣсколько человѣкъ, чтобы завладѣть монастырскими лошадьми. Воскликанья сыпались со всѣхъ сторонъ на эконома: «давай вино! гдѣ лошади? и какъ ни упирался и ни щетинился Леонардъ Вендеръ, — ничто не помогло, крестьяне оставили его разсуждать съ самимъ собою, и проникнувъ во внутренность монастыря, обобрали весь монастырскій скарбъ. На улицахъ при встрѣчѣ другъ съ другомъ **) велись подобные разговоры: «Христіанъ, говорилъ Яклеинъ Шереру, дѣло пойдетъ хорошо. Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ тотъ, я вмѣстѣ съ другими буду стараться, чтобы оно пришло къ желанному концу. Все

*) Союзные акты, связка 99 а № 31, 35, 36 а.

**) Союзные акты, связка 99 в. № 2.

идеть хорошо, говорилъ Иванушка-горбунъ, скоро и мы заставимъ господъ пасти свиней, какъ они насъ прежде заставляли. Хорошо, возразилъ Гансъ Менгъ, но еще будетъ лучше того, когда мы повышвыряемъ бездѣльниковъ изъ ратуши, а наши внизу примутъ ихъ на вилы. Любезный, сказалъ ему на это другой бюргеръ Михаэль Винтеръ, что сдѣлали тебѣ наши гейльброннскіе господа, за что ты хочешь поступать съ ними такимъ образомъ? Любезный, ты ничего тутъ не смыслишь, *) отвѣчалъ ему Менгъ.

Въ этой оживленной картинѣ, виднѣлись и унылыя лица, съ грустью и неудовольствіемъ взиравшія на все происходившее. «Восхитительныя вещи у насъ творятся, говорилъ Якобъ Платнеръ; случилось ли кому что либо подобное видѣть раньше, когда еще не было у насъ въ городѣ этихъ пришельцевъ. Мы всѣ отдались имъ добровольно, возразилъ Андрей Бессереръ. Вы называете это добровольнымъ? сказалъ Платнеръ, вы забываете тѣхъ, которые нарочно мочили порохъ и смѣшивали камни для того, чтобы не оставалось ни какихъ шансовъ для защиты города. Кто меня намѣренъ обвинять, тотъ лжетъ какъ подлецъ, вскричалъ Бессереръ; теперь ангелы радуются, глядя съ небесъ на поступки наши» **). Подобныя рѣчи сильнѣе всего раздавались передъ дворцемъ нѣмецкаго ордена, къ которому торопливо и шумно устремился народъ. Вассалы ордена были тутъ одни изъ самыхъ довольныхъ. «Довольно таки шлѣлись мы здѣсь въ свитѣ командора, кричали они, а вотъ теперь и безъ него погуляемъ.» Магистратъ послалъ съ стражею нѣсколько ратсгеровъ для наблюденія, «чтобы не случилось при разграбленіи какихъ злоупотребленій, и чтобы безчинство не распространилось далѣе.» Стража обязана была впускать во дворецъ всякаго, выпускать же только по особенному пропускному билету; распоряжаясь такимъ образомъ, съ дозволенія крестьянскихъ на-

*) Союзные акты, связка 99 а. № 7 связка 99 № 6 53.

**) Союзные акты, связка 99 а, № 53.

чальниковъ, магистратъ желалъ предохранить отъ совершеннаго разоренія дворецъ ордена. Подъ надзоромъ Альбрехта Эйзенгута, какъ старшаго распорядителя при добычѣ, производилось разграбленіе резиденціи ордена. Всѣ грамоты, счета и рукописи, принадлежавшіе ордену, были разорваны, разбросаны и кинуты въ воду. Крестьяне, подвластные ордену, выказали особенное рвеніе при уничтоженіи документовъ. Женщины, дѣти сновали между ними, тоская, кому что приходилось подѣлю: вино, овесъ, полотна, серебро и различную домашнюю утварь. Яклеинъ устроилъ на дворѣ рынокъ и повѣстилъ городу, что вся добыча будетъ распродаваться, и самъ усѣлся около вина, плодовъ и всякой другой движимости; начался торгъ. Городская мѣра, которою мѣрили на рынокѣ при продажѣ рожь и овесъ, пригодилась и теперь; горожане и горожанки, старый и малый весело уносили дешево доставшіяся имъ покупки. Леонардъ Вельднеръ съ товарищами, припрятавъ нѣкоторыя вещи за заднюю дверь, спровадили ихъ потомъ домой. Женщины уносили священническія одежды и стихари, выкраивая изъ послѣднихъ себѣ передники *).

Когда торгъ былъ конченъ, крестьяне весело собрались во дворецъ ѣсть и пить. Кавалеры ордена, не бѣжавшіе съ командоромъ и бывшіе тутъ же въ домѣ, съ непокрытыми головами, должны были, стоя у стола, смотрѣть на пирующихъ враговъ. Одинъ изъ крестьянъ закричалъ стоявшему близъ него кавалеру: «сегодня, баринъ, мы кавалеры ордена,» и такъ сильно ударилъ его въ животъ, что тотъ упалъ на спину. Послѣ пиршества, вырученныя отъ продажи добычи деньги, были раздѣлены между крестьянами. Вассалы нѣмецкаго ордена потребовали себѣ львиную часть. «Все, что вы распродали, большею частію доставлено было во дворецъ нами; и мы повсей справедливости должны получить болѣе прочихъ.» Кромѣ того, крестьяне нашли еще во дворцѣ значительную сумму наличныхъ денегъ: за два дня до этого присланъ былъ на имя коман-

*) О письмѣ изъ союзныхъ актовъ.

дора изъ Винненталя ящикъ съ 4,000 гульденовъ; вообще орденъ понесъ убытку на 20,700 гульденовъ. На долю начальниковъ при раздѣлѣ пришлось изрядныя куши; Георгъ Мецлеръ получилъ 1,300 гульденовъ; одинъ изъ гейльброннскихъ бюргеровъ на своихъ плечахъ вынесъ 1,400 гульденовъ и раздѣлилъ ихъ потомъ съ четырьмя другими. Въ домѣ Тосса Деймлинка раздѣлили между собою самъ хозяинъ, два бюргера и «писарь конвента» 130 гульденовъ и «слитокъ золота». Яклеинъ Рорбахъ отдалъ на сохраненіе вдовѣ Темнеръ: 71 гульденъ, связку допельдукатовъ, сердоликъ въ золотой оправѣ, большой серебряный кубокъ, серебряную печать и другія дорогія вещи *). Впослѣдствіи о немъ рассказывали: «жилъ-былъ небольшой человекъ, по имени Рейнгардлинъ изъ Эрингена, служилъ онъ посланникомъ и совѣтникомъ у главнаго начальника; много онъ набралъ себѣ добра изъ дворца нѣмецкаго ордена и купилъ себѣ домъ; болтать и писать могъ онъ въ волю; ученый этотъ владелъ всякимъ оружіемъ и бывалъ во многихъ сраженіяхъ **).

Крестьянскія жены гордо расхаживали по городу и распоряжались какъ хозяйки; дворянству оставалось только убираться оттуда поскорѣй, потому что побѣда, какъ хмѣль, подѣйствовала на крестьянъ: они стали угрожать, что выгонятъ всѣхъ монахинъ изъ монастыря св. Клары. Къ нимъ присоединились и Гейльброннскіе бюргеры, которые, рыская по домамъ духовенства, наводили на него ужасъ. Одинъ изъ поповъ сказалъ имъ, что онъ будетъ на нихъ жаловаться. «Поди, ищи на насъ расправы: магистратъ теперь ничего не значитъ», отвѣтилъ ему бюргеръ Іоргъ Клейнъ. Устрашенные сестры св. Клары умоляли магистратъ помочь имъ, и тотъ посовѣтывалъ имъ одѣтъ свѣтское платье, и, если онѣ имѣютъ какогонибудь друга, который бы пріютилъ ихъ, то онъ бу-

*) Союзные акты, связка 99 а № 5 а. в. с. связка 99 № 14.

**) Союзные акты, связка 99 в. № 31. Настоящее имя его было Рейнгардъ Лейбингеръ.

детъ за нихъ ходатайствовать *). Удивительно, что взятіе Гейльбронна обошлось безъ кровопролитія, крестьяне, въ чаду отъ своихъ удачъ, не причинили ни какихъ убытковъ самому городу. Ненавистнымъ же народу ратсгерамъ досталось больше на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ: гнѣвъ магистрата доходилъ до того, что, по словамъ Эристіана Шерера, у нѣкоторыхъ членовъ разлилась желчь; дружественнымъ отношеніямъ крестьянъ къ бюргерамъ не мало способствовали переговоры оппозиціонной партіи, веденные пятью ея выборными, которымъ былъ предначертанъ заранѣе извѣстный планъ. Каждый изъ этихъ людей, войдя въ дружбу съ крестьянами, въ тоже время не переставалъ быть другомъ своего роднаго города и не желалъ его гибели. Хотя оппозиціонная партія и не питала особенной пріязни къ магистрату и къ дворянамъ, однако же съ ними поступлено было совсѣмъ не такъ, какъ съ Вейнсбергскими властями, и случилось такъ потому, что магистратъ, видя грозящую опасность, рѣшился, отбросивъ гордость, обратиться къ одному изъ этой партіи съ униженною просьбою.

Многіе изъ начальниковъ крестьянскаго войска доводились родственниками Гансу Мюллеру, по прозванію Флуксъ. Его братъ засѣдалъ въ крестьянскомъ совѣтѣ, а зять, Гансъ Рейтеръ изъ Бирингена, былъ старшиной войска; съ главнымъ начальникомъ онъ также былъ въ родствѣ. Флуксъ принадлежалъ къ тѣмъ впечатлительнымъ натурамъ, которыя съ горячностью отдаются разѣ затронувшимъ ихъ идеямъ. Онъ принадлежалъ возстанію уже тогда, когда крестьянское войско еще стояло лагеремъ въ Эрингенѣ. Въ великій четвергъ онъ отправился туда и въ Лихтенштернѣ нашелъ своего брата и зятя, засѣдавшихъ въ совѣтѣ и пользовавшихся большимъ вліяніемъ; они посвятили его въ свои обширные и смѣлые замыслы, и совершенно привлекли къ себѣ восторженнаго

*) Въ связкахъ 98 и 99 А и В. союзныхъ актовъ находятся описанія всего вышесказаннаго, равно какъ документы о начальникѣ Гейльбронна Гансѣ Флуксѣ, его собственныя показанія и донесенія очевидцевъ.

Гейльброннца. Сдѣланный ему пріемъ и высокое положеніе его родственниковъ окончательно сблизили его съ крестьянами. Возвратясь въ Гейльброннъ, онъ съ гордостью рассказывалъ, какой высокій постъ занимаютъ его родственники въ евангелическомъ войскѣ, какъ они сообщили ему свои великіе планы, какъ они намѣрены поднять знамя народной революціи и распространить ее по всему свѣту. Какъ ни былъ великъ его энтузіазмъ къ крестьянамъ, все же онъ оставался добрымъ гейльброннскимъ бюргеромъ, не желавшимъ погибели своего города и находившимся тамъ бюргерамъ и дворянамъ.

Онъ ѣздилъ къ крестьянамъ и въ Неккарсульмъ; въ его присутствіи Яклеинъ и товарищи его клялись кровью отомстить графу фонъ-Гельфенштейнъ за его нападеніе во время перемирія; онъ наблюдалъ волненіе, произведенное этимъ нападеніемъ на все войско и нѣкоторымъ изъ членовъ магистрата онъ передалъ все видѣнное и слышанное имъ, совѣтуя предостеречь вейнсбергское дворянство и бюргерство. Раньше этого онъ точно также предостерегалъ самого графа Гельфенштейнъ. Благоразумныя слова его магистратъ называлъ пустыми сказками и смѣялся надъ нимъ, вообразилъ, что все это онъ говоритъ только для того, чтобы придать своей особѣ пущую важность. Флуксъ обращался еще къ другимъ и наконецъ къ Конраду Шрейберу и къ своему тестю, когда тѣ шли въ ратушу; эти послѣдніе передали его мнѣніе общему засѣданію магистрата, но и тутъ его слова не произвели желаннаго дѣйствія; добрякъ преувеличиваетъ, дѣлаетъ изъ мухи слона, говорили они, и, подобно графу Гельфенштейну, не придавали никакого значенія возстанію крестьянъ; при этомъ бургомистръ выразился, что если крестьяне захотятъ взять Гейльброннъ, то имъ придется, какъ журавлямъ, перелетѣть черезъ городскія стѣны. Вечеромъ Флуксъ спросилъ одного изъ магистратскихъ: «послали-ли предостеречь вейнсбергцевъ? — Замолчи, любезный, отвѣчалъ тотъ, стоитъ-ли объ этомъ разговаривать». Когда въ разговоръ съ

бургомистромъ онъ далъ понять, что, по его мнѣнію, крестьяне пойдутъ и на Вейнсбергъ то прибавилъ: «если вы пожелаете вести переговоры, то поручите это мнѣ, я съумѣю все устроить къ обоюдному согласію.» Бургомистръ ничего не отвѣчалъ на это предложеніе. Такое невниманіе огорчало добросердечнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ тщеславнаго и честолюбиваго человѣка; это грызло ему сердце. «Гейльброннскіе господа не хотятъ мнѣ довѣриться, говорилъ онъ, такъ пусть братъ мой и зять идутъ куда я хочу. Онъ отправился домой и сидя за серебрянымъ кубкомъ, наполненнымъ лучшимъ неккарскимъ виномъ, съ недовольнымъ видомъ говорилъ: «видѣлъ я крестьянъ въ Лихтенштернѣ, помню какъ они рвали и метали все, что попадалось имъ подъ руку: пускай же и здѣсь поступаютъ, какъ поступили съ безпутными монахинями и монахами и со всѣми, подобными имъ бездѣльниками». Онъ и на другой день не могъ забыть нанесенной ему обиды, а между тѣмъ слова его должны были сбыться и такимъ ужаснымъ образомъ, что и самъ онъ не ожидалъ этого.

Въ самую пасху, по приказанію магистрата, въ Гейльброннѣ начались приготовленія къ защитѣ города. Въ оружейныхъ мастерскихъ пылалъ огонь и стучали молоты, Гансъ Флуксъ, пришедши къ оружейнику Мартину Нагелю, говорилъ: «что ты думаешь о всѣхъ этихъ приготовленіяхъ, другъ? Дидрихъ фонъ Вейлеръ ужъ не прикажетъ стрѣлять по крестьянамъ, графъ Вейнсбергскій прогнанъ сквозь строй; я просилъ вчера предостеречь вейнсбергцевъ о томъ, что съ ними случилось. Ловенштейнцамъ я тоже скажу, чтобы они остерегались раздражать крестьянъ. Гейльброннъ пускай дѣлаетъ, какъ знаетъ. А я побываю въ лагерѣ». Когда толковали, что бюргерамъ слѣдуетъ завладѣть имуществомъ духовенства, то Флуксъ вскричалъ: «прекрасно, мои любезные бюргеры, прекрасно, мы завладѣемъ дворцомъ нѣмецкаго ордена, топоромъ вырубимъ дверь, которая находится со стороны моего дома, устро-

имъ тамъ кабакъ и обратимъ его въ проходную улицу, а съ магистратомъ поступимъ какъ слѣдуетъ.

Въ ночь на понедѣльникъ была его очередь идти на карауль и, когда его разбудили, онъ сказалъ: «караулы не нужны; крестьяне намъ не враги. На стѣну я тоже не пойду». И онъ согласился идти только въ обходъ. Призванный зачѣмъ-то на стѣну, онъ не остался тамъ, а сошедши, присѣлъ на ступеньку. «Не любо вамъ будетъ смотрѣть на то, что у васъ теперь передъ глазами», обратился онъ къ одному изъ бывшихъ тутъ ратсгеровъ. — Какъ-бы то ни было, отвѣчалъ тотъ, но вы не забудете о присягѣ, которую вы дали магистрату. — Я вамъ уже говорилъ, отвѣчалъ Флуксъ, что обязанъ отдавать отчетъ только одному Богу, магистратъ же скоро не будетъ пользоваться прежней властью, оброками, и рентами».

Въ понедѣльникъ, на пасхѣ, магистратъ, по требованію Георга Мецлера, отправилъ крестьянамъ хлѣбы, испеченные городскими булочниками, по его распоряженію; Флуксъ вмѣстѣ съ обозомъ отправился въ лагерь, возвратясь оттуда онъ говорилъ, что множество труповъ рыцарей и рейтаровъ, еще не убранныхъ съ дороги изъ Гейльбронна, до того устроили его, что онъ за полную тачку съ хлѣбомъ выручилъ въ торпяхъ только одинъ гульденъ. Когда же, такъ рассказываетъ самъ магистратъ, во вторникъ на пасхѣ, начальство города увидѣло, что не оставалось никакой возможности сопротивляться крестьянамъ, то послали за Гансомъ Флуксомъ, такъ какъ онъ ранѣе предлагалъ свои услуги для миролюбиваго объясненія съ крестьянами. Флуксъ стоялъ въ то время на площади съ другими бюргерами, когда къ нему подошелъ одинъ изъ ратсгеровъ Томасъ Рейель и сказалъ: «Немедленно иди къ бургомистрамъ въ ратушу». Флуксъ нашелъ тамъ обоихъ бургомистровъ, доктора Ганса Больдермана и Ганса Келлера въ ужасномъ страхѣ. Гансъ Мюллеръ началъ первый: «все крестьянское войско поднялось на Гейльброннъ, зная твои дружескія отношенія съ начальниками ополченія, мы просимъ тебя, поспѣши къ нимъ на встрѣчу и освѣдомь-

ся, что они имѣютъ противъ нашего города.» Какъ ни былъ обрадованъ этимъ предложеніемъ Гансъ Флуксъ, но сдѣлалъ видъ, что не рѣшается и боится идти къ крестьянамъ. Тогда бургомистръ еще настойчивѣе сталъ упрашивать его. «Другъ, мы просимъ тебя, ради Бога, спаси насъ и весь городъ; приложи все свое стараніе, уговори начальниковъ удалить войско отъ Гейльбронна.» И когда Флуксъ все еще раздумывалъ, не полатится ли онъ въ самомъ дѣлѣ, принимая на себя такое опасное порученіе, Гансъ Келлеръ, бывший ему сосѣдомъ, сказалъ: «любезный сосѣдъ, прошу васъ не отказывайтесь, если это не поможетъ намъ, то во всякомъ случаѣ и не повредить.» Гансъ Флуксъ сдался наконецъ на ихъ просьбы и прямехонько изъ ратуши отправился къ выходу; Гансъ Берлинъ пропустилъ его. Когда онъ достигъ равнины, войско уже занимало ее, выставляя впередъ свою артиллерію. Не безъ труда добрался до начальниковъ магистратскій уполномоченный. Первымъ отвѣтомъ на его слова была угроза, войско было раздражено поведеніемъ магистрата. Булочникъ Флуксъ, польщенный тѣмъ, что магистратъ нуждается въ его и имъ же самимъ прославленномъ вліяніи, не хотѣлъ вернуться безъ удовлетворительнаго отвѣта въ городъ. Онъ отыскалъ всѣхъ своихъ знакомыхъ и пріятелей между крестьянами, упрашивалъ ихъ, то самъ, то чрезъ своихъ родственниковъ, чтобы они пока не предпринимали ничего непріязненнаго противъ города, наконецъ послѣ усиленныхъ просьбъ, онъ получилъ тайный отвѣтъ: «если самъ Флуксъ ручается за мирный и свободный пропускъ въ городъ и изъ города, то войско согласно послать туда нѣкоторыхъ изъ своихъ начальниковъ для переговоровъ съ магистратомъ и спокойно ожидать окончательнаго результата. Флуксъ, какъ уполномоченный, общалъ имъ это. Съ четырьмя начальниками подошелъ онъ къ городскимъ воротамъ, и Гансъ Берлинъ, приставленный тутъ съ карауломъ, получилъ отъ него приказаніе не впускать болѣе никого въ ворота. Это было вечеромъ. Пришедъ въ ратушу, онъ оста-

вилъ четверыхъ крестьянъ передъ дверями судилища, самъ же вошелъ туда. «Достойные, мудрые, милостивые господа, обратился онъ къ ратсгерамъ, по желанію вашему я привелъ сюда четырехъ крестьянскихъ вождей, которымъ я далъ слово, что какъ привелъ я ихъ сюда безпрепятственно, такъ и отсюда вы дадите имъ свободный пропускъ. Теперь вы переговорите сами съ ними о своихъ надобностяхъ; я же не разумѣю о чемъ слѣдуетъ вести съ ними переговоры и что бы ни случилось, не моя будетъ въ томъ вина, пусть послѣ никто не жалуется, что я одинъ трактовалъ съ ними».

Часть оппозиціонной партіи была очень довольна послѣдними событіями, радовалась, что наконецъ ея мнѣнія одержали верхъ въ городѣ, остальнымъ же членамъ этой партіи не нравилась умѣренность крестьянскихъ начальниковъ, которые дѣйствительно должны были сдерживать пылъ войска, чтобы не допустить здѣсь повториться вейнсбергскимъ событіямъ. Чрезъ посредство Флукса, магистратъ сдѣлся на выгодныхъ условіяхъ. Ратсгеры были многимъ обязаны булочнику, и гордость ихъ не мало возмущалась тѣмъ, что булочникъ давалъ имъ сильно чувствовать свое могущество. Вмѣстѣ съ начальниками онъ выѣхалъ изъ Гейльбронна на прекрасной лошади, подаренной ему крестьянами еще въ Вейнсбергѣ. «По его осанкѣ, рѣчамъ и поступкамъ, можно право заключить, говорилъ одинъ изъ ратсгеровъ, что булочникъ этотъ воображаетъ, будто онъ распорядитель всей шайки и будто имъ однимъ ведутся всѣ переговоры.—Гансъ Мюллеръ, обратился къ нему ратсгеръ Іоргъ Теннеръ, гдѣ мы помѣстимъ все войско?—Пускай останется тамъ, гдѣ оно теперь, внѣ города, рѣшилъ Флуксъ; находясь тамъ, оно меньше причинитъ вреда городу.» Такимъ образомъ, только небольшая часть войска вошла въ Гейльброннъ, это и спасло его отъ раззоренія. Въ четвергъ представилось магистрату новое затрудненіе. Духовенство было наказано, магистратъ и община съ нѣкоторыми оговорками открыто признали дѣйствительность двѣнадцати

параграфовъ,» *) тогда вдругъ оказалось, что старшина Гансъ Рейтеръ согласился по просьбѣ магистрата присоединить только 200 человѣкъ къ крестьянскому войску; между тѣмъ шайка настаивала, чтобы отрядъ состоялъ изъ 500 человѣкъ и имѣлъ бы знамя съ гербомъ города. Требованіе это онъ долженъ былъ сообщить магистрату, ратсгеры опять прибѣгли къ Гансу Флуксу. «Любезный, обратился къ нему бургомистръ, ты говорилъ, что зять твой честный человѣкъ, какъ же теперь онъ нехочетъ сдержать своего слова; и требуетъ чтобы городъ выставилъ отъ себя 500 человѣкъ.—«Мудрые, милостивые господа, отвѣчалъ Флуксъ, я раньше еще докладывалъ вамъ, что не отвѣчаю за поступки другихъ; если зять мой не сдержалъ даннаго вамъ слова, то я и согласенъ съ вами, что онъ хуже, чѣмъ я о немъ думалъ.—Любезный Гансъ Флуксъ, говорилъ ему членъ магистрата Стефанъ Вейсбергеръ, окончи начатое тобою доброе дѣло, подумай, неужели должны мы исполнить ихъ требованіе? не можешь ли ты дать какой нибудь другой оборотъ этому дѣлу». Флуксъ самъ видѣлъ опасность, которой бы могъ подвергнуться магистратъ и городъ, присоединяя свое знамя къ крестьянскому союзу; онъ обратился къ зятю своему и умолялъ его не требовать отъ города невозможнаго: Гансъ Рейтеръ на столько былъ расположенъ къ своему родственнику, что согласился довольствоваться тѣмъ, чтобы не запрещали только присоединяться къ ополченію желающимъ; онъ брался уговорить на это и войско. Ратсгеры согласились, дано было знать всей общинѣ, что каждый желающій воленъ присоединяться къ крестьянамъ, и во всякое время можетъ возвратиться обратно въ городъ, потому что, присоединяясь къ евангелическому союзу, никто не теряетъ ни своихъ бюргерскихъ правъ, ни чести, ни

*) Гансъ Мюллеръ говорилъ, что они были посланы магистрату въ одно время съ прошеніемъ — открыть крестьянамъ городъ во всякое время.

имущества. Магистратъ надѣялся, что уступая только такимъ обстоятельствамъ, когда дѣйствительно кромѣ уступокъ ему ничего другаго не оставалась дѣлать, онъ сохранить прежнія свои отношенія къ швабскому союзу; онъ утѣшалъ себя мыслию, что, дозволивъ желающимъ оставаться въ крестьянскомъ лагерѣ, онъ навсегда избавитъ городъ отъ вольнодумцевъ, полагая что и безъ его разрѣшенія бунтовщики не вернулись бы въ Гейльброннъ. Но эти-то безпокойные люди, отъ которыхъ думалъ отдѣлаться магистратъ навсегда и подстрекнули шайку настоять на томъ, чтобы городъ непременно далъ имъ свое собственное знамя. Когда Гансъ Рейтеръ, возвратясь изъ Гейльбронна, объявилъ войску о результатѣ своихъ переговоровъ съ магистратомъ, то всѣ возстали на него, слышались даже кровавыя угрозы. Чтобы успокоить ихъ, онъ велѣлъ на свой собственный счетъ сдѣлать бѣлое шелковое знамя съ гербомъ города Гейльбронна и просилъ Ганса Флукса потерпѣть день или два, обѣщая, когда волненіе нѣсколько утихнетъ, дать имъ другое знамя. Но Флуксъ видѣлъ, что войско нельзя было иначе удалить отъ Гейльбронна, какъ только давъ ему гейльброннское знамя, и что всякое замедленіе можетъ только повредить городу. Боясь, чтобы опасенія его не оправдались, онъ съ новымъ знаменемъ сталъ у городскихъ воротъ и, созвавъ бюргеровъ, обратился къ нимъ съ такими словами: «любезные братья, вотъ вамъ знамя, подъ которымъ вы будете защищать евангеліе. Всѣ одинаково будутъ пользоваться добычею, плодами, виномъ и жалованьемъ, съ бѣдными будутъ обращаться какъ и съ богатыми. Предлагаю теперь же дать каждому изъ васъ по одному гульдону въ счетъ жалованья». Другой бюргеръ, Гаспаръ Гехлеръ, который всегда находилъ предлогъ оставаться дома, когда набатный колоколъ призываетъ всѣхъ бюргеровъ на стѣны оборонять городъ, теперь изъ своего собственного кармана далъ порядочную сумму денегъ на жалованье некарсартскимъ ратникамъ, которыхъ присоединили къ отряду Флукса.

Этотъ вновь образовавшійся отрядъ Ганса Мюллера былъ названъ «вольнымъ отрядомъ», крестьяне же называли его гейльбронскимъ. Новое, развѣвавшееся на некарсультскихъ воротахъ знамя, кололо глаза нѣкоторымъ гейльброннцамъ. «Будетъ раскаяваться гейльброннскій магистратъ, говорилъ старый суконщикъ Вендель, что не поступилъ построже съ нашими бунтовщиками».— Это все Флуксовы штуки, думала про себя хозяйка старика Бернхарда. «Да, говорилъ молодой Вендель, недобрую вещь сотворилъ съ нами этотъ плутъ и мошенникъ Флуксъ, поднялъ собственное знамя, подобралъ двѣ шланги, да еще требуетъ оружія своему отряду; стоило бы такимъ злодѣямъ какъ Флуксъ, Симонъ Герцогъ, Фламенбекеръ снести головы, теперь не справится будетъ съ ними магистрату.» Магистратъ же, очень хорошо сознавая свое безсиліе, все еще хотѣлъ попробовать, не удастся-ли ему какъ-нибудь отвертѣться, чтобы не снабжать оружіемъ отрядъ Мюллера. Но Гансъ Рейтеръ, въ сильномъ гнѣвѣ появился въ городѣ. «Такъ этакихъ-то невооруженныхъ людей, вы отправляете къ намъ въ лагерь? вскричалъ онъ. Магистратъ струсилъ: сейчасъ же явились копья, латы и всякое другое оружіе; порохъ и необходимыя полевые орудія были отправлены магистратомъ, согласно договору, въ крестьянскій лагерь *).

По удаленіи войска отъ города, почтенный магистратъ сталъ отрекаться отъ крестьянскаго союза. Близкихъ своихъ соседей, жителей Вимпфена онъ вздумалъ увѣрять, что позволилъ только желающимъ присоединиться къ крестьянамъ; швабскому союзу отправилъ онъ письмо, въ которомъ извиняясь, оправдывался, что только по необходимости долженъ былъ допустить вторженіе шайки въ городъ. Только Гмунду, освѣдомлявшемуся съ особеннымъ участіемъ, какъ идутъ дѣла въ Гейльброннѣ, онъ повѣдалъ свою скорбь. «Увы, писалъ онъ, 25 апрѣля, дѣ-

*) Союзные акты, связка 98 содержитъ всю переписку объ этомъ дѣлѣ между магистратомъ, швабскимъ союзомъ и имперскимъ сеймомъ.

ла наши и сосѣдей нашихъ приняли очень дурной оборотъ. Чего не потерпѣли мы въ тѣ восемь дней, когда осажденные крестьянами, мы должны были вести съ ними переговоры. Теперь одна надежда на Бога, чтобы онъ своею милостию устроилъ все къ лучшему. *)

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Организация войска: Гейц фонъ-Берлихингенъ, какъ главный начальникъ.

Въ то время какъ главное крестьянское войско стояло въ Гейльброннѣ и его окрестностяхъ, «черная шайка» занималась уничтоженіемъ замковъ и присоединеніемъ къ братству какъ отдѣльныхъ владѣтелей, такъ и общинниковъ. Флоріанъ Гейеръ былъ главнымъ предводителемъ и распорядителемъ этого предпріятія, хотя съ нимъ заодно дѣлали набѣги и другія небольшія партіи, откомандированныя Георгомъ Мецлеромъ. Такимъ образомъ, одни охотою, другіе неволею, вся сторона по Неккару присоединилась къ крестьянскому братству. Одна такая партія набѣдниковъ, по распоряженію Флоріана, отправилась назадъ въ Неккарсультъ и взяла тамошнія пушки, четыре самопала и семь винтовокъ; она надѣялась, что присоединивъ все это къ бывшему уже въ ея распоряженіи оружію, она овладѣетъ замкомъ нѣмецкаго ордена, Шейербергомъ. Всѣмъ было давно извѣстно, что крестьяне особенно мѣтили на этотъ замокъ, и Гейльброннъ неоднократно уже предостерегалъ упра-

вителя орденскаго дома, обѣщая ему въ случаѣ нужды прислать пороху и каменье. Но послѣднее предостереженіе Гейльброннскаго магистрата было перехвачено Яклеиниомъ и отъ посланнаго въ наказаніе была отнята лошадь, пѣшкомъ долженъ онъ былъ вернуться назадъ. Шейербергъ былъ укрѣпленный замокъ, въ которомъ не было недостатка ни въ гарнизонѣ, ни въ оружіи. Когда провѣдали, что крестьяне приближаются къ замку, камандоръ спросилъ гарнизонъ, могутъ ли онъ на него надѣяться?—на что тотъ ему отвѣчалъ, что гарнизонъ слишкомъ незначителенъ, чтобы отразить непріятеля. 19 апрѣля показались крестьяне; со стѣнъ замка рискнули было сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ; но ружья оказались разряженными и весь порохъ былъ подмоченъ; объ этомъ донесли кавалерамъ ордена, сидѣвшимъ въ то время за обѣдомъ. Обстоятельство это до того устрашило кавалеровъ, что они, оставивъ на столѣ всю серебряную посуду, бѣжали. Такимъ образомъ, крестьяне безъ малѣйшаго сопротивленія вошли въ замокъ, нашли тамъ хорошую добычу, много копій, двадцать шесть самопаловъ, двадцать девять винтовокъ, одиннадцати-футовую шлангу и четыре отъ осьми до десяти футовъ пушки. Крестьяне, опустошивъ замокъ, сожгли его.

Другая часть партизановъ отправилась къ Гундельсгейну, чтобы овладѣть замкомъ Горнекъ, стоявшемъ на берегу Неккара. Замокъ этотъ въ то время былъ любимой резиденціей командора нѣмецкаго ордена Дидриха фонъ-Клее. Жители Гундельсгейма обѣщали оставаться ему вѣрными и защищать его жизнь и имущество, командоръ, съ своей стороны, обѣщалъ имъ тоже. Но узнавъ, что крестьяне приближаются къ замку, онъ бѣжалъ въ Гейдельбергъ просить, какъ онъ говорилъ, помощи у пфальцграфа. Оставшіеся въ замкѣ рыцари ордена объявили бюргерамъ, что они намѣрены, до послѣдней возможности, сопротивляться крестьянамъ. Гундельсгеймцы приняли крестьянъ дружелюбно; а кавалерамъ предоставили вѣдаться съ крестьянами, какъ они знаютъ. Въ

*) Союзные акты, связка 92.

одно прекрасное утро въ городѣ стало извѣстно, что замокъ стоитъ пустой; храбрые рыцари, потаеннымъ ходомъ, всѣ до единого выбрались ночью изъ замка. Отъ командора получено было письмо, въ которомъ поручалось гундельсгеймцамъ выслать изъ замка его имущество и позаботиться о канцеляріи и кладовыхъ. Но городъ, не заботясь о полученныхъ имъ порученіяхъ, дозволилъ крестьянамъ спокойно распоряжаться въ замкѣ. Тамъ нашли они много драгоценностей, такое огромное количество съѣстныхъ припасовъ и богатой домашней утвари, что едва на пяти повозкахъ могла умѣститься вся эта добыча; на каждый отрядъ пришлось по 120 мальтеровъ зерноваго хлѣба, а изъ вырученныхъ отъ продажи вина денегъ, каждый взводъ, состоящій изъ тринадцати человѣкъ, получилъ по десяти гульденовъ.

Въ субботу на пасхѣ, 22 апрѣля, выступило ополченіе изъ Гейльбронна, чтобы соединиться съ посланными впередъ отрядами. Уходя съ своимъ вольнымъ отрядомъ, Гансъ Флуксъ при прощаньи сказалъ бургомистру: «какъ только будемъ мы нужны здѣсь, дайте знать, и мы вернемся на родину.—Непременно, любезный, Гансъ Мюллеръ, говорилъ бургомистръ, прощайте, желаю счастья!» Вильгельмъ Брейнлейнъ также пошелъ съ ополченіемъ. Вольфъ Менгъ, одинъ изъ значительныхъ бюргеровъ, былъ сдѣланъ старшимъ квартирмейстеромъ въ совѣтѣ ополченія, «волченокъ былъ очень радъ оказанному предпочтенію.» Жители Гейльбронна обоего пола смотрѣли изъ городскихъ воротъ на выступленіе своего отряда. Лоренцъ Греслинъ, только-что женившійся на молодой женщинѣ, собрался тоже слѣдовать за отрядомъ съ новымъ копьемъ на плечѣ. Нѣкоторые посмѣивались надъ нимъ, говоря, «не жаль тебѣ бросить такую молодую, красивую жену.—Найдемъ и другихъ такихъ же красивыхъ, которыя не побрезгаютъ нами», отвѣчалъ молодой супругъ. Нѣкоторыя гейльброннскія женщины, вооружившись тоже, пошли за отрядомъ; жена Ганса Морица въ блестящемъ панцырѣ съ манеркой у по-

яса, отправилась изъ города; Гессинша несла символъ возстанія: «башмакъ.» *)

При отступленіи яснаго ополченія, Вагенгансъ фонъ-Леренъ не послѣдовалъ за нимъ, а остался начальникомъ вейнсбергской долины, въ стѣнахъ самаго Гейльбронна находилось не малое число доброжелателей возстанія; жители Боккингена, Неккаргартаха и другихъ мѣстечекъ тоже хотѣли отдохнуть отъ своихъ военныхъ подвиговъ; между тѣмъ планъ ополченія былъ слѣдующій: завладѣвъ сперва монастырями Майнца и Вюрцбурга, двинуться къ Триру и Кельну. Яклеинъ отдѣлился отъ ополченія и направился сперва къ Краихгау; въ Гросгартахъ многіе флейнскіе и боккингенскіе крестьяне, бывшіе въ его отрядѣ, вернулись къ своимъ очагамъ, говоря, что онъ не хотѣлъ исполнить того, что онъ имъ обѣщалъ. **) Пройдя чрезъ Краихгау, онъ скоро присталъ къ вюртенбергскому отряду вмѣстѣ съ Андреасомъ Реми фонъ-Циммернъ и другими соучастниками въ вейнсбергскомъ кровопролитіи, отдѣлившись отъ яснаго ополченія вслѣдствіе неудовольствій, возникшихъ между ними и другими крестьянскими начальниками. ***)

Запасшись въ Неккарсулмѣ достаточнымъ провіантомъ, ополченіе отправилось внизъ по Неккару къ Гундельсгейму, сопровождаемое цѣлою толпою жидовъ, торговавшихъ у него добычу. Здѣсь крестьяне тоже увеличили свое военное продовольствіе, воспользовавшись небольшими запасами вина и плодовъ, принадлежащими ордену; жители Гундельсгейма приняли ихъ гостепріимно и въ Горнекѣ, который только-что былъ опустошенъ партизанами, они еще нашли чѣмъ поживиться. Засѣданія военнаго совѣта, начатыя въ Вейнсбергѣ,

*) Союзные акты, связка 99 а. № 2, 18, 19, 36, 20, 31. Связка 99 в. — 9.

**) Союзные акты, связка 99 а. — 31.

***) Союзные акты, связка 92.

продолжавшіяся въ Гейльброннѣ, были приведены къ окончанію въ Гундельсгеймѣ, сборномъ пунктѣ всѣхъ разосланныхъ по сторонамъ для набѣговъ партій.

Военный совѣтъ занимался вопросами, касающимися военного устройства, въ которомъ ополченіе еще очень нуждалось. Это была огромная масса, составленная изъ людей частию добровольно присоединившихся, частию принужденныхъ къ этому обстоятельствами; несмотря на свою численность, она еще не могла назваться войскомъ въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это слово военная наука; также нельзя его было назвать и солдатчиной, не говоря уже о томъ, что она нисколько не напоминала собою дисциплированную армію; скорѣе это было сборище изъ бюргеровъ и крестьянъ, которое дѣлилось на отдѣльные отряды, а отряды въ свою очередь на раздѣлы, состоящіе изъ 5, 10, 20 и 50 представителей различныхъ мѣстностей. Тутъ много было команды, но мало субординаціи, не доставало единства, которое только тогда могло бы существовать, когда во главѣ стоялъ бы одинъ предводитель, который соединялъ, проникалъ, сливалъ бы собою всю эту разрозненную толпу, и такимъ образомъ превратилъ бы ее въ стройное цѣлое. Вооруженіе было тоже плохое, хотя и были орудія, но не было знающаго артиллериста, даже ручнаго оружія не всѣмъ доставало; многіе изъ этихъ разношерстныхъ ополченцевъ не имѣли ни малѣйшаго понятія о военномъ дѣлѣ. Также до сихъ поръ ополченіе не имѣло общей военной кассы, не было опредѣлено общаго содержанія и каждый долженъ былъ заботиться самъ о себѣ.

Все это могло измѣниться къ лучшему, еслибы нашелся способный человекъ, который бы, ставъ во главѣ ополченія, направилъ отдѣльно стремящіеся интересы къ одной политической и религіозной цѣли, какъ это было у Гусситовъ.

Вендель Гиплеръ хотя и обладалъ нѣкоторыми военными познаніями, хотъ и видѣлъ всѣ слабыя стороны ополченія и вводилъ различныя улучшенія, но не былъ при этомъ истымъ воиномъ, способнымъ организовать эту массу. Онъ дѣлалъ, что

могъ. Во-первыхъ, обратилъ вниманіе на несообразный обычай, по которому до сихъ поръ каждый выборный обязанъ былъ служить въ ополченіи только четыре недѣли, потомъ возвращался къ полевымъ работамъ или къ своему мастерству, замѣняясь другимъ вновь поступившимъ; Вендель Гиплеръ предложилъ военному совѣту на будущее время продолжить службу каждаго до окончанія кампаніи. «Иначе, говорилъ онъ, войско безпрестанно будетъ терять опытныхъ воиновъ и постоянно состоятъ изъ рекрутовъ.

Второй вопросъ, занимавшій военный совѣтъ, относился до ландскнехтовъ. Многіе изъ нихъ предложили въ это время свои услуги крестьянамъ. Гиплеръ совѣтовалъ, немедля, взять ихъ всѣхъ на жалованье, говоря, что братство выиграетъ, имѣя въ своемъ распоряженіи такихъ опытныхъ въ военномъ дѣлѣ людей и что крестьяне могутъ многому научиться отъ нихъ.

Военнымъ совѣтомъ были приняты оба эти благоразумныя предложенія; когда же доведены были онѣ до свѣдѣнія всего войска, то никакими уговорами нельзя было заставить его согласиться на это: большинство отказалось отъ ландскнехтовъ, боясь, что при нихъ не будетъ крестьянамъ такого раздѣла при грабежѣ, и что имъ придется дѣлить добычу съ ними; другое предложеніе тоже отвергли, потому что большая часть крестьянъ смотрѣла на предпринятую войну, какъ на молодецкій набѣгъ за добычей, послѣ котораго съ набитыми карманами можно было вернуться къ своимъ жонамъ и дѣтямъ. Ландскнехты удалились недовольные; пфальцграфъ Людвигъ взялъ ихъ сейчасъ же въ Гейдельбергъ на жалованье, что бы ихъ же заставить сражаться съ крестьянами.

Третье предложеніе, которое Гиплеръ дѣлалъ совѣту еще въ Вейнсбергѣ и Гейльброннѣ, снова было имъ предложено и въ Гундельсгеймѣ. Оно состояло въ томъ, чтобы поручить начальство надъ всѣмъ войскомъ опытному и свѣдущему полководцу, къ которому бы имѣло довѣріе и уваженіе все войско. Дѣлая такое предложеніе совѣту, Вендель Гиплеръ имѣлъ въ виду своего пріятеля Гѣца фонъ-Берлихингена, о кото-

ромъ онъ тутъ же выразился какъ о человѣкѣ, болѣе другихъ подходящемъ къ этимъ условіямъ, какъ по своимъ личнымъ способностямъ, такъ и по своему общественному положенію.

Прежнія отношенія Геца къ крестьянскому союзу уже извѣстны. Но кровавая расправа, учиненная Яклейномъ надъ дворянами въ Вейнсбергѣ, измѣнила положеніе дѣла. Франконское дворянство, пожелавшее вмѣстѣ съ Гецемъ принять участіе въ народномъ движеніи, въ томъ смыслѣ, какъ его понималъ покойный Зиккингенъ, послѣ вейнсбергской рѣзни, совершенно отказалось отъ всякой съ нимъ солидарности. Общее собраніе франконскаго рыцарства, созванное Гецомъ, не состоялось; многіе изъ дворянъ, уstraшенные вейнсбергской катастрофой, собрались 21-го Апрѣля въ Геспасхой роццъ при Боксбергѣ; о присоединеніи къ крестьянамъ и объ оказаніи имъ помощи противъ духовныхъ владыкъ теперь не могло быть и рѣчи; дворяне скорѣе предложили бы свои услуги князьямъ, даже самъ Гецъ, въ порывѣ негодованія и ужаса, не далекъ былъ отъ мысли вступить на службу къ пфальцграфу.

Вотъ какъ онъ самъ рассказываетъ объ этомъ: когда стало извѣстно, что рыцари были убиты въ Вейнсбергѣ и что многіе замки предавались пламени, онъ собралъ всѣ свои драгоценности и документы и увезъ ихъ съ тѣмъ, чтобы спрятать въ какомъ нибудь имперскомъ городѣ; но когда узналъ, что ни одинъ имперскій городъ не можетъ поручиться ему за его драгоценности, въ случаѣ нападенія крестьянъ, то онъ и вернулся съ ними назадъ. Къ крестьянамъ же послалъ своего слугу спросить: чего онъ долженъ отъ нихъ ожидать? Слуга не вернулся, и Гецъ отправился въ Мосбахъ просить кума своего, пфальцграфскаго маршала, Вильгельма Ф. Габернъ, помочь препроводить драгоценности въ Гейдельбергъ, такъ какъ онъ уже написалъ самому пфальцграфу и предложилъ вступить къ нему на службу безъ вознагражденія. Вильгельмъ Ф. Габернъ, согласно его желанію, явился къ нему въ замокъ съ своими рейтарами, но теща Геца ни за что

не хотѣла допустить, чтобы изъ такого сильно укрѣпленнаго замка вывозили всѣ богатства; жена же его лежала больная, послѣ родовъ. Маршалъ, не имѣя свободнаго времени, уѣхалъ, ничего не сдѣлавъ для Берлихингена. Между тѣмъ все окрестное дворянство, братья Геца и родственники перешли на сторону крестьянъ для того, чтобы сохранить жизнь и имущество.

Пфальцграфъ радовался, что будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи «желѣзную руку» Берлихингена, и письмо его, въ которомъ онъ выражалъ ему свое удовольствіе, во время отсутствія Геца, было вскрыто его тещею. Боязливая женщина, видя, что зять хочетъ оставить домъ, имущество, жену и ребенка, и зная, что замокъ лежитъ на самомъ пути, по которому идетъ войско, уговорила свою дочь утаить письмо пфальцграфа отъ мужа. «Надежныхъ людей въ замкѣ не было, говоритъ самъ Гецъ, добыть таковыхъ для гарнизона тоже не предвидѣлось, а черная шайка уже бродила въ окрестностяхъ, зарево отъ пылающихъ замковъ давало знать о присутствіи Флоріана Гейера, отъ котораго Гецу нельзя было ожидать ничего хорошаго; носились даже слухи, что самъ пфальцграфъ желаетъ вступить въ переговоры съ крестьянами. Тутъ пришли на память Гецу слова, которыя онъ сказалъ крестьянамъ еще въ Шенталѣ: «я къ вамъ присоединюсь, когда вы будете въ Гундельсгеймѣ». Съ тѣхъ поръ, послѣ вейнсбергскаго дѣла, хотя отношенія его къ войску нѣсколько и измѣнились, но съ крестьянскимъ канцлеромъ Венделемъ Гиплеромъ онъ по прежнему не прерывалъ связей. Еще въ Неккарсультѣ, до взятія Вейнсберга, видѣли между крестьянами его слугу и вѣрнаго товарища Ганса изъ Массенбаха *).

О своей вторичной поѣздкѣ въ крестьянскій лагерь, Гецъ рассказываетъ такъ: «я не намѣренъ былъ присоединиться къ крестьянамъ ранѣе, чѣмъ они возьмутъ Гундельсгеймъ; но

*) Письмо мерндорфскаго оберфохта. Штутгардскій архивъ

видя вокруг себя князей, графов, рыцарей и простолюдинов, вступающих въ крестьянское братство, зная, что, имперскіе города присоединяются къ нимъ же, и слыша отъсюду совѣты послѣдовать ихъ примѣру, я подобно прочимъ заключилъ договоръ съ крестьянами; что же касается до того, что будто бы я, вступая въ переговоры съ ними, далъ имъ торжественное обѣщаніе отказаться отъ всякихъ сношеній съ нивабскимъ союзомъ, то это несправедливо». (*) Разсказъ Геца похожъ на оправданіе и заирательство; какъ бы то ни было, а Гецъ окрестянился; 24-го апрѣля онъ официально уже принадлежалъ большому евангелическому братству. Въ актахъ штутгартскаго архива хранится и теперь подлинникъ охранной грамоты, по которой онъ вступалъ въ евангелическій союзъ: «Да будетъ всѣмъ извѣстно, что мы, Георгъ Мецлеръ изъ Балленберга, Гансъ Рейтеръ изъ Бирингена, староста и другіе начальники христіанскаго ополченія, принимаемъ въ свой христіанскій союзъ, подъ свою защиту, достославнаго дворянина Геца фонъ-Берлихингенъ». Доброжелатели Геца: Вендель Гиплеръ и пользовавшійся вліяніемъ въ войскѣ, Гансъ Рейтеръ изъ Бирингена, добились таки того, что Гецъ былъ выбранъ совѣтомъ въ предводители ополченія. Вендель Гиплеръ прибавилъ при этомъ, какъ выгодно войску имѣть во главѣ своей такого знаменитаго воина. Когда было объявлено всѣмъ о намѣреніи совѣта поставить Геца во главѣ возстанія, и указана польза имѣть союзникомъ такое вліятельное лицо, чрезъ которое можно надѣяться на дальнѣйшую помощь со стороны дворянства,—войско совсѣмъ не выразило того сочувствія, которое

*) Оправдательныя письма Берлихенгена къ франконскому округу. Письма эти, хотя ихъ надо употребить съ большею осмотрительностью, могутъ служить его автобіографіей: это въ нѣкоторомъ родѣ процессъ, защитительная рѣчь, отъ успѣха которой зависѣла если не жизнь и имущество Геца, то по крайней мѣрѣ добрая слава какъ его, такъ и его семейства.

ожидали его начальники; напротивъ, слышались такіа восклицанія: «мы ведемъ крестьянскую войну, какая нужда намъ въ дворянствѣ? или же: «что намъ Гецъ? Для чего намъ его начальство? Онъ не желаетъ намъ ничего хорошаго». Вендель Гиплеръ началъ доказывать, какъ бы Гецъ былъ полезенъ, если бы сталъ во главѣ крестьянскаго войска и напротивъ того сколько бы причинилъ имъ вреда, употребивъ свою опытность и храбрость на пользу ихъ враговъ. Тогда слышалось изъ толпы: «отчего же его до сихъ поръ не повѣсятъ».

Георгъ Мецлеръ и Гансъ Рейтеръ также уговаривали шайку, и простыя слова этихъ крестьянъ сильнѣе подѣйствовали на народъ, чѣмъ искусная рѣчь важнаго барина Венделя Гиплера. Большинство согласилось избрать Геца своимъ полководцемъ. «Пошлите къ нему кого нибудь отъ себя,» сказали Гиплеръ и Рейтеръ, онъ приметъ ваше предложеніе. Такъ и сдѣлали, но рыцарь притворился, будто онъ не охотно соглашается и уполномоченные возвратились въ лагерь.

Послѣ этого, они послали верхомъ въ замокъ Геца собственнаго его старосту—просить рыцаря пріѣхать въ гундельсгеймскую гостинницу. Съ нѣкоторыхъ поръ самъ Берлихингенъ сомнѣвался въ возможности даже своею «железною рукою» смирить необузданность этой толпы; онъ видѣлъ, что всякій крестьянскій мальчишка воображаетъ себя бариномъ. И теперь, не легко было ему на душѣ, не смотря на то, что самолюбіе его было удовлетворено и цѣль, къ которой онъ стремился уже нѣсколько недѣль, а можетъ быть и болѣе, была достигнута; нѣтъ возможности прослѣдить давность тѣхъ отношеній, которыя связывали Геца съ Гиплеромъ и Гансомъ Рейтеромъ «его давнишнимъ пріателемъ и сосѣдомъ»: Можетъ быть, связь эта уже существовала при началѣ возстанія, но Гецъ имѣлъ причины скрывать ее какъ прежде, такъ и послѣ.

На лѣстницѣ гостинницы Гецъ былъ встрѣченъ своимъ

товарищем по оружію Марксом Штумпф фонъ-Швансбергъ, который тоже одержимъ былъ страстью къ крестьянскому дѣлу и, являсь въ лагерь, предложилъ братскому союзу свои услуги. Штумпфъ поздравилъ его съ званіемъ полководи. «Пожалуйста не трудись, отвѣчалъ Гецъ, я еще не совсѣмъ рѣшился, кажется, самъ чортъ вмѣшался въ это дѣло. Не хочешь ли ты замѣнить меня въ крестьянскомъ войскѣ? Я охотно уступаю тебѣ эту честь.» Марксъ Штумпфъ сталъ уговаривать его принять предлагаемое ему крестьянами начальство, хотя бы для пользы дворянства, говорилъ онъ. Въ алѣ гостиницы онъ напелъ въ сборѣ всѣхъ знатнѣйшихъ крестьянскихъ предводителей и совѣтниковъ. Здѣсь сидѣлъ весь внутренній совѣтъ крестьянскаго войска, состоявшій, кромѣ главнаго начальника, канцлера и старосты, еще изъ семи членовъ, и называвшійся совѣтомъ Семерыхъ. Члены его часто смѣнялись, иногда по недовѣрію къ нимъ, чаще же на основаніи какихъ-то, неизвѣстныхъ намъ правилъ *). Гецъ «наитрогательнѣйшимъ и наидружественнѣйшимъ образомъ» просилъ избавить его отъ предложеннаго ему званія. Онъ ссылаясь, по словамъ самаго Геца, на свои обязанности въ отношеніи швабскаго союза, князей и владѣльцевъ; къ тому же, согласиться съ двѣнадцатю тезисами будетъ совершенно противъ его совѣсти. Тогда подошелъ къ нему Вендель Гиплеръ, и отведя его, въ находившійся при гостиницѣ, виноградникъ, долго бесѣдоваль съ нимъ, положи на столъ передъ собою двѣнадцать тезисовъ, «точно какой проповѣдникъ», говорили крестьяне между собой. Но Гиплеръ напентывалъ ему совсѣмъ о другомъ **).

*) О двуличности или же ошибочности разсказа Геца, можно заключить изъ того, что онъ упоминая о совѣтникахъ крестьянъ въ Гундельсгеймѣ, называетъ и Якоба Рорбаха, между тѣмъ какъ онъ имѣлъ съ нимъ дѣло въ Шенталѣ, а не въ Гундельсгеймѣ, и этотъ послѣдній въ то время уже находился въ Маульброннѣ (Союз. акты, св 92, № 19). О двухъ же Гейльбронницахъ, Вольфъ Менгъ и Гансъ Мюллеръ, дѣйствительно заведшихъ на совѣтъ въ Гундельсгеймѣ, онъ умалчиваетъ съ умысломъ. (Союз. акты, связка 99 а № 31).

**) Показанія Діонисія Шмида.

Наконецъ, основываясь на словахъ самого Геца, онъ предлагалъ имъ большую сумму денегъ, съ тѣмъ, чтобы они уволили его отъ возлагаемой на него обязанности, обѣщаль на свой счетъ объѣздить швабскій союзъ, князей и другихъ владѣтелей, побудить ихъ согласиться на миръ и всевозможныя уступки, но всѣ эти обѣщанія ни къ чему не повели; крестьяне стояли на своемъ. Совѣтники представили его начальникамъ, стоявшимъ у воротъ, съ своими отрядами. Гецъ повзводно сталъ обходить все войско, казалось, что всѣ охотно выслушивали его увѣщанія; но подойдя къ гогенлоэнскому отряду, онъ былъ окруженъ направленными на него ружейными прикладами, копьями и алебардами; гогенлоэнцы грозили убить его, если онъ не согласится принять начальства надъ войскомъ. «Они, въ одно и тоже время, говоритъ Гецъ, хотѣли заставить меня сдѣлаться ихъ шуткомъ и начальникомъ. Чтобы спасти свою жизнь, я долженъ былъ имъ покориться. Съ трудомъ онъ упросилъ ихъ согласиться дать ему одинъ день на размышленіе; обязавъ его клятвою явиться на слѣдующій день въ ихъ лагерь, расположенный тогда подъ *Бухеномъ*, они отпустили его. Впрочемъ уже въ *Гундельсгеймѣ*, Гецъ засѣдалъ съ прочими начальниками въ военномъ советѣ, гдѣ выразилъ мнѣніе, что имъ слѣдуетъ «попробовать прибрать два-три дома маинскаго епископа;» если онъ сдастся, то и вюрцбургскій—будетъ въ ихъ рукахъ. «Епископы безъ сомнѣнія сдадутся», заключилъ Вендель Гиплеръ *).

Между совѣтниками и начальниками рѣшено было, что когда Гецъ будетъ главнокомандующимъ, они должны зорко слѣдить за каждымъ его шагомъ и безъ зрѣлаго обсужденія не должны принимать ни одного изъ его совѣтовъ; онъ долженъ приносить намъ пользу, а не господствовать надъ нами, говорили они. Если же онъ откажется отъ предлагаемаго ему

*) Показанія Діонисія Шмида изъ Швабаха, засѣдавшего не рѣдко въ крестьянскомъ совѣтѣ.

званія, то слѣдуетъ его, со всѣми пришедшими съ нимъ слугами, взять въ плѣнъ.

Гецъ самъ предполагалъ, что въ случаѣ его отказа, крестьяне не пощадятъ ни его, ни пришедшихъ съ нимъ, хотя бы даже друзья его, канцлеръ, староста и оба гейльбронца и ходатайствовали за него. Гецъ на другой день съ двумя служителями отправился въ Бухенъ. Прискорбна была эта поѣздка благородному рыцарю; самъ онъ рассказываетъ, что ему лучше бы было въ то время сидѣть плѣнникомъ въ какой-нибудь турецкой крѣпости. Войско онъ нашелъ въ полномъ сборѣ; совѣтники и начальники всѣ были на лицо. Когда онъ подъѣхалъ къ войску, къ нему подбѣжалъ одинъ крестьянинъ — портной изъ Пфельдельбаха, — схватилъ лошадь его подъ уздцы и съ проклятіями объявилъ его плѣннымъ. Гецъ ф. Берлихингенъ, храбро воевавшій съ сильными духовными властителями, стяжавшій себѣ славу грознаго и неумолимаго рыцаря, теперь принужденъ былъ сносить оскорбленія отъ какого нибудь пфельдельбахскаго портнаго. «Васъ здѣсь много, отвѣчалъ Гецъ, ты можешь ругаться надо мною сколько тебѣ угодно; а вотъ если бы ты одинъ на одинъ взялъ меня въ плѣнъ, то я бы похвалилъ тебя. Портной объявилъ отъ имени всего войска, что всѣ желаютъ имѣть его главнокомандующимъ и требуютъ, чтобы онъ велъ ихъ противъ вюрцбургскаго епископа. Гецъ посмѣялся надъ крестьянами и наотрѣзъ отказался идти съ ними въ Вюрцбургъ. Портной, ругаясь, назвалъ его поповскимъ другомъ. Гецъ сошелъ съ лошади и подошелъ къ войску. Здѣсь увидѣлъ онъ многихъ майнцскихъ совѣтниковъ, и военный совѣтъ снова предложилъ ему быть главнокомандующимъ. Какъ ни пытался онъ отдѣлаться отъ нихъ, но ему не помогли никакія отговорки. «По крайней мѣрѣ, заранее предупреждаю васъ, сказалъ онъ, что я никогда не дозволю совершить такого звѣрскаго поступка, какъ убійство въ Вейнсбергѣ. Это было и прошло, отвѣчали ему; очень можетъ, что въ другой разъ это и не повторится. Требованія становились назойливѣе; совѣтники майнцскаго архіепископства съ

своей стороны тоже уговаривали его. Не видя выхода изъ своего затруднительнаго положенія, Гецъ, обратившись ко всѣмъ, сказалъ: такъ какъ вы силою принуждаете меня быть вашимъ начальникомъ, то знайте, что я, съ помощью божьей, буду всегда поступать какъ слѣдуетъ честному и добросовѣстному христіанину, согласно долгу и совѣсти; я скорѣе умру, чѣмъ согласусь допустить безчестные и безчеловѣчные поступки. Такимъ образомъ, Гецъ ф. Берлихингенъ сдѣлался главнокомандующимъ яснаго ополченія.

Узнавши, что нападеніе на Вюрцбургъ, продолжаетъ Гецъ, дѣло рѣшенное, онъ, будто бы, сталъ отговаривать отъ этого крестьянъ: епископъ — не вашъ господинъ; сначала распорите врагамъ брюхо, а не спину, говорилъ онъ; подумайте о вашихъ женахъ и дѣтяхъ. Если вы отправитесь туда, швабскій союзъ не замедлитъ уничтожить и сжечь ваши жилища, и въ одну недѣлю сдѣлаетъ васъ цыганами. Крестьянамъ, будто бы, онъ сказалъ, что они обязаны повиноваться властямъ, платить всѣ пошлыны и оброки и отправлять всѣ повинности, какъ слѣдуетъ; если же что имъ въ тягость, то пусть они объяснятъ это своимъ господамъ. Крестьяне смѣялись. Гецъ одобрилъ благочестиваго проповѣдника, доктора Бренца и его книгу, въ которой говорится о повиновеніи властямъ, онъ обѣщалъ дать и крестьянамъ прочитатъ; но изъ толпы слышались ругательства на Бренца, говорили, что онъ сдѣлался еретикомъ.

Съ совѣтниковъ и начальниковъ Гецъ взялъ обѣщаніе не нападать ни на одинъ дворянскій замокъ, смягчить требованія двѣнадцати тезисовъ и держать войско въ строгой дисциплинѣ. На этихъ условіяхъ онъ принялъ главное начальство надъ крестьянами на мѣсяцъ и снова обѣщалъ привлечь дворянство на ихъ сторону. Въ знакъ своего уваженія, крестьяне подарили ему мѣсто, недалеко отъ Горнека, изобиловавшее дичью.

Гецъ ф. Берлихингенъ никогда еще не предводительствовалъ войскомъ; онъ не былъ ни полководцемъ, ни тактикомъ,

а только героемъ турнировъ: но что онъ хорошо понималъ военное дѣло, это сейчасъ же оказалось изъ того, что онъ не одобрялъ нападеніе на вюрцбургскій замокъ. Какъ предводитель христіанскаго войска, онъ не хотѣлъ съ самаго начала предпринять такое дѣло, которое не обѣщало никакого благопріятнаго исхода; завладѣть въ то время Фрауенбергомъ не предвидѣлось никакой возможности. Гецъ постарался убѣдить крестьянъ, что для нихъ удобнѣе бы было прежде занять имперскій городъ Галль. Это было болѣе легкое предпріятіе, но тѣмъ не менѣе довольно важное въ стратегическомъ отношеніи, такъ какъ по пути можно было непосредственно соединиться съ гмюндеръ-гаильдорфскою шайкою, а черезъ нея и съ франконскимъ войскомъ, дружественныя отношенія съ которыми были значительно потрясены, благодаря Флоріану Гейеру. Подобно многимъ господамъ рыцарскаго сословія, Гецъ былъ нерасположенъ въ пользу имперскихъ городовъ духовныхъ князей и, недоброжелательныхъ дворянству, Галльскихъ бюргеровъ, близкихъ сосѣдей его собственныхъ владѣній, потому ему и было пріятно причинить имъ какой нибудь вредъ. Онъ серьезно думалъ о походѣ въ Галль, зная, что друзья и пріятели его швабскіе и франкскіе дворяне и, сосѣдніе Галлю, владѣльцы были недовольны галльскими бюргерами; сообразивъ все это, онъ сказалъ крестьянамъ, въ лагерь подъ Бухеномъ: если они согласны идти въ Галль, то онъ ручается имъ выставить необходимые для этого предпріятія двѣсти лошадей *).

Гецъ, которому война была столь же необходима, какъ воздухъ, послѣ продолжительнаго бездѣйствія теперь почувствовалъ себя въ своей сферѣ, не смотря на свои прежнія отнѣиванья. Посреди этой вооруженной толпы, этого лѣса алебардъ и копій, управляемыхъ не малымъ числомъ искусныхъ и энергичныхъ рукъ, среди воинственнаго шума,

*) Признанія Діонисія Шмида, собственныя слова Геца ф. Берлихингена.

которымъ оглашалась вся долина, и не только Гецъ, но и всякій человѣкъ, мало мальски одаренный воинственными наклонностями и чувствомъ свободы, поддался бы общему увлеченію. Этимъ настроеніемъ Гецъ хотѣлъ воспользоваться для отмщенія своему старинному врагу—швабскому союзу; поэтому для него было очень важно отклонить крестьянъ отъ намѣренія овладѣть Фрауенбергомъ и показать имъ необходимость направить всѣ ихъ военныя силы противъ швабскаго союза. Какъ благоразумный полководецъ, онъ не хотѣлъ тратить время и свои способности на осаду крѣпостей, но, сосредоточивъ всѣ силы ополченія, намѣревался вступить въ открытый бой съ ихъ общимъ врагомъ — швабскимъ союзомъ. Послѣ одного или двухъ выигранныхъ крестьянами сраженій, онъ полагалъ, что всѣ укрѣпленія, замки и города сами собою подчинятся ихъ власти. Чтобы убѣдить крестьянъ въ справедливости своихъ предположеній, Гецъ пока еще долженъ былъ поджидать удобнаго случая. Какъ знать, какъ далеко зашелъ бы Гецъ, если бы ему удалось это? Совершенно справедливо, что случай играетъ важную роль въ дѣйствіяхъ человѣка; кто въ состояніи бороться съ бурными волнами, уносящими человѣка, и всегда ли онъ властенъ вернуться назадъ?

Флоріанъ Гейеръ, отдѣлившійся съ своею «черною шайкою» отъ яснаго ополченія, присоединился къ недавно составленной франкенландской шайкѣ франконскаго войска; вездѣ гдѣ онъ ни проходилъ, между прочимъ и въ майнцкомъ архіепископствѣ, всюду заставлялъ всѣхъ присягать на вѣрность франконскому войску, а не ясному ополченію. Такимъ образомъ, онъ самъ лично привелъ къ присягѣ на вѣрность франконскому войску всѣ города Оденвальда и отправился къ Тауберу, въ епископскія владѣнія. Шайка Оденвальда и Неккарталя, узнавъ объ обязательствѣ, данномъ городами предводителю черной шайки, снова должна была принять присягу, вступая въ братство яснаго ополченія. Это обстоятельство посе-

лило несогласіе, доходившее до раздора между ею и франконскимъ войскомъ.

Изъ Бюхена, ополченіе двинулось далѣе, по дорогѣ къ майнскому монастырю Аморбаху.

Аморбахъ, названный такъ въ память своего перваго аббата, св. Амора, былъ построенъ еще въ началѣ восьмага столѣтія и считался однимъ изъ могущественныхъ бенедиктинскихъ монастырей Оденвальда. Предводители ополченія послали приказаніе настоятелю монастыря собрать всю братію въ трапезной; тамъ они намѣревались переговорить съ ними о нѣкоторыхъ преобразованіяхъ храма Господня. Монахи немедленно собрались и храбрый докторъ Рейнгардтъ Лейбингеръ объявилъ, что эти преобразованія будутъ состоять въ томъ, что ополченіе присвоить себѣ все имущество монастыря, въ деньгахъ, въ золотѣ и серебрѣ. Въ теченіи почти восьми сотъ лѣтъ монастырь успѣлъ на копить порядочное количество драгоценностей, много золотой и серебряной церковной утвари, много денегъ звонкою монетою и билетами. Монахи однако увѣряли, что у нихъ нѣтъ денегъ и это было справедливо, потому что деньги были употреблены на значительныя постройки. Они говорили, что у нихъ нѣтъ никакой собственности, кромѣ двадцати одного серебрянаго кубка, розданныхъ имъ, будто бы для вседневнаго употребленія; они держали въ рукахъ эти сосуды, и передали начальникамъ и совѣтникамъ въ подарокъ, прося защитить отъ мятежниковъ: въ стѣнахъ монастыря уже слышались крики входящаго войска.

Монастырь постигла едва ли не худшая участь чѣмъ Шенталь и дома нѣмецкаго ордена. Все, что было тамъ: матеріи, утварь, книги въ дорогихъ, золотыхъ и серебряныхъ окладахъ, плоды, вино, скоть, посуда, все было расхищено. Даже алтарь былъ до чиста ограбленъ, не исключая святыхъ реликвій; въ необузданной склонности къ грабежу крестьяне разломали прекрасный органъ и, вынувъ оттуда трубы, присоединили ихъ къ остальной добычѣ. Въ слѣдъ за шайкой, пришли въ монастырь сами аморбахцы, сосѣдніе мужики и

окончательно обобрали до чиста все, что не успѣли обобрать первые — все до послѣдней доски, до послѣдней кровельной черепицы. Мостовая была вездѣ изломана; подъ нею искали драгоценностей. Начальники разрѣшили даже для потѣхи зажечь монастырь, но подошедшіе къ тому времени шестеро депутатовъ, посланныхъ аморбахскимъ магистратомъ, упросили не сжигать храма Божія, говоря, что пламя можетъ распространиться и на ихъ собственные дома, и превратить весь Аморбахъ въ кучу пепла. Начальники отменили приказаніе и запретили продолжать грабежъ. Сожжены были только монастырскія оброчныя книги. Каждый взводъ продавалъ отдѣльно свою добычу. Гецъ кромѣ своей доли скупилъ еще на 150 гульденовъ разныхъ драгоценностей и между прочимъ прекрасную голубую митру, изъ которой потомъ жена его вынула весь жемчугъ и драгоценныя каменья себѣ для ожерелья. Въ Аморбахѣ крестьяне были такъ довольны поведеніемъ Геца, что даже спустили ему при покупкѣ добычи пятьдесятъ гульденовъ *).

Гецъ, не терпѣвшій никогда духовенства и оправдывавшій свою ненависть къ нему новымъ евангеліемъ, почувствовалъ себя въ своей сферѣ, въ сферѣ рыцарскаго самоуправства, когда пришлось раздѣливаться съ несчастнымъ аморбахскимъ аббатомъ Яковомъ, старымъ и, какъ кажется, слабоумнымъ человекомъ. Онъ хотѣлъ спастись бѣгствомъ, но былъ пойманъ крестьянами, которые до чиста обобрали высокопреподобнаго владыку, и онъ былъ очень благодаренъ одному мужику, одолжившему ему свой холстинный балахонъ, которымъ онъ могъ прикрыть свою наготу. Начальники расположились въ монастырскомъ погребѣ, туда же привели и пойманнаго беззащитнаго аббата, въ его убогой одеждѣ; градъ язвительныхъ насмѣшекъ посыпался на него со всѣхъ сторонъ и подгулявшіе крестьяне стали допрашивать его, гдѣ хранятся монастырскія деньги. Не добившись отъ него никакого отвѣта и, замѣтивъ,

*) Показанія Діонисія Шмида.

что бѣдняга припряталъ одинъ серебряный кубокъ, Гецъ потребовалъ отъ него этотъ кубокъ, старикъ сталъ упрашивать не отнимать у него кубка. Тогда Берлихингенъ такъ нѣжно дотронулся до него своею мощною рукою, что бѣдному аббату показалось, будто онъ ударилъ его желѣзнымъ кулакомъ въ грудь. Гецъ сказалъ ему: «любезный аббатъ, вы не малое время пили изъ этого серебрянаго кубка, попробуйте-ка теперь попить изъ черепковъ». Они посадили его съ собою за столъ и весело попивали изъ тѣхъ шестидесяти кубковъ, изъ которыхъ прежде пила братія; старикъ вздыхалъ, видя монастырскія сокровища въ чужихъ рукахъ. Любезный аббатъ, утѣшалъ его Гецъ, ободритесь, не горюйте; я самъ прежде терялъ все, однако видите не унываю. Ко всѣму люди привыкаютъ *).

Ополченіе, пришедшее въ Аморбахъ 30 апрѣля, оставалось тамъ уже нѣсколько дней; отдѣльныя партіи разсылались по окрестностямъ съ цѣлью присоединять къ братству и приводить къ присягѣ надъ двѣнадцатью тезисами все сосѣднее дворянство; этимъ партіямъ также было предписано грабить и собирать контрибуцію съ храмовъ и домовъ духовныхъ. Начальниками и всѣми благоразумными людьми ополченія рѣшено было не ожесточать дворянъ, но привлекать ихъ на свою сторону. Такимъ образомъ, многіе взводы, явившись въ сосѣдніе замки, ничего не требовали кромѣ вина; Христіанъ Шереръ пришелъ съ своими товарищами въ одинъ небольшой замокъ, по сосѣдству съ Аморбахомъ, пилъ и ѣлъ съ хозяиномъ и не причинялъ ему ни малѣйшей непріятности **). Но не такъ снисходительно обращался онъ съ

*) Показаніе аббата, которое хотя и не могло быть подтверждено свидѣтелями, но съ психологической точки зрѣнія болѣе достойно вѣроятія, чѣмъ объясненія Берлихингена, который, говоря объ этомъ обстоятельстве, утверждаетъ, что онъ отнялъ отъ аббата кубокъ затѣмъ, чтобы потомъ, тайно отъ другихъ, возвратить его.

**) Союзные акты связка 99 в. № 53.

домами духовенства; въ одномъ старомъ монастырѣ онъ собственноручно поджегъ конюшни *).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Истолкованіе двѣнадцати тезисовъ. Гансъ Берлинъ и Вейландъ.

Отъ присоединенія дворянства къ крестьянамъ нисколько не улучшилось положеніе войска. Конницы по прежнему было очень не много. Чтобы заставить дворянъ отнестись сочувственнѣе къ крестьянскому дѣлу, Гиплеръ предложилъ секуляризировать духовныя имѣнія, такимъ образомъ вознаградить свѣтскихъ владѣтелей за понесенные ими убытки, при введеніи новыхъ порядковъ. Гецъ, и ранѣе его Гиплеръ, уже нѣсколько смягчили строгость двѣнадцати тезисовъ, и въ угожденіе дворянству и городамъ, облегчили переходъ ихъ въ крестьянское братство. Гансу Берлину, гейльбронскому ратсгерру, прославившемуся удачными переговорами съ имперскимъ сеймомъ поручено было измѣнить 12 тезисовъ.

По уходѣ ополченія изъ Гейльбронна, оставшаяся тамъ часть оппозиціонной партіи, составила тайную комиссію изъ двѣнадцати человѣкъ, державшихъ засѣданіе въ домѣ Ганса Вернера, на которомъ между прочимъ предложено было

*) Показаніи Христіана Шерера.

смѣнить настоящій магистратъ и сдѣлать Каспара Цеха бургомистромъ *). Жители Неккаргартахъ и Бёккингена тоже начали притѣснять магистратъ. Гейльброннъ получилъ отъ начальниковъ ополченія грамоту, по которой все должно было оставаться на прежнемъ положеніи до имѣющихъ совершиться реформъ; жители же Неккаргартахъ изъѣвили притязаніе на помѣстья нѣмецкаго ордена, находившіяся въ Гейльброннѣ, которыми гейльбронцы уже десять лѣтъ пользовались, платя аренду ордену. Бёккингенцы же, основываясь на томъ, что Яклеинъ еще раньше требовалъ, чтобы пользованіе прекрасными лугами, принадлежащими уже нѣсколько лѣтъ гейльбронцамъ и находившимися между городомъ и Бёккингеномъ, было общее, выгнали, безъ всякихъ околичностей, свои стада на эти богатые пастбища. Магистратъ предъявилъ грамоты, данныя ему начальниками ополченія, но бёккингенцы, ссылаясь на Яклеина, стояли на своемъ.

Яклеинъ, присоединившійся къ большой вюртенбергской шайкѣ, согласно слѣланному съ нею уговору, оставилъ ее подъ Матерномъ, и отправился, со многими другими, по дорогѣ въ Крайхгау набирать людей для увеличенія вюртенбергской шайки, которая собиралась выступить противъ войска швабскаго союза. Теперь главная его квартира была въ маульброннскомъ монастырѣ.

Отсюда, на полученную имъ жалобу бёккингенцевъ на гейльбронскій магистратъ, онъ писалъ послѣднему: «Мы, Яковъ изъ Бёккингена вмѣстѣ съ выборными въ Маульброннѣ начальниками, прежде всего просимъ вѣрить въ нашу братскую къ вамъ любовь. Любезные братья, до насъ дошли слухи о несогласіяхъ между вами и бёккингенцами, происшедшіе изъ-за пользованія общинными лугами. Мы обращаемся къ вамъ съ нашею братскою просьбою и желаніемъ, чтобы вы помнили данныя вами братскому союзу подъ присягою обѣщанія», и согласно имъ безъ отговорокъ, пользова-

*) Союзные акты, связка 99 в. № 5, 6, 9.

лись пополамъ съ бёккингенцами названными лугами, до дальнѣйшаго рѣшенія». *)

Гейльброннскимъ ратсгерамъ очень не по душѣ пришлось посланіе ихъ важнаго брата Яклеина. Не долго думая, они отправили своего искуснаго дипломата Ганса Берлина къ ясному ополченію съ покорнѣйшею просьбою къ ихъ добрымъ друзьямъ и братьямъ, главнымъ начальникамъ и совѣтникамъ ополченія, чтобы тѣ оказали имъ справедливость **).

Гансъ Берлинъ, при началѣ волненій между гейльбронскими бюргерами, нѣсколько разъ бывалъ въ Штутгартѣ; онъ же послѣдовалъ за графомъ фонъ-Гельфенштейнъ и въ Вейнсбергъ, и былъ тамъ все время до набѣга графа на крестьянскій лагерь, во время перемирія. Пока крестьяне стояли передъ Гейльбронномъ онъ защищалъ городскія ворота, ведущія въ Вейнсбергъ, и мы уже ранѣе видѣли, что онъ многихъ впускалъ и выпускалъ изъ города; когда крестьяне вошли въ городъ, никто лучше его не умѣлъ обойти ихъ, и ведя съ ними переговоры, позаботиться въ то же время и о пользѣ города. Несомнѣнно, что Гансъ Берлинъ былъ не тонкимъ дипломатомъ, способнымъ на различныя дипломатическія уловки; онъ былъ весьма обыкновенный человекъ съ здравымъ умомъ, народнымъ смысломъ, принимавшій близко къ сердцу народное, христіанское дѣло. Онъ представляется совершенно такимъ и въ сохранившихся, собственноручныхъ секретныхъ письмахъ; иначе и не довѣрялись бы ему всегда подозрительные крестьяне. Въ Гейльброннѣ, кромѣ его было много членовъ оппозиціи, ихъ бы магистратъ могъ послать въ крестьянскій лагерь, но онъ именно выбралъ Ганса Бер-

*) Письмо отъ 29 апрѣля изъ лагеря подъ Маульбронномъ. По почерку, правописанію и стилю письмо Яклеина ссть драгоцѣннѣйшій, между множествомъ другихъ, дошедшихъ до насъ документовъ того времени.

**) Союзные акты, связка 92, № 23 а. в

лина, который и обрадовал его вскорѣ извѣстіемъ, что начальники приняли его благосклонно и все сдѣлаютъ по его просьбѣ *).

Дѣйствительно, приходъ Ганса Берлина въ лагерь подъ Аморбахомъ очень обрадовалъ крестьянскихъ начальниковъ и совѣтниковъ: сама судьба послала имъ этого человѣка, никто лучше его не могъ вывести ихъ изъ затруднительнаго положенія и измѣнить, сообразуясь съ обстоятельствами, двѣнадцать тезисовъ. Сейчасъ же было ему сообщено, что «если онъ разъяснитъ толково и сообразно могущимъ представиться затрудненіямъ двѣнадцать тезисовъ, то въ благодарность за эту услугу, крестьянскій совѣтъ обѣщаетъ исполнить всѣ требованія уполномоченнаго и защищать магистратъ отъ всякихъ притѣсненій».

Дѣло приняло такой благопріятный для магистрата оборотъ, который превзошелъ даже всѣ его ожиданія. Ясное ополченіе поручило Гансу Берлину отъ своего имени передать гейльбронскому магистрату, что оно позволяетъ своимъ любезнымъ братьямъ и друзьямъ, сообразно своему усмотрѣнію, не только что либо запрещать или разрѣшать, но даже наказывать непослушныхъ и строптивыхъ, поступающихъ противъ грамотъ, изданныхъ христіанскимъ братствомъ **).

Въ то же время главными начальниками: «Гецомъ фонъ-Берлихенгенъ и другими предводителями яснаго ополченія посланъ былъ угрожающій декретъ Якову Рорбаху, слѣдующаго содержания: «Намъ извѣстно, что ты, Яковъ Рорбахъ, издаешь такіа распоряженія, которыя противорѣчатъ нашимъ повелѣніямъ. Этимъ письмомъ мы требуемъ отъ тебя, чтобы ты ихъ уничтожилъ, если не желаешь навлечь на себя немилость нашего христіанскаго ополченія; если ты будешь и впредь дѣйствовать противъ нашихъ распоряженій, то мы предпримемъ

*) Союзные акты, связка 92, № 23.

**) Акты союза; связка 62 № 27.

противъ тебя болѣе строгія мѣры, о чемъ тебя и извѣщаемъ.» *).

Юргъ Мецлеръ скрѣпилъ посланіе «печатью яснаго ополченія,» съ надписью: «Слово божіе—вѣчно!» **) Эти самыя слова, десять лѣтъ спустя, изображены были на рукавахъ служителей герцога Ульриха вюртембергскаго.

За всѣ эти милости Гансъ Берлинъ долженъ былъ составить имъ поясненія и добавленія къ двѣнадцати тезисамъ—работа, при которой, какъ онъ самъ выражался, онъ будетъ имѣть въ виду пользу и честь гейльброннскаго магистрата. ***) Сообща съ Венделемъ Гиплеромъ, Гецомъ фонъ-Берлихенгенъ и Генрихомъ Мюллеромъ изъ Вимпфена, онъ измѣнилъ и смягчилъ самыя жестокіе пункты, а многіе совсѣмъ уничтожилъ. Уничтожены были 6, 7, 8 и 10, они исключались до имѣющаго совершиться общаго государственнаго преобразованія; слѣдовательно, по прежнему, оставались въ силѣ только тѣ пункты, которыми не отмѣнялись: барщина, поземельные сборы, городскія пошлыны и пошлыны за право собственности; если и въ этихъ тезисахъ обнаружатся какіе либо недостатки, то каждое крестьянское общество можетъ заявить объ этомъ при всеобщемъ государственномъ преобразованіи. Второй тезисъ былъ измѣненъ, такимъ образомъ: малый десятинный сборъ уничтожается; но большой десятинный сборъ долженъ собираться и сберегаться до государственнаго преобразованія. Четвертый тезисъ Берлинъ измѣнилъ такъ: охота дозволяется каждому только въ предѣлахъ собственныхъ земель и владѣній, а рыбная ловля вездѣ; пятый тезисъ былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, чтобы въ лѣсахъ, хотя и по ровну раздѣленныхъ, рубка не производилась безъ общиннаго приговора и безъ дозволенія лѣсничаго. Подъ страхомъ наказанія, въ лѣсахъ никто не долженъ рубить по своему произволу,

*) Акты союза, связка 92. № 27.

**) Акты союза, связка 92. № 19.

***) Акты союза, связка 92. № 23.

впускать скотъ на лѣсосѣки и молодники, а тѣмъ болѣе уничтожать облѣсившіяся мѣста. Также и одиннадцатый тезисъ получилъ существенно другое значеніе. Смертную казнь хотя и предполагалось уничтожить, но она еще удерживалась за взяточничество, до дальнѣйшаго государственнаго преобразованія.

Особенно замѣчательны прибавочные пункты, служащіе объясненіемъ двѣнадцати тезисовъ.

1) Никто не имѣетъ права грабить безъ особеннаго на то разрѣшенія, также подговаривать кого либо вступать въ шайку запрещается подъ смертною казнью.

2) До имѣющихъ совершиться государственныхъ реформъ всѣ пошлыны, подати и долги должны быть выплачены безъ всякихъ отговорокъ.

3) Всѣ недвижимыя имущества, принадлежавшія свѣтскимъ и духовнымъ властямъ, остаются неприкосновенными; свѣтскія же имѣнія, принадлежавшія до настоящаго времени духовенству всѣхъ мѣстечекъ, секвеструются.

4) Никто не долженъ оскорблять другъ друга изъ собственныхъ выгодъ, кто бы онъ ни былъ, духовный или свѣтскій, но каждый долженъ подчиняться мѣстному судопроизводству.

5) Каждый подданный во всѣхъ городахъ, деревняхъ и мѣстечкахъ обязанъ повиноваться своимъ властямъ, не уклоняясь отъ заслуженнаго наказанія и добросовѣстно охраняя установленныя власти, помогать наказывать всякія умышленныя беззаконія. Кто же будетъ въ противность этому составлять заговоры или содѣйствовать имъ, тотъ долженъ быть выданъ начальникамъ и совѣтникамъ главнаго войска для примѣрной казни.

Въ четвергъ 4 мая была окончена Гансомъ Берлиномъ эта декларация или толкованіе двѣнадцати тезисовъ, *) и на другой день принята въ большомъ засѣданіи совѣтниковъ и

*) Союзные акты, связка 88 № 30.

начальниковъ яснаго ополченія, но принята, какъ кажется, не единодушно, а только по большинству голосовъ.

Введеніемъ въ декларацию служили слѣдующія слова: такъ какъ до сихъ поръ многіе изъ простаго народа заблуждались или превратно понимали смыслъ двѣнадцати тезисовъ, истолкованныхъ каждымъ въ свою пользу и, ссылаясь на нихъ, дозволяли себѣ болѣе, чѣмъ слѣдовало по истинному содержанію тезисовъ, отъ чего происходило не мало непопущанія, и упущеній въ исполненіи обязанностей; было поколеблено все, начатое для спокойствія и блага народа, происходили убійства и другія злоупотребленія; потому имѣя въ виду добрую нравственность, и искорененіе преступленій, мы приняли разъясненіе и дальнѣйшее развитіе двѣнадцати тезисовъ. Введеніе заканчивалось тѣмъ, что всѣ преданные братству яснаго ополченія должны, подъ страхомъ наказанія, держаться новаго толкованія, впредь до дальнѣйшихъ разъясненій.

Декларация выпущена была отъ имени начальниковъ, совѣтниковъ и всего войска Оденвальда и Неккартала; но, кажется, совѣтъ не рѣшался объявить всему войску о сдѣланныхъ передѣлкахъ въ тезисахъ прежде, чѣмъ эти толкованія не введены будутъ въ общины, лежація по Неккарталю. Извѣститъ эти послѣднія поручено было хитрому Гансу Берлину, который и отправился съ врученной ему декларацией, обѣщая въ этой услугѣ «помогать имъ еще въ чемъ то другомъ», вѣроятно въ начертаніи проекта всеобщей государственной реформы. Намъ не извѣстно, какъ общины приняли новыя истолкованія тезисовъ; но въ Боккингенѣ Гансу Берлингу не посчастливилось. Когда онъ началъ проповѣдывать о томъ, чтобы никто другъ друга ни къ чему не принуждалъ, безъ нужды, чтобы всякій оставался тѣмъ, чѣмъ былъ, чтобы всякаго рода пошлыны, подати и другія повинности взимались по прежнему, тогда черная Гофманша сказала, что эта проповѣдь—дѣло гейльброннцевъ! «Клянусь Богомъ, что Берлинъ, васъ надуетъ, онъ обманщикъ, и я первая готова

зарѣзать его, кто со мной?» Бартлинь Гейльманъ присталъ къ ней, «еще съ болѣе выразительными ругательствами», и Гансъ Берлинъ счелъ за лучшее бѣжать. *)

Ближайшія къ аморбахскому лагерю общины, въ которыхъ Гансъ Берлинъ объявлялъ декларацію, тотчасъ же отрядили выборныхъ къ ясному ополченію; имъ странно показалось, что онѣ, только-что сдѣлавшись свободными, снова должны подчиниться прежнему игу. Они поручили выборнымъ сказать, что до сихъ поръ они были увѣрены, что ведутъ войну за свою свободу, вдругъ имъ пишутъ и предписываютъ снова покориться старому порядку.

Только черезъ этихъ-то выборныхъ, какъ кажется, главная шайка и узнала о деклараціи. Она ихъ выслушала, безъ вѣдома своихъ начальниковъ; принесенный оттискъ деклараціи обошелъ весь лагерь и буря началась; войско вышло изъ себя. Гецъ фонъ-Берлихингенъ, говорили крестьяне, не допускаетъ жечь дома духовныхъ, потому что онъ другъ поповъ, тянетъ сторону враговъ ихъ, нужно его прогнать сквозъ строй. Другіе кричали, что слѣдуетъ вмѣстѣ съ нимъ убить всѣхъ, которые стоятъ за новыя толкованія. **) Разгорячившіеся гейльброннцы, бывшіе въ шайкѣ, приписывали все это не только одному Гансу Берлину, но главнымъ зачинщикомъ всего считали гейльбронскій магистратъ, о чемъ и сообщили шайкѣ. «Если такъ, вкричалъ Леонардъ Вельднеръ, то шайка должна опять идти на Гейльброннъ, повышвырять изъ оконъ всѣхъ членовъ магистрата и уничтожить духовенство***). Часть оденвальдцевъ согласилась съ гейльброннцами, по возвращеніи изъ Гейльбронна на зло всѣмъ Гецамъ и Гиплерамъ, сжечь пощаженные до сихъ поръ замки Вальденбергъ и Лимпахъ, принадлежавшіе майнцкому епископу, и убить всѣхъ князей, владѣтелей и дворянъ не признающихъ двѣ-

*) Союзные акты, связка 99 а. № 16 а. в.

**) Автобіографія Геца.

*** Союзные акты, связка 99 а. № 32.

надцати тезисовъ. *) Нѣкоторые совѣтовали завладѣть орудіями и лишить власти составителей декларацій.

Безъ дальнѣйшихъ разсужденій, нѣсколько стдѣльныхъ отрядовъ, между которыми былъ и вольный гейльброннскій отрядъ **, отдѣлившись отъ яснаго ополченія, стали разбѣжать по окрестностямъ и всѣмъ объявлять о своемъ рѣшеніи.

Сами же составители деклараціи въ то время были въ отсутствіи. Гансъ Берлинъ отправился уже въ Гейльброннъ, Гецъ поѣхалъ на встрѣчу графу Георгу фонъ-Вертхеймъ, Гиплеръ, можетъ быть, и оставался въ лагерь, но не давалъ знать о своемъ присутствіи.

Графъ Георгъ фонъ-Вертхеймъ сжегъ имѣнія нѣкоторыхъ своихъ крестьянъ, убѣжавшихъ въ шайку, чтобы остановить другихъ, хотѣвшихъ послѣдовать за бѣглецами, а также взялъ подъ свою защиту монастырскія имѣнія. Теперь же, при приближеніи ополченія, поднявшіеся графскіе вассалы, напали и ограбили монастыри Броннбахъ и Гольцкирхенъ, и, расположившись лагеремъ при Дердингѣ, осадили резиденцію самаго графа. Видя себя, какъ бы въ плѣну, графъ предлагалъ вознаграждать сожженные имъ крестьянскіе дома, отдать въ распоряженіе крестьянъ, взятыхъ имъ монастырскія имущества, и ко всему этому прибавить еще отъ себя значительную денежную сумму ***).

По примѣру своихъ сосѣдей, вассалы округовъ Ротенфельса и Гомбурга, принадлежавшіе вюрцбургскому епископству, овладѣли монастырями Трифенштейномъ и Нейбургомъ. Такимъ образомъ графу, окруженному своими собственными, возмущившимися подданными и подошедшимъ ополченіемъ, ничего болѣе не оставалось, какъ самому присоединиться къ евангелическому союзу. Уже 4 мая, вертхеймцы вели пере-

*) Показанія Діонисія Шмида.

**) Союзные акты, связка 103.

***) Рукопись Мюллнера, донесеніе о военныхъ дѣйствіяхъ въ крестьянской войнѣ.

говори съ ополченіемъ, *) и начальникамъ его послано было требованіе графу, чтобы онъ выдалъ имъ имѣвшіяся у него превосходныя орудія, вмѣстѣ съ порохомъ и ядрами; все это имъ пригодилось бы при осадѣ Галля. Хоть Гецъ окончательно и не убѣдилъ ополченіе идти на Галль, но всѣ были того мнѣнія, что слѣдуетъ занять этотъ городъ, прежде чѣмъ Вюрцбургъ, такъ какъ франконское войско уже направлялось къ нему. **) Позже Гецъ утверждалъ, что онъ никакъ не хотѣлъ оставаться долго у крестьянъ, и если бы такъ строго не надзирали за каждымъ его шагомъ, то онъ непременно ушелъ бы отъ нихъ. Другіе же говорятъ совершенно противное, «если бы ему не нравилось самому оставаться тамъ, такъ онъ легко бы могъ наострить лыжи ***)». Помимо этихъ двухъ противоположныхъ увѣреній, намъ извѣстенъ тотъ фактъ, что Гецъ поѣхалъ къ графу фонъ-Вертеймъ безъ всякаго конвоя и потому имѣлъ случай и здѣсь скрыться отъ крестьянъ. Также сомнительны причины, по которымъ графъ Георгъ вступилъ въ братство; нельзя предположить, чтобы собственно одинъ крестьянскій интересъ побудилъ его къ этому. До сихъ поръ не объяснено, почему онъ, выдавъ свои орудія крестьянамъ и присоединивъ къ нимъ свой превосходно вооруженный отрядъ, остался самъ въ крестьянскомъ лагерѣ, между тѣмъ какъ онъ, подобно другимъ вступившимъ въ братство дворянамъ, отдавъ все требуемое, не могъ свободно удалиться изъ лагеря. На мудрый совѣтъ Венделя Гиплера, состоявшій въ томъ, чтобы принудить присоединившихся къ братству дворянъ двинуться вмѣстѣ съ ополченіемъ въ походъ, и такимъ образомъ держать крестьянъ въ своихъ рукахъ, не было обращено до сихъ поръ должнаго вниманія.

Неподалеку отъ Аморбаха, при возвращеніи своемъ изъ

*) Письмо отъ того же дня Ганса Берлина.

**) Союзные акты, связка 92, № 23.

***) Изъ рукописи, походъ франконской шайки.

замка графа Георга, Гецъ былъ встрѣченъ однимъ хорошо ему знакомымъ гейльброннцемъ, можетъ быть и Леонардсмъ Вельднеромъ, служившимъ вмѣстѣ съ нимъ при Зикингенѣ, который рассказалъ ему обо всемъ случившемся во время его отсутствія, и предупредилъ объ опасности, быть можетъ, ожидавшей его. Гецъ, не взирая на предостереженія, продолжалъ свой путь въ лагерь. Тутъ увидѣлъ онъ вдали зарево, растилавшееся надъ замкомъ Вильденбергъ. «Валий его долой съ клячи», раздалось въ толпѣ, и не будь тутъ Георга Мецлера и другихъ начальниковъ, Гецу пришлось бы плохо. Но висѣвшая надъ головою опасность все же не укротила его гнѣва. «Кто далъ повелѣніе зажечь Вильденбергъ?» вскричалъ онъ въ негодованіи. Георгъ Мецлеръ увѣрялъ его, что ему ничего объ этомъ не извѣстно; очень можетъ быть, что собственные крестьяне владѣльца, желая освободиться отъ барщины, подожгли замокъ. Въ Аморбахѣ Гецъ нашелъ квартиру свою ограбленной. Декларация отняла у Геца всякое довѣріе войска, которое стало теперь слѣдить съ подозрѣніемъ за каждымъ его шагомъ, и смотрѣла на него, не какъ на своего полководца, но какъ на плѣнника; все таки однако имѣя вліяніе на главныхъ начальниковъ и совѣтниковъ, онъ не безъ успѣха иногда препятствовалъ многимъ пожарамъ и грабежамъ. Вскорѣ пришло извѣстіе изъ Вюрцбурга, что заключившіе съ крестьянами союзъ, тамошніе бюргеры намѣрены, какъ только отдалится отъ города франконское войско и ясное ополченіе, захватить въ свои руки городское управленіе. Извѣстіе это заставило крестьянъ немедленно, именно 5-го же мая, выступить изъ лагерей и двинуться къ Мильтенбергу.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Имперскіе князья въ союзъ съ крестьянами. Походъ на Вюрцбургъ.

Въ Мильтенбергѣ жилъ въ то время Фридрихъ Вейгандъ, одинъ изъ главныхъ руководителей тайнаго крестьянскаго союза. Прежде еще, чѣмъ одинъ изъ отрядовъ, подъ предводительствомъ служителей Берлихингена, Ауербаха и Тальванерта, своевольно отдѣлившійся при Аморбахъ отъ ополченія, сталъ дѣлать набѣги на духовныя владѣнія, брать съ нихъ контрибуцію, рвать оброчныя книги, опустошать винные погреба и грабить дома, не пощадивъ при этомъ и самаго Мильтенберга, именно еще 3 мая, Фридрихъ Вейгандъ, какъ по приглашенію крестьянскаго совѣта, такъ можетъ быть и по своимъ собственнымъ секретнымъ дѣламъ, ѣздилъ въ аморбахскій лагерь и присутствовалъ на засѣданіи совѣта, на которомъ подписана была декларація двѣнадцати тезисовъ. Вѣроятно уже тогда онъ словесно излагалъ совѣту свой проектъ общей государственной реформы, который потомъ и былъ представленъ имъ письменно и копии съ котораго до сихъ поръ еще сохранились. Самъ Вейгандъ, рассказывая объ этомъ происшествіи, хотѣлъ всѣхъ заставить повѣрить, будто его насильно привели въ лагерь, гдѣ потребовали отъ него, какъ отъ чиновника, служившаго при финансовомъ управленіи майнцскаго епископства, «шестьсотъ гульденовъ изъ кассы его всемилостивѣйшаго повелителя архіепископа» *). Въ эту же поездку онъ выпросилъ себѣ у совѣта отличную отъ прочихъ охранную грамоту, въ которой говорилось такъ: Фридрихъ Вейгандъ, съ женою, дѣтьми и всѣмъ своимъ имуществомъ,

*) Союз. акт. связ. 103, № 5.

**) Союз. акт. связ. 92, № 19.

гдѣ бы оное не находилось, переходить въ наше христіанское братство. Подъ страхомъ смерти и потери имущества, мы повелѣваемъ, чтобы онъ, какъ и каждый изъ нашихъ собратьевъ, избавленъ былъ отъ всякихъ поборовъ, оскорбленій и притѣсненій.» Возвратившись изъ Аморбаха, онъ нашелъ уже Мильтенбергъ ограбленнымъ, но домъ его былъ еще не тронутъ; предъявленная же имъ грамота защитила его, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ отъ насилія; грабежъ окончился ранѣе, чѣмъ ополченіе съ своими начальниками вступило въ Мильтенбергъ. Авангардъ направился вдоль плодоносной долины Мудау къ Ашафенбургу, и по дорогѣ значительно успилось присоединявшимися къ нему со всѣхъ сторонъ крестьянами.

Въ архіепископскомъ замкѣ при Ашафенбургѣ находился въ то время штатсгальтеръ майнцскаго курфюрста, высокопреосвященный князь Вильгельмъ, епископъ страсбургскій и ландграфъ эльзасскій, урожденный графъ ф. Гознштейнъ. Штатсгальтеръ, при началѣ возстанія, въ первыхъ числахъ апрѣля, предписалъ всѣмъ вассаламъ епископства «быть наготовѣ и, при первомъ же его приказаніи, выслать ему вооруженныхъ людей, пѣшихъ и конныхъ, для того, чтобы, если понадобится, помочь во-время противодѣйствовать возстанію.» При этомъ онъ отдалъ повелѣніе всѣмъ ленникамъ архіепископства содержать на свой счетъ лошадей и ратниковъ, которые должны были собраться въ Мильтенбергъ, какъ сборномъ пунктѣ *). Но, какъ видно, вассалы его не спѣшили исполнить данныхъ имъ приказаній. Два дня спустя послѣ вейнсбергской катастрофы, епископъ вторично принужденъ былъ повторить приказаніе, грозя лишить ихъ леновъ. Но вейнсбергское дѣло отняло у нихъ всякую бодрость; замокъ штатсгальтера осажденъ былъ подвластными ему бюргерами, и самъ онъ принужденъ былъ послать отъ себя въ

*) Письмо штатсгальтера, отъ 10 апрѣля.

крестьянскій лагерь подъ Бухеномъ своихъ совѣтниковъ для переговоровъ; переговоры еще не были окончены, когда уже авангардъ яснаго ополченія вступилъ въ городъ; это обстоятельство ускорило переговоры.

Майнцскій архіепископскій престолъ все еще принадлежалъ Альбрехту II бранденбургскому. Въ послѣднее время убѣжденія этого архипастыря значительно измѣнились: онъ почти готовъ былъ принять совѣтъ Лютера и, по примѣру своего родственника, гротмейстера въ Пруссіи, обратить свое епископство въ наслѣдственное, свѣтское владѣніе и даже вступить въ бракъ. Когда пламя мятежа распространялось все далѣе и далѣе, онъ серьезно сталъ подумывать, что въ Германіи пришелъ конецъ всякому духовному владычеству: кардиналъ Альбрехтъ, курфирстъ и архіепископъ майнцскій и магдебургскій, началъ побаиваться за себя и за другихъ духовныхъ, могуществу которыхъ давно завидовали открыто или тайно многіе владѣльцы и города по Рейну. Онъ обратился къ Лютеру, прося его заранѣе приготовить народъ къ великому событію, которое онъ намѣревался совершить, превративъ свое курфиршество въ свѣтское, наслѣдственное владѣніе. Однако ему не удалось исполнить своего намѣренія: любовница его, Рюдингеринша, изъ мѣщанокъ, не надѣясь раздѣлить съ нимъ свѣтскую власть, отговорила его; вслѣдъ за этимъ она скоростижно умерла, и епископъ, въ память своей возлюбленной, не измѣнилъ своему званію и своимъ прежнимъ вѣрованіямъ. А между тѣмъ буря возстанія уже разразилась въ майнцскихъ владѣніяхъ; курфирстъ Альбрехтъ счелъ за лучшее для себя удалиться и оставилъ штатсгальтеромъ друга своего, страсбургскаго епископа, выгнаннаго изъ его собственныхъ владѣній.

Въ крестьянскій лагерь подъ Мильтенбергомъ явились совѣтники штатсгальтера, прося Гёца фонъ-Берлихингена опосредничествѣ. «Друзья, отвѣчалъ онъ имъ, я самъ не болѣе какъ бѣдный плѣнникъ, который не въ состояніи ни повредить вамъ, ни принести пользу.» Штатсгальтеръ, вмѣстѣ съ

майнцскимъ капитуломъ, долженъ былъ, подобно другимъ владѣльцамъ, принять двѣнадцать тезисовъ и торжественно обѣщать исполнять безпрекословно все, что признаетъ и предпишетъ ясное ополченіе и другія крестьянскія сборища въ лицѣ своихъ благочестивыхъ, искусныхъ, ученыхъ и мудрыхъ военачальниковъ. Всѣ подданные архіепископа, какъ въ городахъ, такъ и въ мѣстечкахъ Оденвальда, вмѣстѣ съ замкомъ Гамбургомъ, до имѣющей совершиться государственной реформы, должны оставаться на прежнихъ положеніяхъ и архіепископъ не долженъ враждебно смотрѣть на переходъ ихъ въ христіанское братство. Города Бишофсгеймъ и Кюльгеймъ должны оставаться подъ властью прежнихъ своихъ начальниковъ и не измѣнять городского бюджета; другіе города и мѣстечки архіепископства, подобно девяти городамъ Оденвальда, должны безпрекословно принять этотъ договоръ и поклясться свято его исполнять. Всѣ они обязаны были повиноваться распоряженіямъ начальниковъ яснаго ополченія и, въ случаѣ надобности, снабжать его всѣмъ необходимымъ. Архіепископъ не долженъ препятствовать городамъ и мѣстечкамъ, когда потребуется ихъ помощь, содѣйствовать всѣми зависящими отъ нихъ средствами ясному ополченію и во всякое время давать ему пропускъ. Всѣ монастыри, какъ мужскіе, такъ и женскіе должны быть открыты, всѣ живущіе въ нихъ должны снять монашескія одежды; послушникамъ, кто бы они ни были, священники ли или лица, принадлежавшія ордену, грозилося наказаніемъ. Въ теченіи одного мѣсяца все дворянство архіепископства должно присоединиться къ братству; просрочившій — будетъ считаться врагомъ союза. Наконецъ штатсгальтеръ долженъ поручиться какъ за капитулъ, такъ и за все духовенство страны, что въ продолженіи двухъ недѣль вручено будетъ ополченію 15,000 гульденовъ серебряною монетою; если духовенство на это не согласится, то штатсгальтеръ не долженъ препятствовать крестьянамъ вооруженною рукою взыскать съ духовныхъ требуемую сумму. Марксъ Штумпфъ, при посред-

ничествъ котораго велись главнымъ образомъ эти переговоры, предложилъ крестьянамъ идти съ ними на Вюрцбургъ *).

7 мая договоръ этотъ былъ скрѣпленъ епископскою и капитульскою печатами отъ имени штатсгальтера, князя-епископа, дѣкана капитула. Замѣчательно, что присягали надъ двѣнадцатью тезисами, дополненными и измѣненными уже аморбахскими толкованіями **).

Въ лагерь подъ Мильтенбергомъ явился также и графъ Георгъ ф. Вертгеймъ; онъ отдалъ въ распоряженіе крестьянъ жизнь свою и имущество, послалъ въ Кюльгеймъ провіанту, отправилъ свои орудія съ порохомъ и ядрами подъ нейнбронскій монастырь и самъ съ крестьянскимъ войскомъ пошелъ къ Гохбергу ***). Такимъ образомъ Гецъ ф. Берлихингенъ, принужденъ былъ идти на Вюрцбургъ, противъ своего леннаго господина, которому онъ и писалъ изъ Аморбаха, что, не смотря на всѣ его старанія, крестьяне идутъ на Вюрцбургъ, потому онъ и спѣшитъ увѣдомить его высокопреосвященство и просить не лишить его прежней милости и дарованныхъ ему ленныхъ помѣстьевъ. 5 мая ополченіе письменно потребовало, чтобы епископъ вступилъ въ христіанское братство и принялъ двѣнадцать тезисовъ; если въ продолженіи четырехъ дней онъ не дастъ положительнаго отвѣта, то всѣ вассалы епископства приняты будутъ подъ защиту евангелическаго союза, а съ нимъ самимъ будетъ поступлено, какъ съ врагомъ. Соборный протопопъ отвѣчалъ посланнымъ, что его высокопреосвященство, епископъ находится въ настоящее время у пфальцграфа, въ Гейдельбергѣ; что, крестьяне могутъ, если хотятъ, отправить къ нему туда посольство, и, если требованія ихъ касаются собственно евангелія, то, они навѣрно, легко достигнутъ своей цѣли; что его высокопреосвященству будетъ донесено обо всемъ.

*) Показаніе Діонисія Шмида.

**) Изъ древней рукописи, у Шунка, томъ III, тетрадь 1.

***) Показанія Діонисія Шмида.

Отвѣтъ этотъ засталъ крестьянъ уже въ Нейстроннѣ. И начальники ихъ порѣшили: по всему видно, что властители Вюрцбурга, не давая положительнаго отвѣта, хотятъ только выиграть время, а такъ какъ дѣло не терпитъ отлагательствъ, то съ ними и будетъ поступлено, какъ требуютъ того обстоятельства *).

Войско быстро двинулось впередъ, не опустошая и не разоряя окрестностей. 7 мая оно вошло въ Мильтенбергъ; Фридриха Вейганда тамъ не было, онъ находился у штатсгальтера князя Вильгельма для заключенія съ нимъ договора. На Вейганда крестьяне смотрѣли, какъ на одного изъ составителей деклараціи и потому, не обращая вниманія на его охранную грамоту, разорили оба его мильтенбергскіе дома, разграбили и опустошили ихъ какъ «турки», взяли деньги, вино, плоды, оружіе, дамашнюю посуду, всего на сумму 600 гульденовъ **).» Гейльбронскій отрядъ, опустошившій уже Лимнахъ и взявшій въ плѣнъ тамошняго приходскаго священника Томаса Шлихтиха ***), первый началъ грабить Мильтенбергъ, переходя изъ одной гостинницы въ другую, изъ Меча въ Осель, изъ Осла въ Звѣзду; и т. д. у ауленбахскаго старосты Конца вытащили 25 ведеръ вина ****). Въ то же время и отряды, командированные яснымъ ополченіемъ для набѣговъ, продолжали свое дѣло, брали замки, владѣтели которыхъ не вступили еще въ братство или смотрители которыхъ бѣжали; такая же участь постигла и замокъ Ротенфельсъ. Владѣлецъ его былъ близкій родственникъ Берлихингена; и потому Гецъ убѣдительно просилъ не разорять замка, ничего оттуда не брать, развѣ за исключеніемъ самаго необходимаго для лагеря и сберечь хозяйкѣ ея

*) Оксле, стр. 122. Письмо Берлихингена франконскому дворянству.

**) Акт. союза, связка 103 №№ 5, 6, 7, 8. Изъ записокъ Вейганда.

***) Тамъ же, связка 103 № 19. Изъ записокъ самаго священника.

****) Тамъ же, связка 103 № 9 и 20. Собственноручное письмо Конца изъ Ауленбаха.

дамашнюю утварь, платье и драгоценности. Начальники вообще стали теперь сдержаннѣе и умѣреннѣе, дозволяли грабежъ только по необходимости или по расчету; оденвальдцы пощадили Ротенфельсъ, также замокъ Ганбургъ и зданіе тяжёбнаго суда. Впослѣдствіи, Гецъ хвалился, что, пока онъ находился въ ополченіи, ни одинъ замокъ графа или дворянина не былъ сожжёнъ.

Разграбивъ Тромлерское пріорство, ясное ополченіе направилось въ Ганбергу и расположилось здѣсь, 7 мая, лагеремъ въ виду Вюрцбурга; восемь уполномоченныхъ были отправлены отсюда назадъ, въ Майнцкое епископство. Каждая община должна была поклясться Богомъ и всѣми его святыми, безпрекословно повиноваться всѣмъ распоряженіямъ и постановленіямъ нынѣшнихъ и будущихъ крестьянскихъ предводителей, сохранять ненарушимую вѣрность всему христіанскому братству Оденвальда и Неккара и свято соблюдать 12 тезисовъ. Ясное ополченіе безъ всякаго страха могло отрядить въ Майнцъ этихъ восемь депутатовъ. Всѣ земли, прилежающія къ Рейну: Франкфуртъ, Майнцъ, Вормсъ, Шпелеръ, Рейнгау, Рейнфальдъ, вся мѣстность до самаго Трира, была уже охвачена пламенемъ крестьянскаго возстанія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Франкфуртъ, Рейнгау, Нижній Рейнъ и Вестфалія.

Во Франкфуртъ еще во время великопостной ярмарки, пріѣзжіе купцы опасались заговора, замышляемаго противъ городского совѣта и поповъ; носились таинственные слухи, что

къ концу ярмарки приключится нѣчто необыкновенное. Въ городѣ, въ то время жилъ прѣзжій проповѣдникъ докторъ Гергардъ Вестербургъ, по духу и образу мыслей сродни Карльштадцамъ. Приверженцы новаго ученія сгруппировались вокругъ него. Домъ, гдѣ онъ жилъ, днемъ и ночью былъ осажденъ гражданами, величавшими проповѣдника евангельскимъ человѣкомъ. Самымъ горячимъ изъ его приверженцевъ былъ башиачникъ Гансъ фонъ-Зигенъ. Еще годъ тому назадъ происходило много разнаго рода споровъ о церковныхъ дѣлахъ; постоянные налоги, которыми во Франкфуртъ, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, были обременены дома и имущество гражданъ, уже въ 1523 г. вызвали такое неудовольствіе, что городской совѣтъ долженъ былъ потребовать отъ духовенства уступокъ въ пользу города. Установленная въ 1488 г. подать съ вина, пива и плодовъ тоже была одной изъ причинъ всеобщаго раздраженія.

Въ понедѣльникъ на святѣй недѣлѣ, 10 апрѣля *), болѣе шестисотъ гражданъ изъ Нейштадта и Саксенгаузена, въ томъ числѣ и нѣсколько знатныхъ пріѣзжихъ **), собрались на дворѣ церкви св. Петра. Поводомъ къ этой сходкѣ послужилъ новый налогъ на употребившіеся во время ярмарки тачки и тележки. Скоро уже постановлено было нѣсколько рѣшеній прямо враждебныхъ городскому совѣту и духовенству. Оба городскіе бургомистра вмѣшались въ толпу съ цѣлью развѣдать ея намѣренія. Собравшіеся не заставили ихъ спрашивать себя по напрасну: поднялась цѣлая буря жалобъ на духовенство и налоги. Господа старались успокоить волненіе, говоря, что городской совѣтъ выслушаетъ гражданъ, что они должны изложить и представить ему свои жалобы. Собраніе не хотѣло откладывать дѣло въ долгій ящикъ и рѣшили какъ можно скорѣе приняться за реформу духовнаго правленія; оно нескрыло также своихъ намѣреній посѣтить нѣкоторые изъ мо-

*) Въ церковныхъ актахъ значатся: понедѣльникъ 13 апрѣля.

**) Объ этомъ говоритъ Леснеръ въ своей франкфуртской хроникѣ.

настырей. «Дѣйствуете ли вы и говорите сами по себѣ или по чьему нибудь внушенію? спросилъ одинъ изъ бургомистровъ. По чьему внушенію? отвѣчалъ ему бочарь Петръ Деркенъ; вѣдь дѣло здѣсь идетъ о насъ самихъ, о всей общинѣ, о всѣхъ цехахъ». Гансъ Стефанъ обратился тогда къ портному Петру Кригеру и, вмѣстѣ съ Гольцгаузенемъ сталъ просить его удержать своихъ друзей отъ нападенія на монастыри. Франкфуртцамъ однако хотѣлось раздѣлаться съ своими попами такъ, какъ, по дошедшимъ слухамъ, раздѣлывались съ ними въ другихъ мѣстахъ. «Попы долгонько пили на нашъ счетъ; теперь и намъ пришла охота хоть разъ выпить на счетъ ихъ», кричала толпа на церковной площади. Увѣщанія, просьбы, молебны, обѣщанія, все что неизыскивали господа, было напрасно, ликующіе ремесленники устремились на монастырь проповѣдниковъ, ѣли и пили тамъ въ отворенныхъ монастырскихъ погребахъ, оттуда отправились на ферму искать школьнаго учителя, тамъ еще разъ угостили себя, не убивъ впрочемъ ни одного человѣка. На другое утро 11 апрѣля, народные ораторы представили городскому совѣту народныя жалобы, а пополудни толпа отправилась въ монастырь кармелитовъ, въ домъ декана св. Варфоломея (скрывшагося вмѣстѣ съ Кохлеемъ, ревностнымъ врагомъ реформаціи) и въ дома другихъ духовныхъ, но при этомъ никому не было нанесено никакого вреда, ничего даже не было разграблено.

Перепуганный этими выходками, городской совѣтъ сталъ дѣлать дружественныя предложенія цехамъ, говоря имъ, что они своими бунтами да своеволіемъ могутъ только повредить городу, лишить его привилегій, торговли и ярмарки. Это могло подѣйствовать только на людей близко заинтересованныхъ въ торговлѣ, ткачей, лавочниковъ, мастеровыхъ на желѣзныхъ заводахъ, на торговыя компаніи Лимбурга и Фрауенштейна, но другіе цеховые вооружились и отправились на конную площадь, чтобы соединиться тамъ съ своими союзниками. Руководители возстанія нарочно распустили слухъ, будто городской совѣтъ намѣренъ ввести въ городъ сильный отрядъ

кавалеріи и другія войска для того, чтобы силою устрашить цехи. Это заставило всѣхъ сейчасъ же взяться за оружіе. Цеховой голова долженъ былъ произвести военный смотръ передъ домомъ портнаго цеха на Либфрауэнбергѣ. Туда всѣ и пошли съ конной площади.

Городской совѣтъ поспѣшилъ послать къ нимъ Филипа Фюрстенберга, искуснаго дипломата, одного изъ любимыхъ народомъ ратсгеровъ. Народъ, однако, не сталъ слушать его увѣреній, будто слухи о кавалеріи и другихъ войскахъ были простой выдумкой, овладѣлъ городскими воротами и башнями, занялъ мостъ на Майнцѣ и поставилъ на всѣхъ постахъ свои караулы. Ловкій Фюрстенбергъ сдѣлалъ видъ, что и онъ сочувствуетъ ихъ дѣлу и посовѣтовалъ имъ избрать депутатовъ для переговоровъ съ городскимъ совѣтомъ. Всѣ цехи соединились вмѣстѣ для выборовъ и въ домѣ портнаго цеха составленъ былъ длинный рядъ статей. Затѣмъ выборные, сопровождаемые вооруженными и ликующими цехами, отнесли статьи эти въ городской совѣтъ. Уличные мошенники хотѣли было воспользоваться случаемъ и напасть на жидовскій кварталъ, но цехи силою оружія заставили ихъ отказаться отъ исполненія этого намѣренія. Въ Троицынъ день, 13 апрѣля выборные собрались на Антоніанскомъ дворѣ, сдѣлали еще нѣсколько прибавленій къ вчерашнимъ статьямъ, и передали ихъ городскому совѣту. Всѣхъ статей составилось теперь сорокъ шесть.

Главнѣйшія изъ нихъ носятъ отпечатокъ мѣстныхъ городскихъ интересовъ и только нѣкоторыя касаются общаго народнаго дѣла. Но изъ этихъ статей большая часть направлена противъ духовенства, многія противъ городского совѣта и его управленія. Вступленіе довольно замѣчательно: «Послѣ того какъ всемогущій Богъ ниспослалъ въ сердца многихъ духъ истины, вмѣстѣ съ откровеніемъ своего святаго евангелія, и просвѣтилъ ихъ своей вѣрой, священодѣйствующая толпа поповъ и монаховъ многократно и безъ всякаго основанія осмѣливалась скрывать истину и съ своими приверженца-

ми—тиранами употребляетъ всѣ возможные усилія, чтобы возпрепятствовать разпространенію св. евангелія. Имъ хотѣлось бы раздѣлить народъ на партіи и, какъ дьяволъ посредствомъ ихъ — своихъ клеветовъ долго обманывалъ народъ, такъ и они безсовѣстно и безстыдно разпространяютъ мнѣніе, будто милосердіе и его святое слово должны повести къ мятежу; дѣлаютъ же они это по внушеніямъ своей скупости, корыстолюбія, насилія, а не слова Божія. Никакія дружественныя просьбы не дѣйствовали на нихъ. Такъ какъ теперь мы обязаны болѣе повиноваться Богу, чѣмъ людямъ, то мы и не хотимъ поступать какъ безбожники; мы рѣшились во славу всемогущаго Бога, во славу его святаго слова, во славу Господа нашего Іисуса Христа, для преуспѣянія братской любви и единодушія, вести себя какъ братья, по божескому закону, мы рѣшились сами себя преобразовать, для того, чтобы никто другой не былъ въправѣ упрашивать и принуждать насъ къ этому. Потому хотимъ мы сами облегчить себѣ тотъ невыносимый гнетъ, на который мы вынуждены были жаловаться».

Въ длинной цѣпи жалобъ, пять начальныхъ, три среднія и пять конечныхъ направлены противъ духовенства. Граждане желали, чтобы имъ прелоставлено было право назначать и смѣщать приходскихъ священниковъ и чтобы слово божіе проповѣдывалось во всей его чистотѣ; чтобы духовенство было женато или, по крайней мѣрѣ, не подавало соблазна своей жизнью; чтобы всѣ проживающіе въ городѣ духовные, наравнѣ съ прочими гражданами несли всѣ городскія повинности какъ-то: службу, караулы, подати и налоги—а также подлежали юрисдикціи городского суда; чтобы монашествующее духовенство обязано было все, разосланное въ другіе города, монастырское имѣтельство потребовать обратно и отдать его бѣднымъ франкфуртцамъ, такъ какъ имущество это было обманомъ исторгнуто у ихъ предковъ, а потому и должно принадлежать общинѣ, а не монахамъ; чтобы монахамъ было запрещено собирать милостыню, проповѣдывать и исповѣдовать,

чтобы ни одинъ монахъ и ни одна монахиня на будущее время не были принимаемы въ монастыри города, а тѣ, которые въ нихъ находятся имѣли бы право свободно выйти оттуда; чтобы за хранящимися въ монастыряхъ бумагами и драгоценностями былъ учрежденъ строгій надзоръ; чтобы капеланіи замѣщались по выбору самихъ ихъ основателей или ихъ потомковъ, а если таковыхъ нѣтъ—по выбору прихожанъ—людьми набожными, честными и учеными, благорасположенными къ гражданамъ и способными поучать народъ слову божію; тамъ же гдѣ не предстоитъ особенной необходимости замѣщать подобныя мѣста, доходы съ нихъ должны поступать въ общественное хранилище, учрежденное во славу Господа, чтобы на нихъ бѣдные могли быть призрѣны и не имѣли надобности скитаться отъ дома къ дому, выпрашивая милостыню; чтобы всѣ, отказываемые для благотворительныхъ цѣлей капиталы, поступали въ общественную кассу, которую предполагалось учредить въ честь Господа для снабженія бѣдныхъ пищею: чтобы тѣ различныя церковныя празднества, на которыя до сихъ поръ расходовались эти капиталы, были уничтожены; чтобы городскіе вѣсы находились не въ рукахъ духовенства, а въ рукахъ городского совѣта и доходъ съ нихъ поступалъ бы не къ настоятелямъ церквей, а въ кассу для бѣдныхъ; чтобы повинности, до сихъ поръ взимаемыя съ панихидъ и другихъ церковныхъ обрядовъ, были уничтожены; чтобы всѣ жившія съ священниками женщины и теперь обязанныя удалиться отъ нихъ, а также и всѣ предающіяся разврату никакъ не были принимаемы ни на квартиру, ни въ сожителство. Между статьями, направленными противъ городского совѣта и его управленія особенно выдаются статьи, обличающія членовъ совѣта и ихъ злоупотребленія. Эти господа сами барыничали хлѣбомъ и были ростовщиками, а потому община потребовала, чтобы на будущее время хлѣбъ продавался на вольномъ рынкѣ и чтобы богатые барышники были обложены податью. Всякій, строящій у себя лѣстницу, порогъ или погребъ долженъ былъ сперва внести городскому совѣту плату

за право производить подобныя постройки; теперь эти подати должны быть уничтожены; достаточно было одного только согласія архитектора. Городской совѣтъ обложилъ податю все что только могъ; изъ всего онъ сдѣлалъ доходную для себя статью, за каждую свинью бралась пошлина, сами даже собственники не имѣли права ни пахать, ни строить безъ пош-
лины. Господа грабили у общинъ заплутавшихся въ лѣсу жи-
вотныхъ и продавали ихъ въ сосѣднія деревни, самыя дрова
изъ лѣсу продавались на сторону, такъ что сосѣднія общины
имѣли больше отъ нихъ пользы, нежели сама франкфуртская;
какъ только кончался годичный запасъ дровъ, богатые съ своими
лошадьми первые отправлялись въ лѣсъ, вырубали самыя луч-
шія деревья, а для бѣдныхъ оставались одни только пни; чле-
ны городского совѣта держали большія овчарни и своими ов-
цами потравляли всѣ пастбища общины и портили лѣса, такъ
что для коровъ, свиней и овецъ бѣдныхъ, оставался только
самый жалкій кормъ. Всякій гражданинъ обязанъ былъ
платить за рожь, овесъ, дрова и проч. провозимыя имъ
черезъ Майнцкій мостъ, хотя бы онъ и купилъ эти про-
дукты тутъ же въ городѣ; приходилось платить даже за
провозъ вина изъ своихъ собственныхъ виноградниковъ; бѣд-
ный человѣкъ былъ вполнѣ отданъ на произволъ жидовъ;
если онъ жаловался, что его обманули или просто обобрали,
то никогда не могъ найти никакой защиты, потому что чле-
ны городского совѣта были за одно съ жидами и получали
отъ нихъ взятки; бѣдный человѣкъ былъ отданъ также
и на произволъ адвокатамъ, онъ страдалъ отъ проволо-
чекъ дѣла, онъ разорялся судебными издержками и вы-
сокой платою адвокатамъ. Задѣльная же плата бѣдныхъ по-
деньщиковъ была такъ незначительна, что почти не давала имъ
никакой возможности существовать; ни прилежаніе, ни искус-
ство честнаго ремесленника не помогали ему; городской совѣтъ,
за деньги принималъ въ мастера недоучившихся, ни на что
не способныхъ, которые сами загребали жаръ руками под-
мастерьевъ. Община страдала также и отъ наемниковъ

городскаго совѣта, своими лошадьми и собаками опустошав-
шихъ поля бѣдныхъ, болѣе же всего страдала она отъ того,
что на вакантныя мѣста членовъ городского совѣта избирался
обыкновенно не тотъ, кто отличался честнымъ рвеніемъ къ
общественному благу, умомъ и опытностью, а тотъ, кто былъ
богатъ, имѣлъ связи; иногда случалось видѣть отца, двухъ
его сыновей и двухъ его братьевъ, одновременно засѣдающихъ
на скамьѣ выборныхъ и если какой-нибудь цехъ не согла-
шался на подобный выбсръ, то почтенный совѣтъ, на основа-
ніи закона, имъ же самимъ написаннаго, имѣлъ право уни-
чтожить ту или другую изъ привилегій цеха.

Противъ всѣхъ этихъ злоупотребленій возстала теперь об-
щина и потребовала частью ихъ уничтоженія, частью же
смягченія. Она требовала также болѣе правдиваго суда: ни
одинъ гражданинъ, пока онъ можетъ представить поручителя,
не долженъ подвергаться аресту ни за подати, ни за про-
ступки по важнымъ дѣламъ, какъ бѣдные такъ и богатые
должны быть удовлетворяемы правосудіемъ въ четырехъ-не-
дѣльный срокъ и судебныя издержки уменьшены на половину.
Высокая пошлина съ вина, зерноваго хлѣба, соли, масла, ры-
бныхъ промысловъ и прочихъ продуктовъ, потребляемыхъ въ
самомъ городѣ, должна быть для блага бѣдныхъ понижена на
половину; всѣ оброки, получаемые какъ духовными, такъ и
свѣтскими властями, право на которые не можетъ быть до-
казано надлежащими грамотами, должны были быть уничто-
жены; оставались только налоги постоянные, утвержденные
грамотами, всѣ же прочіе, грамотами не утвержденные на бу-
дущее время прекращались. Уничтожается малая десятинная
подать; во всѣхъ тѣхъ случаяхъ когда необходимо устано-
вить какія-нибудь новыя подати или пошлыны, нужно про-
сить согласіе общины для того, чтобы налогъ былъ распредѣ-
ленъ пропорціонально между богатыми и бѣдными.

Община удерживаетъ за собою право представлять совѣту
и о дальнѣйшихъ своихъ нуждахъ, если таковыя окажутся;
вып. II.

и совѣтъ долженъ дать отвѣтъ на представленія общины, не позже, какъ на слѣдующій день, по полудни.

Городской совѣтъ послалъ эти статьи духовнымъ властямъ, такъ какъ многія изъ нихъ касались и духовенства, нѣсколько духовныхъ принесло ихъ обратно изъ монастырей въ ратушу. Они готовы были на уступки, но жестокая необходимость вызвала на ихъ глаза слезы, изъ устъ ихъ сыпались упреки, на которые городской совѣтъ отвѣчалъ тѣмъ же, жалуясь на плохія времена. Затѣмъ городской совѣтъ вмѣстѣ съ духовенствомъ обдумалъ отвѣтъ и отправилъ его съ Фюрстембергомъ на дворъ антоніанцевъ. Въ отвѣтъ давалось только полусогласіе. Цехи, не обращая однако вниманія ни на вѣжливость, ни на краснорѣчіе Фюрстемберга, не удовольствовались этими половинными уступками. Всю ночь провели они подъ оружіемъ и теперь возстаніе приняло уже болѣе грозный видъ, потому что въ средѣ его находились лица, примкнувшія къ возстанію со всѣмъ «по другимъ причинамъ и радовавшіяся ему. Эти господа надѣлали столько шуму и грому что военное начальство, лишенное всякаго вліянія, не могло считать въ безопасности ни свою жизнь, ни честь, ни имущество. Народъ не хотѣлъ имѣть никого изъ членовъ городского совѣта своимъ начальникомъ и назвалъ самъ себя императоромъ, папою, епископомъ и бургомистромъ.»

Въ субботу на страстной, Гансъ фонъ-Зигенъ явился къ бургомистру съ объясненіемъ, что община требуетъ, чтобы предложенныя ею статьи были приняты сейчасъ же и безъ всякихъ отговорокъ. Въ то время какъ онъ это говорилъ, со стороны Либфрауенбурга блистали конья и самострѣлы: сотни вооруженныхъ цеховыхъ стояли тамъ подъ ружьемъ.

Члены городского совѣта, принимая во вниманіе, что подобныя безпорядки въ настоящія трудныя времена случались во многихъ почетныхъ городахъ святой имперіи и что нужно болѣе всего позаботиться о томъ, чтобы верховная власть не вмѣшалась въ это дѣло, «порѣшили одобрить представленныя имъ статьи, и положить на нихъ такую резолюцію: статьи

эти, какъ статьи достойныя уваженія, клонящіяся къ общественному благу и обличающія многіе недостатки и злоупотребленія, вкравшіяся въ городское управленіе,—они добровольно обязуются исполнять съ буквальною точностью, до тѣхъ поръ пока это будетъ возможно безъ обиды Богу и чести. Они подъ клятвою обязывались соблюдать статьи свято, ненарушимо, и искренно, не соблазняться ни существующими, ни будущими императорскими или другими привилегіями, если эти привилегіи могутъ отклонить ихъ отъ точнаго исполненія ихъ обязанностей. Во всемъ этомъ они ручаются какъ за себя, такъ и за своихъ преемниковъ на вѣчныя времена.

Только въ субботу на Оминой недѣлѣ, 22 апрѣля, городской совѣтъ возвратилъ документы общинъ. Двѣнадцать дней продолжалась война за статьи. Теперь по улицамъ весело били въ барабаны; всѣ граждане спѣшили въ римскій кварталъ, чтобы посмотрѣть на подписанныя городскимъ совѣтомъ, мужескими и женскими монастырями, статьи. Статьи были прочитаны и члены городского совѣта вмѣстѣ съ гражданами присягнули въ вѣрности имъ. Военные посты были сняты, ворота, долго остававшіяся запертыми, открыты; все, казалось, успокоилось.

Граждане приказали напечатать статьи и розослали ихъ въ прирейнскіе города, въ Пфальцъ и въ области швабскаго союза, къ великой досадѣ начальства этихъ городовъ. Въ самомъ Франкфуртѣ различные комитеты выборныхъ гражданъ, до сихъ поръ руководившіе движеніемъ, теперь разошлись, чтобы приняться за свои обыденныя занятія; остался одинъ только небольшой комитетъ, состоящій изъ десяти человѣкъ. Эти десять ходили изъ дома въ домъ къ духовнымъ господамъ, съ угрозами требуя отъ нихъ, именемъ общины, чтобы они сейчасъ же отпустили своихъ наложницъ. Отъ монастырей они потребовали описи всего ихъ имущества и чѣмъ сильнѣе разрасталось народное возстаніе въ нѣмецкихъ областяхъ, тѣмъ смѣлѣе становились ихъ требованія. Теперь подня-

лись и крестьяне въ округѣ Франкфурта и собирали на антоніанскомъ дворѣ подозрительныя сходки. Въ тоже время распространился слухъ, будто черный отрядъ Флоріана Гейера идетъ на Франкфуртъ. Городской совѣтъ просилъ, говорилъ, убѣждалъ, увѣрялъ, что весь городъ сильно страдаетъ, если черные разграбятъ товары и имущество, привезенныя на ярмарку и отданные господами и пріѣзжими купцами на сохраненіе городу. Боязнъ черныхъ однако скоро миновалась: они направились по другому противоположному пути. Этимъ случаемъ многіе думали воспользоваться, чтобы предать смерти господъ, поповъ и жидовъ. Если не будетъ по нашему, говорили они, то мы не хотимъ исполнять никакихъ статей. Когда опасность отъ черныхъ скопищъ миновалась, городской совѣтъ сталъ дѣйствовать смѣлѣе; онъ велѣлъ засадить въ тюрьму Гунца Гааса и мясника Генне Шторка, говорившихъ народу слишкомъ пламенныя рѣчи. Доктору Вестербурга велѣно было въ двадцать четыре часа выѣхать изъ города. Докторъ не послушался. Городской совѣтъ увидѣлъ себя вынужденнымъ послать сильныя разѣзды къ тому мѣсту, гдѣ жилъ докторъ, потому что ночныя собранія въ его домѣ стали теперь и многочисленнѣе, и оживленнѣе. На второе дружеское предложеніе выѣхать изъ города докторъ отвѣчалъ: Если такова воля Господня—уѣду, но, пока остаюсь». Членамъ городского совѣта пришлось дожить даже до того, что комитетъ десяти потребовалъ, чтобы доктору было дано право гражданства. Имъ пришлось испытать еще болѣе. Въ одну ночь, когда члены городского совѣта съ преданными имъ гражданами дѣлали обходъ по улицамъ города, на встрѣчу имъ попался одинъ изъ десяти Гансъ Зигенъ, вмѣстѣ съ другими выходившій изъ дому доктора. «Что это значитъ, вскричалъ онъ, такъ ли слѣдуетъ исполнять обязанность караульнаго? Я бы тоже вѣдь могъ набрать много людей». Отъ членовъ совѣта обратился онъ къ гражданамъ: «о граждане, когда бы вы знали, зачѣмъ вы идете сюда, вы бы конечно не пошли съ ними. «Друзья совѣта «скрыли гнѣвъ» и неподали Гансу фонъ-

Зигену никакого повода къ насиліямъ; и онъ, сопровождаемый скорнякомъ Лауксомъ, портнымъ Вильдомъ и другими изъ народа, удалился «наговоривъ однако много наглыхъ, грубыхъ и нехристіанскихъ словъ.»

Въ сосѣднемъ Майнцѣ, въ золотомъ Майнцѣ, гдѣ въ прежнее время господствовала радость, гдѣ народъ, насколько это зависѣло отъ природы, былъ надѣленъ всѣми условіями счастья, но не былъ однако счастливъ, въ этомъ старомъ, большомъ городѣ движеніе было еще сильнѣе, чѣмъ во Франкфуртѣ. 23 апрѣля послѣ совершенія процессіи къ св. кресту много вооруженныхъ гражданъ собралось на Дитмаркъ; то были друзья новаго ученія и въ томъ числѣ четверо проповѣдниковъ, недавно освобожденныхъ изъ городскихъ тюремъ. Всю ночь, оставались они подъ оружіемъ и не успокоились даже и тогда, когда намѣстникъ архіепископа и капитулъ вступили съ ними въ дружественные переговоры. На другой день раннимъ утромъ они оповѣстили всему городу, что всѣ граждане должны собраться на Дитмаркъ, захватили городскіе ключи, заперли всѣ ворота, свезли всѣ, бывшія на башняхъ, орудія на Дитмаркъ и сами явились туда, вооруженные съ ногъ до головы. Днемъ и ночью въ городѣ была суматоха, собравшіеся граждане стрѣляли изъ мортиръ, угрожали разграбить дома духовенства, потому капитулъ, во избѣжаніе потерь, согласился на всѣ статьи, предложенныя ему городской общиной. Статьи эти числомъ тридцать одна, были очень умѣренны, и относились исключительно къ мѣстнымъ нуждамъ города. *)

Еще нѣсколько дней раньше собрались крестьяне и граждане Рейнгау. Рейнгау по справедливости могъ назваться гнѣздомъ дворянъ, раемъ поповъ. Народъ собрался въ Люцелау въ день св. Варѣоломея, 23 апрѣля, и потребовалъ возвращенія своего стариннаго земскаго управленія. Подобно городу Майнцу, они составили 31 статью, изъ которыхъ мы заимствуемъ здѣсь

*) Статьи Майнцской городской общины напечатаны у Шунка, часть III, стр. 62—74.

болѣ замѣчательныя. Какъ и швабы, рейнгауенцы прежде всего потребовали права самимъ избирать своихъ евангельскихъ проповѣдниковъ и свободы евангельскаго ученія. Затѣмъ пожелали они, чтобы десятиный сборъ былъ уменьшенъ въ 30 разъ и чтобы на этотъ доходъ содержались проповѣдники, а излишекъ поступалъ въ пользу бѣдныхъ. Они желали, чтобы всѣ владѣтели Рейнгау какъ духовные, такъ и свѣтскіе, какъ благородные, такъ и неблагородные, платили подати и несли общинную службу на равнѣ съ другими гражданами; исключенія допускались только для свободныхъ дворянскихъ ленныхъ имѣній. Они потребовали возвращенія старыхъ вольностей, на основаніи которыхъ каждый гражданинъ могъ быть судимъ только въ Рейнгау и могъ быть призываемъ къ суду только на мѣстѣ своего постоянного жительства, чтобы крѣпостное рабство и всякія другія изъятія изъ общаго права были уничтожены и чтобы всѣ пользовались одинаковыми гражданскими правами. Они соглашались платить закономъ установленные поземельные сборы, если они непривышали 1½ шилинговъ, а такъ же пошлины съ вина, масла и воску, если они будутъ уменьшены на одну двадцатую часть, другіе поземельные налоги должны быть уничтожены; всякіе договоры, купли и продажи, заключенные мошенническимъ образомъ должны были потерять всякую силу, всѣ церковные доходы, которыми пользуются разные любимчики архіепископа, неисполняющіе лично своихъ обязанностей, должны быть у нихъ отняты и обращены на общественную пользу; въ Рейнгау впредь не долженъ быть терпимъ ни одинъ жидъ, ни одинъ нищенствующій монахъ; монастыри предполагалось упразднить; требовали также, чтобы каждому гражданину предоставлено было право свободно покупать и продавать строевой лѣсъ и дрова, право свободно пользоваться водой, пастбищами, дичью за исключеніемъ красной дичи; чтобы тотъ, кто пользовался землею изъ за половиннаго сбора впредь отдавалъ только третью часть, кто отдавалъ третью—четвертую и т. д.; чтобы вдовы и сироты cadaго мѣстечка были приз-

рѣваемы ихъ магистратами и чтобы лѣсной судъ производился по старымъ законамъ.

Особенно замѣчательна одна статья, касавшаяся военной защиты. Безъ преувеличенія можно сказать, что всѣ уголки Рейнгау были окружены стѣнами, рвами и башнями; съ запада и юга онъ былъ защищенъ Рейномъ, съ сѣвера и къ востоку непрерывнымъ рядомъ рововъ и башенъ и густо сросшимся терновымъ плетнемъ. Цѣпь этихъ укрѣпленій прерывалась только монастыремъ Тифенталь и Анненскою мызою; только со стороны монастыря и мызы страна была не защищена и открыта для непріятельскаго нападенія. Потому собравшіеся рейнгаусцы потребовали, чтобы монастырь и мыза были срыты до основанія.

Чтобы вѣрнѣе оцѣнить всѣ выше изложенныя требованія, необходимо бросить взглядъ на древнія учрежденія рейнгаусцевъ. По мнѣнію Бадманна, весьма основательно изучившаго исторію своихъ соотечественниковъ, Рейнгаусцы имѣли мѣстное самоуправленіе и составляли въ архіепископствѣ какъ бы особое государство. Они пользовались личной свободой, правомъ перехода съ мѣста на мѣсто и вообще наслаждались внутренней автономіей, они имѣли свою собственную городскую и сельскую полицію, свою милицію, свое каноническое право. Имъ дано было право защиты и право апелляціи на мѣстные суды, право приглашать и смѣщать судью изъ тайнато судилища въ Майнцѣ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ правъ и привиллегій, рейнгаускіе крестьяне одушевлены были тѣмъ же духомъ свободы, какъ и имперскіе города; они даже постоянно называли себя гражданами. Курфирстъ Альбрехтъ, государь, одаренный многими прекрасными качествами, но расточительный и властолюбивый, давно уже тяготился старинными рейнгаускими вольностями и еще въ 1521 году съ большимъ удовольствіемъ слушалъ, какъ его сановники разсуждали, что онъ, какъ государь, несвязанъ законами, оставленными ему его предшественниками; въ этомъ смыслѣ онъ и дѣйствовалъ. Такимъ образомъ, главнѣйшіе пункты рейнгау-

скихъ статей были ничто иное, какъ подтвержденіе старыхъ вольностей, поправленныхъ и уничтоженныхъ княжескимъ своеволіемъ. Рейнгауское дворянство наравнѣ съ простонароднымъ пользовалось всѣми мѣстными вольностями и притомъ обладало еще нѣкоторыми и исключительными привилегіями: оно было изъято отъ повинностей, отправляемыхъ лично и натурою и имѣло свой собственный судъ. Эти-то преимущества, которыми пользовалось духовенство, нарушая гражданское равенство и сваливая на менѣе имущихъ все бремя налога, нерѣдко возбуждали жалобы и даже открытое сопротивленіе со стороны народа. Теперь возставшій народъ желалъ установить полное равенство.

Собравшіеся передали свои жалобы намѣстнику архіепископа, Бремзеру фонъ-Рюдестейму, который и препроводилъ ихъ къ соборному капитулу. Чтобы выиграть время, капитулъ просилъ двухъ или трехъ дней отсрочки для изслѣдованія, не заключалось ли въ статьяхъ чегонибудь такого, что было бы несогласно съ божественнымъ правомъ и истиной; члены капитула надѣялись между тѣмъ на постороннюю помощь или, поменьшей мѣрѣ, ждали извѣстій и распоряженій объ арестахъ. Наконецъ они объявили, что нѣкоторыя изъ статей основаны на божественномъ правѣ, другія же несогласны съ нимъ и требовали, чтобы народъ не домогался ихъ утвержденія до тѣхъ поръ пока они не снесутся съ Штатгальтеромъ, уѣхавшимъ въ Атафельбургъ. Нѣкоторые граждане напшли это требованіе справедливымъ и изъявили на него свое согласіе, другіе же ему воспротивились и недопускали никакой отсрочки. Это были, по преимуществу, жители среднихъ округовъ изъ волостей Винкеля, Эстриха, Галлгартена, Иоганнисберга и Миттельгейма. Особеннымъ упорствомъ отличались Иоганнисбергцы. Съ ними дѣйствовали за одно и съ одинаковымъ усердіемъ жители изъ нижнихъ округовъ, преимущественно же изъ волости Эйбингенъ. При такомъ раздвоеніи мнѣній, Иоганнисбергцы и Эйбингенцы, удалились въ полномъ вооруженіи на Вахгольдеръ,—

поле, находившееся на разстояніи одного часа времени отъ Рейна, не подалеку отъ монастыря Эрбахъ и это было на другой день послѣ праздника св. Филиппа и Якова; здѣсь они поклялись не расходиться и всѣми силами защищать другъ друга. Медленность капитула еще болѣе раздражала ихъ, когда они узнали, что граждане Майнца еще 23-го апрѣля получили отъ городского совѣта и капитула всѣ свои старинныя вольности, отнятыя у нихъ Адольфомъ II. Здѣсь на Вахгольдерѣ занялись они прежде всего окончательной обработкой своихъ статей и единогласно порѣшили не соглашаться ни на какія измѣненія со стороны князей и капитула. Они потребовали къ себѣ на Вахгольдеръ всѣхъ поселянъ, не исключая и дворянство; призванные собрались. Дворянство оттого не замедлило явиться по первому призыву, что надѣялось добиться для себя какихънибудь выгодныхъ условій, въ чемъ оно и успѣло. 5 мая поселяне отправили письмо къ дворянамъ, а 7 числа въ 9 часовъ утра господа явились въ назначенное мѣсто въ Этвильскую ратушу, гдѣ и были имъ представлены статьи. На 9 мая ихъ пригласили на самый Вахгольдеръ; они поѣхали туда, но на пути ихъ засталъ дождь; они отрядили къ крестьянамъ Бремзера, а сами поворотили въ монастырь Эбербахъ. Бреммеръ скоро вернулся назадъ и сказалъ имъ: если вы не хотите быть убитыми, поѣзжайте со мною къ нимъ. Они отправились. Ихъ спросили, что они хотятъ сдѣлать для поселянъ. Господа отвѣчали, что если имъ оставить ихъ старыя привилегіи и права, то они готовы жертвовать для гражданъ своею жизнью и имуществомъ во всякомъ правомъ дѣлѣ. Въ этомъ поклялись всѣ граждане и дворяне, поднявъ пальцы вверхъ. Крестьяне потребовали тогда, чтобы и самъ штатгальтеръ, князь епископъ страсбургскій, Вильгельмъ фонъ-Гогенштейнъ явился къ нимъ лично на Вахгольдеръ и онъ отправился туда съ соборнымъ деканомъ и другими чинами и вступилъ въ дружественные переговоры съ Рейнгаусцами. Штатгалтеръ, среди собравшихся на

Вахгольдеръ дворянъ, горожанъ и поселянъ, окруженный вооруженной и угрожающей толпой, вынужденъ былъ принять и подписать предложенныя ему статьи; монастыри должны были сдѣлать тоже самое, то есть, они должны были подписать свой смертный приговоръ, потому что въ силу этихъ статей они отказывались отъ всѣхъ своихъ главнѣйшихъ доходовъ, обязывались принять на себя всѣ повинности, на равнѣ съ прочими гражданами, оставить всѣ дома божіи и передать ихъ поселянамъ, всякому желающему выйти изъ монастыря, выдать по 200 гульденовъ деньгами, его платье и книги, позволить дворянству и гражданамъ каждые три мѣсяца дѣлать въ монастыряхъ ревизіи и уступить немедленно свои лѣса въ пользованіе общинъ, и подъ этими-то условіями, съ очень только незначительными измѣненіями, подписались монастыри Эрбахъ, Иоганнсбергъ, Мергенталь, Аульгаузенъ, женскіе монастыри Эйбингенъ и Готесталь. Они должны были передать крестьянамъ свои орудія и сѣятные припасы. Когда, согласно этому договору, многіе монахи и монахини, не могшіе свыкнуться съ монастырскими стѣнами, поспѣшно стали оставлять свои кельи, монастыри же неохотно соглашались выплачивать имъ опредѣленную договоромъ сумму; тогда народъ потребовалъ, чтобы имъ было уплачиваемо по 200 гульденовъ сей часъ же, при выходѣ, а остальные въ теченіи четырнадцати дней, деньгами или имуществомъ. вмѣстѣ съ этимъ народъ отобралъ у монастырей всѣ грамоты и документы, относившія до оброковъ и податей; цѣпь укрѣпленія была повсюду восстановлена рыцари обязаны были принять начальство надъ поселянами. Фридрихъ фонъ-Грейфельнау, братъ трирскаго архіепископа, былъ сдѣланъ главнымъ начальникомъ рейнгаускаго лагеря.

Рейнгаусцы запаслись для своего лагеря на Вахгольдерѣ всѣмъ нужнымъ на цѣлую недѣлю; они даже позволили себѣ лакомиться благороднымъ Рейнвейномъ эбербахскихъ монаховъ. Долго послѣ того въ народныхъ пѣсняхъ воспѣвалась

огромная винная бочка, подобная знаменитой гейдельберской, которую будто бы роспили тогда крестьяне *).

Изъ Майнцской области народное движеніе быстро разлилось по обѣ стороны Рейна и по сѣверной Германіи; но здѣсь оно отличалось духомъ умѣренности и порядка, какъ и слѣдовало ожидать отъ образованныхъ гражданъ. Подобно тому, какъ во Франкфуртѣ и въ Майнцѣ, гдѣ не было разрушенъ ни одинъ домъ, принадлежащій духовенству, такъ и между рейнгаускими крестьянами движеніе это не сопровождалось ни беспорядкомъ, необходимымъ спутникомъ всѣхъ войнъ, ни кровопролитіемъ, ни насиліемъ невольственной и своевольной толпы. Дѣло шло только объ уничтоженіи вопіющихъ злоупотребленій въ политическихъ и религіозныхъ учрежденіяхъ, объ усиленіи общественнаго прогресса, о восстановленіи поправленныхъ правъ человѣка и гражданина. Раньше еще провозвѣстники новаго евангелія дѣятельно проповѣдывали на Нижнемъ Рейнѣ, а въ Кельнской области и въ Вестфаліи духъ протеста и просвѣщенія распространялся самъ собою. Когда Германъ V (изъ графскаго дома Видъ) архіепископъ кельнскій, въ Мадеборнѣ, осудилъ на смерть нѣсколькихъ послѣдователей новаго ученія и велѣлъ казнить ихъ, палачъ сказалъ ему прямо въ глаза: «Всемилоствѣннѣйшій государь, не требуйте отъ меня этого; долгъ мой отсѣкать головы убійцамъ и ворами, но не честнымъ людямъ.» Архіепископъ хотѣлъ перевести осужденныхъ въ Кельнъ, но извозчикъ вмѣсто Кельна доставилъ ихъ въ Зохетъ, жители котораго и выпустили ихъ на волю. Въ тоже время анабаптисты работали на Верхнемъ и Нижнемъ Рейнѣ. Въ прирейнскихъ городахъ накопились много горючаго матеріала. Народное неудовольствіе противъ духовенства было вездѣ одинаково сильно. Вездѣ город-

*) Когда я находился на Вахгольдерѣ, тогда мы пили изъ большей бочки. Какъ нашли мы ее? какъ собака находитъ траву; чортъ благословилъ

скіе совѣты, были недовольны своими епископами, а народъ раздраженъ противъ духовенства за то, что оно уклонялось отъ общественныхъ повинностей и дѣлало ему подрывъ въ его ремеслахъ, производя ихъ въ монастыряхъ и въ своихъ имѣніяхъ; городскіе совѣты находились въ натянутыхъ и враждебныхъ отношеніяхъ съ епископами и архіепископами, вслѣдствіе неопредѣленности границъ между епископской судебной властью и правами городского совѣта, — неопредѣленности, подававшей поводъ къ разнаго рода путаницѣ и столкновеніямъ. Всѣ, и народъ, и члены городскихъ совѣтовъ были противъ высшихъ духовныхъ властей, такъ какъ епископства все болѣе и болѣе превращались въ свѣтскія княжества, владѣтели которыхъ то явно, то тайно подкапывались подъ привилегіи и вольности городовъ, и во многихъ мѣстахъ уже успѣли совсѣмъ ихъ уничтожить. Во многихъ городахъ община была въ раздорѣ съ городскимъ совѣтомъ, простой народъ съ аристократіей, потому что злоупотребленія городского управленія превосходили всякую мѣру. Безсовѣстность въ управленіи городскимъ хозяйствомъ, алчное стремленіе захватить доходы въ свои руки, вооружили общины противъ городскихъ совѣтовъ и во многихъ мѣстахъ Германіи, между 1511 и 1514 годами, вызвали возстаніе.

Подобныя же причины и въ 1525 году въ прирейнскихъ городахъ Паппортъ и Везелъ заставили общины взяться за оружіе. Члены городского совѣта заправляли городскимъ хозяйствомъ до крайности плохо. Общины, воспользовавшись крестьянскимъ движеніемъ, низложили членовъ городского совѣта, избрали изъ своей среды новыхъ, и поручили имъ правленіе городомъ. Рихардъ фонъ-Грейфенклау, архіепископъ трирскій, прислалъ возставшимъ грамоту, которою признавалъ и утверждалъ всѣ произведенныя ими измѣненія. Курфирстъ, сильно испуганный тѣмъ, что и въ самомъ Трирѣ городской совѣтъ и община пришли въ движеніе, потребовалъ, чтобы и духовенство несло всѣ городскія повинности и чтобы соборный капитулъ дѣлилъ съ гражданами доходъ, получае-

мый изъ кружекъ при мощахъ въ соборѣ. Кельнъ тоже волновался. Община въ одно время стала во враждебныя отношенія и къ архіепископу, и къ городскому совѣту. Уже въ 1513 году, въ роковую эпоху Башмака, община возставала противъ совѣта, казнила бургомистра, изгнала членовъ и только съ помощью военной силы, эшафотовъ и казней изгнанныя власти были возвращены и ремесленники усмирены. Въ 1525 году община опять пришла въ движеніе: днемъ и ночью залы собранія цеховыхъ и площади оглашались шумными криками и бряцаніемъ оружія; одна партія зашла даже такъ далеко, что стремилась достигнуть полной свободы, запечатлѣвъ ее кровью не только духовныхъ владѣтелей, но и кровью мѣщанской аристократіи. Казалось, всѣ значительные прирейнскіе города хотѣли сдѣлаться мѣстомъ казни свѣтскихъ и духовныхъ владѣтелей; тутъ, такъ же, какъ и въ верхнихъ областяхъ, готова была вспыхнуть кровавая борьба за религіозную и гражданскую свободу. Въ Кобленцѣ и въ Боннѣ, въ Клеве и Дюссельдорфѣ, въ столицѣ епископа мюнстерскаго и въ Вестфаліи оно уже началось. Нѣсколько проповѣдниковъ и школьныхъ учителей распространили въ Мюнстерѣ новое ученіе о христіанской свободѣ и слѣдствіемъ этой проповѣди было то, что толпы народа бросились на монастыри и нагло требовали отъ монаховъ угощенія и вина. 20 марта народъ хотѣлъ разграбить, прилежащій къ городу женскій монастырь, но намѣреніе это неудалось привести въ исполненіе. На другой день зачинщики были схвачены и отведены сыщиками въ ратушу. Собралось много народу; почти всѣ ремесленники пошли за арестованными, чтобы защищать ихъ. Испуганные члены городского совѣта послали въ толпу людей, пользовавшихся популярностью, разузнать о причинѣ такого огромнаго стеченія народа. Раздались сотни голосовъ: одинъ кричалъ одно, другой другое. Изъ различныхъ возгласовъ можно было разобрать только одно: духовенство не несетъ городскихъ и служебныхъ повинностей, а между тѣмъ вып. II.

также какъ и всѣ нуждается въ укрѣпленіяхъ города и караулахъ; оно въ ущербъ своему достоинству и во вредъ гражданамъ занимается въ своихъ монастыряхъ и имѣніяхъ торговлею, винокурениемъ, ткацкимъ и другими ремеслами; нужно наконецъ потребовать отчета о ежегодныхъ доходахъ женскаго и мужскаго монастыря и назначить надъ ними опеку, выдавать имъ только то, что имъ нужно на ихъ потребности, а излишекъ отдавать бѣднымъ; нужно разломать или отнять находящіяся въ монастыряхъ ткацкіе станки, чтобы прибыль, незаконно присвоенная монастырями, возвращена была гражданамъ. Если начальство не поможетъ имъ не обложить податью корыстолюбивыхъ поповъ, то оно заслужитъ одинаковое презрѣніе съ попами и на него станутъ смотрѣть, какъ на тирана и притѣснителя, достойнаго смертной казни; мечъ прочиститъ тогда дорогу честнымъ людямъ, искренно преданнымъ общественному дѣлу.

Городской совѣтъ видѣлъ по лицамъ и движеніямъ собравшихся, что они говорили не шутя, кромѣ того легко было замѣтить, что народъ ведетъ себя умно, осторожно, нападая только на незначительные монастыри, чтобы не раздражать знатнаго духовенства. Городской совѣтъ обѣщалъ гражданамъ исполнить ихъ требованія и послалъ въ оба монастыря нѣсколько своихъ членовъ, людей умѣренныхъ, но пользовавшихся популярностью. Кто-то, желая взволновать народъ, распустилъ слухъ, что у монашенокъ въ Ницинкѣ находится до ста ткацкихъ станковъ: въ дѣйствительности оказалось ихъ только 11 и всѣ они были описаны и перенесены въ ратушу для храненія. Въ то самое время, когда толпа ломала въ монастырѣ ткацкіе станки, Гансъ Гроэте, желая дать лучшее направленіе народной мести, обратился къ народу съ слѣдующими словами: «для богатыхъ будетъ достаточно, если каждый изъ нихъ будетъ имѣть только по 1000 червонцевъ.» Народъ толпами повалилъ изъ монастыря въ городъ. На всѣхъ перекресткахъ громко проповѣдывалось, что пришелъ конецъ рабству и заблужденіямъ, что людямъ ниспосланы правда и

свобода. Кто-то изъ духовныхъ написалъ народу 34 статьи, которыя и были представлены городскому совѣту съ просьбою, чтобы онъ ихъ принялъ и поступалъ сообразно съ ними и чтобы онъ уговорилъ епископа, высшее духовенство и знать послѣдовать своему примѣру, такъ какъ только единодушное согласіе всѣхъ властей могло придать этимъ постановленіямъ законную силу. Въ представленныхъ городскому совѣту 34 статьяхъ заключались главнымъ образомъ слѣдующія требованія: отмена нѣкоторыхъ податей, ограниченіе доходовъ и промысловъ духовенства, обузданіе разврата духовныхъ лицъ, изгнаніе и преслѣдованіе нищенствующихъ монаховъ, сокращеніе религіозныхъ процессій, принятіе кельнской реформации, отмена церковнаго отлученія и праздника, ежегодно соблюдаемаго духовенствомъ въ память его побѣды надъ народомъ, во время спора при выборѣ епископа. Большая часть статей заключала въ себѣ требованія вполне основательныя и только нѣкоторыя казались несовсѣмъ справедливыми. Ясно было, что предводители народа обладали благоразуміемъ и желали не просто пошумѣть и побезумствовать, а освободить своихъ братьевъ отъ гнета давящихъ ихъ несправедливостей. Густой толпой окружилъ народъ ратушу и грозилъ употребить силу, если городской совѣтъ добровольно не согласится на его требованія. Городской совѣтъ согласился на все. Тогда народъ потребовалъ, чтобы онъ принудилъ и находившееся въ городѣ высшее духовенство послѣдовать его примѣру, такъ какъ послѣ того уже легко будетъ склонить на свою сторону епископа и дворянство. Городской совѣтъ согласился и на это: тотчасъ же были отправлены депутаты къ каноникамъ. Послѣ нѣкотораго колебанія каноники, боясь народа, дали на все свое согласіе, но вслѣдъ за тѣмъ послали письмо графу Фридриху Видъ, прося его о защитѣ, и, для большей безопасности, выѣхали изъ города. Въ такомъ-то положеніи находились дѣла до конца мая.

Въ тѣсной, непосредственной связи съ великимъ движеніемъ

въ Швабіи и Франконіи находились и событія, совершившіяся на Верхнемъ Рейнѣ, въ Бренегау, въ марграфствѣ Баденскомъ, въ Рейнпфальцѣ и Альзасѣ, откуда возстаніе перешло въ Лотарингію и въ другія сосѣднія мѣстности.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Верхнерейнское скотнище.

Мы уже говорили прежде, какимъ образомъ Оома Мюнцеръ дѣйствовалъ на Верхнемъ Рейнѣ, въ Мюльгаузенѣ, въ Зундгау, въ Базелѣ, Цюрихѣ, Клетгау и Гегау и какъ разсѣянные тамъ анабаптисты частью соединились съ нимъ, частью оставили его и подкрѣпили уже возставшихъ крестьянъ, побудивъ другихъ взяться за оружіе на защиту слова Божія. Чтобы вѣрно оцѣнить всю громадность вліянія анабаптистовъ, надо вспомнить, съ какой быстротой распространялась ихъ пропаганда, какъ быстро увеличивалось число ихъ приверженцевъ и какую вдохновенную ревность вносили они въ свою дѣятельность. Народъ приписывалъ имъ даже чудеса. Рассказывали, что когда въ началѣ апрѣля возстали альгаусцы, огненный столпъ свѣтилъ имъ ночью, какъ нѣкогда передъ дѣтьми Израиля *). Когда въ Цюрихѣ 5-го апрѣля убѣжали изъ тюрьмы четырнадцать анабаптистовъ и семь анабаптистокъ, въ томъ числѣ многіе знаменитые предводители секты, разнеслась молва, что ангелы чудеснымъ образомъ вы-

*) Рукоп. Герольда.

вели ихъ изъ темницы, подобно тому, какъ это нѣкогда случилось съ апостолами *). Нѣкоторые изъ бѣглецовъ до того были наэкзальтированы, что имѣли смѣлость снова явиться въ городъ, гдѣ ихъ сейчасъ же посадили въ тюрьму; другіе же бѣжали въ сосѣдніе округа, чтобы собрать всѣхъ желающихъ принять слово Христово и соединиться съ ними святымъ крещеніемъ **). Съ этихъ поръ становится несомнѣннымъ вліяніе анабаптистовъ въ Шварцвальдѣ, въ Вальдегумѣ, гдѣ въ одинъ день крестилось около 500 человѣкъ; въ округѣ и городѣ Шафгаузенѣ и Базелѣ, въ Зундгау, особенно въ Мюльгаузенѣ, въ Верхнемъ и Нижнемъ Альзасѣ.

Между тѣмъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ въ Сантъ-Галленѣ, анабаптизмъ превратился въ какое-то сумасбродство, шутовскую пошлость, возбуждавшую только смѣхъ и отвращеніе, на Верхнемъ Рейнѣ онъ былъ крещеніемъ рабовъ къ свободѣ. Онъ поднималъ угнетенныхъ, собиралъ разсѣянныхъ, и заставлялъ человѣка браться за оружіе для защиты поправнаго человѣческаго достоинства.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, жители Базеля были перепуганы разнесшимся слухомъ, что въ самомъ городѣ скоро вспыхнетъ возстаніе. Вечеромъ на канунъ перваго мая въ соборной церкви пытались начать возмущеніе, но попытка не удалась. На другой день поздно вечеромъ собралась толпа новообращенныхъ, и дѣлала видъ, что хочетъ возобновить попытку, но городской совѣтъ и большинство гражданъ зорко слѣдили за ними и толпа ни на что не отважилась. Послѣ говорили, будто она собралась для того, чтобы разграбить сначала монастыри и дома духовенства, а потомъ однимъ ударомъ низвергнуть малый совѣтъ, которому она недовѣряла, а съ нимъ и весь клиръ. Цехъ ткачей думалъ начать свои подвиги съ монастыря Штейна. Все было приготовлено, заведены были тайныя сношенія съ крестьянами, которымъ обѣщано

*) Фюсли, Zeitrâge, I, 249.

**) Тамъ же, I, 253.

было сдать городъ, отворивъ Эммерскія и Альбанскія ворота. Въ монастыряхъ монахи были до того перепуганы, что въ 10 часовъ ночи они уже начали служить заутреню.

При первомъ извѣстїи объ угрожающей опасности, члены городского совѣта пришли въ такой ужасъ, что съ трудомъ рѣшились явиться въ собраніе. Только клейнштадтскій староста не потерялъ присутствія духа и въ 8 часовъ вечера созвалъ совѣтъ, на которомъ рѣшено было, что вооруженный конвой пойдетъ дозоромъ по улицамъ города, жители Клейн-базеля займутъ караулъ на мосту и будутъ на готовѣ дать отпоръ въ случаѣ, если жители другихъ частей города захотятъ напасть на духовенство и монастыри. Въ виду такихъ мѣръ заговорщики должны были отказаться отъ своихъ замысловъ.

Предводителями революціонной партіи въ городѣ, по общимъ догадкамъ, были Вильгельмъ Штёръ фонъ-Дизенгофенъ и ткачъ Ульрихъ Лейдереръ. Главнымъ же начальникомъ въ базельскомъ округѣ былъ Стефанъ Штёръ приходской священникъ и проповѣдникъ изъ Лишталя, женившійся годъ тому назадъ; съ послѣднихъ чиселъ апрѣля до мая, онъ находился въ Базелѣ и, какъ кажется, былъ главнымъ руководителемъ движенія. Когда планъ заговорщиковъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе, Стефанъ Штёръ ночью спустился съ городской стѣны и убѣждалъ къ своимъ.

На другой день, рано утромъ, собрался городской совѣтъ и приступилъ къ допросамъ и изслѣдованію причинъ возстанія. Тутъ, говоритъ Картгейзеръ, люди, не осмѣлившіеся прежде высказываться публично, теперь, въ присутствіи всего малаго совѣта, стали смѣло обличать злоупотребленія городского управленія и жестокія притѣсненія, которымъ подвергаются граждане. Оказалось, что опасенія заговора въ городѣ не имѣли никакого основанія и были лишь пустымъ слухомъ, но за то настроеніе умовъ деревенскихъ жителей внушало серьезныя опасенія; городской совѣтъ немедленно послалъ нѣсколько своихъ членовъ для выслушанія

крестьянскихъ жалобъ. Когда посланные прибыли въ Лишталъ, крестьяне сосѣднихъ округовъ уже начали выступать изъ своихъ деревень и собираться въ одну массу, уговаривая и другія деревни принять участіе въ походѣ, а въ случаѣ отказа, угрожая имъ поджечь всѣ ихъ избы. Мы имѣемъ на это приказъ отъ начальства, говорили нѣкоторые изъ нихъ. Дома священниковъ въ Шёнталѣ, Ольспергѣ, Иглингенѣ и въ другихъ мѣстахъ были разграблены, неуспѣвшіе скрыться обитатели монастырей были прогнаны, монастырскій погребъ въ Лишталѣ опустошенъ.

Депутаты городского совѣта послали сказать крестьянамъ, что они будутъ дожидаться ихъ выборныхъ на слѣдующее утро, 3 мая, въ Лишталѣ. Когда выборные явились, имъ напомнили о благодѣяніяхъ, оказанныхъ имъ базельцами во время войнъ, неурожаевъ и пожаровъ, просили толпу разойтись по домамъ, и обѣщали ѣхать вслѣдъ за ними и на мѣстѣ выслушать всѣ ихъ жалобы. Они надѣются, что городской совѣтъ разсудитъ все дѣло по справедливости. Выборные обратились съ этими предложеніями къ крестьянамъ и собрали сходку у верхнихъ воротъ. Тутъ произошло совѣщаніе; вскорѣ выборные снова явились къ депутатамъ совѣта и обѣщали имъ до полудня изложить письменно крестьянскія жалобы. Когда успокоенные депутаты смирно закусывали, крестьяне вдругъ собрались въ походъ, вышли изъ нижнихъ воротъ и направились по дорогѣ въ Базель, оставивъ депутатовъ ждать отвѣта въ Лишталѣ. Совѣщаніе крестьянъ кончилось рѣшеніемъ идти прямо въ Базель, въ чемъ и дали они другъ другу клятвенное обѣщаніе. *)

Стефанъ Штёръ давно уже стоялъ во главѣ ихъ. За день передъ тѣмъ, 2 мая, послалъ онъ къ базельскимъ цехамъ,

*) Охсъ, V, 497, выводитъ отсюда заключеніе, что перекрещенцы не играли въ этомъ дѣлѣ никакой видной роли. Но это заключеніе ни на чемъ не основано. Далеко не всѣ перекрещенцы, а только часть ихъ не допускала клятвы.

письмо, написанное совершенно въ духѣ Мюнцера, въ которомъ онъ увѣщевалъ ихъ составить одну общую единомышленную ассоціацію, увѣряя ихъ, что они совершаютъ богоугодное дѣло, если, во имя слова Божія, возстанутъ противъ своихъ господъ. *) Письмо это, кажется, было перехвачено базельскимъ дворянствомъ; они называли его «постыднымъ воззваніемъ къ убійствамъ».

Вслѣдъ затѣмъ, 3 мая, городской совѣтъ созвалъ гражданъ въ цеховое собраніе и дружелюбно общалъ имъ удовольствовать ихъ жалобамъ, спрашивая ихъ—готовы ли и они въ свою очередь умереть съ своими властями. Повидимому, всѣ выразили готовность.

Между тѣмъ въ городъ пришло извѣстіе, что сильный отрядъ крестьянъ идетъ на Базель. Сейчасъ же заперли городскія ворота, ударили въ набатъ и граждане заняли указанные имъ посты. Близъ Эммерскихъ воротъ, у Кеппелейна, показалась уже многочисленная толпа крестьянъ. Они надѣялись найти эти ворота открытыми, рассчитывая, что письмо дошло по назначенію и что ихъ единомышленники уже знаютъ о времени ихъ прихода. Одна часть гражданъ хотѣла сдѣлать вылазку, другая привѣтствовать крестьянъ выстрѣлами изъ пушекъ. Но умнѣе всѣхъ оказались члены городского совѣта. Они послали, въ сопровожденіи хорошо вооруженныхъ гражданъ, своихъ бургомистровъ Мельдингера и Адельберга Мейера,—спросить крестьянъ, съ какой цѣлью собрались они подъ стѣнами города съ оружіемъ въ рукахъ; крестьяне въ короткихъ словахъ объяснили свою цѣль, и тутъ же сдѣлали уступки по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ. Вообще, по вопросамъ о евангельской проповѣди, налога, десятины, барщины и духовенства,—они выражали тѣ же желанія, какъ и крестьяне другихъ мѣстностей, опираясь на извѣстные 12 тезисовъ. Члены городского совѣта взяли эти и другія мѣстные тезисы съ собою въ городъ, общая крестьянамъ, что городской совѣтъ въ слѣ-

*) Инструкція базельскимъ депутатамъ, при допросѣ Штѣра.

дующемъ же засѣданіи внимательно разсмотритъ ихъ. Крестьяне расположились на ночлегъ въ Менхенштейнѣ и его окрестностяхъ; одинъ отрядъ отправился въ небольшой монастырь Энгенталь, другой въ Шауэнбургъ, третій въ красный домъ, тамъ они сами брали все, что имъ хотѣлось, но самыя зданія не были разрушены.

Вскорѣ послѣ отправленія первыхъ депутатовъ въ Липпенталь и другіе округа, городской совѣтъ послалъ гонцовъ въ Цюрихъ, Бернъ, Люцернъ, Фрейбургъ и Золотурнъ; черезъ день послѣ появленія крестьянъ подъ стѣнами города, депутаты этихъ кантоновъ пріѣхали въ Базель, имѣли короткое совѣщаніе съ городскимъ совѣтомъ и отправились опять къ крестьянамъ для переговоровъ. Большинство, поддавшись обѣщаніямъ депутатовъ дѣйствовать въ интересахъ крестьянъ и обѣщаніямъ городского совѣта—удовлетворить крестьянскимъ жалобамъ, разошлось по домамъ, оставивъ своихъ предводителей на произволъ городского совѣта. Совѣтъ даровалъ амнистію всѣмъ виновнымъ, за исключеніемъ лицъ, писавшихъ письмо къ цехамъ и взявшихся доставить его по адресу. Поспѣшное согласіе совѣта на главнѣйшія изъ крестьянскихъ требованій, какъ то: на отмену малой десятины, крѣпостной зависимости, винной пошлины, на свободу перехода, уничтоженіе смертной казни и барщины и т. д. лишило начальниковъ возстанія возможности продолжать начатое дѣло. Стефанъ Штѣръ бѣжалъ въ Альзасъ. Въ нѣсколько дней все было покончено въ Базельскомъ округѣ, цехи снова приведены были къ присягѣ, и городской совѣтъ, съ неохотою и противъ воли, долженъ былъ выдать требуемыя отъ него льготныя грамоты.

Въ епископствѣ Базельскомъ преимущественно въ Лауфенталѣ, на границѣ Зундгау и въ Золотурнѣ, возстаніе все еще продолжалось. Лауфентальцы соединились съ Зундгаусцами; и тѣ и другіе думали найти опору въ Швейцаріи, надѣялись исключительно на сочувствіе народа, но не дворянъ, разумѣется.

Швейцарія страна свободы, какъ она сама себя величала,

относилась тѣмъ не менѣе враждебно къ народному движенію въ сосѣднихъ земляхъ, даже контоны, принявшіе новое ученіе, не сочувствовали крестьянскому возстанію. Строго запрещено было жителямъ этихъ кантоновъ переходить къ возставшимъ сосѣдямъ или оказывать имъ какую нибудь помощь; начальство опасалось, чтобы подданные не заразились духомъ мятежа, опасалось лишиться союзнаго города Тургау, староста котораго уже писалъ имъ, что если они не поспѣшатъ къ нему на помощь, то Тургау отдѣлится отъ нихъ; эти-то обстоятельства и вынуждали союзъ держать наготовѣ армію въ 30,000 человѣкъ для наблюденія надъ инсургентами, сражавшимися на его границахъ. Хотя городская знать, связаная по рукамъ и ногамъ французскою службою, держала себя до крайности аристократично, но въ народѣ невымеръ еще духъ свободы, онъ сочувствовалъ швабскимъ крестьянамъ, и, несмотря на запрещеніе начальства, шесть небольшихъ отрядовъ изъ свободныхъ кнехтовъ, въ 500 человѣкъ каждый, вышли изъ союзныхъ земель и явились въ Зундгау. Крестьяне Верхняго Альзаса и Зундгау наняли ихъ, по 4 гульдена въ мѣсяцъ. *) «Повсюду раздались неслыханные и необыкновенные крики дьявольскихъ мужиковъ», говоритъ одинъ очевидецъ. Но не чертъ былъ нарисованъ на знамени крестьянъ; на ихъ знаменахъ крупными буквами было написано: Иисусъ Христосъ. Съ этимъ знаменемъ многіе вошли въ городъ Мюльгаузенъ и просили у жителей подаянія, почти на распѣвъ повторяя слѣдующій стихъ: «положите что нибудь на знамя правды, намъ бѣднымъ мужикамъ на спасеніе».

Главнымъ начальникомъ зундгаускихъ крестьянъ былъ Гансъ въ рогожѣ. Въ городѣ Мюльгаузенѣ тоже было не совсѣмъ спокойно; 23 апрѣля толпа цеховыхъ кузнецовъ собралась въ кузницы и порѣшила—напасть послѣ ужина на Люцельгофъ и разграбить его; какъ кажется, рѣшеніе это было составлено не безъ уговора съ загородными крестьянами; потому что

*) Мюльгаузенская хроника, рукопись, изд. Петромъ Фюрстенбергомъ.

когда городской совѣтъ принялъ свои мѣры къ усмирению кузнецовъ, рикгеймскіе крестьяне, съ развѣвающимся знаменемъ, показались въ виду города. При видѣ ихъ, цеховые сдѣлались еще буйнѣе и цеховой голова, вздумавшій было унять ихъ, долженъ былъ искать себѣ спасенія въ постыдномъ бѣгствѣ; однако городской совѣтъ одержалъ на этотъ разъ верхъ. На другое утро всѣмъ цехамъ велѣно было собраться въ ратушу, гдѣ имъ было объяснено неприличное и противозаконное поведеніе ихъ согражданъ, послѣ этого всѣ мирно разошлись по домамъ и успокоились. *)

Въ одно время съ Зундгаусцами, поднялись крестьяне графства Мюмпельгардъ. Это рейнское владѣніе принадлежало изгнанному герцогу Ульриху Виртембергскому. Графство заключало въ себѣ, кромѣ Мюмпельгарда еще Бламонъ, Клермонъ, Шатлю, Герикуръ Гранжъ, Шерваль, далѣе бургундскія ленныя владѣнія, пограничныя съ Швейцаріей и Зундгау. Мюмпельгардцы всегда оставались вѣрны герцогу, они сочувствовали бѣдному Конраду, а когда онъ былъ изгнанъ, они поручились за его заемъ; большую часть времени онъ проводилъ между своими Мюмпельгардцами въ «черной комнатѣ замка». Крестьяне возстали здѣсь не противъ своего господина, герцога, но главнымъ образомъ противъ грабившихъ ихъ дворянства и духовенства. На знамени возставшихъ крестьянъ изображенъ былъ виртембергскій оленій рогъ и башмакъ. **)

Прежде всего Зундгаусцы бросились на дома духовенства, опустошили нѣсколько монастырей и сожгли инвентари и податныя книги, но вообще ни домамъ, ни людямъ не было причинено никакого вреда.

Зундгау и верхній Альзасъ находились подъ властью эрцгерцога Фердинанда. Энзисгеймъ служилъ мѣстомъ пребыванія австрійскихъ властей, а намѣстникомъ эрцгерцога былъ

*) Мюльгаузенская хрон. рукоп.

**) На основаніи Дювернуа и рукописныхъ источниковъ. Гейдъ Герцогъ Ульрихъ II, 260.

въ то время Вильгельмъ Раппольштейнъ, благородный и весьма опытный человекъ. Онъ бывалъ въ святой землѣ, участвовалъ въ войнѣ Максимилиана противъ Венеціи, служилъ тайнымъ совѣтникомъ при двухъ его пріемниковъ и много разъ счастливо сражался въ Венгріи противъ турокъ.

Но и онъ, намѣстникъ эрцгерцога, не былъ теперь въ Альзасѣ; въ понедѣльникъ на святой, онъ съ дватцатью пятью хорошо вооруженными всадниками изъ Энзисгейма отправился въ швабскій союзъ. Въ ооминое воскресенье всѣ граждане должны были присягнуть въ Энзисгеймѣ временному штатгальтеру, рыцарю Гансу Иммеру фонъ-Гильгенбергу; образовано было ополченіе, въ которое собралось много дворянъ и прелатовъ съ своими слугами. Въ день святаго Марка во время смотра на Гринѣ явилось одного только войска 100 человекъ новобранцевъ; начальникомъ ихъ былъ Гансъ Яковъ фонъ-Вальднеръ. Со всѣхъ сторонъ стекались въ Энзисгеймъ дворяне, монахи и монахини; крестьяне нигдѣ не давали имъ покоя, во многихъ городахъ возгорѣлась междоусобная война, только Энзисгеймъ они считали надежнымъ убѣжищемъ, хотя и здѣсь ежеминутно ожидали осады со стороны крестьянъ. Въ четвергъ 4 мая въ Энзисгеймъ пришла вѣсть, что крестьянскій отрядъ выступаетъ изъ Гансгейма и хочетъ раздѣлиться. Одни хотятъ идти къ Ретегейму, другіе къ Виттинсгейму, третіи къ Зенсгейму. Наконецъ весь отрядъ соединился и направился на Баттенгеймъ. Ударили въ набатъ, загремѣли барабаны, всѣ кто могъ носить оружіе, вооружились, дворяне, духовная знать, пріоръ св. Фельтена, аббатъ Мюнстерскій, командоръ св. Іоанна въ Зульцѣ, епископъ Стразбургскій съ своими рыцарями и челядинцами, надѣли панцыри и доспѣхи и сѣли на коней. Знамя съ изображеніемъ Іисуса Христа уже развѣвающееся передъ самыми стѣнами города свернуло на лѣво и крестьяне расположились лагеремъ у Энзисгейма. Въ субботу выборные отъ Шлетштадта и Кейзерберга, двухъ вольныхъ городовъ Альзаса, прибыли въ Энзисгеймъ, съ цѣлью предложить свое посредничество для переговоровъ крестьянъ съ австрійскимъ правитель-

ствомъ; въ слѣдующій понедѣльникъ съ этой же цѣлью явились посланные отъ Базеля и Мюльгаузена. Между тѣмъ какъ посланные вели переговоры въ Энзисгеймѣ, крестьяне принудили 10 мая, въ среду Зульцъ, а потомъ 12, въ пятницу, Гебвейлеръ присоединиться къ евангелическому союзу. Въ Энзисгеймскомъ лагерѣ была взята съ нихъ присяга. Здѣсь какъ и въ другихъ, мѣстахъ одно только евангелическое духовенство не подверглось никакому преслѣдованію: въ обоихъ городахъ и въ сосѣднихъ деревняхъ крестьяне забирали все, что принадлежало монастырямъ и бѣлому духовенству. 15 мая Зернгеймцы тоже присягнули знамени Іисуса Христа. Въ Энзисгеймѣ каждую ночь стояло на караулѣ 40 дворянъ, и 18 гражданъ, которые были раздѣлены на 4 смѣны. Днемъ у каждаго воротъ стояли шесть дворянъ, одинъ священникъ и два гражданина. Гдѣ только можно было найти, нанимали солдатъ съ платою по 4 гульдена въ мѣсяць; 17 мая, когда пришла вѣсть о быстромъ распространеніи возстанія, фогтъ, старшина и городской совѣтъ отправилъ посланіе къ энзисгеймскимъ прелатамъ, бѣлому и черному духовенству «по поводу крестьянъ, одержимыхъ бѣсомъ». «Мы просимъ и приказываемъ вамъ, писали они, со всѣмъ тщаніемъ исполнять службу божью, чтобы Богъ даровалъ намъ миръ и избавилъ насъ отъ наказаній, за грѣхи наши опредѣленные». Далѣе высказывалось желаніе, чтобы и они, подобно дворянству, отбывали урочную работу и держали караулы. Все низшее духовенство было на это согласно, только духовная знать сочла послѣднее требованіе неудобноисполнимымъ.

Въ среднемъ Альзасѣ возстаніе вспыхнуло еще ранѣе. Изъ небольшихъ крестьянскихъ шакъ образовался такъ называемый нижній отрядъ, имѣвшій свою главную квартиру въ епископствѣ Стразбургскомъ, въ аббатствѣ Альторфскомъ, основанномъ въ десятомъ столѣтіи.

На пасхѣ собрались здѣсь около 1100 крестьянъ; въ среду 18 апрѣля отправились они въ монастырь Альторфъ и про-

были тамъ восемь дней. Монахи и аббатъ были изгнаны, церковная утварь, вино и хлѣбъ, которые крестьяне не успѣли съѣсть, были проданы или уничтожены.

Въ тоже время и около Дамбаха и Эпфига появилась новая толпа, поднявшая бѣлое знамя съ девизомъ, вырѣзанномъ на печати оденвальденскаго отряда; «Слово божіе пребываетъ вѣчно». Часть этихъ крестьянъ направилась къ Эберсгеймъ Мюнстеру на Рейнѣ подъ предлогомъ—занять тамъ по старому обычаю хлѣбъ. Ихъ впустили, они овладѣли монастыремъ и съ этого времени стали звать себя Эберсгеймъ Мюнстерскимъ отрядомъ.

Виллертальскіе крестьяне на пасхѣ напали на монастырь Гуксгофенъ, взяли его и выгнали аббата. Оттуда дошли они до вольнаго города Шлеттштадта, потомъ опять вернулись въ Гуксгофенъ, разгромили монастырь, разрушили колокольню, увезли съ собою колокола, чаши и церковную утварь, порвали всѣ книги и документы и сорвали даже крыши со строеній.

Изъ Мительвейера, Беблена, Зигольстейма на пасхѣ собралось около 300 человѣкъ крестьянъ и въ Юрьевъ день напали на монастырь Буксъ, расположенный въ очаровательной мѣстности, на границѣ между Мителвейромъ и Рейхенвейромъ. Эти крестьяне какъ и момпельгардцы были виртембергскими подданными. Они принадлежали Рейхенвейерскому владѣльцу, и небольшой, того же имени, городъ служилъ резиденціей графа Георга Виртембергскаго, брата герцога Ульриха. Это виртембергское графство оттянуло себѣ эрцгерцогъ Фердинандъ и фохтъ привелъ всѣхъ жителей къ присягѣ въ вѣрности австрійскому дому. *) Изъ городка Рейхенвейера много гражданъ перешло къ крестьянамъ. Они выгнали орденскихъ рыцарей, выпили все ихъ вино, разбросали по церкви иконы, сорвали крыши и разрушили даже пристройки домовъ. На

*) «25 апрѣля принесъ я присягу въ вѣрности королю Фердинанду.»
Рукопись Экарда Вигерсгейма.

другой день рейхенвейерскій фогтъ Бастіанъ Ланкъ поскакалъ къ крестьянамъ въ Буксъ. Какъ вы смѣете безчинствовать безъ позволенія начальства? спросилъ онъ ихъ. «Господинъ», отвѣчали крестьяне, вѣдь пришли бы чужіе и сдѣлали бы тоже, такъ ужъ мы порѣшили лучше самимъ распорядиться.» *)

Жители Урбисталя, гдѣ находились замки Гогенекъ, Гутенбургъ и приходское село Урбисъ, напали на близъ-лежащій монастырь Пайрисъ, разрушили его, изгнали монаховъ и продали все, даже свинецъ съ крышъ, только церковныя украшенія были перевезены ими въ урбискую церковь. Таже участь постигла и Альспахъ: монахини были изгнаны, монастырь сожженъ.

При Баррѣ собрался тоже небольшой отрядъ.

Всѣ эти отдѣльные отряды принадлежали къ альторфскому или нижнему скопищу и теперь они снова стали соединяться въ одинъ общій лагерь. Прежде всего нѣсколько человѣкъ бебленскихъ крестьянъ отправилось въ Эберсгеймъ и, поклявшись стоявшему тамъ отряду въ братствѣ, общались, какъ только онъ двинется впередъ, соединиться съ нимъ; Эберсгеймъ Мюнстерцы отвѣчали, что они вмѣстѣ съ жителями Букса дали уже взаимную клятву жить и умереть вмѣстѣ. Такихъ сгрядовъ, поклявшихся дѣйствовать за одно, они насчитывали одиннадцать, включая конечно отряды, находившіеся по обѣимъ сторонамъ Рейна.

Клятва альзаскихъ крестьянъ заключалась тоже въ 12 пунктахъ, во всемъ однако сходныхъ съ знаменитыми двѣнадцатью тезисами. Они хотѣли 1) чтобы евангеліе проповѣды-

*) Главнымъ источникомъ какъ для этого, такъ и для слѣдующихъ свидѣтельствъ, служить вышеуказанная рукопись Экарда Вигерсгейма, гражданина изъ Рейхенвейера, бывшаго съ крестьянами до самаго Шервейлерскаго пораженія.

валось въ точномъ его смыслѣ, потому что прежде его перетолковывали и проповѣдывали въ духѣ корыстолюбія и личной выгоды, отчего бѣдные крестьяне много терпѣли; 2) чтобы большая и малая десятины были уничтожены; 3) чтобы были уничтожены проценты; занявшій двадцать гульденовъ подъ залогъ имущества на годъ, долженъ платить по одному гульдону въ годъ процентовъ и то только до тѣхъ поръ, пока эти проценты не потушатъ долга; 4) чтобы всѣ воды 5) строевой и дровяной лѣсъ 6) дичь были одинаково доступны для всѣхъ; 7) чтобы никакая крѣпостная зависимость не допускалась болѣе; 8) чтобы государемъ и владѣтелемъ былъ только тотъ, кого они сами пожелаютъ. Подъ государемъ и владѣтелемъ они подразумѣвали въ послѣдствіи императора; 9) чтобы судъ и законы оставались такими, какими были встарину; 10) чтобы имъ предоставлено было право смѣщать чиновниковъ, которыми они недовольны, замѣщать ихъ другими, по своему усмотрѣнію; 11) чтобы они освобождены были отъ обязанности извѣщать церковь о всѣхъ смертныхъ случаяхъ; 11) чтобы общинныя земли, пашни и луга, издавна захваченныя дворянствомъ въ собственность, были снова возвращены общинамъ.

Таковы были пункты клятвы альзасцевъ. Кто хочетъ быть съ нами, говоритъ Эккардъ Вигерсгеймъ, тотъ долженъ поклясться съ оружіемъ въ рукахъ поддерживать эти пункты, или же, пусть онъ удалится.

Альзаскіе пункты отличаются отъ знаменитыхъ двѣнадцати тезисовъ большею силою и краткостью, и совершенно сходны съ тезисами жителей австрійскихъ горъ Зальцбурга—были ли они первоначально составлены самимъ Томою Мюнцеромъ для Оберейна и по нимъ, какъ говоритъ онъ, написаны въ послѣдствіи знаменитые двѣнадцать тезисовъ? Различіе здѣсь не можетъ быть объяснено неточностью передачи, потому что Эккардъ Вигерсгеймъ, у котораго мы заимствуемъ текстъ этихъ пунктовъ, самъ присягалъ по нимъ въ крестьянскомъ

лагерѣ и, конечно, долженъ былъ быть хорошо знакомъ съ ними. *)

25 апрѣля по полудни, въ то самое время, когда Эккардъ Вигерсгеймъ вмѣстѣ съ другими гражданами приносилъ присягу въ вѣрности королю Фердинанду, крестьяне, стоявшіе лагеремъ, въ Буксѣ, подъ предводительствомъ Ганса Эберлина и Гейнриха Эсена—двухъ рейхенвейерцевъ, съ развѣвающимся знаменемъ появились у нижнихъ воротъ Рейхенвейера. Они хотѣли войти въ городъ, чтобы поужинать съ жителями, но ихъ не впустили туда, не смотря на то, что, какъ говоритъ Эккардъ, «это были наши граждане и крестьяне нашихъ владѣній.» Городской совѣтъ и фохтъ отвѣчали имъ, черезъ поднятый цѣпной мостъ, что если имъ угодно было поужинать съ нами, то имъ не слѣдовало приходить съ оружіемъ въ рукахъ и съ распущенными знаменами. Они рады напоить и накормить крестьянъ,—но только не въ такомъ видѣ.

Однако городской совѣтъ послалъ крестьянамъ бочку вина. «Они выпили изъ нея только четыре мѣры, говоритъ Эккардъ, «еслибъ мы ихъ впустили, не знаю, какъ бы это сошло намъ; въ городѣ многіе держали сторону крестьянъ и пригласили ихъ къ себѣ съ цѣлью соединиться съ ними и сдѣлаться «господами и хозяевами, хотя впрочемъ никто не имѣлъ на мѣренія причинить кому-нибудь вредъ.»

26 апрѣля городской совѣтъ и фохтъ созвали всю общину и потребовали, чтобы горожане поклялись мужественно защищать жизнь, честь и имущество другъ друга и чтобы всѣ, нежелающіе дать эту клятву, удалились изъ города; община согласилась, и даже были посланы въ Буксъ фохтъ, двое изъ членовъ городского совѣта и двое отъ общины—уговорить тамошнихъ гражданъ успокоиться и разойтись по домамъ, обѣщая имъ ходатайствовать за нихъ передъ начальствомъ. Посланные дружелюбно переговорили съ жителями Букса и 28 апрѣля, въ ночь, вернулись домой.

*) Рукопись Эккарда Вигерсгейма объ альзаской крестьянской войнѣ.

Между тѣмъ Эберстеймъ-Мюнстерцы подвигались впередъ. Монастыри: Итенивейлеръ, Трутенгаузенъ, Гогенбургъ, Игененъ-Мюнстеръ, Энгартъ и проч. одинъ за другимъ перешли въ ихъ руки; они «шли наказывать монаховъ и жидовъ». Далѣе толпа двинулась въ горы къ Дамбаху и Эпфигу, овладѣла ими и отправила посольство въ Рисъ, съ требованіемъ, чтобы крестьяне Маркольсгейма и Рида присягнули имъ въ вѣрности и выставили бы въ ополченіе 1 человѣка на каждые три жителя. Главнокомандующимъ отряда былъ Вольфъ Вагнеръ, а ему подчинены были еще десять начальниковъ. Шёнау, Заси, Рейнау и всѣ сосѣднія имъ мѣста были заняты крестьянскими отрядами. Горные крестьяне постоянно держали своихъ эмиссаровъ при главной квартирѣ Вольфа Вагнера и отъ нихъ-то узналъ онъ, что общины повсюду сочувствуютъ крестьянамъ, что куда бы онъ не пошелъ, вездѣ его примутъ и дадутъ присягу въ вѣрности. Въ воскресенье, 7 мая, толпа, усиленная виллергалерскими и рижскими крестьянами и отрядомъ изъ Барра, стала лагеремъ у Сентъ Пильдта (с. Ипполитъ) и овладѣла имъ. *)

На слѣдующій день отправились они къ Оберберкену и такъ какъ имъ нехотѣли сдать города, то они двинулись далѣе и прибыли въ Бебленгеймъ. Здѣсь къ отряду присоединились жители Бебленгейма, Остгейма, Миттельвейера и Гунненвейера. Въ тотъ же самый вечеръ выѣхалъ къ нимъ рейхенвейерскій фохтъ и спросилъ ихъ: зачѣмъ они сюда пришли? Затѣмъ, отвѣчали ему, чтобы снять съ васъ присягу и обязать васъ поддерживать наши двѣнадцать тезисовъ, если вы не сдадите намъ своего города, то мы приведемъ съ собою много народу и начнемъ осаду. Фохтъ обѣщалъ на другой день прислать отвѣтъ городского совѣта и общины, и отправился обратно въ городъ; утромъ онъ созвалъ всю общину и спросилъ ее: согласна ли она поддерживать городской совѣтъ, не-

*) На картѣ, обыкновенно, ставите Бельтъ около Шлеттштадта на Лэндграбъ.

пускать къ себѣ крестьянъ и защищаться до тѣхъ поръ, пока это будетъ возможно? Одни отвѣчали, что у нихъ нѣтъ пороку и камней, другіе, что у нихъ нѣтъ алебардъ, третьи, что у нихъ нѣтъ пикъ и т. п. «Ежели такъ, сказалъ имъ фохтъ, то посовѣтуйтесь между собою и рѣшите, что вы намѣрены дѣлать, потому что крестьяне ждутъ отвѣта». Община объявила, что она желаетъ послѣдовать примѣру сосѣднихъ крестьянъ. Получивъ такой отвѣтъ, Фохтъ въ сопровожденіи двухъ членовъ городского совѣта, и двухъ депутатовъ отъ общины, отправился въ Бебленгеймъ и спросилъ бебленгеймцевъ, зачѣмъ они такъ поторопились присягать крестьянамъ; вѣдь они могли бы подождать, пока сдадутся рейхенвейерцы. Бебленгеймцы отвѣчали, что рейхенвейерцы никогда не дѣлали для нихъ ничего хорошаго и что они не только не хотятъ водить съ ними дружбу, но готовы даже вредить имъ при каждомъ удобномъ случаѣ и что они совѣтуютъ рейхенвейерцамъ остерегаться ихъ. Фохту не оставалось ничего больше говорить и онъ передалъ главноначальствующему отрядомъ, Вольфу Вагнеру изъ Рейнгау, отвѣтъ города, заключавшійся въ томъ, что граждане несогласны впустить ихъ въ городъ, но что они послѣдуютъ примѣру беркенцовъ и раппольтвейерцовъ. При этихъ словахъ крестьяне бросились на одного изъ членовъ городского совѣта, Стефана Эрдингера, и на одного изъ посланныхъ отъ общины, Освальда Дифенбаха, и взяли ихъ въ плѣнъ. Однако прежде чѣмъ фохтъ съ двумя другими возвратился въ городъ, плѣнники были освобождены, крестьяне направились къ Беркену и потребовали сдачи города. Беркенцы обѣщали дать отвѣтъ на другой день и разослали гонцовъ къ жителямъ всѣхъ сосѣднихъ городовъ, приглашая ихъ собраться на слѣдующій день для совѣщанія въ Рейхенвейеръ. Кромѣ Беркенцевъ туда явились Раппольтвейерцы, Кильгеймцы, Амерсвейерцы и Кейзербергцы. Жители первыхъ четырехъ городковъ рѣшили помогать другъ другу, не сдавать Беркена, а прогнать крестьянъ изъ страны. Кейзербергцы не согласились съ этимъ рѣшеніемъ,

вслѣдствіе чего совѣщаніе не привело ни къ какимъ результатамъ. Беркенцы объявили, что они намѣрены защищаться до послѣдней возможности и возвратились домой. Городъ, рѣшившись защищаться, послалъ отказъ крестьянамъ. Крестьяне, между тѣмъ, отправились далѣе. Въ Целленбергѣ, къ воротамъ котораго подѣхало шесть начальниковъ, фохтъ и граждане присягнули крестьянамъ. Ихъ примѣру послѣдовали и деревни виртембергской области. Послѣ этого крестьяне раздѣлились на отдѣльные отряды, которые разсыпались въ разныя стороны снимать съ жителей присягу въ вѣрности союзу. 9 мая въ главной квартирѣ въ Гунненвейерѣ оставалось не болѣе 1200 человѣкъ; здѣсь полученъ былъ отвѣтъ беркенцевъ.

Получивъ этотъ отвѣтъ, главнокомандующій крестьянскимъ лагеремъ послалъ приказъ во всѣ села, принадлежащія къ союзу. Во всѣхъ городахъ и селахъ, присягнувшихъ крестьянамъ, ударили тревогу и стали собираться въ походъ. Въ тотъ же самый день Вольфъ Вагнеръ явился передъ Неффенкрейцемъ и Беркеномъ. Всю среду онъ отдыхалъ, выжидая подкрѣпленія. Отрядъ его расположился лагеремъ на Вейнбергѣ; ни съ той, ни съ другой стороны не было сдѣлано ни одного выстрѣла; городу было объявлено, что если хоть одинъ человѣкъ изъ отряда будетъ убитъ, то весь городъ будетъ разрушенъ, такъ что камня не останется на камнѣ. Собравшіеся въ Рейхенвейерѣ граждане другихъ городовъ отправили пословъ съ просьбою, чтобы отрядъ удалился и не шелъ далѣе. Начальники отряда приняли пословъ очень ласково, увѣряя ихъ, что они пришли сюда ради братской любви и что они ни въ какомъ случаѣ не могутъ отказаться отъ своей цѣли. Между тѣмъ численность крестьянскаго отряда возрасла очень скоро до 14,000 человѣкъ. Увидѣвъ это, беркенскія женщины хотѣли растерзать фохта. Онѣ встрѣтили поддержку и со стороны многихъ мужчинъ, державшихъ сторону крестьянъ. Тогда фохтъ и городской совѣтъ, боясь внутреннихъ враговъ, присягнули крестьянамъ и впустили ихъ въ городъ. Всту-

пивъ въ городъ, крестьяне разбили скрижали и разорвали книги евреевъ, не смотря на то, что тѣ предлагали имъ выкупъ въ 400 гульденовъ, разрушили ихъ школу, заперли всѣхъ ихъ въ одинъ домъ, а въ другой сложили всѣ вещи, и къ обоимъ домамъ приставили караулъ. Каждому дозволено было выкупать свою вещь, уплачивая деньги смотрителю, который тутъ же продавалъ и еврейское имущество. Беркенцы должны были послать 60 человѣкъ въ отрядъ, который и выступилъ 12-го мая, а 13-го расположился лагеремъ у Раппольтсвейлера *).

Въ Раппольтсвейлерѣ имѣлъ свое мѣстопробываніе Ульрихъ, владѣтель Раппольтстейна, Гогенека и Герольсека въ Васгау, сынъ Вильгельма Раппольтстейна, австрійскаго ландфохта и рыцаря Золотаго Руна **). Раппольтсвейлеръ былъ укрѣпленный городъ, раздѣленный тремя воротами на четыре участка; жители его втайнѣ были преданы евангельскому ученію. Въ верхнемъ и нижнемъ городѣ еще 23-го апрѣля замѣтны были признаки волненія. Узнавъ, къ великому своему огорченію, что народъ собирается въ Альторфъ, Ульрихъ старался всѣми мѣрами воспрепятствовать жителямъ выходить изъ города и соединяться съ крестьянами. Въ это время подошелъ къ нему одинъ изъ членовъ городского совѣта, Леонгардъ Прехтеръ, и сказалъ ему, что онъ слышалъ, какъ нѣкоторые изъ жителей верхняго города говорили жителямъ нижняго города: «какъ только вы пообѣдаете, собирайтесь на площадь, тамъ мы начнемъ». При этомъ упоминалось и о монастырѣ. Узнавъ объ этомъ, Ульрихъ послалъ въ монастырь горнизонтъ и приказалъ убрать веревки отъ колоколовъ, чтобы нельзя было ударить въ набатъ. Затѣмъ онъ призвалъ къ себѣ трехъ членовъ го-

*) Рукопись Энарда Вигерсгейма; въ раппольштейнской рукописи упоминается только о 8000 крестьянахъ.

**) Рукопись Ульриха Раппольштейна о крестьянскомъ возстаніи въ апрѣлѣ и маѣ 1825 г. будетъ служить намъ теперь главнымъ источникомъ для описанія крестьянскихъ войнъ въ Альзасѣ.

родскаго совѣта. «Что это такое дѣлается у васъ», спросилъ онъ ихъ? Тѣ, полагая, что онъ ихъ спрашиваетъ, зачѣмъ они причащались по обрядамъ новаго ученія, стали извиняться, но Ульрихъ разувѣрилъ ихъ, сказавъ что дѣло идетъ совсѣмъ не о причастіи, а о томъ, что община намѣрена напасть на монастырь и разрушить его. «Сударь, отвѣчалъ Урбанъ Гейдельбергъ, ходитъ слухъ, что Ландфохтъ съ 1500 конницы нынѣшнею ночью намѣренъ напасть на городъ и умертвить всѣхъ жителей, говорятъ, что слухъ этотъ пущенъ однимъ сторожемъ, по имени Тряпичка». Послали за сторожемъ. Но уже граждане, выбѣжали на улицу съ криками, бейте тревогу, къ оружію. Отбивъ сторожа, они повели его съ собою на площадь, куда и сами собрались въ полномъ вооруженіи. Ульрихъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ дворянъ, тоже отправился на площадь, вступилъ въ переговоры съ общиной и предложилъ всѣмъ имѣющимъ охоту спорить и драться, убираться вонъ изъ города, къ злодѣямъ—мужикамъ. На его вопросъ: что значить послѣдній поступокъ горожанъ? собравшіеся отвѣтили, что они, видя какъ сторожа, за распространеніе слуха о ночномъ нападеніи Ландфохта, хотѣли посадить въ тюрьму, приняли свои мѣры, чтобы арестованнаго не могли вынудить пыткой дать противоположное показаніе. Ульрихъ старался оправдать своего отца Ландфогта и приказалъ позвать Тряпичку изъ Нижняго города; сторожъ былъ приведенъ подъ стражею и, такъ какъ онъ не могъ указать никого, кто ему сообщилъ распущенный имъ слухъ, то Ульрихъ, къ великому неудовольствію гражданъ, велѣлъ посадить его въ тюрьму. Прежде чѣмъ разойтись, собравшіеся потребовали, чтобы монастырь выставилъ имъ по двѣ бочки вина на каждую часть города и, получивъ требуемое, они разошлись и начали пьянствовать. Нѣсколько часовъ спустя, они стали увѣрять, что слухъ о ночномъ нападеніи ландфохта былъ распущенъ Мартиномъ Шперлепномъ, содержателемъ гостинницы. Узнавъ отъ своей служанки объ угрожающей ему опасности, Мартинъ скрылся въ церковь, но его оттуда вытащили съ криками и угрозами,

вынуждая сознаться. Мартинъ сознался, что онъ дѣйствительно сказалъ, что у жены придворнаго портнаго, будто слышалъ, что сюда идетъ большой отрядъ рейтаровъ съ намѣреніемъ наказать ихъ, но сказалъ онъ это въ шутку безъ всякаго дурнаго умысла. Граждане настаивали однако на томъ, что нужно или его засадить въ тюрьму, или выпустить Тряпичку. Послѣ долгихъ криковъ, Ульрихъ объявилъ, что если граждане желаютъ—онъ готовъ освободить сторожа. Освобожденный сторожъ увѣрялъ, между тѣмъ, что Богъ сообщилъ ему это извѣстіе во снѣ и что когда прійдетъ время, онъ расскажетъ, какъ это случилось. Тряпичка, сказалъ ему Ульрихъ, если я узнаю, что ты совралъ, то накажу тебя послѣ. Нѣкоторые граждане изъ верхняго города потребовали, чтобы городскія ворота не затворяли или даже, чтобы ихъ совсѣмъ сняли, такъ что въ случаѣ тревоги, всѣ могли бы собраться вмѣстѣ. Ульрихъ воспротивился этому требованію и когда поднялся шумъ, онъ объявилъ, что въ городѣ еще много вѣрныхъ гражданъ и что онъ можетъ сейчасъ же наказать мятежниковъ. Послѣ этого собравшіеся разошлись, но вскорѣ собрались снова. Въ городѣ много жидовскаго вина, говорили они; надобно его выпить. Ульрихъ согласился на это и въ тотъ же вечеръ въ погребѣ портнаго Вольфа почата была громад-ная бочка, изъ которой пили всѣ, мужчины и женщины, и осушили ее прежде, чѣмъ пробило шесть часовъ. Затѣмъ ударили они въ набатъ и призвали всѣхъ, кто только называетъ себя гражданиномъ, собраться на площадь. Какъ только собралось около четырехсотъ человѣкъ, портной Шоттъ обратился къ нимъ съ слѣдующей рѣчью: «братья! соберемся всѣ завтра и дадимъ другъ другу клятву, кто же незахочетъ поклясться вмѣстѣ съ нами, тотъ будетъ изгнанъ изъ города, кто согласенъ, пусть подыметъ руку». Всѣ подняли руки. Въ этотъ же вечеръ 100 вооруженныхъ гражданъ заняли всѣ караулы въ городѣ на внутреннихъ и внѣшнихъ постахъ, часы были такимъ образомъ переставлены, что сторожъ послѣ перваго часа ночи забилъ зорю. Тогда граждане бросились на стояв-

шихъ у воротъ стражей и отняли у нихъ городскіе ключи; затѣмъ они овладѣли пушкою и, послѣ двухъ или трехъ выстрѣловъ, начали бить въ набатъ. Ульрихъ поспѣшно сѣлъ на лошадь и отправился къ зданію городского управленія. гдѣ онъ нашелъ болѣе 150 человекъ въ оружіи и съ факелами. Напрасны были всѣ его просьбы и совѣты; собравшіеся отвѣчали, что слышали набатъ и что поклялись собраться по первому удару колокола. Они не знаютъ, кто ударилъ тревогу, но они не сойдутъ съ мѣста до разсвѣта. Они потребовали выдачи городского знамени, въ чемъ имъ было отказано и затѣмъ отправились на площадь, гдѣ уже собралась большая толпа гражданъ; оттуда отправились они во дворъ господина Ганзена фонъ-Гаттштата. Когда заблагоувѣстили къ заутрени, толпа стала въ кружокъ, въ середину котораго въѣхалъ Ульрихъ и сталъ жаловаться что они держатъ его въ плѣну, такъ какъ они захватили ключи отъ всѣхъ городскихъ воротъ и напомнилъ имъ объ ихъ присягѣ, о чести и объ отвѣтственности, которой они себя подвергаютъ. «Сударь, у васъ вонъ тамъ позади двора, есть еще калитка; вы можете выѣхать въ нее», сказалъ одинъ изъ толпы. Другіе просили Ульриха удалиться вмѣстѣ съ дворянствомъ, обѣщая вступить въ переговоры съ горожанами и уладить дѣло къ общему удовольствію и владѣтеля, и общины. Да поможетъ вамъ Богъ, сказалъ Ульрихъ и отѣхалъ немного въ сторону. Сейчасъ-же были составлены договорныя статьи и отправлены къ духовенству. Духовенство должно было безъ всякихъ разсужденій дать на нихъ клятвенное согласіе и принять на себя всѣ городскія повинности, за что ему была обѣщана защита города. Городской совѣтъ долженъ былъ дать такую же клятву. Ульрихъ отказался отъ клятвы и граждане освободили его отъ нея съ тѣмъ, чтобы за него поклялись дворяне—ленники раппольштейнскаго владѣнія. «Они должны принести клятву или пусть сейчасъ же убираются вонъ», кричала толпа. Дворяне поклялись и имъ позволено было возвратиться по домамъ.

Граждане знали, гдѣ можно еще найти жидовское вино,

они выпили его за завтракомъ и тутъ же избрали 150 человекъ выборныхъ и четырехъ начальниковъ, послѣ завтрака выборные вступили въ управленіе, начали они его съ пересмотра договорныхъ статей, измѣнили, исправили ихъ и отослали къ Ульриху. Ульрихъ сейчасъ же замѣтилъ, что статьи эти совсѣмъ не тѣ, которыя читались утромъ, однако далъ на нихъ свое согласіе, не ручаясь впрочемъ ни за отца, ни за братьевъ; горожане послали къ нимъ гонцовъ въ Энзингеймъ или Фрейбургъ. «А граждане въ это время, рассказываетъ Ульрихъ, весело попивали жидовское вино и говорили странныя рѣчи о духовенствѣ, дворянахъ и властяхъ, хотѣли задѣлать даже и калитку на заднемъ дворѣ, и уничтожить мосты. Они пировали съ священниками до полуночи и всѣ какъ мушны такъ и женщины работали очень мало. Непосчастливилось только Тряпичкѣ; онъ заявилъ передъ всей общиной, что городской совѣтъ измѣняетъ ей, за что и былъ посаженъ въ тюрьму и допрашиваемъ подъ пыткою. Онъ сознался, что все сказанное имъ противъ властей было его собственной выдумкой; за что и былъ приговоренъ совѣтомъ 150-ти къ вислицѣ; однако ему оказали милость и только отрубили голову». 25-го апрѣля къ Дѣвичьимъ воротамъ прибылъ братъ Ульриха Георгъ. «Я прошу тебя, сказалъ Ульрихъ, поѣзжай обратно, потому что я нахожусь въ плѣну и скажи отцу, чтобы онъ обошелся съ послами ласково, иначе я и всѣ дворяне погибнемъ.» Георгъ отправился обратно, а въ субботу вечеромъ 29-го апрѣля вернулись посланные изъ Фрейбурга. Ландфохтъ совѣтовалъ своему сыну уступить. Въ воскресенье и въ понедѣльникъ, 1-го мая слушали они проповѣдь, а 2-го Ульрихъ прочелъ гражданамъ статьи, на которыя и отецъ его далъ теперь свое согласіе. Въ полдень, послѣ чтенія статей, женщины изъ нижняго города съ оборваннымъ знаменемъ и виноградными лозами въ рукахъ торжественно направились къ дому Петра птицелова, гдѣ находилось «кеттерлейское вино», которое имъ хотѣлось попробовать. Ульрихъ выка-

тиль имъ двѣ бочки жидовскаго вина. Выпивъ его, всѣ, и мужчины и женщины, отправились за городъ, въ Зульцъ; тамъ при звукѣ трубъ каждый вырубилъ себѣ по длинной хворостинѣ и съ этимъ трофеемъ возвратились домой. Въ день св. креста Ульрихъ приказалъ сварить 15 центнеровъ говядины и напечь хлѣба изъ четырехъ четвертей муки; все это ѣлъ народъ и запивалъ виномъ господина Мартина Шперлейна, который только тѣмъ и умилиствовалъ горожанъ, что выкатилъ двѣ бочки и четыре боченка вина.

Въ такомъ положеніи находились дѣла въ Раппольтвейлерѣ, когда пришло извѣстіе, что крестьянскій отрядъ, подъ предводительствомъ Вольфа Вагнера изъ Рейнау, направился къ Св. Ипполиту. Ульрихъ послалъ одного изъ гражданъ Андреа Циглера для собранія всѣхъ нужныхъ свѣдѣній, строго запретивъ ему входить въ дружественныя сношенія съ крестьянами и ни слова не говорить имъ о положеніи дѣлъ въ городѣ. Андреасъ Циглеръ отправился въ путь, вступилъ въ переговоры съ крестьянами и объявилъ имъ, что граждане напекли хлѣба изъ десяти четвертей, и что, если они только прійдутъ къ нимъ, ихъ примутъ съ радостью и угостятъ на славу. Онъ отправился съ отрядомъ въ С. Пильдтъ, гдѣ крестьянскіе вожди вручили ему два письма: одно къ Ульриху, другое къ общинѣ, въ обоихъ имъ предлагалось соединиться съ крестьянскимъ отрядомъ. Пройдя Беркенъ, крестьяне въ тотъ же вечеръ явились передъ Раппольтвейлеромъ, вступили въ переговоры у воротъ города и пожелали, чтобы имъ дозволено было объясниться непосредственно съ самой общиной. Въ вѣжливыхъ словахъ они дали понять, чего они хотятъ. Потомъ они удалились съ угрозами, обѣщая вернуться опять съ новыми силами. Еще разъ Шлеммергасъ, одинъ изъ начальниковъ, вернулся къ городу и вступилъ въ переговоры съ самимъ Ульрихомъ. Ваши намѣренія несогласны съ евангеліемъ, сказалъ Ульрихъ, я самъ хорошо знаю евангеліе, можетъ быть лучше, чѣмъ весь вашъ сбродъ и не нашелъ въ немъ ничего такого, о чемъ вы толкуете. Шлеммергасъ сталъ просить провіанта. Хоро-

шо, отвѣчалъ ему Ульрихъ, если вы сейчасъ же уберетесь вонъ, то можетъ быть, я вамъ что нибудь и пришлю, въ противномъ же случаѣ, я прикажу стрѣлять. Это ужъ слишкомъ похристіански, воскликнулъ Шлеммергасъ и бросился назадъ. Когда толпа проходила по двору капеллы, Ульрихъ приказалъ притащить нѣсколько орудій. У рва онъ встрѣтилъ Андреа Циглера. Ты послалъ на насъ крестьянъ, вскричалъ онъ, направивъ дуло шланги къ груди Циглера, если я еще черезъ годъ удостовѣрюсь въ справедливости этого, тебѣ прійдется плохо. Тамъ и сямъ у рва раздавались рѣчи не совсѣмъ-то гармонирующія съ обѣщаніями, данными общиной день тому назадъ помогать владѣтелю и не пускать никого чужого въ городъ, тогда Ульрихъ громко закричалъ, что онъ собственноручно убьетъ всякаго, кто первый подастъ совѣтъ впустить крестьянъ и что онъ самъ будетъ стрѣлять по нихъ, прежде чѣмъ допустить ихъ въ городъ.

Сцена однако быстро перемѣнилась. На кольварскомъ съѣздѣ, куда обратились окрестные города за совѣтомъ и помощью, куда явились и сами императорскіе совѣтники Гансъ Шимеръ фонъ-Гильгенбергъ и Фридрихъ фонъ-Гатштадтъ, послѣдній прямо сказалъ, что онъ не можетъ дать никакого утѣшенія, такъ какъ каждый долженъ лгать даже передъ своими. Вскорѣ послѣ этого, 13-го мая, риппольшвейерцы увидѣли, какъ крестьяне со всѣхъ сторонъ направились къ Неференскому кресту, какъ начальники ихъ выѣхали впередъ къ воротамъ, а отрядъ расположился у креста, оружіе крестьянъ ограничивалось двумя пушками и двѣнадцатью тезисами, отнятыми у Филиппа Вецеля фонъ-Мартіанъ. Ульрихъ приказалъ ударить въ набатъ и народъ сбѣжался въ вооруженіи на сборное мѣсто. Между тѣмъ нѣсколько человѣкъ изъ выборныхъ и нѣсколько депутатовъ отъ городского начальства отправились за ворота для переговоровъ съ начальниками крестьянъ и для развѣданія ихъ намѣреній. Начальники потребовали себѣ конвой для проѣзда въ городъ и обратно. Конвой

былъ имъ высланъ и они прибыли въ городъ; граждане послали за Ульрихомъ, онъ явился выслушать желанія крестьянъ. «Слова ихъ были мудры, какъ выражается онъ самъ, и намѣренія ихъ честны и благородны, они не потребовали ни сдачи замка, ни города, они хотѣли только одного чтобы имъ помогли защищать и охранять евангеліе, чтобы оно было проповѣдуемо въ точномъ его смыслѣ, безъ всякихъ искаженій; они говорили, что ни къ кому не питаютъ вражды кромѣ поповъ, монаховъ, монахинь и жидовъ и ихъ однихъ только они хотятъ наказать.»

Ульрихъ созвалъ общину на площадь и напомнилъ ей о данной клятвѣ защищать его жизнь и имущество, дворянство и духовенство, не впускать никого чужого въ городъ; онъ заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Вы видите что непріятель у стѣнъ города, а начальники его здѣсь среди насъ; хотите ли вы защищать меня или же дозволите войти крестьянамъ. Въ отвѣтъ на это граждане потребовали, чтобы были прочтены требованія крестьянъ. Ульрихъ хотѣлъ поручить прочесть ихъ школьному учителю Гейнриху, но противъ этого возстали собравшіеся горожане, и договорныя статьи крестьянъ прочелъ Габриль Ширеръ. Граждане выразили желаніе обдумать ихъ и обсудить между собою, а Ульрихъ отправился въ гостинницу Клауса Магнуса ожидать результатовъ совѣщанія. На площади между тѣмъ происходилъ страшный шумъ: одни хотѣли впустить крестьянъ, другіе не соглашались на это: но многіе уже заранѣе порѣшили встрѣтить крестьянъ и тайно все было приготовлено къ ихъ приему. Во всѣ части города были уже привезены изъ монастырей бочки съ виномъ; изъ десяти четвертей муки, взятой изъ монастырскихъ кладовыхъ, былъ испеченъ хлѣбъ и свезенъ въ домъ Эйхариуса Глазера. Граждане высыпали въ ровъ весь порохъ, и объявили, что они умертвятъ всякаго, кто осмѣлится стрѣлять по крестьянамъ. Вообще ни граждане, ни инженеры не хотѣли братья за оружіе, а простой народъ говорилъ, что у него нѣтъ пикъ для того, чтобы колоть крестья-

нъ. Наконецъ Ульрихъ увидѣлъ, что крестьянскіе фурьеры, въ сопровожденіи гражданъ, переписываютъ по домамъ квартиры и что на домъ Магнуса Клауса, гдѣ онъ спалъ, была нарисована мѣломъ висѣлица. Нельзя было болѣе сомнѣваться относительно результата совѣщанія на площади. Вольфу Затлеру удалось наконецъ склонить большинство на принятіе рѣшенія впустить крестьянъ. Нѣкоторые изъ гражданъ обратились къ Ульриху. «Милостивѣйшій государь нашъ, сказали они ему, можете ли вы рассчитывать, что черезъ день или два явится помощь? Если да,—то мы готовы защищаться, если же нѣтъ, то необходимо впустить крестьянъ, потому что въ противномъ случаѣ, они войдутъ въ городъ противъ нашей воли и надѣлаютъ намъ много вреда». «Я не слыхалъ ни о какой помощи, сказалъ Ульрихъ, если она придетъ, то не ранѣе какъ черезъ восемь дней». Граждане отвѣтили, что это будетъ слишкомъ уже поздно. На самомъ же дѣлѣ Ульрихъ не ждалъ никакой помощи ни черезъ восемь, ни черезъ четырнадцать дней; онъ былъ отъ всѣхъ отрѣзанъ, всѣми покинутъ, отцемъ, братьями, сосѣдними городами, мѣстечками. Онъ опять вернулся на дворъ къ предводителямъ. Я дамъ вамъ мяса, хлѣба, вина и денегъ на дорогу, только уходите отсюда, умолялъ онъ ихъ. Они не соглашались. Тогда онъ хотѣлъ ихъ отпустить. Они сѣли на своихъ коней. Но въ это время прибѣжалъ сторожъ съ увѣдомленіемъ, что крестьяне направились къ рѣчкѣ Штрэнгу, что они рубятъ виноградники и начинаютъ разбивать лагерь.

До сихъ поръ крестьяне оставались у Неффенскаго креста, но вотъ уже прошло два часа, какъ ихъ начальники уѣхали и не возвращались изъ города; соскучивъ ждать ихъ, крестьяне со всѣхъ сторонъ повалили къ Гунненвейерской капеллѣ, черезъ рѣчку Штрэнгъ, протекающую подъ самыми стѣнами города.

Граждане говорили, что если бы толпа осталась ночевать, то это стоило бы городу больше тысячи гульденовъ. Ульрихъ велѣлъ Гейнриху на скоро составить условія, на которыхъ онъ соглашался впустить крестьянъ въ городъ. Условія эти состояли въ томъ, что онъ хотѣлъ освободить отъ

всякихъ обязательствъ свой дворъ, дворянство, духовенство и монастыри, не выдавать крестьянамъ никакого огнестрѣльнаго оружія, требовалъ, чтобы они не шли на Энзисгеймъ и удерживалъ за собою всѣ владѣнія области и проч. Крестьяне не согласились на такія условія и одинъ изъ ихъ начальниковъ сказалъ: «Въ евангеліи сказано, что отецъ пойдетъ противъ сына, сынъ противъ отца». Сказавъ это, они удалились отъ городскихъ воротъ.

Когда привратникъ спросилъ, долженъ ли онъ впустить крестьянъ, Ульрихъ отвѣчалъ ему: Я не хочу тебѣ этого приказывать, я здѣсь не господинъ болѣе, и уѣхалъ на площадь. Вы хотѣли принять ихъ, сказалъ онъ гражданамъ, теперь вы сами увидите, хорошо ли вы это сдѣлали. Я этого совсѣмъ не хотѣлъ, закричалъ кто-то изъ толпы. Еслибъ ты и другіе молодцы говорили это раньше, то дѣло уладилось бы гораздо лучше, но что посѣяли то и пожнете.

Крестьяне были впущены между 5 и 6 часами вечера, 13 мая. Начальники заняли для себя домъ городского писаря. Къ ночи имъ принесли ключи отъ всѣхъ воротъ. Крестьяне пили и ѣли всю ночь на счетъ духовенства. На другой день, въ воскресенье они бросились на монастырь; они не разрушили его, но дѣло не обошлось безъ суматохи; крестьяне, забрали не только всѣ съѣстные припасы и уничтожили окладныя книги, но взяли даже нѣкоторые образа изъ церкви, другіе повредили, испортили хорурвь въ часовнѣ св. Екатерины, обративъ полотно на одежду, а изъ дровка подѣлавъ палки. Одного монаха они до того перепугали, что онъ умеръ черезъ 10-ть же дней. Гораздо болѣе пострадалъ монастырь отъ самихъ жителей города. Каждый священникъ долженъ былъ заплатить 50 гульденовъ и за это получалъ охранную грамоту. Граждане поклялись начальникамъ крестьянскаго отряда защищать евангеліе и въ случаѣ нужды помогать имъ своею жизнію и имуществомъ. «Однако, чтобы клятва эта не нарушала другой, данной ими ихъ господамъ, они обязывались слѣдовать имъ, какъ служили прежде, во всемъ

повиноваться, платить подати, отбывать барщину, доставлять дичь и не воображать себѣ, будто они теперь необязаны ихъ слушаться». Дворянство тоже должно было присягнуть крестьянамъ, но эта присяга не должна была уничтожать другой присяги, данной имъ своимъ леннымъ владѣтелямъ.

Все это не имѣетъ ничего общаго съ двѣнадцатю альзаскими статьями и очевидно, что эти отряды дѣйствовали за одно съ великимъ евангелическимъ войскомъ изъ Оденвальда и Неккерталя; извѣстная декларация двѣнадцати статей была принята несравненно благосклоннѣе альзасцами, нежели неккерталерцами.

Граждане сосѣдняго города Гемара отправили пословъ съ просьбою принять ихъ городъ въ христіанскій союзъ. Этотъ маневръ избавилъ городъ отъ нашествія яснаго ополченія; предводители отправили туда только 50 человекъ для принятія союзной присяги. Посланнымъ было сказано, что граждане должны платить десятинную подать, такъ какъ она куплена владѣтелями, но подушная книга должна быть уничтожена, священники Гемара и Раппольтсвейлера обязаны жениться и служить обѣдню на нѣмецкомъ языкѣ.

Въ часъ по полудни, 14-го мая, крестьяне пошли обратно къ нижнимъ воротамъ, собрались на лугу и отправились въ Рейхенвейеръ, куда прибыли въ тотъ же день вечеромъ. Въ Беркенѣ они выпили и испортили до 30 бочекъ вина и столько же въ Раппольтсвейлерѣ и «никто ничего не заплатилъ за нихъ *). Выпито было такъ много, что остатками долго еще угощали себя горожане. Когда рейхенвейерцы увидѣли, что два города сдались и что крестьяне идутъ противъ прежняго съ большею силою, то они приготовились къ приему ихъ, убили девять быковъ, предложили ихъ крестьянамъ и отворили ворота. Городъ присягнулъ христіанскому союзу и дозволилъ взять 30 человекъ горожанъ въ отрядъ. Раппольтсвейлерцы поставили 60 человекъ, рейхенвейерскіе выборные **) не хотѣли по-

*) Рукопись Ульриха Раппольштейна.

**) Среди этихъ выборныхъ былъ и Экардъ Вигерсгеймъ, авторъ рукописи.

клясться въ вѣрности бѣлому знамени бебленгеймцевъ, жителей одного изъ мѣстечекъ въ рейхенвейерскомъ графствѣ, говоря, что скорѣе бебленгеймцы должны стать подъ ихъ знамя. Тогда главнокомандующій Вольфъ Вагнеръ изъ Рейнау объявилъ имъ, что они освобождаютъ ихъ отъ обязанности присягать знамени Бебленгеймцевъ, и что будетъ сдѣлано новое знамя, которому присягнуть всѣ жители Рейхенвейерской области. И въ Рейхенвейерѣ крестьянъ угощали виномъ: двадцать бочекъ были подарены имъ духовенствомъ и откупомъ; въ понедѣльникъ вечеромъ направились они къ Кинсгейму. На другой день городъ этотъ присягнулъ имъ и отворилъ ворота. Другой отрядъ снялъ присягу съ Зигольсгейма. Предводители потребовали сдачи Кейзерсберга, но жители отказались, однако, исполнить это требованіе точно такъ же, какъ и жители Аммерсвейера. Когда же, въ среду, сильный крестьянскій отрядъ появился передъ стѣнами Аммерсвейера, граждане стали колебаться. Даже дворянство приняло сторону крестьянъ и совѣтовало впустить ихъ. Споры за и противъ были такъ оживленны, что дѣло дошло наконецъ до драки, нѣсколько гражданъ бросились на городскую стѣну и кричали стоявшимъ внизу крестьянамъ: любезные братья, приходите къ намъ на помощь, мы здѣсь передумимъ другъ друга. За тѣмъ они отворили ворота, крестьяне вошли въ городъ и взяли съ жителей присягу въ вѣрности братству.

Въ то время, когда въ Альзасѣ крестьяне занимали одинъ за другимъ маленькіе города, главный отрядъ, стоявшій около Альторфа, едва не овладѣлъ Страсбургомъ. Этотъ большой и сильный городъ, находился въ совершенно исключительномъ положеніи среди волновавшагося вокругъ него народа. Издавна было извѣстно, что тамъ и начальство, и граждане одинаково пропитаны были духомъ швейцарской свободы *). Еще годъ тому назадъ городъ принялъ въ число своихъ согражданъ крестьянъ и горожанъ другихъ городовъ,

*) Союзные акты, донес. отъ 10 мая 1507.

бѣжавшихъ вслѣдствіе возстанія изъ своей родины. Граждане Страсбурга сочувственно относились къ новому евангелическому ученію; cadaго проповѣдника, cadaго реформатора они встрѣчали съ распростертыми объятіями и были очень смѣлы на языкъ. Однако они не покровительствовали возстанію непосредственно. Только нѣкоторые изъ нихъ находились въ сношеніяхъ съ Эразмомъ Герберомъ изъ Мольтсгейма, главноначальствующимъ альторфскаго отряда, стоявшаго не подалеку отъ Страсбурга; они даже хотѣли сдать ему городъ, но намѣреніе ихъ было открыто и многіе заплатились за это жизнью.

Когда попытка овладѣть укрѣпленнымъ Страсбургомъ, попытка, которая въ случаѣ удачи, могла бы имѣть неисчислимыя послѣдствія какъ для всей войны, такъ и для всей Германіи, неудалась, крестьянскій отрядъ въ числѣ 20000 человекъ *), 28 апрѣля, снялся съ лагеря и направился въ горы къ Эльзасъ-Цаберну—резиденціи страсбургскаго епископа. Эльзасъ-Цабернъ не былъ такъ сильно укрѣпленъ, какъ Страсбургъ, но во всякомъ случаѣ взятіе его было бы для крестьянъ весьма выгодно, въ стратегическомъ отношеніи. 52 башни съ 365 зубцами составляли его единственное укрѣпленіе.

«Ясное ополченіе изъ Эльзаса», какъ называлъ Эразмъ Гарберъ въ своей рукописи свой отрядъ, остановился лагеремъ въ имперскомъ аббатствѣ Мауфмюнстера, лежащемъ на полмили пути отъ Цаберна. Княземъ аббатомъ былъ въ этомъ году Каспаръ Риггеръ фонъ-Диллингенъ, человекъ добрый, но въ высшей степени трусливый. Аббатство было скоро взято, и самъ аббатъ попался въ плѣнъ. Однако ему не сдѣлали ничего дурного и отпустили на свободу. Въ аббатствѣ крестьяне безчинствовали болѣе, чѣмъ гдѣ либо; иконы были разбиты, монастырскія зданія разрушены, книгами бібліотеки разводили огонь, на поляхъ бѣлѣлись цѣлыя полосы, усѣянные листьями церковныхъ и священныхъ книгъ. Мауфмюнстерцы

*) Рукопись Экарда Вигерсгейма.

должны были присягнуть отряду; тоже должны были сдѣлать и жители Эльзасъ-Цаберна. Каноники и дворянство отправили гонца къ герцогу Антону Лотаринскому съ просьбой о помощи; герцогъ обѣщалъ прислать въ городъ гарнизонъ, но граждане не согласились принять къ себѣ ни французскихъ, ни даже нѣмецкихъ солдатъ, и заперли ворота. Имъ хорошо была знакома необузданность лотарингскихъ шаекъ, а потому они охотнѣе согласились отворить ворота крестьянамъ и присягнуть христіанскому союзу. 13 мая, въ 10 часовъ утра, крестьяне вступили въ Цабернъ, понимая хорошо всю важность этого пункта, изъ котораго можно было даже вторгнуться въ Лотарингію; они размѣстили сильные караулы внутри и внѣ стѣнъ, за знаками, которыми они обвели городъ.

Въ городѣ ходилъ слухъ, что въ сраженіи при Павіи погибъ весь цвѣтъ французскаго дворянства и что послѣ этого завладѣть Франціей стало дѣломъ весьма легкимъ. На основаніи этого-то слуха, крестьяне составили планъ не только вторгнуться къ Лотарингію, но проникнуть даже въ самое сердце Франціи.

Одинъ изъ передовыхъ отрядовъ еще ранѣе занялъ Зааргау и укрѣпился тамъ въ аббатствѣ Гербольтгеймъ. Гербольтгеймъ—женскій монастырь находится въ очень выгодномъ положеніи, между лѣсомъ и горами, прикрываясь съ переди Зааромъ. Расположившись здѣсь, они привлекли къ себѣ многихъ крестьянъ изъ герцогства Лотарингіи.

Въ самой Лотарингіи образовался отрядъ крестьянъ въ 4000 человекъ, онъ прошелъ черезъ горы и сталъ укрѣпленнымъ лагеремъ въ лѣсу у Зааръ-Гемюнда. Скоро обнаружилось, какъ сильно заражены были лотарингцы духомъ свободы: когда спросили окрестныхъ жителей Діезы, желаютъ ли они жить и умереть въ послушаніи своему доброму герцогу Антону и католической церкви, около 400 человекъ собрались на лугу близъ города и послѣ совѣщанія дали слѣдующій отвѣтъ: «если для ихъ скота отдадутъ имъ луга въ молодомъ лѣсу и согласятся принять 12 тезисовъ, принятыхъ уже по ту сторону Рейна въ Германіи, то они готовы поко-

рится и ни о какихъ другихъ условіяхъ и слышать не хотятъ». Въ тоже самое время болѣе 400 человекъ вышли изъ Бурфохтства и присоединились къ крестьянамъ, занимавшимъ Зааръ-Гемюндъ. Многие убѣжали въ отрядъ; нѣкоторые изъ бѣжавшихъ снова возвратились въ свои хижины, но были арестованы и заключены въ темницы. Изъ сосѣднихъ селъ и деревень многие тоже присоединились къ христіанскому союзу. Около Гербольтгейма образовались такимъ образомъ цѣлыхъ двѣ линіи крестьянскихъ лагерей: одна тянулась между Зааръ-Гемюндомъ, Гербольтгеймомъ и Эльзасъ-Цаберномъ далѣе, черезъ весь Эльзасъ, до подошвы Альпъ; другая—къ Нейбургскому лагерю, по Рейну и Рейнпфальцу, передъ Гагенаурскимъ лѣсомъ.

Ниже гагенауэрскаго лѣса у Пфафендорфа, на пасхѣ собрались крестьяне и число ихъ съ каждымъ днемъ увеличивалось приходящими изъ сосѣднихъ владѣній. Главной своей квартирой избрали они монастырь Нейбургъ, около лѣса; монастырь былъ разграбленъ, даже гробницы не были пощажены. Лехтенбергскіе владѣтели имѣли тамъ свой фамильный склѣпъ, крестьяне разрыли могилы, разбили памятники и гербовые щиты. Таже участь постигла монастыри св. Вальпурга, Зюрбургъ, Библисгеймъ, Кенигсбрикъ.

Тамъ же находились два прежде образовавшіеся лагеря главной квартиры въ Нейбургѣ, одинъ на лѣво у монастыря Штюрцельбрюнъ въ Васгау, другой близъ вольнаго города Вейсенбурга, на Штейнфельдѣ. Первый называлъ себя кольбенскимъ стриженнымъ отрядомъ,—имя происшедшее кажется, оттого, что крестьяне этого отряда совершенно походили на стриженныхъ монаховъ; другой принялъ имя клибургскаго отряда.

30 апрѣля кольбенскій отрядъ ограбилъ монастырь Штюрцельбрюнъ въ графствѣ Биттъ, разрушилъ потомъ Линденбрунъ и Гревенштейнъ, замки и имѣнія графа Эмиха фонъ-Лейнингена и замокъ Ландекъ, принадлежавшій пфальцграфу Лудвигу. Оттуда двинулись они на Рамбергъ—замокъ Камерерсъ Дальберга, разграбили его и сожгли; таже участь постигла

и Гельмштейнъ, замокъ Альберта фонъ-Бока, лежащій въ горахъ за Нейштадтомъ. Затѣмъ были взяты Анвейлеръ и Бергъ-Цабернъ.

Клибургскій отрядъ выступилъ изъ лагеря у Нейбурга совершенно съ такими же намѣреніями. Въ Нейбургѣ долго жилъ одинъ вейсенбургскій гражданинъ, по прозванію, Бахусъ. Когда ему не удалось получить начальство, онъ вмѣстѣ съ 200 товарищѣй своихъ выступилъ изъ Нейбурга, возбудилъ возстаніе въ окрестностяхъ Вейсенбурга, въ графствѣ Фельденцъ, въ Керсбергскомъ округѣ, присоединилъ къ своему отряду Ридтфельзеръ и село Швенкгофенъ и избралъ своей главной квартирой Штейнфельдъ у Вейсенбурга. Отсюда клирбургцы напали на замокъ св. Ремигія, принадлежавшій Рейгенбургскому старостѣ. Гарнизонъ защищался храбро; но крестьяне вступили въ переговоры съ вейсенбургскими заговорщиками; заговорщики произвели возстаніе въ городѣ, напали на монастырь, разграбили монастырскую ризницу и разорвали податныя книги; нѣкоторые изъ членовъ городского совѣта должны были бѣжать изъ города. Пробстъ и судья Вольфъ Бритенаккеръ подверглись разнымъ поруганіямъ и оскорбленіямъ; граждане также отдали крестьянамъ орудія и порохъ. Такимъ образомъ гарнизонъ вынужденъ былъ оставить замокъ и крестьяне 1 мая разграбили его и сожгли; затѣмъ они заняли безъ всякаго сопротивленія пфальцграфское село Зельцъ на Рейнѣ. Въ монастыряхъ и домахъ духовенства крестьяне задавали себѣ веселые пиры.

Опасались вторженія крестьянъ во Францію. Говорили, что они только ждутъ прибытія набравшихся съ ними отрядовъ. Герцогъ Лотарингскій поспѣшилъ занять горные проходы у Вогезовъ, при с. Діеи, Раонѣ, Зааргемюндѣ и Бламонтѣ. *)

*) Рукониси Вигерсгейма и Раппольштейна. Древняя рукоп. у Шунка, альзаская хроника Герольда и др.